

АҢСНЫ АҢЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА

Д.И. ГӘЛИА ИХЪЗ ЗХУ АҢСУАҢЦААРАТӘ ИНСТИТУТ

АҢСУАҢЦААРА

АИ АУСУМҢАҚӘА

Абызшәә
Афольклор
Алитература

АтыжымҢа 3

Акәә – 2009

ББК 72.4(5Абх)я5+80(5Абх)я5
А17

Аредакциятә хеилак:

З. Ы. Ыапуа (аредактор хада), **А. Е. Ашәба** (аҕакзыпхықәу амазаныкәгаә), **У. Ш. Аәзба**, **Ы. С. Габниа-пха**, **В. К. Занҕариа**, **М. Т. Лашәриа**, **Л. Р. Хаг-пха**, **Б. Гь. Ыәонуа**

Аҕыжьра иаздырхиеит:

А.Е. Ашәба, Ф.З. Кәарчелиа, З.Ы. Ыапуа

А 17 **Аҕсуаҕцаара. АИ АУСУМҘАҚӘА:** Абызшәа. Афольклор. Алитература. – Акәа: Алашара, 2009. – 258 д.

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

АБХАЗОВЕДЕНИЕ

ТРУДЫ АБИГИ

Язык
Фольклор
Литература

Выпуск 3

Сухум – 2009

ББК 72.4(5Абх)я5+80(5Абх)я5
А17

Редакционная коллегия:

З. Д. Джапуа (*главный редактор*), **А. Е. Ашуба** (*ответственный секретарь*), **В. Ш. Авидзба**, **Ц. С. Габниа**, **В. К. Зантариа**, **М. Т. Ласуриа**, **Л. Р. Хагба**, **Б. Г. Джонуа**

Подготовили к изданию:

А.Е. Ашуба, З.Д. Джапуа, Ф.З. Кварчелиа

А 17 **Абхазоведение. ТРУДЫ АБИГИ:** Язык. Фольклор. Литература. – Сухум: Алашара, 2009. – 258 с.

АЦАКЫ Содержание

АБЫЗШӘА ЯЗЫК

АРДЗИНБА В. Г. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков.....	7
ЧИРИКБА В. А. К этимологии гидронимов <i>Бзып</i> и <i>Мдзымта</i>	21
ХЕЦИЯ А. Д. Этнологическое описание лексики охоты на куницу у абхазов.....	39
МАЛЛАЕВА З. М. Этнолингвистический феномен Дагестана.....	56
ЧИРИКБА В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке.....	64
СУЛТЫГОВА М. М. История исследования отраслевой терминологии ингушского языка	126
ХАГБА Л. Р. Культурная семантика концептов «народ» и «родина» в языковом сознании абхазов и абазин.....	134
АРШБА Н. В. Особенности ударения в отрицательных формах глагола абхазского языка.....	140
КВАРАЦХЕЛИЯ Ш. М. Языковое отражение ментальных особенностей ребенка (<i>на примере произведений английской реалистической прозы XIX века</i>).....	152

АФОЛЬКЛОР ФОЛЬКЛОР

АБДУРАХМАНОВ А. М. Типологическая общность формирования и развития сатирического рассказа в фольклоре и литературах Дагестана и Северного Кавказа.....	166
--	-----

КӨАҒӨАНИА В. А.

Асазқәа ирызку аґоурыхтә жәабжь (Алагалажәеи анцамґеи)..... 178

СОКАЕВА Д.В.

К вопросу о соотношении обряда и фольклорного текста (мотив «стрельбы в цель»)..... 187

БАРЦЫЦ-ПҶА Н. С.

Аґхәызба лхәареи уи дымцазырсыз ркынтә лырхынхәреи ирызку аґсуа фольклортә сиужет аилыркааразы..... 191

ЭТНОФОЛЬКЛОР**КУПРАВА А. Э.**

Влияние русского языка на антропонию абхазов (XIX–XX вв.)..... 198

КАНУКОВА З. В.

Глобализация и традиционная культура..... 208

БОТЯКОВ Ю. М.

Персонажи традиционного сельского сообщества: пастух, охотник..... 212

PERSONALIA**ЦЬАПУА З. Ць.**

А.А. Аншба 70 шықәса ихьцра иазкны (Аиубилеитә конференцияґы ақәгыларә)..... 222

А.А. Аншба ихадароу иусумтәқәа рсиа..... 228

АНШБА А. А.

Аепос ажанр аилкаараґы акрызцазкуа 232

ЧАНБА Р. К.

В. З. Дарсалиа 70 шықәса ихьцра иазкны (Аиубилеитә конференцияґы ақәгыларә)..... 241

В. З. Дарсалиа ихадароу иусумтәқәа рсиа..... 245

ДАРСАЛИЯ В. В.

Не только о любви..... 274

В. Г. АРДЗИНБА

НЕКОТОРЫЕ СХОДНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ПРИЗНАКИ ХАТТСКОГО И АБХАЗО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ¹

Хаттский – язык древнейшего населения центральной Малой Азии. Клинописные памятники этого языка, относящиеся к II тыс. до н. э.², были впервые выявлены в богазкейских архивах хеттских царей и исследованы Э. Форрером (Forrer 1919; 1922³)⁴.

В своих работах Э. Форрер выдвинул гипотезу о генетическом родстве хаттского и абхазо-адыгских языков⁵. Идея Форрера основана на предполагаемом сходстве некоторых элементов фонетической системы хаттского и абхазо-адыгских языков, господстве префиксации в формо- и словообразовании этих языков, наличии ряда лексических совпадений⁶.

В свете идеи Форрера представляет интерес установленный И.М. Дунаевской факт типологического сходства структуры хаттского глагола и глагола одного из абхазо-адыгских языков – адыгейского (Дунаевская 1960: 73–77; 1961: 134 и сл.). Это сходство прослеживается, в частности в том, что в хаттском и адыгейском глаголе выделяется цепочка префиксов, которые располагаются в определенной последовательно-

¹ Статью к публикации подготовил Чирикба В.А.

² Большинство хаттских текстов составлено в новохеттский период. Некоторые же тексты, на основании дуктуса, датируются периодом Древнего Царства (Güterbock 1964: 109).

³ Далее – F. luS.

⁴ Ср. также Hrozný (1920: 25–48).

⁵ Идея о тесных связях хаттского и абхазо-адыгских языков, независимо от Форрера, была высказана и Р. Блейхштейнером в Bleichsteiner (1923) (эта работа нам неизвестна); его же: Bleichsteiner (1936: 400).

⁶ Гипотеза Форрера положительно оценивается некоторыми востоковедами и кавказоведами: Г.А. Меликишвили (1959: 77, 120, 168 и сл.); И.М. Дьяконов (1967: 172 и сл.); Г.А. Климов (1965: 80 и сл.); Т.В. Гамкрелидзе, Г.Г. Гиоргадзе, Э.А. Менабде (1961: 147); Ш.Д. Инал-ипа (1973: 1–13).

сти¹. При отсутствии одной или нескольких групп префиксов наличные префиксальные элементы смыкаются, а порядок остается таким же, как и в максимально возможной цепочке префиксов (ср. Яковлев, Ашхамаф 1941: 352 и сл.).

Точка зрения И.М. Дунаевской о сходстве структуры глагола хаттского и адыгейского языков поддержана также в работе И. М. Дьяконова (1967: 172)². Однако, отмечая упомянутое выше сходство, исследователи не сопоставляют хаттский с другими абхазо-адыгскими языками, в частности с абхазским и абазинским, исходя из того, что «между глагольной системой абхазского языка, с одной стороны, и адыгейского и кабардинского – с другой, нет полного структурного параллелизма» (см. Дунаевская 1960: 75; Дьяконов 1967: 173).

Между тем и для абхазского и абазинского языков также характерно фиксированное расположение префиксов глагола. Порядок размещения этих префиксов совпадает с дистрибуцией префиксальных элементов в адыгских и убыхском языках (см. Kuipers 1955: 202). Дистрибуция (расположение) префиксов в абхазском и абазинском, как и в адыгских, может меняться в зависимости от формы залога. Так, согласно Яковлеву и Ашхамафу (1941: 355), в продуктивном (переходном) залоге в адыгейском глаголе устанавливается следующий максимально возможный порядок расположения префиксов (от начала к корню глагола): 1 (объект) – 2 (место или отношение) – 3 (орудное дополнение) – 4 (дательное или местное дополнение) – 6 (субъект) – 7 (отрицание) – 9 (корень). Дистрибуция этих префиксов отражена в адыгейской глагольной форме *у-сэ-лъэзгъу* ‘тебя-я-вижу’. Такой же порядок характерен и для сходной глагольной формы абхазского языка *у-з-бе(ит)* ‘тебя-я-увидел’ и с префиксом отрицания *у-зы-м-бе(ит)* ‘тебя-я-не-увидел’.

Глагольная форма продуктивно-побудительного (переходно-побудительного) залога отличается от формы продуктивного (переходного) залога наличием в ней префиксов 5 (косвенного объекта) и 8 (каузатива), представленных в адыгейск. *с-е-у-мы-гъэ-лъэзгъу* и абх.

¹ Существуют различные точки зрения относительно числа префиксальных позиций в абхазо-адыгских и хаттском языках (8, 7 позиций в адыгских, ср. соответственно: Н.Ф. Яковлев, Д.А. Ашхамаф (1941: 355; М.А. Кумахов (1964: 155; 1967: 155 и сл.); ср. ниже и работу Куйперса, в которой устанавливается семь префиксальных позиций в абхазо-адыгских языках; 7, 10 позиций в хаттском, ср. соответственно: И. М. Дунаевская (1961: 110 и сл.; 1973: 22); A. Kammenhuber (1969: 532).

² В работе И.М. Дьяконова приведены также некоторые, по-видимому, материально сходные, признаки хаттского и абхазо-адыгского языков, не отмечавшиеся другими исследователями.

с-и-у-мы-р-ба(н) 'меня-ему-ты-не-показывай (давай видеть)'. Следовательно, такие особенности структуры глагола, как иерархический порядок размещения префиксальных элементов, наличие семи позиций префиксов (Kuipers ??1955: 202) и др., являются общим для хаттского, с одной стороны, и для абхазо-адыгских – с другой.

Обнаруживается и функциональное сходство некоторых префиксальных элементов хаттского и абхазо-адыгского глагола, как, например, префикса места хат. *ta-*, абх.-абаз. *та-* и адыг.-каб. *т*¹. В хаттском языке преф. *ta-* стоит на втором месте от корня. Между *ta-* и корнем глагола, видимо, может быть лишь преф. *-/ а-*. В некоторых случаях преф. *-/ а-* предшествует *ta*². Префикс *ta-* имеет *h* значение «внутри, внутрь»³. Данное значение установлено, например, в следующих контекстах хаттско-хеттской билингвы KUB II, 2⁴.

- 1) (хат. II, 42) *ta-ba-ar-na ka-a-at-ti ta-ni-wa_a-aš/* (хет. II, 44) *nu-za la-ba-ar-na-aš LUGAL-uš [an-da e-eš-zi]* 'И Лабана-царь внутри сидит';
- 2) (хат. III, 52-53) ^d*Šu-li-in-kat-ti-ka-at-tia-ta-ni-wa_a-aš ú-un- u-pi/* (хет. III, 56) ^d*Šu-li-in-kat-ti-iš-ša-an LUGUAL-uš an-dae-eš-zi* 'Царь-бог Сулинкати внутри сидит';
- 3) (хат. III, 40-41) *pí-e-wi_i-il iš-pí-e-el ta-aš-te-e-ta-nu-u-wa⁵/* (хет. III, 43-44) *i-da-lu-uš-ši-kán UKÚ-aš É-ri an-da li-e ú-iz-zi* 'Неблагой человек внутрь дома да не войдет!'

В абхазо-абазинских и адыгских языках между преф. *та-(т-)* и корнем глагола могут помещаться показатели каузатива, отрицания и некоторые другие. Префикс *та-* в абхазо-абазинских языках имеет значение «внутри, внутрь». В адыгских преф. *т* обычно значит «(находиться) на

¹ На возможную связь абх.-абаз. *та-* с адыг.-каб. *т* обратил мое внимание А.К. Шагиров. Считаю своим приятным долгом выразить ему признательность за ценные советы и консультации.

² Причины метатезы *-/ а-* (ср. *tu- -ta-šul, tu-t- a-ššul*) не ясны (ср. D u n a j e v s k a j 1973: 21). По мнению И.М. Дунаевской (1961: 108 и сл.), префикс *ta-* располагается на третьем месте от корня, а по Камменхубер (Kammenhuber 1969 : 532) – на пятом месте.

³ Ср., например, F. IuS 237.

⁴ Транслитерация контекстов билингвы KUB II, 2 дана по изданию: J. Friedrich (1960). Подробную литературу к билингве KUB II, 2 см. Kammenhuber (1969).

⁵ О том, что хат. *pē-wil* не относится к предшествующей фразе, свидетельствуют данные других контекстов билингвы KUB II, 2, согласно которым хаттские глагольные формы, переведенные на хеттский повелительным наклонением, всегда стоят в конце предложения (ср. ниже), а также то, что в хеттской версии термин «дом» содержится не в первой фразе (стк. 42), а во второй (стк. 43–44).

чем-либо» (см. Яковлев, Ашхамаф 1941: 280). Но в моздокском диалекте кабардинского языка, видимо, сохраняется и первоначальное значение адыгского преф. *т-* «внутри, внутрь»¹.

В абхазо-абазинских языках преф. *та-* при изменении гласного получает значение: *Оы-* «изнутри». Чередование гласных *а/ы* или *а/ø* имеет место в таких глагольных основах, как *а-та-ца-ра* «класть внутрь» – *а-ты-ц-ра* «выходить изнутри», *а-ца-ца-ра* «класть под» – *а-ц-ц-ра* «выходить из-под» (Генко 1955: 171-172; Шакрыл 1961: 32; ср. также Deeters 1963: 29; Грамматика абхазского языка 1968: 157 и сл.; Клычев 1972: 5 и сл.). В этих основах гласный (*а*) встречается при направлении движения «туда», а при изменении направления – «сюда» гласный (*а*) либо опускается, либо переходит в гласный (*ы*) (Ломтатидзе 1953: 126 и сл.).

Глаголы, образованные от одной и той же основы с помощью чередования ее кратких гласных, выявлены и в адыгских языках². В этих языках формы на (*э*) указывают на движение внутрь, а на (*ы*) – движение наружу (Яковлев, Ашхамаф 1941: 40 и сл.; Яковлев 1948: 81 и сл.). Эти чередования гласных рассматриваются исследователями как архаическая черта абхазо-адыгских языков (см. Kuipers 1955: 199; ср. Бокарев, Климов 1967: 9).

Типологически сходные чередования, вероятно, использовались и в хаттском языке. На это, по-видимому, указывают следующие данные билингвы KUB II, 2: 1) (хат. III, 14) *a-an-ta- a-an*³ (хет. III, 17) *ma-za-kán* (глагол не сохранился, он находился на отбитой части таблички); 2) (хат. III, 46) *pala a-an-da- a/* (хет. III, 49) *na-at-kán an-da da-a-iš* «И эти (вещи) он внутрь положил»; 4) (хат. III, 19) *a-an-tu-u /* (хет. III, 21) *dāš-ma-za*; 5) хат. III, 45) *a-an-tu-u /* (хет. III, 48) *dāš-ma-za* «Взял же он себе (следующее)»; 6) (хат. III, 46) *ak-ka-tu-u /* (хет. III, 49) *(na-at) šarā dāš* («И эти вещи) он вверх взял».

В этих глагольных формах выделяют два корня: 1. *ta a* (*a-an-t/da a*, в котором *ā-* считается префиксом возвратности, соответствующим хеттской частице *-za* «себе» (Дунаевская 1961: 133), а (*а*)*n-*, возможно, показатель, субъекта, стоящего в единственном числе (Kammenhuber 1962: 21; 1969: 505, 512 и сл.), и *a-an-ta a-n*, где *-n* какой-то морфологический

¹ Об употреблении преф. *т-* в моздокском диалекте см. Кумахов (1964: 171).

² Ср., например, Deeters (1963: 29).

³ Восстановление в хат. III, 14 *ānta_an* (*a ne āntu_an*) основано на том, что в хеттской версии содержится частица *-kán* (ср. об этом ниже). Об отсутствии соответствия хат. *ānta_an* в хеттской версии см. Дунаевская (1961: 79 и сл.). Иначе: E. Laroche (1947: 89-90), Kammenhuber (1969: 480).

показательский показатель, значение которого пока не установлено); 2. *tu* (*a-an-tu*, (*a*)*kka-tu*, в последнем (*a*)*kka-* соответствует хет. *šarā* «вверх»)¹.

Как полагает И.М. Дунаевская (1961: 82), *ta* и *tu* – два разных глагольных корня. По мнению французского исследователя Э. Лароша, вопрос о том, имеются ли здесь два различных корня или же это «две чередующиеся формы одного и того же корня, обусловленные каким-либо морфологическим изменением», остается нерешенным (Laroche 1947: 94-95).

На основании единственного соответствия для хат. *ta a*, сохранившегося в хеттской версии билингвы в стк. 49 «и эти (вещи) он внутрь положил», можно предположить, что хат. *ta a* не является корнем глагола *a-an-t/da-* *a*, *a-an-ta-* *a-an*, а состоит из местного преф. *ta* «внутри» и корня (+)*a*.

Другая же основа – *tu*, которая переведена на хеттский в билингве глаголом *dā-* «братъ» (*dāš* 3 л., ед. ч., прош. вр.), видимо, образована от того же корня, что и *ta a* (*tu-*), посредством чередования гласных в основе: *a/u*, *a/Ø* (*t-a/t-u*, *-a/ -Ø*; *ta a/tu*)². Эти чередования гласных в основе можно было бы рассматривать как способ передачи направления действия: «туда» (*ta a*), «оттуда» (*tu*). Однако в других известных хаттских текстах аналогичные чередования гласных не обнаружены.

Данное предположение, видимо, можно подтвердить лишь тем, что хаттские глаголы, содержащие корни с исходом на гласный *-a*, переводятся на хеттский в двуязычных текстах с помощью вводящей предложение частицы *-kan*, содержащей указание на место (или на характер действия)³. Формы же, не содержащие в исходе корневой морфемы гласного *-a*, переводятся либо вовсе без *-kan*, либо передаются посредством частиц, синтаксически не равнозначных *-kan*. На эту особенность

¹ И.М. Дунаевская (1961: 81, прим. 59), установившая соответствие между хат. *akkatu* и хет. *šarā dāš*, выделяет в *akkatu* префикс в форме *ka-*, соответствующий хет. *šarā*. Ср. этот префикс как (*a*)*kka-*: Kammenhuber (1969: 524, 529).

² Отличие перевода хат. *ta_a/tu* в хеттской версии билингвы не является веским доказательством того, что *ta_a/tu* образованы от разных корней. При изменении направления действия может видоизменяться и смысловое значение основы, ср. абх. *a-ṭa-ṭa-ṭa* «класть внутрь» и *a-ṭy-ṭy-ṭy* «выходить изнутри».

³ Согласно принятой точке зрения, хеттские частицы, в частности *-kan*, *-(a)šta*, передают местные отношения (Götze 1933: 16-30; O. Carruba 1964: 405-436; 1969; H.G. Güterbock 1964: 107-108; H. Otten und V. Souček 1969: 80-86). По мнению Джозефсона (Josephson 1972), частицы *-kan*, *-(a)šta* и др. выражают характер действия (здесь же на с. 1-29 подробная литература о частицах).

хаттско-хеттских билингв обратил внимание еще Э. Форрер¹. Однако наблюдение этого автора было оставлено без внимания исследователями хаттского языка.

Частица *-kan* использована, например, при переводе упомянутых выше глаголов *ānt/da a*, *ānta an*, в то время как хат. *āntu* и *akkatu* переведены без *-kan*. Кроме того, *-kan* встречается в переводах следующих хаттских глагольных форм в билингве KUB II, 2:

1) (хат. II, 51) *ta-aš-te[-e -k]a-zi-ya/* (хет. II, 54) *(-ma-ši)-kán (NA₄) anda lē kittari* «(Неблагодать же камень) внутри да не лежит!»; 2) (хат. II, 53) *ta-aš-te-e -ka-az-zi-i-ya/* (хет. II, 55-56) *-kán... anda lē* «Внутри да не (лежат)!»; 3) (хат. III, 40) *ta-aš-te-nu-ú-wa/* (хет. III, 42) *-kán... [an?-da?]i-e-ú-iz-zi* «Внутрь? (же) он да не придет!»; 4) (хат. III, 41) *ta-aš-te-e-ta-nu-u-wa/* (хет. III, 43-44) *-kán... anda lē uizzi* «Внутрь (же) он да не придет!»; 5) (хат. III, 52) *ta-aš-tu-u-ta-šu-u-la/* (хет. III, 55) *-kán an-da li-e tar-na-a-i* «(Зло) внутрь да не впустит!»; 6) (хат. III, 51) *te-e-ta-a -šu-ú-ul/* (хет. III, 54) *-ašta... an-datar-ni-eš-ki-id-du* «Затем (добро) внутрь да впускает!»

Типологическое сходство хаттского и абхазо-адыгских языков обнаруживается и в принципах употребления редупликации. Последняя хорошо представлена в хаттском имени. Здесь встречаются редупликация (удвоение) целой основы, как, например, *pirpir*, *pilpil*, *(še-)munamuna* «камень фундамента», *(le-)šeršer* «обувь», а также редупликация основы с изменением ее начального согласного: *(mu-)wakku-pakku* «молоток», *tuli-puli(-pu)*, *zilu-walu(-wa)* и др. (Kammenhuber 1969: 498 и сл.).

Употребление редупликации в глаголе хаттского языка считается неясным (Kammenhuber 1969: 496, 498). Между тем еще Форрер предположил, что в хаттском имеются глаголы с редуплицированным корнем и что редупликация означает в хаттском усиление значения корня. Он также считал, что хаттские редуплицированные глаголы переводятся на хеттский посредством итеративных глаголов на *-šk-* (F. IuS 238). Однако единственный пример, который привел Форрер для обоснования своего предположения, оказался сомнительным².

Тем не менее, соображения Форрера, по-видимому, подтверждаются на материале других контекстов хаттско-хеттских билингв. Так, в

¹ См. F. IuS 238. Вывод Форрера основан на чередовании хаттских глагольных форм с корнем *šula/šul* (ср. ниже).

² Эти сомнения связаны с тем, что в билингве KUB II, 2 хет. *tar-nešk-* «впускать» соответствует не хат. *te-e-ta-a -šu⁽⁷⁾-šu-ul*, как предположил Форрер, а лишь *te-e-ta-a -šu-ul*. Маловероятно, но можно допустить, что правильно восстановление Форрера, а в тексте источника описка. Ср. KUB XVII, 28. II, 5 *tu-ut_a-aš-šu-ul* (*tu-t_a-ššul*) (Kammenhuber 1969: 445).

хеттской версии билингвы KUB XXVIII, 6 (см. F. IuS 239-241; Дунаевская 1961: 70-72; Kammenhuber 1969: 501, 509, 519 и др.), повествующей о яблоне, стоящей в источнике, встречаются следующие итеративные глаголы: 7б [ak]-ki-iš-ki-iz-zi (< akkišk- «умирать»/«погибать», 3 л., ед. ч., наст. вр.), 11б iš- ar-ú-i-eš-ki-iz-zi (< iš arwešk- «кровоточить» /«сочиться», 3 л., ед. ч., наст. вр.), 9б pí-it-ta-az-zi-ki-i[z]-zi. Последний глагол не встречается в других хеттских текстах, и значение его не известно. Употребление данной глагольной формы в одном и том же контексте с итеративными глаголами, ее грамматическое сходство с этими последними (окончание -zi 3 л., ед. ч., наст. вр.) дает основание предположить, что *pittazzikizzi* также является итеративным глаголом на -šk- (*pittazzikizzi* < **pittat-šk-zi* ?).

Один из отмеченных выше глаголов на -šk- – iš arwešk-, как предположила И. М. Дунаевская, соответствует хат. *kazza* (Дунаевская 1961: 72).¹ Кроме того, в хаттской версии имеется, видимо, еще одна глагольная форма (9а) ú-za-az-za, которая может быть сопоставлена с хет. *pittazzikizzi*.² В ú-za-az-za, возможно, содержатся префиксы u- (или w-), -za и корень (a)zza. Обращает на себя внимание то, что в u-za-(a)zza и ka-zza имеются по две корневые согласные.³ Наличие двух согласных в корне, по-видимому, может быть следствием удвоения корня (повторения корневой согласной), которое передается в хеттской версии посредством итератива.⁴

Можно привести еще одно соответствие⁵ из билингвы KUB II, 2: (хат. III, 26)pa-1aa-ap-da-ap-pi-pi-iz-zi-ewa_a-aš- a-ap/(хет. III, 28)na-aš-taDINGIR.MEŠan-da ú-uš-k[i-e-ir-... В этой фразе хат. pa1a = хет. našta «и затем», хат. wa_a-š ap = хет. DINGIR.MEŠ «боги», а хат. pizze,⁶ по-видимому, не имеет соответствия

¹ Форпер (F. IuS 240) отождествлял iš arweškizzi с limmuša.

² В подтверждение настоящего предположения можно указать на то, что сопоставляемые формы в обеих версиях стоят в конце фразы (ср. ниже о соответствиях структуры предложений оригинала и перевода в билингвах).

³ И.М. Дунаевская (1961: 72) рассматривает *kazza* как kaz(z)-a с корнем kaz-.

⁴ Ср. сходное соотношение функций глаголов на -šk- и редуцированных глаголов в самом хеттском языке (N. van Brock 1964: 119-165; В.В. Иванов 1965: 145 и сл.).

⁵ Хеттский итеративный глагол *uddaneškizzi* (< *uddanešk*- «умолять» («заклинать»)) встречается и в билингве «О божестве луны, упавшем с неба» (KUB XXVIII, 4, лиц. стор. прав. столб. 16б, 23б; ср. A. Kammenhuber (1955: 106, 110). Хаттское соответствие для этого глагола неясно.

⁶ Мнение Хааса (V. Haas 1971: 75) о том, что хат. *pizze* (pi- локат. преф. и -izzi) значит «добро», нам кажется ошибочным. Во-первых, в хеттской версии данной строки билингвы KUB II, 2 нет термина «добро», а во-вторых, установлено, что по-хаттски «добро», «хороший/благой» – *mal_ip* (см., например, F. IuS 231).

в хеттской версии. Глагольная форма *a-ap-da-ar-ri* может быть сопоставлена с хет. *anda ušker* «они (боги) внутрь поглядывали».¹ Префикс *da-* в хаттском предикате может быть сходным с хет. *anda* «внутри», а глагольный корень *(a)rri*, видимо, соответствует хет. *ušk-* «поглядывать».

Однако в хаттском глаголе содержится префикс *(a)n-*, который считается показателем единственного числа субъекта.² В приведенном же контексте субъект (*wa_a-š ar*) стоит во множественном числе. Вероятно, это «несоответствие» может объясняться тем, что редулицированный глагол может приобретать значение множественности и поэтому он сочетается с субъектом, стоящим во множественном числе.³ Это предположение, видимо, подтверждается тем, что приведенный выше из билингвы KUB XXVIII, 6 глагол *ka-zza*, не содержащий показателей субъекта или объекта, соотносится с прямым объектом во множественном числе *li-miša* (где *li-* притяжательный префикс множественного числа).⁴

Редулицированные основы широко представлены и в именных, и в глагольных формах абхазо-адыгских языков.⁵ Так, в свете данных хаттского языка представляют интерес формы, образованные путем удвоения целой основы, типа абх. *a-kaṭkaṭ* «род обуви» (возможно, основа звукоподражательного происхождения), или посредством редуликации слова с изменением его начального согласного, как, например, абх. *a-xəašy-mašy* «крошки»,⁶ каб. *ныкъуэ-дыкъуэ* «калека» (Кумахов 1964: 119).

В глаголе повторение корневой согласной или корня слова может быть связано со значением многократности, длительности, интенсивности действия.⁷ Так, в абхазском языке: *a-sa-ra* «резать» – *a-sa-ra* «разрезать», *a-x-ra* «колоть» – *a-x-x-ra* «раскалывать», *a-xəa-ra* «гово-

¹ Согласно Хаасу (Haas 1971: 75), хат. *andappu* соответствует хет. *ušk-*. См. здесь же данные одноязычного (хаттского) текста KUB XXVIII, 31, лиц. стор., 1' – 5', с глаголом *andappu*.

² См. об этом выше.

³ Ср. хет. *lel_uwa(i)-* «наливать в несколько сосудов», *wewak-* «многократно требовать» (о множестве объектов) (Иванов 1965: 146).

⁴ См. о *le-* : F. IuS 231; Laroche (1947: 79); Дунаевская (1961: 72).

⁵ Подробный анализ явления редуликации в глаголе абхазского языка см. Б.В. Шинкуба (1956: 193-212).

⁶ Удвоение основы с изменением ее начального согласного встречается и в глаголах абхазского языка (Шинкуба 1956: 198 и сл., 208 и сл.).

⁷ См. указанную выше работу Б.В. Шинкуба; ср. «Грамматика абхазского языка», с. 160, 162. Ср. о выражении интенсивности-итеративности посредством редуликации в других языках: Е.Д. Поливанов (1968: 143-145; см. здесь же на с. 334 комментарий Вяч. Вс. Иванова).

ритель» – а-ҳәҳәа-ра «кричать». Редпликация может использоваться и для выражения множественности. В этом случае редулицированная основа может сочетаться с субъектом (или объектом), стоящим во множественном числе, а простая основа – с субъектом (или объектом) в единственном числе.¹

Хотя структура хаттских простых предложений пока еще специально не исследована (Kammenhuber 1969: 475) и предполагается, что в хаттском мог существовать свободный порядок расположения членов предложения (Kammenhuber 1969: 543), тем не менее, на основании данных известных хаттско-хеттских билингв можно предположить существование двух структурных типов простого предложения в хаттском языке.

Первый тип представляют предложения, в которых на первом месте располагается субъект (или объект), на последнем – предикат. Такой порядок встречается как в следующем предложении билингвы KUB II, 2: ₄₂ta-ba-ar-na ka-a-at-ti ta-ni-wa_a-aš «Табарна царь внутри сидит»,² так и во всех хаттоязычных предложениях этой билингвы, глаголы которых переведены на хеттский повелительным наклонением, как, например: ₄₀a-ša-a ta-aš-te-nu-ú-wa pí-e-wi_i-il ₄₁iš-pí-e-el ta-aš-te-e-ta-nu-u-wa «Зло да не придет! Внутрь дома неблагодатно человек да не придет!».³ При наличии в предложении прямого объекта последний ставится между подлежащим и сказуемым: ₄₀wa_a-aš- a-ar-ma eš-wu_u-ur aš-ka-a - i-ir... «Боги страны разделили».⁴

Если же в предложении помимо прямого имеется еще и косвенный объект, то он может предшествовать прямому объекту: _{3a}Eš-ta-a-an^{uru}La-a -za-an li-e-we_e-e-el _{4a}a-an-te-e «(Бог) Эстан в городе Лахцан свои дома построил».⁵

Во второй тип входят все предложения, не относящиеся к первому типу. В предложениях этого типа глагол стоит в начале или в середине предложения, а вслед за глаголом идет прямой и косвенный объекты:⁶

¹ «Грамматика абхазского языка», с. 162. Ср. о том, что прием повторения основы может иметь значение множественности: Шинкуба (1956: 195, 211).

² KUB II, 2, II. Переводы приводимых строк билингвы KUB II, 2 даются по исследованиям: F. IuS; Laroche (1947); Дунаевская (1961); Kammenhuber (1969; здесь же см. подробную литературу вопроса). Ср. также Kammenhuber (1969).

³ KUB II, 2, III. К данному типу конструкции предложения ср. KUB II, 2, II, 51, 52-53, 57-60; III, 2-6, 10, 11, 36, 51, 51-52.

⁴ KUB II, 2, II. Ср. также a-aš-ka[-a_-i-ir в недавно изданном дубликате хаттской версии билингвы KUB II, 2 – KBo XIX, 162, лиц. стор., 4.

⁵ Настоящую строку из строительного ритуала см. J. Friedrich (1952-1953: 146); A. Kammenhuber (1962: 3-5 и сл.; 1969: 471-472 и др.).

⁶ KUB II, 2, III.

²³[a-am-m]i-išli-e-ú-it-ta-nupa-lali-e-iz-zi-pí-na₂₄palaa-an-ne-eška-a- a-an-wa_a-šú-id-du-un «Взял он свои сыры? и творога? и затем положил (их) на трон».

Употребление в хаттских версиях билингв предложений второго типа отражается и в структуре соответствующих хеттских предложений. Последние, в ряде случаев, выглядят как своего рода «подстрочные переводы», передающие не только содержание оригинала, но и сохраняющие последовательность расположения членов хаттского предложения. Так, например, в хеттоязычных предложениях билингвы KUB II, 2 глагол встречается не только на своем обычном месте в конце фразы,¹ но и в ее начале² и середине.³ Прямой и косвенный объекты могут стоять в конце предложения.⁴

В абхазо-адыгских языках, так же как и в хаттском, при обычном порядке слов в простом предложении на первом месте стоит субъект, на последнем – предикат. Между ними располагаются косвенное, прямое дополнения, обстоятельство, орудное дополнение. Могут меняться местами косвенное и прямое дополнения и реже субъект и прямое и косвенное дополнения. Это изменение порядка последовательности не связано с выделением какого-либо из членов предложения.⁵

Выделение слова, на которое говорящий обращает особое внимание, осуществляется, например, в адыгских языках, с помощью постановки этого слова в конец фразы. Этот способ инверсии может также сочетаться с повышением тона голоса на выделяемом члене предложения.⁶

В связи с предполагаемым сходством структуры простого предложения хаттского и абхазо-адыгских языков представляются интересными совпадения правил сочетаемости имени и прилагательного (которые морфологически не дифференцированы в хаттском⁷ и строго не различаются в абхазо-адыгских языках).⁸ Так, относительные прилагательные

¹ Относительно нормального индоевропейского порядка слов (в простом предложении повествовательного стиля) с глаголом в конце предложения см. Иванов (1965: 194); W. Dressler (1969: 21; 1971: 18).

² Ср. KUB II, 2, II, 43; III, 21, 25, 48.

³ Там же, II, 49; III, 22, 25, 49-50.

⁴ KUB II, 2, II, 49, 50; III, 21, 22, 25, 48, 49-50. Согласно В.В. Иванову (1965: 258), нехеттский характер конструкций некоторых предложений в билингве KUB II, 2 выражается в размещении за глаголом и комплексом энклитик имен, связанных с глаголом; см. Dressler (1969: 7).

⁵ См. Яковлев, Ашхамаф (1941: 90-91); А.К. Шагиров 1967: 178-179); ср. М.М. Циголия (1973: 352 и сл., 356, 360, 362).

⁶ Яковлев, Ашхамаф (1941: 91).

⁷ См. Kammenhuber (1969: 451 и сл., 469).

⁸ Кумахов (1964: 136; 1967: 151). Ср. К.В. Ломтатидзе (1967: 110).

часто в хаттском и почти всегда в абхазо-адыгских языках стоят перед определяемым именем существительным: хат. *apalki(y)an kurkupal* «железныеколышки», *apalki(y)ankatpurišet* «железныйкатпуписет», *apalki(y)an tetekuzzan* «железный очаг(-алтарь)»¹; абх. *абюа-тъ юны* «медный дом», адыгейск. *пхъэун* «деревянный дом». Качественные же прилагательные ставятся после определяемого имени существительного: хат. *pīraša* «камень неблагой»², абх. *а-ецыс*, каб. *шышлэ* «жеребенок» (букв. «лошадь молодая»).³

Сходство структуры простого предложения и правил сочетаемости имени и прилагательного в хаттском и абхазо-адыгских языках существенно тем, что порядок слов в этих языках является одним из главных средств выражения синтаксической связи членов синтагмы.⁴

Приведенные выше сопоставления структуры хаттского и абхазо-адыгских языков, несомненно, нуждаются в дальнейшей проверке и изучении. Тем не менее, некоторые из них, видимо, свидетельствуют в пользу предполагаемого родства хаттского и абхазо-адыгских языков.⁵

¹ См. эти данные хаттско-хеттской билингвы: E. Laroche (1957: 10); И.М. Дунаевская (1964: 103); Kammenhuber 1969: 478 и сл.). По мнению А. Камменхубер (Kammenhuber 1969: 453, 486, 544), синтаксически связанные слова в хаттском языке располагаются в последовательности: детерминирующий – детерминируемый.

² KUB II, 2, II, 51. Чтение *aša* (вместо *iša*) приводится по одноязычному дубликату билингвы KBo XIX, 162, лиц. стор., 11. В *aša* (*iša*) иногда выделяют *a-*, *i-* в качестве флексии (см F. IuS, с. 231; Laroche 1947: 86). Против: Kammenhuber (1969: 458 и сл.).

³ О принципах словосочетаний в абхазо-адыгских языках см. указанные выше (прим. 68) работы Кумахова, Ломтатидзе. Ср. также Шагиров (1967: 169); Л.П. Чкадуа (1970: 77-96); Циколия (1973: 351 и сл., 356 и др.). В хаттских текстах встречаются и примеры с последовательностью: качественное прилагательное – имя, как, например, *wā-ša_alīr* «неблагое слово» (KUB XXVIII, 82, лиц. стор., 15; KUB XXVIII, 24, лиц. стор., лев. столб. 4-6 и др.), *wā-ša_zī_ar* «неблагое дерево» (KBo XIX, 162, лиц. стор., 15).

⁴ Последовательность существительное – прилагательное связывают со структурой предложения типа субъект – глагол, с преобладанием в языке послелогов, и объясняют как универсалию, см. Д. Гринберг (1970: 119 и сл., 146). Следует отметить, что синтаксические сходства хаттского и абхазо-адыгских языков являются чисто типологическими.

⁵ Настоящая статья является вариантом доклада, прочитанного на Международной конференции в Будапеште, см. в тезисах: Ardzinba (1974: 10-15).

Литература

- Бокарев Е.А., Климов Г.А. 1967. Иберийско-кавказские языки. *Языки народов СССР IV*. М.
- Гамкрелидзе Т.В., Гиоргадзе Г.Г., Менабде Э.А. 1961 [рец. на:] A. Goetze, *leinasen*, München, 1957. ВДИ 3.
- Генко А.Н. 1955. *Абазинский язык*. М.
- Грамматика абхазского языка*. 1968. Сухуми.
- Гринберг Д. 1970. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. *Новое в лингвистике V*. М.
- Дунаевская И.М. 1960. О структурном сходстве хаттского языка с языками северо-западного Кавказа. *Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И.А. Орбели*. М.-Л..
- Дунаевская И.М. 1961. Принципы структуры хаттского (протохеттского) глагола. *Переднеазиатский сборник*. М.
- Дунаевская И.М. 1964. Протохеттский именной суффикс косвенного дополнения. ВДИ 1.
- Дьяконов И.М. 1967. *Языки древней Передней Азии*. М.
- Иванов В.В. 1965. *Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы*. М.
- Инал-ипа Ш.Д. 1973. К вопросу о древних этно-культурных связях Западного Кавказа и Малой Азии. *IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973). Доклады советской делегации*. М.
- Климов Г.А. 1965. *Кавказские языки*. М.
- Клычев Р.Н. 1972. *Глагольные суффиксы направления в абазинском и абхазском языках*. Черкесск.
- Кумахов М.А. 1964. *Морфология адыгских языков*. Налчик.
- Кумахов М.А. 1967. Адыгейский язык. *Языки народов СССР IV*. М.
- Ломтатидзе К.В. 1953. К структуре сложносоставных глагольных основ в абхазском языке. *Иберийско-кавказское языкознание IV*. М.
- Ломтатидзе К.В. 1967. Абхазский язык. *Языки народов СССР IV*. М.
- Меликишвили Г.А. 1959. *К истории древней Грузии*. Тбилиси.
- Поливанов Е.Д. 1968. *Статьи по общему языкознанию*. М.
- Циколия М.М. 1973. *Порядок слов в абхазском языке*. Тбилиси.
- Чкадуа Л.П. 1970. Связь слов в предложении. *Сборник материалов по абхазскому языку*. Тбилиси.
- Шагиров А.К. 1967. Кабардинский язык. *Языки народов СССР IV*. М.

- Шакрыл К.С. 1961.** *Аффиксация в абхазском языке.* Сухуми.
- Шинкуба Б. В. 1956.** Удвоение в абхазском языке. *Тр. АИЯЛИ XVII.*
- Яковлев Н.Ф. 1948.** *Краткая грамматика кабардино-черкесского литературного языка.* М.-Л.
- Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. 1941.** *Грамматика адыгейского литературного языка.* М.-Л.
- Ardzinba, V.G. 1974.** Some Notes on the Typological Affinity Between Hattian and North-West Caucasian (Abkhazo-Adygian) Languages. *Internationale Tagung der Keilschriftforscher der sozialistischen Länder.* Budapest.
- Bleichsteiner R. 1923.** Zum Protohattischen. *Berichte des Forschungsinstitutes für Osten und Orient III.*
- Bleichsteiner R. 1936** [реп. на:] J. von Mészáros, Die Pākhy-Sprache (The Oriental Institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilization, № 9, Chicago, 1934). *Ar. Or. VIII/3.*
- Carruba O. 1964.** Hethitisch -(a)šta, -(a)pa und die anderen «Ortsbezugspartikeln». *Orientalia N.S. 34.*
- Carruba O. 1969.** *Die Satzeinleitende Partikeln in den indogermanischen Sprachen Anatoliens.* Roma.
- Deeters G. 1963.** Die kaukasischen Sprachen. *Handbuch der Orientalistik.* 1. Abt., 7. Bd.
- Dressler W. 1969.** Eine textsyntaktische Regel der idg. Wortstellung. *ZVS 83/1.*
- Dressler W. 1971.** Über die Rekonstruktion der indogermanischen Syntax. *ZVS 85/1.*
- Dunajevskaja I. 1973.** Zum Hattischen. *OLZ, Jg. 68, 1/2.*
- Forrer E. 1919.** Die acht Sprachen der Boghazköi-Inschriften. *SPAW 53.*
- Forrer E. 1922.** Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches. *ZDMG, N. F. I, 2.*
- Friedrich J. 1952-1953.** Zu einigen altkleinasiatischen Gottheiten. *Jahrbuch für kleinasiatische Forschung II.*
- Friedrich J. 1960.** *Hethitisches Keilschrift – Lesebuch II.* Heidelberg.
- Götze A. 1933.** Über die Partikeln -za, -kan und -šan der hethitischen Satzverbindung. *Ar.Or 5/1.*
- Güterbock H.G. 1964.** A view of Hittite Literature. *JAOS 84/2.*
- Güterbock H.G. 1964.** Lexicographical Notes II. *RHA XXII/74.*
- Haas V. 1971.** Der Kult von Nerik. *Studia Pohl 4.* Roma.
- Hrozny B. 1920.** Über die Völker und Sprachen des alten Chatti-Landes. *BoSt 5.*

- Josephson F. 1972.** *The function of the sentence particles in Old and Midde Hittite.* Uppsala.
- Kammenhuber A. 1955.** Die protohattisch-hethitische Bilinguis vom Mond, der vom Himmel gefallen ist. *ZA, N. F.* 17 (51).
- Kammenhuber A. 1962.** Hattische Studien, I. *RHA XX/70.*
- Kammenhuber A. 1969.** Das Hattische. *Altkleinasiatische Sprachen (Handbuch der Orientalistik)* 1. Abt., 2 Bd, 1-2. Absch., Lfg. 2. Leiden – Köln.
- Kammenhuber A. 1969a.** Hattisch. *Altkleinasiatische Indices zum Handbuch der Orientalistik. MSS, Beiheft 4.* München.
- Kuipers A.H. ??1955.** The North-West Caucasian Languages. *Analecta slavica.* Amsterdam.
- Laroche E. 1947.** Études “protohittites”. *RA* 41/1-4.
- Laroche E. 1957.** Études de vocabulaire VI. *RHA XV/60.*
- Otten H. und Souček V. 1969.** Ein althethitisches Ritual für das Königspaar. *Studien zu den Boğazköy-Texten» 8.* Wiesbaden.
- Van Brock N. 1964.** Les thèmes verbaux à redoublement du hittite et le verbe indo-européen. *RHA XXII/75.*

Список сокращений

ВДИ	Вестник Древней Истории.
Ar. Or.	Archiv Orientalny, Prag.
Bo St	Boghazköy-Studien.
JAOS	Journal of the American Oriental Society.
OLZ	Orientalische Literaturzeitung, Leipzig.
RA	Revue d'Assyriologie.
RHA	Révue hittite et asianique. Organe de la Société des études hittite et asianiques, Paris
SPAW	Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaft, philologisch-historische Klasse, Berlin.
ZA	Zeitschrift für Assyriologie.
ZDMG	Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig, Wiesbaden.
ZVS	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.

В. А. ЧИРИКБА

К ЭТИМОЛОГИИ ГИДРОНИМОВ *БЗЫП* И *МДЗЫМТА*¹

1. Бзып

Бзып - название крупнейшей реки западной Абхазии протяженностью 110 км. Истоки ее располагаются на высоте 2300 м, а площадь ее бассейна - 1510 км². Она течет по узкому ущелью, что обуславливает существенные сезонные колебания уровня ее воды – до 10-15 м. Река дала имя западной части Абхазии – Бзыпын, а также проживающей здесь крупной этнографической группе абхазов – бзыпцам (а-бзып-қәа). В русских письменных источниках XIX в. река известна как *Бзыб* (ср. напр. Торнау 1994: 65), или *Бзыбь*; последняя форма и является ее современным русским написанием, хотя правильной была бы орфография более приближающаяся к ее абхазскому первоисточнику – *Бзып*.

Имеется несколько версий происхождения этого гидронима. Одна из них основана на сходстве его с убыхскими названиями рек, содержащими в первой части слово бзы «вода, река», ср. такие типично убыхские гидронимы, как *Бзы-ч* (убых. «река-холодная» – левый приток р. Шахе), Бзыч (название двух правобережных притоков р. Шахе) и др.² Географически Бзып близка к Убыхии, от которой ее отделяет истори-

¹ Я приношу благодарность Мирре Инал-ипа и Роману Дбару за обсуждения и комментарии во время работы над данной статьей.

² Ср. также следующие названия, содержащие гидроформант бзы: *Бзыпе* – хребет в верховьях реки Тепляк на юге Адыгеи; разъясняется К. Меретуковым (1981: 26) как *бзы* из абх. (следовало сказать: бзы из убыхского) «вода», «река», *це/ц* «устье», т.е. «устье реки» (интересна схожесть с названием Бзыпи в Абхазии; относительно *ц* как «устье» см. ниже замечание к этимологии Бзыпи), Бзыихәе – небольшая сухая балка выше станицы Новодмитревской (Меретуков 1981: 26), Бзыха – левый приток р. Белой у поселка Хамышки (Меретуков 1981: 26), Бзе – левый приток р. Мдзымта в районе Красной Поляны, *Бзерпия* – левый приток р. Лауры (в транскрипции Гыцба 2002: 414: Бзырц), Бзогу (Бзы-гә ?) – левый приток р. Шахе, Бзугу (Бзы-гә ?) – речка в г. Сочи, *Бзыш* – приток Шахе (Ворошилов 2005: 80, 81, 82). Река Хобза (между Вордане и Лоо) отличается от этих названий как постпозицией элемента -бз, так и его огласовкой (-а вместо -ы).

ческая западноабхазская провинция Садзын. Убыхское происхождение этого наименования указывало бы на более южную, чем ныне, границу распространения убыхского языка в прошлом, что можно согласовать с данными античных авторов об ареале распространения народа санигов, если, конечно, под последними усматривать, как это делает ряд авторов, предков убыхов (см. Анчабадзе 1956: 266; Ворошилов 2005: 81).

Убыхское *бзы* в основе гидронима Бзып усматривал историк Зураб Анчабадзе (1956: 266). Такого же мнения придерживался и лингвист Хухут Бгажба, разъясняя Бзы-ң как «устье реки» (Бгажба 1964: 255), хотя не вполне ясно, на почве какого языка автор толкует вторую часть слова (-ң). Та же этимология повторяется в туристическом справочнике Н. Бондарева (1981: 172). Проблемой здесь является то, что «устье реки» в убыхском звучало бы как *бзы-фа, с убых. фа «нос» > «перед» > «устье» во второй части (ср. убых. *бзы-хъа-фа* «берег реки»), тогда как в исходе интересующего нас гидронима мы имеем -ң, а не -ф(а). Исходя, по-видимому, из этого факта, Бгажба обращается к встречающемуся в адыгской и абхазской топонимике топоформанту -ң(а), который, наряду с Бзы-ң, усматривается им в целом ряде абхазских и адыгских названий местностей, включая гидронимы. Однако в таком случае придется признать гидроним Бзың гибридным, убыхско-адыгским или убыхско-абхазским образованием, что не вполне обычно.

Схожую этимологию повторяет в своей недавней книге В.И. Ворошилов (2005: 81), согласно одной версии которого гидроним Бзың состоит из убых. бзы + адыг. п (пи) «устье, низовье». По другой же версии автора, этот гидроним представляет собой сложение убых. *бзы* + адыг., убых. бе «большой», т.е. «многоводная» или «большая вода». При этом Ворошилов ссылается на Ш. Ногмова, который называет эту реку «Дзыбе». В убыхском, действительно, имеется прилагательное аблы, означающее «толстый, жирный» (об округлых объектах), но оно содержит начальный корневой а-. Это означает, что если даже аблы допускало бы значения «большая» или «широкая» - в отношении реки, то в убыхском оно звучало бы как *Бз-аблы, что, как видно, не совпадает с Бзың.

Со своей стороны, Ален Кристоль (Christol 1987: 218, сн. 6) во второй части гидронима усматривает убыхское прилагательное бла «серый», разъясняя *Бзы-бла как «Серая река». Однако в таком случае не вполне ясна мотивировка наименования реки, которая своим цветом, насколько можно судить, от соседних рек побережья существенно не отличается.

Хотя убыхская версия происхождения названия реки Бзың является, действительно, довольно заманчивой, все же она наталкивается, как

мне представляется, на некоторые трудности. Во-первых, с точки зрения исторического контекста, а также лингвистических данных, имеются основания увязывать племя санигов (греч. Sanigai) не с предками убыхов, а с предками западноабхазского племени садзов (см. Дьячков-Тарасов 1903: 43, сн. 32; Анчабадзе 1964: 173; Инал-ипа 2005: 16-17),¹ а предков убыхов увязывать с античными *брухами* (именно так Tomaschek 1899: col. 898-899; Dirr 1918: 313-315; Dumézil 1965: 15).² Во-вторых, как предположительно убыхский гидроним, Бзып выглядит в этой части Западного Кавказа все-таки довольно изолированно, так как основной ареал последних – именно центральная часть Убыхии, между реками Хоста и Шахе, т.е. далее к северо-западу. Гидроним Бзана в Восточной Абхазии, в котором Коков (1974: 116) также усматривает убых. бзы «вода», может иметь иное объяснение (см. ниже).

Однако самой существенной проблемой с точки зрения обоснования убыхского происхождения гидронима Бзып остается именно неясная этимология его второй части (-п). Дело в том, что в абхазском языке в окончании этого гидронима (а он нам известен именно из абхазского языка) мы имеем только -п, и никогда -б. Следует также добавить, что абхазский не относится к числу языков, которые оглушают конечные звонкие согласные, ср. хотя бы произношение другого абхазского гидронима, Дәаб, с сохранением звонкого билабиального в ауслаутной позиции.

Имеется и мнение об адыгском происхождении рассматриваемого здесь гидронима. Так, авторы туристического гида по горной Абхазии (см. Арсенин, Бондарев и Сергиевский 1976: 242) разъясняют Бзып из адыгского: «черк.[есское] Псып, Бзып – «устье реки». В исходе так называлась местность в низовье реки». Однако для принятия этой этимологии необходимо допустить немотивированное озвончение комплекса пс- > бз-.

¹ Мнения о сванском (И. Орбели, Д. Гулиа), либо мегрело-лазском (Н. Марр, Н. Джанашиа, М. Инадзе) происхождении санигов несостоятельны (см. критику этих гипотез в Анчабадзе 1964: 169-173). Термин *сани-г* вполне обоснованно увязывается с именем садзской княжеской фамилии *Ц'ан-ба* (см. Инал-ипа 2005: 16), ср. также основанный на этой фамилии ойконим Цандрыпц (Ц'андрыпшь); о суффиксе множ. числа -г (-gla) см. ниже. Реконструируемая древнеабхазская форма этого племенного названия, таким образом, – *ц'аны-gla, т.е. «цаны».

² А. Кристоль выражает сомнение в возможности фонетического отождествления термина *брухо*- и самоназвания убыхов тәах- (см. Christol 1987: 219), хотя я не считаю эти сомнения вполне обоснованными.

Другие авторы усматривают в основе названия Бзыц этноним. Так, Симон Джанашия (1959: 121-123)¹ предположительно увязывал Бзыц с именем племени абасков, считая, что исходной формой данного названия могла быть *а-бас-а-ц(а), ссылаясь на фиксируемый римскими авторами в этой области гидроним *Аваск* (Абаск). Конечный элемент -ц(а) увязывался им с адыгским топоформантом -ца «конец» < «нос», переносно «устье реки». По его мнению, название местности *а-бас-а-ц(а) могло быть позднее перенесено на реку.

Ш. Д. Инал-ипа (1976: 370) также видит в основе названия Западной Абхазии Бзыцын и гидронима Бзыц этнический термин, связанный с племенным названием *абаза*, *абазги*, *абаски*, хотя в другом месте своей монографии (с. 380) он увязывает элемент бз в Бзыц уже с формантом -цс, восходящим, по его мнению, к древнему абхазскому названию воды.

Со своей стороны, Валерий Кварчия (2006: 133-4) разъясняет гидроним Бзыц на основе этнонима ацс-уа «абхаз». Согласно Кварчии, от первоначального *цс-зы «абхазская река» с помощью суффикса -апы «прилегающее к чему-либо» образовался топоним *Цсзыц «территория, лежащая вдоль реки Цсзы». Этот топоним, по мысли автора, впоследствии вытеснил гидроним *Цсзы и сам стал обозначением реки. Форма же Бзыц обязана озвончению из *Цсзыц. Однако в таком случае мы должны были бы ожидать не *Цсзыц, а *Ацс-з-ац > *Абзац > *(А)Бзац, так как, во-первых, обычным результатом сочетания гласных «-ы + а-» является гласный «а», а не «ы» (ср. напр. а-еы «лошадь» + абаа «худой» > а-еабаа «худая лошадь»); во-вторых, гласный а в ацс-уа является корневым, и в принципе должен был быть сохранен и в гидрониме, хотя, справедливости ради, следует сказать, что корневой анлаутный гласный все же является не вполне стабильным и нередко утрачивается (ср. ацсыуа-к ~ цсыуа-к «некий (один) абхаз»).

В целом, из двух «этнонимических» объяснений первое (усматривающее в Бзыц этноним *абазг*) представляется мне фонетически более достоверным.

Следует упомянуть, наконец, и попытку грузинского филолога Павле Ингорюва (1954: 148-149) усматривать в основе гидронима Бзыц грузинское бза «самшит»; вторую часть слова он разъяснял как грузинский суффикс множ. числа -еб- (мегр. -ец-), в целом – «самшиты». Грузинское происхождение данного гидронима служило автору в качестве одного

¹ Впервые опубликовано в «Известиях Груз. филиала АН СССР», т. I, 1940, с. 623-628.

из «аргументов» в пользу неавтохтонности абхазов в Абхазии; см. критику этой несостоятельной и лишенной какого-либо исторического контекста этимологии в З. Анчабадзе (1956: 265-266), Х. Бгажба (1956: 296) и Дж. Хьюитт (Hewitt 1990: 147), хотя ошибочная идея о связи названия Бзып с груз. бза повторяется и у В. Топуриа (1979, т. 3: 246).

Кстати, из грузинских источников XVIII века (напр., у грузинского автора Вахушти Багратиони) известен топоним Зупу (груз. ზუპუ),¹ которым обозначалось село Лыхны, где располагалась резиденция владетельного князя Абхазии Чачба (Шервашидзе), а также гидроним Зупу-с-цқали «река Зупу», или скорее «Зупская река», который идентифицируют с рекой Хыпста (к востоку от Бзыпи); в этих названиях угадывается название той же реки Бзып, а возможно и региона Бзыпской Абхазии (ср. абх. Бзыпы-н). Саму же Бзып эти же источники именуют по-грузински Каппет-и (-и – грузинский суф. номинатива),² наименование, которое пока не получило удовлетворительного объяснения.³

Имеется, на мой взгляд, возможность иной гипотезы происхождения названия этой крупнейшей реки Западной Абхазии. На вероятность такой альтернативной этимологии меня натолкнула характеристика Бзыпи, приведенная известным русским автором первой половины XIX в. Федором Торнау (1994: 61, 66): «Горцы называют Бзыб **бешеною рекой**, потому что по всему берегу Черного моря нет другой реки, которая так неожиданно и так скоро **поднимается**, так часто меняет глубину и направление и в которой гибнет столько людей от неимоверной быстроты течения». И далее, описывая Бзып во время паводка: «Не видав собственными глазами, трудно себе представить силу и быстроту, с какою беспрестанно **возрастающая** масса воды отрывала куски берега, ворочала камни и проносила в море огромные деревья...» (выделено мною – В.Ч.).⁴

¹ См. Амичба (1988: 169).

² См. Амичба (1988: 151, 154, 155).

³ См. предположение В. Кварчия (2006: 134): перенос названия с Мдзымты на Бзып, а Каппет-и от местности Кбааде в верховьях Мдзымты. Само Кбааде, как полагают, является русской передачей абх. Гэбаа-дэы (см. Шакирбай 1978: 9); последнее может означать «поляна (а-дэы) Губовцев (Гэы-б-аа)», хотя имеются и другие толкования этого несомненно абхазского названия (см. Инал-ипа 1971: 288: «поляна рода Гунба»; Шакирбай 1978: 9: гэы «сердце», баа «крепость», дэы «поляна»).

⁴ Словам Торнау вторит и более поздний автор А. Н. Дьячков-Тарасов (1903: 7): «Бешеная Бзыбь», как ее и ныне называют абхазцы...». Ср. также у К. Кудрявцева (1922: 9): «Бзыбь многоводна и бурлива. Некоторые ее течение [так в оригинале – В.Ч.] называются «бешеным»».

Это живописное описание наводит на мысль, что в основе данного гидронима может лежать характеристика неукротимого («бешеного») нрава реки. Поэтому я предполагаю, что во второй части гидронима (-ң) можно усматривать корень глагола а-ңа-ра «прыгать».

Если это предположение верно, то ввиду того, что в убыхском глагол ңа «прыгать» отсутствует, нам следует искать этимологию и первой части гидронима также на почве абхазского языка. По моему мнению, начальное бзы- может представлять собой сохранение древнеабхазской формы *бзы «вода, река», правда, в фонетически несколько упрощенном виде. Последнее в современном абхазском звучит как зы, что соответствует убых. бзы «вода, река»; оба слова восходят к общеабхазо-адыгскому *бзы «вода» (в современном адыгском оно, по всей видимости, не сохранилось). И убыхский, и абхазский со временем упростили труднопроизносимое начальное сочетание *бз-, но по-разному: в убыхском путем преобразования аффрикаты в гоморганный спирант (*бз- > бз-), откуда убых. бзы «вода, река», а в абхазском путем утраты начального билабиального (*бз- > з-), откуда современное абх. зы.

Таким образом, вполне вероятно, что гидроним Бзың сохраняет в своей первой части древнеабхазскую форму слова для «реки, воды» - *бзы.¹ Но так как впоследствии, ввиду фонетического упрощения, оно стало произноситься как зы, первая часть гидронима уже перестала осмысливаться как «вода» и в свою очередь подверглась фонетическому упрощению, однако на этот раз по убыхскому типу: *Бзы-ңа > Бзың (ср. аналогичным образом азлагара «мельница» из азлагара). Крупные гидронимы чрезвычайно устойчивы во времени и консервативны, часто сохраняя утраченные современным языком фонетические формы. И название Бзыпи, сохраняющее древнеабхазскую форму слова для «реки, воды» (*бзы), которое в современном языке изменилось в зы, вполне отвечает этой закономерности.

Приводимая Ногмовым форма *Дзыбе* может быть отражением старой абхазской формы *Бзы-ңа с утратой в адыгской передаче начального билабиального. Падение конечного безударного -а обычно для абхазского, в особенности для бзыпского диалекта, в среде носителей которого с древних пор и протекает данная река, ср. типичные процессы утраты конечного гласного в бзып. а-џаш «вторник» из а-џаша, ахаш «среда» из ахаша, а-кџар «речушка» из акџара, а-кџал «шалаш» из а-кџала и др.

¹ Тач Гыцба (2002: 414, 421) также считает, что в гидронимах типа Бзып, Бзана, Гырбзы и в абхазском, помимо убыхского, бзы использовалось в значении «воды/реки».

Гидроним *Бзы-ца «прыгающая река/вода», отражающий неукротимый характер реки, соответствует современному абх. а-зы-ца, означающему «водопад». Вполне возможно, что река получила свое название и по имеющимся в ее верховьях водопадам. Так, большой водопад имеется в верхнем течении Бзыпи, ниже впадения в нее Южного Псыша. Вот его описание в книге Н. Д. Бондарева (1981: 41-42): «Тропа обходит водопад верхом, поднимаясь на 50-70 м, и позволяет увидеть его во весь рост. К ревущей воде, соблюдая осторожность, можно подойти низом. Зрелище грандиозное, особенно в большую воду. Здесь дно ущелья ломается уступом. До того сравнительно спокойная река вдруг обрушивается в нагромождение скал величиною в пятиэтажный дом. На участке протяженностью около 100 м река падает на 60 м! Попавшие в эту «чертову мельницу» бревна размолачиваются в щепы».

Ср. также описание притока Бзыпи – реки Гега (абх. *Йагъа* «бурная») у С. Анисимова (1930: 50): «Река выбивается здесь прямо из скалы и падает с высоты около 30 м, образуя каскады с массой брызг и водяной пыли. Берега р. Геги встают над тропой скалистыми обрывами, а местами сплошными отвесными стенами грандиозных скал. Внизу этого каменного коридора мчится с ревом и воем вода среди нагроможденных камней и тащит громадные стволы упавших деревьев, дробя их в щепы». А вот описание Геги в монографии под редакцией Б. С. Туниева (2005: 9): «река образует грандиозный каньон с каскадами, который сливается с каньоном Юпшары. Здесь она бешено мчится, перекатывая огромные глыбы, **прыгая** (выделено мной – В.Ч.) по перекатам пенящимися потоками». И о впадающей в Бзып реке Грыбза: «Русло завалено огромными камнями, река то исчезает в них, то вновь появляется, сверкая каскадами водопадов» (с. 60).

Помимо водопадов, по среднему течению реки Бзып много порогов,¹ через которые вода стремительно переливается («перепрыгивает»). Поэтому нельзя исключить и того, что река могла получить свое название по своему порожиному среднему течению.

Какова бы ни была конкретная мотивация наименования гидронима Бзып (по ее водопадам/каскадам водопадов, либо же по порогам в верхнем течении, либо по их совокупности), предлагаемый здесь этимологический анализ гидронима как «прыгающая вода/река» является, как представляется, вполне вероятным.

Кстати, тот же элемент (ца «прыгать») можно усматривать и во второй части гидронима *З-ца-ца* (зы «вода, река» + глагол *а-ца-ца-ра* «прыгать вверх», т.е. «прыгающая вверх вода/река») в Сухумском районе (см. Кварчия 2002: 164).

¹ Сообщение Р. Дбара.

Аналогичного происхождения (с бзы из *бзы) может быть и начальный элемент такого абхазского гидронима, как упомянутый выше Бзана в Восточной Абхазии. Сюда же может относиться и название реки Бзы-роу́ в Гудутском районе (Кварчия 2002: 305; для -роу́ ср. -роа-ш «поток»), а также название впадающей в верхнее течение Бзыпи (выше урочища Псху) реки Грыбз(ы) а́роаш (Кварчия 2002: 167) или Гыр-бзы (Гыцба 2002:), хотя неясен вариант этого гидронима с иной огласовкой ауслаута: *Грыбза*.¹ Ср. сюда же связанные с названием указанной реки Гры́бза//Грыбзы́ – название большой горы, Грыбзы́ арха – название равнины, Грыбзы́ а́таларта – название дороги (Кварчия 2002: 158). Следующие названия являются оронимами, однако последние иногда бывают производными от названий текущих рядом рек: Бзыцә (Бзыцә ?) – скала в Гудаутском р-не (Кварчия 2002: 291), Кы́рбзы (Кы-р-бзы ?; для первой части ср. кыы «дерьмо», -р- - притяжательный префикс 3 л. мн.ч.) – гора в Сухумском районе (Кварчия 2002: 159). Более тщательный этимологический всех этих названий, возможно, позволит отсеять те из них, элемент бзы в которых не связан с рассматриваемым здесь этимом для «воды» или «реки». Однако, как представляется, большинство из них все же увязываются с праабхазским *бзы.

2. Мзы́мта

Не исключено, что схожего происхождения может быть и первая часть названия реки Мдзымта, по-абх. Мзы́мта. Хотя ныне закрепился вариант ее названия со спирантом з (Мзымта), в ранних русских и западных источниках исходная аффриката сохранена, ср. *Мдзимта* у Ф. Торнау (1994: 103 и сл.), *Мидзимта* у Дьячкова-Тарасова (1903: 38), *Медзымта* на русских картах (см. Гыцба 2002: 410), *Мдзимта* у Боденштедта.

По сведениям немецкого автора середины XIX века Фридриха Боденштедта, который посетил Абхазию, включая провинцию Садзын (территорию населенной садзами) еще до поголовного выселения садзов и их соседей ахчипсов и убыхов в Османскую Империю, «Реку, впадающую в море вблизи Аредлера, аборигены называют Мдзим. Название Мдзимта, под которым она нанесена на карты, ошибочно, в древности оно означало «страна, лежащая по берегам Мдзим»» (Боденштедт 2002: 127). Сведения Боденштедта вполне достоверны и они указывают на то, что в та следует усматривать абхазский локальный суффикс

¹ Ср. упоминаемый выше гидроним Хобза.

-та, а основой названия является Мзым, т.е. «место (реки) Мдзым» (ср. аналогично Бзыц «река Бзып» и Бзыц-та «село (у реки) Бзып»).

Исходя из убыхских и рассматриваемых выше абхазских данных, можно предположить, что старая форма этого гидронима – *Бзы́мта. На это, в частности, может указывать форма названия этой реки, зафиксированная мной в речи цвыжей (подразделения абхазов-садзов) в Турции в виде Бзы́мта//Бзымта́. Переход б в м, особенно в комплексах согласных, является обычным явлением в абхазо-абазинском (ср. пх > мх в абж. а-шьапхыс, тапант. шьямхыц «ноготь ноги», из а-шьапы «нога»; бжь > мжь в абх. а-гәымжьацә «долото» из *гәы+бжьа-цәа и др., см. Chirikba 1996: 79-80).

В том же ключе следует, по всей вероятности, рассматривать и название небольшого высокогорного озера Мзи, Мзы́йа в Бзыпской Абхазии, которое может легко объясняться из древнеабхазского *Бзы-йа «озеро» (>Мзы-йа), букв. «лежачая (йа) вода (мзы < *бзы)»; в современном абхазском «озеро» произносится а-зы-йа.¹ Интересно, что согласно данным В. Кварчия (2002: 327) это озерцо имеет и вариант Мзым, что явно напоминает Мзы́м-та. Следует также заметить, что само озеро расположено сравнительно недалеко от истоков реки Мдзымта.

Из озера Мзы́й(а) вытекает река (впадающая ниже в Ауадхару), передаваемая в литературе как Мзымна (Гыцба 2002: 53; Туниев 2005: 9), или, видимо, более точно, как Мзымна (так в Кварчия 2002: 327). Другой вариант названия этой реки – Мзы (Бондарев 1981: 32), более точно должно быть, по-видимому, Мзы (< *бзы «река»). Все это позволяет выделить гидронимический (диалектный ?) ареал с формантом Мзы-, охватывающий территорию от Ауадхары до Мдзымты. При этом в вышеприведенных гидронимах остаются неразъясненными элементы -м (Мзы-м) или -мна (Мзы-мна).

Не вполне ясна точная форма первого от верховьев Мдзымты ее крупного левого притока, фиксируемого либо как Азмыш, либо как Мзымта-Мзыч (так по Ю. Ефремову 1963). Если верна первая форма, то прав В. Кварчия, разъясняющий ее как «водоем/бассейн (на реке)» (цит. по Ворошилов 2005: 48, 153), ср. абх. а-з-мышь, а-з-мыць, а-зы-жь «заводь, тихий омут, глубокое место в реке» (жь от несамостоятельного

¹ Близкую этимологию предлагает В. Кварчия: М (?) + зиа «озеро» (цит. по Ворошилов 2005: 152). В. Ворошилов (2005: 153) предлагает разъяснение этого названия на основе убыхского языка: мизи (должно быть мызы) «дитя», «ребенок», в смысле «малое», «изначальное», что не представляется убедительным.

глагольного корня жь «бросать; валяться»;¹ мы может быть либо неэтимологическим эпентетическим элементом, либо тем же, что и м в Мзым-та, Мзым-на). Со своей стороны, Г. Шакирбай (1978: 10) разъясняет Азмыш из абх. Аз-мыш «тяжелая, сильная река» (мчы «сила»).

И все же, форма Мзыч, как кажется, предполагает Мзы-жь, вариант слова (а-)зы-жь, дополняя ряд гидронимов с начальным мзы-.

Имеются и другие объяснения названия реки Мдзымта. Так, Г. Шакирбай (1978: 10) производил его из *Мзы-цс-та, состоящий из абхазского мзы «сосна», адыгского цс «вода» и абхазского локативного суффикса -та, что не кажется убедительным. Х. Бгажба (1964: 268) трактовал этот гидроним как состоящий из племенного имени мз'ым и суффикса места -та, т.е. «место (племени) мдзымов». О племени мдзымов, согласно сведениям Бгажба, у бзыпских абхазов сохранились неясные воспоминания. Однако, если сообщения об этом несохранившемся племени достоверны, то можно предположить, что его называли именно по реке Мдзымта (мзым-аа, где -аа – суф. мн.ч., т.е. «мдзымцы»), а не наоборот, точно так же, как бзыпцев (а-бзып-қәа) называли по реке Бзып. Бгажба (там же, с. 268-269) связывает между собой племя мз'аа//мамз'аа, название горы над Гагрой Мамз'ы-шьхәа//Мз'ы-шьхәа и гидроним Мз'ымта. Во всех этих словах он усматривал название горного племени мисимиан, известных из византийских источников как обитателей верховьев реки Кудры (Кодор). Бгажба предполагал миграцию мисимиан из Кодора в Северо-Западную Абхазию. Хотя эти соображения и представляют собой интересную гипотезу,² они, видимо, нуждаются в более тщательном лингвистическом и историческом обосновании.

Согласно одной из нескольких этимологических версий В. Ворошилова (2005: 153), напоминающей приведенное выше разъяснение Х. Бгажба, Мдзымта разъясняется как «долина (племени) медозюев», а медозюи – «абазинское» племя, проживавшее в верховьях Мдзымты; связь гидронима М(д)зымта с племенным названием медозюи была предположена ранее также Ю. Ефремовым (1963). Под именем медо-вей/медовеевцы были известны в ряде русских источников абхазские племена ахчпысы, айбга и псху (отсюда и черкесское название абхазов – *мудави*), представители которых в нынешнее время проживают в ряде сел в центральной Турции и говорят на ахчпысуйском диалекте,

¹ Не следует путать а-з-мышь, а-з-мышь с абх. а-мышь-зы «морская (соленая) вода», состоящее из мышь (из груз.) плюс абх. зы «вода».

² Дьячков-Тарасов (1903: 36, сн. 22) также допускает связь названия племени мисимиан с рекой Мдзымта и предположительно увязывает их с брухами, допуская обитание последних в верховьях Мдзымты.

который является, по всей видимости, переходным между бзыпским и садзским диалектами абхазского языка. Этноним «медовой», возможно, топонимического (или гидронимического) происхождения: Гыцба (2002: 414) указывает на ручей Мдаџеи (левый приток р. Цвижепсы, рядом с Мдзымтой), как основу для племенного термина мдаџеи-аа (мдавеевцы). Если форма Мдаџеи верна, то -зю- в термине *медозюй* следует признать передачей абхазского лабиализованного сонанта џ. В этом случае отпадает и возможность связи гидронима Мзымта с племенным термином медовой (Мдаџеи).¹

По другой, также неубедительной версии Ворошилова (с. 153), Мзымта означает «долина реки, рожденной в снегах». Тут же автор приводит аланское (??) мзе «солнце» и расшифровывает Мзымта уже как «солнечная долина». По следующей же его версии, которая представляется наиболее интересной, «в старых названиях р. Мзымты (Мдзимта, Мидзимта) легко угадывается абх. основа дзи (дзы) со значением «родник», «источник»...» (правильнее: «вода, река»);²

Интересно проанализировать названия реки Мдзымта в старых греческих источниках. В форме, довольно близкой к современной, оно фиксируется довольно рано, около 5 в. н.э. (в Лондонской рукописи «Перипла» Анонима), в форме *Μιζυγος* (*Мизюг-ос*; -ос – греческий суф. мужского рода).³ *Мизюгос* упоминается рядом с рекой Абаском (*Αβάσκος*), под которой следует усматривать Бзып, либо Псоу (так у Дьячкова-Тарасова 1903: 38). Греческая форма интересна тем, что она фиксирует начальный сонант м, что говорит о его древности в этом гидрониме. Кроме того, она содержит букву γ, которая в среднегреческом

¹ Гидронимического происхождения может быть и название горного западноабхазского племени ахчыпс'ы, ср. топоним Хаца в верховьях Мдзымты (Гыцба 2002: 413) и архаичный абхазский гидроформант -пс'ы *«река». Во второй части Ха-ца можно усматривать суффикс -чца «мелкий», а в первой части либо ха *«камень» (ср. а-ха-ш «известняк», букв. «белый камень»), либо ха «груша» (а-ха-чца «мелкая/дикая груша»). Таким образом, Ха-ца-пс'ы можно понять либо как «река с мелкой галькой/щебнем», либо как «река (текущая близ) диких/мелких груш», наподобие абхазского названия поселка близ Пицунды Алахазы «инжировая вода».

² Таким же эклектическим характером, где достоверные факты и нередко интересные мысли перемешиваются с вольными фантазиями, грешат и многие другие «этимологии» автора.

³ Согласно Анониму, ранее эта река именовалась Брухонта; это имя находится в непосредственной связи с племенным именем *брухи*, за которым, как полагает ряд авторов, скрываются предки убыхов. Однако А. Дьячков-Тарасов (1903: 43, сн. 32), возможно, справедливо указывает на ошибочность отождествления Анонимом Брухонты с Мизигом (Мдзымтой), усматривая в Брухонте нынешнюю р. Хосту (Хамыщ).

произносилась как заднеязычный звонкий спирант типа абх. ɣ (в древнегреческом он еще звучал как велярный смычный ɣ). Буква ζ (дзета) в 5 веке, к которому относится время написания рукописи, скорее всего уже звучала как з (в раннем классическом греческом – как дз или зд)¹, но в иноязычном материале за ней могла скрываться и аффриката. Это помогает нам реконструировать древнеабхазское звучание *Míʒu-* в виде *Мызыг- или, что более вероятно, *Мызыг-.

В первой части (*Míʒu-*//Мызы-) мы усматриваем слово в значении «вода/река», а в -у – древнеабхазский суффикс множественного числа класса человека *-gla, который сохранился в исконном виде в абазинских диалектах (ср. абаз. а-у-gla «люди»), а в современном абхазском стал звучать как -аа (напр. лх-аа «лхынненцы», гәым-аа «гумцы» и др.). Тот же древнеабхазский суффикс множественного числа содержится и в дошедших до нас в греческой передаче этнонимах абаз-ε (который отражает др.-абх. *абаз(а)-gla «абазы», см. Chirikba 2003),² а также сани-ε (см. выше).

Греческая форма гидронима Мдзымта (*Мызыг-), таким образом, на самом деле может отражать не гидроним, а этноним, служащий на древнеабхазском языке обозначением народа/племени, живущего по реке Мдзым, что прямо соответствует современному абхазскому мз-аа «мдзаовцы» (если бзыпская форма мз'-аа верна, то восстанавливается др.-абх. *Мз'ы-gla). Сам же этноним мдзаа мог быть основан на гидрониме Мдзым («живущие по реке Мдзым»). Кстати, такого же этнонимического характера и греческое наименование соседней к Мизигу реки Абаск (Αβάσκος), которое явно отражает этноним, а не гидроним.³

К этому же типу известных в греческой передаче гидронимов может примыкать и река Брухонта, связанная с этнонимом «брухи» (см. сн. 18). С точки зрения истории абхазского языка, чрезвычайно важно, что греческая форма *Míʒuγος* (Мизюг-ос) сохраняет в себе две древнеабхазские глоссы, дошедшие до нас из 5 века: слово в значении «река» (*м(ы)зы) и суффикс множественного числа *-gla.

Следует отметить, что существенным препятствием для предложенного здесь этимологического анализа гидронима Мдзымта является приводимая Х. Бгажба (1964: 268) его бзыпская форма в виде Мз'ымта, т.е. со свистяще-шипящей аффрикатой з', тогда как слово зы «вода»

¹ См. http://en.wikipedia.org/wiki/Ancient_Greek_phonology.

² Лишь несколько иначе у Ионовой и Татаршао (2000: 156): -ε в абазги из -el, glе «человек, люди».

³ На связь этого названия с этнонимом «абаск» указывал, в частности, В. В. Латышев (см. Патракова, Черноус 1991: 312, сн. 59).

содержит простую свистящую аффрикату. Академик Шота Аристава, носитель бзыпского диалекта, также согласен с Бгажба, что в бзыпском диалекте название Мдзымта содержит свистяще-шипящую аффрикату (устн. сообщ.). То же утверждает и лексиколог Анатолий Хеция, также носитель бзыпского диалекта (устн. сообщ.). И все же следует, по-видимому, поискать дополнительные подтверждения этому факту. В частности, было бы желательным найти этот гидроним в каких-либо бзыпских текстах, чтобы окончательно убедиться в достоверности этой бзыпской формы.

Если формы со свистяще-шипящей аффрикатой реальны и если зы и мз'ы все же этимологически связаны, то здесь следует предполагать такое же чередование свистящего и свистяще-шипящего сибилантов (з ~ з'), какое наблюдается и в абхазских словах *«река» и «влажный» (*цс'ы ~ цсы) что может отражать древние чередования гласных.

Наконец, следует сказать о более широком компаративном контексте рассматриваемого праабхазского *бзы > *зы «вода, река». Как сказано выше, несомненна его связь с убых. бзы «вода, река». С. Старостин и С. Николаев реконструируют общезападнокавказское слово в виде *бзы «вода», «сок» (по-видимому, ошибочно относя сюда также праадыг. *цсы «вода, река», см. ниже), но абхазские данные указывают на возможность реконструкции праабхазо-адыгского корня с аффрикатой: *бзы «вода, река». На необходимость реконструкции аффрикаты могут указывать и генетически увязываемые с западнокавказским корнем Абдоковым (1983: 185)¹ и Николаевым и Старостиным (см. NCED 872) дагестанские корни, также содержащие аффрикату, ср. прааваро-андийское *пинцци «смола» (аварское цитц, ахвахское митцци, чамалинское бис./митцци, тиндинское митцци, каратинское битцци), лакское цитц «медвяная роса; испарина», даргинское центц «смола», агульское цитц «смола»; сюда же нахское *мутта «сок», где тт получено из старой комбинации аффрикаты и предшествующего сонанта (см. NCED 46-47).²

В отличие от С. Старостина (NCED 871-872; см. также П. Чарая 1912: 24-25 и G. Dumézil 1932: 94)³, по фонетическим соображениям я отделяю этот корень от праадыгского *цсы «вода, река». Последнее, скорее все-

¹ Абдоков (1983: 185) реконструировал праабхазо-адыгское *быза^а на основе абх. зы «вода» и адыг. цзан-тхе «клей», но А. Шагиров (1977, 1: 81) рассматривал это адыгское слово как производное от цце «рыба» (согласно ему, рыба использовалась для изготовления клея), что принимается и Старостиным (см. NCED 872).

² Изолированно стоящее груз. цичви/бичви «сосна» («смолистое дерево»), по мнению С. Старостина (2007: 325), может иметь северокавказский источник.

³ В отличие от них, А. Шагиров (1977, 1: 16) связывал убых. бзы, адыг. цсы «вода» не с абх. зы, а с цсы, сохранившемся в топонимах и в ряде композитов.

го, связано, как уже отмечалось в литературе (см. Бгажба 1956: 294), с архаичным абхазским корнем *цс'ы в значении «река». Последний сохранился в таких старых сложениях, как ацс'-та «ущелье», букв. «место (-та) реки (цс')», а-цс'-лы «выдра» (букв. «речная (цс') собака» (лы < ла)) и др. (последнее прямо соответствует убых. бзы-уа «выдра», ср. бзы «вода, река» и уа «собака»).

Можно, таким образом, постулировать в праабхазо-адыгском наличие двух независимых корней: *бзы (> праабхазо-убых. *бзы «вода», «сок», «река») и *цси (> праабхаз. *цс'ы и праадыг. *цсы «вода, река»). Кстати, возможность наличия в западнокавказском двух отличных корней допускает и С. Старостин (см. NCED 872). Х. Бгажба (1964: 254) также считал, что ранее в абхазском было два корня, из которых цс'ы использовался в значении «река», а зы – «вода». О необходимости реконструкции для праабхазо-адыгского двух этимонов в значении «вода, река» (*цс и *бз) пишет и А. Кристоль (Christol 1987: 219, сн. 6).

В общеабхазском имеется и корень *цсы/а в значении «мокрый, влажный», «мокнуть, намочиться» (см. Chirikba 1996a: 23), который также увязывают с адыг. цсы «вода» (см. Абдоков 1983: 186; NCED 872). Это сравнение можно принять, если допустить, что в протоабхазо-адыгском наблюдалось некое вокалическое чередование (ы ~ и ?), которое и отразилось на варианте рефлексии корня *цс ~ *цс'.

Возвращаясь к гидрониму Мдзымта, нельзя исключить того факта, что в нем мы можем иметь сохранение старого сонорного, который затем подвергся ассимиляции со стороны последующего спيرانта *з (*м(ы)зы > *бзы > убых. бзы и абх. зы). На возможность того, что Мдзымта может сохранять древнюю абхазо-адыгскую форму для «воды, реки» с начальным сонорным указывает и А. Кристоль (там же). Т.о. *бзы «сок, вода» может в принципе восходить и к (более ранней) форме *м(ы)зы, сохраненной в гидрониме Мдзымта; ср. в этой связи начальный сонант и в ряде приведенных выше дагестанских форм, а также в общенахском.

Литература

Абдоков, А. И.

1983 О звуковых и словарных соответствиях северокавказских языков. Нальчик: Эльбрус.

Амичба, Г. А.

1988 (ред.) Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г. А. Амичба. Тбилиси: Мецниереба.

Анисимов, С.

1930 Абхазские Альпы. Гагры-Сухум-Батум. Батумское побережье. Государственное побережье. Москва.

Анчабадзе, З. В.

1956 Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингорюва «Георгий Мерчуле – грузинский автор X века». В: Труды Абхазского Института языка, литературы и истории, т. XXVII, Сухуми, с. 261-278.

1964 История и культура древней Абхазии. Москва: Наука.

Арсенин, В., Бондарев Н., Сергиевский, Э.

1976 Горные путешествия по Западному Кавказу. Второе, дополненное, издание. Москва: Физкультура и спорт.

Бгажба, Х. С.

1956 Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии. В: Труды Абхазского Института языка, литературы и истории, т. XXVII, Сухуми, с. 279-303.

1964 Бзыбский диалект абхазского языка (Исследование и тексты). Тбилиси : Издательство АН Груз. ССР.

Боденштедт, Ф.

2002 По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. – «Абхазия в письменных источниках, вып. 2. Автор проекта и редактор, предисловие, комментарии, послесловие – Денис Чачхалия. Москва.

Бондарев, Н. Д.

1981 В горах Абхазии. Москва: Физкультура и спорт.

Ворошилов, В. И.

2005 Топонимы российского Черноморья. Сочи-Майкоп.

Гыцба, Т. Шь.

2002 Аҟсуаа рышьахьызқәеи рышьацамоақәеи (Кавказ мраташәа-рахьтәи ахәтә). Аҟәа.

Джанашия, С. Н.

1959 Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии. В: С.Н.

Джанашия. Труды, т. III. Тбилиси: Академия Наук Грузинской ССР, с. 115-123 (на груз. яз. с русск. резюме).

Дьячков-Тарасов,

1903 Гагры и их окрестности. В: ЗКОИРГО. Книжка XXIV, выпуск I-й. Тифлис. Типография К.П. Козловского.

Ефремов, Ю. К.

1963 Тропами горного Черноморья. Москва.

Инал-ипа, Ш. Д.

1971 Страницы исторической этнографии абхазов (материалы и исследования). Сухуми: Алашара.

1976 Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми : Алашара.

2005 Садзы. Историко-этнографические очерки. – Народы Кавказа. Книга 2. Москва.

Ингороква, П.

1954 Георгий Мерчуле – грузинский автор X века. Тбилиси: Сабчота Мцeralи (на груз. яз.).

Ионова, С., Татаршао, А.

2000 Из истории изучения абазинской ономастики. В: Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. Сухум, с. 153-161.

Касландзия, В. А.

2005 Абхазско-русский словарь. Том 1 (А-Н). Сухум.

Кварчия В. Е.

2002 Аҗсны атопонимика. Аҗәа.

2006 Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум.

Коков, Дж.

1974 Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик.

Кудрявцев, К.

1922 (1925) Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум.

Меретуков, К. Х.

1981 Адыгейский топонимический словарь. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства.

Патракова, В. Ф., Черноус, В. В. (состав.).

1991 Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. – Библиотека истории Северного Кавказа и Дона в дневниках, воспоминаниях и свидетельствах современников. Ростов-на-Дону: Русская Энциклопедия.

Старостин, С. А.

2007 Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы. В: С.А. Старо-

стин. Труды по языкознанию. Москва: Языки славянских культур, с. 312-358.

Топуриа, В.

1979 Труды, т. 3. Тбилиси (на груз. яз.).

Торнау, Ф.

1994 Воспоминания кавказского офицера. Черкесск.

Туниев, Б. С. (ред.)

2005 Ричинский реликтовый национальный парк (Монография по материалам комплексной экспедиции). Сочи: Проспект.

Чарая, П.

1912 Об отношении абхазского языка к яфетическим. – Материалы по яфетическому языкознанию, IV. Санкт-Петербург.

Шагиров, А. К.

1977 Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Том. I (А-Н). Том II (П-Л). Москва: Наука.

Шакирбай, Г. З.

1978 Абхазские топонимы Большого Сочи. Сухуми : Алашара.

Chirikba, V. A.

1996 Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology. Leiden: Research School CNWS.

1996a A Dictionary of Common Abkhaz. Leiden.

2003 Abkhaz. – Languages of the World/Materials 119. München: Lincom Europa.

Christol, A.

1987 V. Notes de lecture. Scythica. In: Revue des études géorgiennes et caucasiennes. Hommage à Georges Dumézil. No. 3, p. 215-225.

Dirr, A.

1918 Über den Namen «Ubychen». In: Orientalische Studien F. Hommel gewidmet, II, S. 313-315.

Dumézil, G.

1932 Études comparatives sur les langues caucasiennes du nord-ouest (morphologie). Paris: Adrien-Maisonneuve.

1965 Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase III. Nouvelles Etudes Oubykh. - Université de Paris. TMIE, t. LXXI, Paris: Musée de l'Homme.

Hewitt, B. G.

1990 [Рец. на:] Proceedings of the Third Caucasian Colloquium, Oslo, July 1986 by Fridrik Thordarson. Hans Vogt: Linguistique caucasienne et

armenienne by Even Hovdhaugen, Fridrik Thordarsen. B: *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, Vol. 53, No. 1, pp. 147-149.

NCED Nikolayev, S., Starostin, S. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow: Asterisk Publishers, 1994.

Tomaschek, W.

1899 Brukhoi. In: *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung. Unter Mitwirkung zahlreicher Fachgenossen herausgegeben von Georg Wissowa. Dritter Band. Stuttgart: J.B. Metzlersche Buchhandlung, col. 898-899.

А. Д. ХЕЦИЯ

ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЛЕКСИКИ ОХОТЫ НА КУНИЦУ У АБХАЗОВ

Охота на куницу была одной из традиционных промыслов у абхазов. Еще до недавнего времени встречались специалисты в этой отрасли, однако после грузино-абхазской войны она пришла в упадок. Причиной тому – экономическая блокада, объявленная Абхазии и вследствие этого отсутствие рынка сбыта.

Абхазы, как и другие народы Кавказа, занимались добычей куницы из-за ее шкурки, ибо цена меха была высокой, и люди, занятые данным видом промысла, получали немалый доход от его реализации.

Многие дореволюционные (до 1917 года) путешественники, купцы и заинтересованные люди, разновременно посещавшие Абхазию, а также чиновники царской администрации, находившиеся на государственной службе в крае, оставили нам немало письменных источников о состоянии пушного промысла, качестве добываемой пушнины, ее количестве, видовом составе и пр. Об этом, в частности, писали Евлия Челеби, Жан Шарден, Едмонд Спенсер, М. Пейсонель, С. Броневский, М. Ольшевский, И. Аверкиев, А. Шугуров, С. Сафонов, Н. Ходжаев и многие другие. В их сообщениях имеются немало исторических, этнологических, статистических и других сведений. Они известны в специальной литературе, поэтому не будем останавливаться на них.

Абхазские ученые С. Басария, Г. Дзидзария, Ш. Инал-ипа, Х. Бгажба, Ц. Бжания и др. ввели в научный оборот новые материалы по интересующей нас теме.

Однако, лексика, а также связанные с пушным промыслом ритуалы, до сих пор не были объектом специального рассмотрения, хотя они представляют несомненный интерес для исследования.

Мимоходом отметим, что под сильным натиском глобализации, очевиден явный процесс упадка данного вида промысла, а вместе с ним и необратимая тенденция исчезновения этого большого пласта абхазской специальной лексики. А выработанные и накопленные многовековым опытом абхазов в этой сфере традиции и ритуалы на наших глазах

безвозвратно уходят в небытие вместе с их носителем и хранителем – старшим поколением, а преемников их знаний и опыта, к сожалению, не предвидится в обозримом будущем.

Предлагаемое сообщение базируется на материалах наших многолетних экспедиционных изысканий и находок, собиравшихся в районах Абхазии, а также литературные источники.

В процессе длительного занятия пушным промыслом абхазы вырабатывали специальную лексику, а также правила, регламентирующие поведение промысловика-лесовика при добыче пушного зверя, куницы в частности, с которой мы и начнем.

Итак, абхазское название куницы – ацыҭ [лат. *Martes*]. Термин ацыҭ – литературная норма, а в некоторых селах бзыбской Абхазии (Блабырхуа, Джирхуа, Отхара, Ачандара, Аацы и др.) встречается его фонетический вариант «ацыҭ», который засвидетельствован также в письменной речи, в частности, у авторов – носителей бзыбского диалекта (см. стихи Р. Смыра, З. Куарчия). В «лесном», т.е. тайном языке охотников, используется лексема «ахәыцшқа» (букв. нежная, мягкая шерсть – в абжуйском диалекте) и «ахәымш» (букв. счастливая шерсть – в бзыбском диалекте). В охотничьих песнях представлен их лексический вариант «ацәаҭхьазара» (букв. ацәа – шкура, аҭхьазара – считать, подсчитывать):

Хәыцшқазаргы – цәаҭхьазароуп (букв. А если это нежношерстая – то шкурка для подсчитывания)

Шәарах ссазаргы – цәаҭхьазара (букв. А если это мелкая дичь – то шкурка служит для подсчета).

Термин «ацыҭ» был объектом изучения языковедов-этимологов абхазской лексики.

Академик Х.С. Бгажба, в частности, отмечал, что абхазское слово «ацыҭ» (бзыбское) и адыгское **цызэ** имеют общий корень.

Языковед Г. А. Климов писал о том, что абхазо-адыгский корень восходит к древней форме ццыҭәа. Он привлекал также данные аварского языка, в котором цакьу или цикьу – куница.

Адыговед А.К. Шагиров полагал, что термины «ацыҭ», «дзыдзэ», «цызэ» в абхазо-адыгские языки проникли из тюркских языков.

Слово «ацыҭ» куница используется переносно в значениях «быстрый», «ловкий», «энергичный»:

Сыцкәынан, ашьха аҭаларазы ацыҭ саҭызан [Амцабз № 3, 1983: 12, Джума Ахуба]. – Когда я был молодым, я взбирался на гору как куница.

Руазәы дшәан, ацыҭ еицш, адырдырхәа еразнак ацла дықәланы ицсы изазаап [Хашиг, 2002: 326]. – Один из них, оказывается, испугался, и взобрался мгновенно на дерево словно куница и притаился.

В абхазской антропонимии известны женские имена Цыг и Циза; первое восходит к ацыг (в бзыбском диалекте), а второе – к адыгейскому **цызэ** (букв. куница).

Лексема «ацыг» – компонент пословиц:

«Ацыг атла икәцаланы, ахә ршьон» (букв. загнав куницу на дерево, устанавливали ей цену) – соответствует «делить шкуру неубитого медведя». Эта пословица в сборнике «Афоризмы абхазов», составленном и переведенном на русский язык проф. О. Шамба, представлена в следующей редакции:

«Куницу на дерево загнали,
А на базаре цену назначили».

«Ацыг – хәәа аагара ицаз – ахәыжәгы азаамгеит» (букв. отправившаяся за новой шерстью куница, возвратилась без своей старой шерсти) – в погоне за новым потерять и то старое, что имеется.

По суеверию абхазов встреча с куницей предвещает неудачу. По этому поводу говорится:

«Ацгәи ажъеи реипш, ацыг амшьта цәгьоуп, иуцылар, ма умәа еихнацәар, уеикәшәом. – Подобно кошке и зайцу, куница обладает отрицательной энергией, при встрече с ней или же если она пересечет путь, то вас ожидает неудача».

По данным зоологов на территории Абхазии и прилегающих к ней регионов обитает два вида куниц. В специальной литературе одна известна как «обыкновенная куница», «лесная куница», или же «желтодушка» (лат. *Martes martes*), а другая – «каменная куница», «белодушка» (*Martes foina*). Промысловики–абхазы различают их. Лесную куницу, т.е. «желтодушку» называют «ацыг хәцапшь» (букв. куница с красноватым горлом) с вариантами «ацыг хәдапшь» (букв. рыжешеея куница), «ахьпштәыла» (букв. золотоцветая), «ахьапштәыла» (букв. каштановцветая), а также «ацсара цыг» (букв. пихтового леса куница).

Каменную куницу называют «ацыг хәцыш» (букв. куница белогорлая) с вариантами «ацыг хәдыш» (куница белошеея), «ашәра цыг» (букв. букового леса куница) и «ахыцъра цыг» (букв. дубовой возвышенности куница), а также «асарсалеи» – заимствование из турецкого (ср. тур. *sansar* – каменная куница). Согласно сведениям знатоков, подошва желтодушки такая же, как у соболя – она покрыта шерстью, тогда как стопа у белодушки голая, как у кошки. Сказанное подтверждено специальной литературой.

Понятие «куний промысел» в абхазском языке передается сложным словом «ацыгхара» (ацыг – куница; ахара – настораживать, настроить, ставить ловушку) с несколькими вариантами с тем же первым компонентом «ацыг»:

ацыгкра – (акра – ловить; поймать; держать)

ацыгшәара – (ашәара – искать, поиск, охота, охотиться)

ацыгшәарыцара – (ашәарыцара – охотиться, охота).

Для обозначения этого же понятия имеются также другие варианты:

абназара – (абна – лес; вне дома; – зара от слова азара – измерять; считаться)

абнашәара – (абна – лес; ашәара – поиск, искать, охотиться)

абнаҳара – (абна – лес; аҳара – настораживать, ставить ловушку)

абнаныкәцара – (абна – лес; аныкәцара – водить)

ацҭашәара – (ацҭа – ущелье; ашәара – поиск, искать, охотиться)

аныкәара (ходить).

Используется также словосочетание «аҳара ацара» – идти ставить ловушку.

Прибавлением к основам вышеприведенных лексем аффикса, показателя класса человека – ɸ(ы), получаем производные слова со значением: «лицо, занятое тем, что выражено основой»: ацыгҳааы, ацыгкхааы, ацыгшәааы, абназааы, абнашәааы, абнаҳааы, абнаныкәцааы, ацҭашәааы, аныкәааы – лесовик, промысловик, занятый кунным промыслом (букв. кунный охотник).

Посредством лексемы «ацыг» образованы и другие сложные слова:

ацыгмоа – кунья тропа (прямое и переносное значения), а также топоним в горах Абхазии

ацыгтра, ацыгырта – место, изобилующее кунницей

ацыгшәа – кунья фигура, кунья стать (т.е. изящный)

Ацыгцхәкәа – топоним в горах Абхазии (букв. куньи мосты).

Из всех вышеприведенных вариантов слово «абназара» представляет интерес с точки зрения семантики. Оно используется в нескольких значениях:

1. По фольклорным данным и лексикографическим работам, его первым значением является «охота», «охотиться», «быть на охоте». В этом значении является вариантом слова «ашәарыцара».

2. Является, как было сказано выше, вариантом терминов «ацыгҳара», «ацыгкра», «ацыгшәара», «ацҭашәара» и соответствует русским терминам «лесовать», «лесничать», «зверовать», «зверование» – охотиться на пушного зверя (согласно словарю Вл. Даля и материалам Л.П. Сабанеева – русского охотоведа и издателя литературы по охоте второй половины XIX в).

3. Быть абреком; быть в бегах.

– Ус калом Асҭамыр... Абназара мацара акгы унаҭом.

– Абназарафәы ма хәычык схы сыхьчоит... Рнапафәы снейр, сейбганы сынхоит хәа аума ишудыруа? [Гәыблиа 2004: 354].

Перевод контекста таков:

– Так нельзя Астамур... Быть абреком ничего тебе не даст.

– В абреках я больше сохраняюсь... По твоему, если я окажусь у них в руках, я разве останусь в живых?

Дериват «абназаа» также полисемантичен:

1. Охотник, ушедший в лес на зиму и соответствует русским терминам «лесовщик», «зверовщик», «промысловик» – охотник на пушного зверя (по Вл. Далю).

2. Член пастушеского сообщества, находящегося вне дома, в горах.

3. Участник набега; член воинства, а также абрек.

К термину «абназаа(ы)» имеется антоним «аюназаа(ы)» – человек, находящийся дома, в селе; человек, не занятый в настоящее время пастушеством, охотой; не участвующий в набеге (аюны – 1. дом, жилище. 2. дома, не в лесу).

Охота на куницу (ацыгхара, ацыгшәара, абназара, ацташәара и пр.) является сезонным занятием, так как она связана с волосяным покровом этого зверька, который, как известно, линяет свою шерсть весной, коротка летом и не пригодна для использования.

С наступлением заморозков в горах и началом выпадения первых снегов, куница обрастает густой зимней шерстью, которая совпадает с окончанием полевых и уборочных работ в селе и промысловики готовились к зимней охоте (абназара реазыкарцон).

Предварительно обсудив место проведения охоты, а для промысла выбирались глухие и малопосещаемые места, двое или трое, а иногда и четверо охотников, к концу октября отправлялись на заранее обговоренное место и строили балаган (ақала) или же приводили в порядок пещеру или грот (ахапы) для жилья, если на той территории имелась таковая, а затем возвращались домой.

К началу декабря компаньоны отправлялись на промысел на всю зиму тайно, незаметно от домашних и соседей глубокой ночью, чтобы предостеречь себя от дурного глаза (алапш цәгә, амшьта цәгә реацә-ырхьчон), с воскресенья на понедельник (бзыбцы) или с понедельника на вторник (абжуйцы), а также со среды на четверг.

Следует отметить то, что членам семьи, в которой была беременная женщина, запрещалось ходить на охоту, чтобы «не навлечь беду на будущего потомка», ибо умерщвлять, удушать или подстреливать зверя для мужа беременной женщины считалось грехом. По поверью абхазов, это отрицательно могло сказаться на рождение, здоровье ребенка,

более того, он мог родиться неполноценным или мертвым. Женатому мужчине предписывалось воздерживаться от интимной близости с женой за 7–10 дней до его ухода на промысел.

С выходом из дома члены промыслового сообщества начинали общаться между собой только на тайном языке охотников под названием «абна бызшәа», который переводится как «язык леса», «лесной язык», «язык вне дома». Знание и использование подъязыка охотников было обязательным для лиц, промышлявших на куницу, а также стоявших со скотом пастухам в ущельях. Охотникам и пастухам, открытых альпийских лугов и голого высокогорья, выбор языка общения был свободным, не регламентировался.

В момент выхода из стойбища каждый охотник наконечником своего посоха проводил три раза по углям горящего костра и отправлялся в путь.

В пути следования старший по возрасту, он же и предводитель группы (амасаба, абчарах), шел впереди, а за ним, соблюдая старшинство, следовали остальные (ацәымш), замыкал процессию самый младший «агәац» (бз.), «ацашышь» (абж.).

Одежда охотника-промысловика должна была быть удобной, не бросающихся, а серых тонов, чтобы не выделяться из окружающей среды обитания. С собой брали ружье (ашәақ), боеприпасы (ахи-ахәшәи, ацәақҳаны), бурку (ауапа), вещмешок, ранец (ахьатра), бурдюк (ахата), топорик (аикәага), посох-лопату (ацәаргәы лабашья), снегоступы (ашәаоақәа), поясной нож (ацсуа хәызба) для свежевания, живец или козьявку (ааца), жирницу или сальницу (акьацатра), оселок (амақьацсыс), брусок точильный (амақьа), соль (ацьыкахыш), аджику (ацьыкацәатцәа), муку (ашыла), нитки (арахәыц), иголки (агәыр), шило (азаз), бечевки (ачабрыхәа) и пр., т.е. все необходимое для зимовки в лесу. Не брали с собой мяса – оно добывалось охотой на месте. В свободное от промысла время промысловики по очереди ходили на охоту за крупным зверем.

Находившимся на промысле в ущелье людям запрещалось бриться, купаться, сквернословить, ругаться, выяснять отношения, произносить проклятия, проявлять жестокость к собаке, если она имелаась, выражать недовольство, произносить нецензурные слова и пр., словом, под запретом было все то, что мешало спокойной слаженной работе сообщества.

Вышедшие из дома в понедельник компаньоны, по прибытии на место, устраивали отдых.

Вторник у охотников бзыбской Абхазии считался запретным, неудачным днем, а в Абжуйской Абхазии – понедельник. Об этих днях сказано так:

«Аюшаены ақәыцмацәкәы игәағны ахәыц алнаршәом», который переводится как «во вторник даже волк не осмелится уронить шерстинку с себя».

А абжуйцы так говорили о понедельнике. В этот день велась подготовительная работа: приводили в порядок инвентарь, осматривали жилье, занимались другими хозяйственными делами, обустроивали быт.

Однако нужно отметить, что вторник является днем проведения ритуала моления.

Божество куниц и пчел в абхазском представлено в женской ипостаси и зовут ее Анана Гэында с вариантами Анана-Гэында, Ананйа Гэында, Анан Агэында, Гынды, Анан, Гэында-цшза, Гэында-шеишей, Анан-Гэашьа, Анана, Нан, Анана Ахьахкэажэ. Последнее словосочетание переводится букв. «Мать Золотая Княгиня».

Молился старший группы «амасаба» без головного убора и ремня в белой нательной рубашке навывпуск ближе к полудню, обратившись лицом к восходу солнца. Остальные становились по старшинству с левой стороны от молещика. Перед началом ритуала все умывались. После окончания моления, присутствовавшие произносили «Аминь!». Записанный нами текст молитвы таков:

– «Ари захауа Анцәа Ду! Ари Иақәиту ухышьаргәытца сакәыхшоуп! Анан Ахьахкәажә Ду! Ашәт-мышәт инкахтсуа ирхианы ихәт! Қәнагала икаларатәаны ихәкәыршә сбыкәыхшоуп! Ашәарах, абна илацаны ибымоу, ххыбымбаан! Ибымфац, ибымжәыц хадбымгылан! Хгәы злағъара хәкәыршә сбыкәыхшоуп!» – абас хлыхәуан Анан Ахкәажә.

Буквальный перевод текста таков:

«Да слышащий это Великий Бог! Тот, Кто Властен над всем этим, да чтобы я был принесен в жертву твоей золотой подошве! Великая Золотая Княгиня Анан! Эти цветочки (т.е. средства ловли), которые мы рассыпаем, сделай их удачливыми! Отдай их нам как полагается, да буду я твоей жертвой! Дичь, которую ты содержишь в лесу, не пожалей для нас! Не предлагай нам того, чего ты еще не съела и не испила! Предоставь ты нам то, чем наше сердце возрадуется! – так просили мы Анан Княгиню» (записано со слов Барцыц Джамфера Селимовича, 1906 г.р., жителя с. Бзыбь Гагрского р-на, 21.08.1982г.).

Другой вариант моления проходил так:

«Ачбаинцөөхөй хэа аматэа шытахдауан ацыгхарааы. Ахэыз шыла иалхыз ахэажэ ашэ агратаны, изны, арасатэы иахатаны, агэатэа ацынхэрас хыхныхэауан «Ачбаинцөөхөй» хэа».

Перевод звучит так:

«Мы устанавливали средства ловли куниц на охоте во имя Божества Ачба (Ачба – княжеский род, следующий по важности после владетельной фамилии Абхазии Чачба – А.Х.). С этой целью мы на костре пекли начиненный сыром просяной хлебец, предварительно насадив его на специально приготовленную для данного случая палочку из лещины, молились перед тем, как выйти из балагана на охоту. Хлебец употреблялся вместо печени жертвенного животного», – сообщил нам в 1982 году известный охотник и сказитель из села Ачандара Хагба Махты, проживший 117 лет и ходивший в горы 67 лет подряд.

Настораживание ловушек начинали в четверг или в понедельник и продолжалось до его завершения.

Понятие «средства ловли куниц» передается сложным словом «ацыг-кыгақәа» (ацыг – куница, акыга – средство ловли от акра – ловить, поймать; держать) с вариантами «ацёкьақәа», «а́ҳара // аҳа́ра». На «лесном языке» (абна бызшәа) употребителен термин ама́тәа «совокупность всех средств ловли», «ловушка», «инвентарь», «инструментарий». Он состоит из следующих компонентов: а+ма+тәа, в котором а – аффикс общности, артикль; ма – корень слова ама(заа)ра «иметь», «обладать»; тәа – корень слова атәа(заа)ра «полагаться», «соответствовать». В целом значение термина ама́тәа можно передать как «иметь то, что полагается», «обладать тем, что полагается», «иметь то, что нужно», «иметь соответствующее, подходящее, годное, пригодное» и пр.

К указанному термину используются лексические варианты «ама́тәа-шьты́р», «ама́тәа-шьтра́» (ашьты́р, ашьтра́ – след), «ацыгма́тәа» (ацыг – куница), «амё́ыма́тәа» (амё́ы – древесина, дрова), а также «ашә́т», «ашә́т-мышә́т» (ашә́т – цветок) – последнее в «лесном языке» охотников.

Понятие «настораживание инвентаря» передается словосочетанием ама́тәа ашьта́цара (ашьта́цара – букв. класть на землю), ама́тәа а́тара (а́тара – давать), ама́тәа аи́кәыршә́ара (аи́кәыршә́ара – собрать, снабдить), ама́тәа а́рхиара (а́рхиара – подготовить, приготовить, настроить), а́ҳара а́тара (а́ҳара – инвентарь, а́тара – дать), ашә́т-мышә́т ака́цсара (ака́цсара – рассыпать).

После окончания сезона промысла инвентарь ловли спускают, убирают. Этот процесс обозначается терминами «ама́тәа ашьты́хра» (букв. поднятие инструмента; от ашьты́хра – поднять, убрать), «ама́тәа а́цыркь́ара» (а́цыркь́ара – расстроить, спустить; разрядить).

Территория или пространство, в котором насторожен инвентарь, бзы́бцы называли «а́ҳара» (букв. взведенное место); от этого получены словосочетания а́ҳара дце́ит – ушел на территорию ловли куниц (дце́ит

– ушел), аҳара дыкоуп – находится на территории ловли куниц (дыкоуп – находится), аҳара дылоуп (дылоуп – находится в массе, в гуще), аҳара дылцит – вышел из территории ловли куницы (дылцит – вышел, удалился) и пр.

В абжуйском диалекте наряду с аҳара // аҳара употребителен его вариант акьяста (букв. место поиска; место, где разворачивается) от слова акьяра поиск; искать (букв. дкьо абна дылоуп – находится в лесу, ища).

Абхазским промысловикам были известны много ловушек различных конструкций и их модификаций. Нами записаны нижеследующие приспособления.

Арыпкья. При помощи этой ловушки абхазы добывали как птиц, так и куниц. Она состоит из согнутой хворостины достаточной толщины, чтобы могла удержать добычу, на конце которой привязана петля. Петля настраивается на сторожке, посередине нее кладется приманка. При попытке забрать ее, зверек сбивает сторожок, ствол мгновенно выпрямляется, а петля затягивается на шее куницы и приподнимает ее высоко. Предпочтение отдается стоящей на корню дикой хурме, так как она эластична и упруга, и при освобождении от сторожка, принимает мгновенно изначальное положение. При отсутствии указанного растения применялись лещина, азалия, рододендрон, граб. В русской специальной литературе XIX в. известна ловушка аналогичного действия под названием «пружок», «подпружок», которая предназначена, в основном, для ловли крупных птиц [Сабанеев 1989: 142, 263]. В этой же работе дан его рисунок.

Ашьтаха. Эта ловушка устанавливается на земле.

Ақәха – ловушка, устанавливаемая на поверхности бревен или иных предметов.

Амаҭәа кна́ха с вариантами амаҭәа шы́тых, амаҭәа хшы́ы (акна́ха – висящий; ашьты́х – поднятый; ахшы́ы – подвешенный). Рисунок этой западни с описанием дан в монографии Ш. Д. Инал-ипа [Инал-ипа 1965: 186].

Ашы́ш (букв. плетеное, плетенка). В корреспонденции «Несколько слов об открытии Псхувского ущелья», помещенной в газете «Кавказ» (№ 104-105, 1869), Н. Ходжаев детально описал устройство и действие этого приспособления, назвав его «капкан для ловли куниц» [Абхазия и абхазы 2005: 403].

Арыса́кә (варианты: аикәәха – букв. падающая одна на другую; арагәа, амалака́ха (букв. самопад). Состоит из двух половинок расколотого пополам бревна. По внешнему виду похожа на мышеловку. В специальной литературе она известна под названием «слопец», «плашка»

и подробно описана Л. П. Сабанеевым [Сабанеев 1988: 340-341]. Здесь же дан ее рисунок.

Ақыра – ловушка, плетенка с отверстием, устанавливавшаяся на бревне, переброшенном через водную преграду или овраг, соединявшем оба берега. В ее отверстие устанавливалась петля из лыка вяза, скрученная втрое или силок из 5-7 хвостовых конских волосков, скрученных вместе. При проходе куницы через отверстие плетенки петля затягивалась на шее зверька и душила его. Была известна аналогичная ловушка среди собольих промысловиков на Байкале в XIX веке и называлась она «куркавка» [Сабанеев 1988: 343].

Ақыдра (ақды – бревно, -ра – аффикс). Ловушка состоит из двух бревен, заложенных между четырьмя колами, вбитыми в землю парами с обоих концов.

Размер кряжей – 16-20 см. в диаметре; длина – 2,5 – 3 м. Один кряж кладется поверх другого. Конец верхнего бревна подпирают сторожком с наживкой.

Подлезая под взведенное бревно и потянув приманку, куница сбивает сторожок, и бревно, падая на нее, убивает ее. Такой же снаряд, но больших размеров, использовался для добычи более крупных зверей (косуль, кабанов, котов, рысей и пр.). Он был распространен повсеместно. Об этом, в частности, свидетельствует топоним «Ақыдра», который встречается в 14 различных местах Абхазии [В.Е. Кварчия, Т. Ш. Гицба]. Аналогичная снасть под названием «кулёмка» была известна русским промысловикам Енисейского округа в XIX в. [Сабанеев 1988: 341].

Аташыш (аташыш – плетеное, плетенка). Эта ловушка состоит из двух круглых плетенок разной величины, вставленных одна в другую. Для ее создания нужны колья и хворост. Колья внутренней и внешней загородок вбиваются в землю по кругу и плетутся вицами из лещины, азалии, рододендрона и пр. Внутренняя плетенка диаметром около 0.5 м. служит для закладки в нее приманки и плетется плотно, чтобы куница не смогла проникнуть внутрь нее. Колья внешней плетенки отстоят от внутренней стенки на 15 см, чтобы образовался коридорчик между обеими плетенками. На внешней плетенке навешивается дверца с некоторым наклоном, чтобы она открывалась внутрь и остается открытой. Зверек, войдя в узкое пространство через открытую дверцу, будет искать приманку, и ходить между двумя плетенками и, доходя до открытой дверки и толкнув головой, прижимает ее с внутренней стороны стенки внешней плетенки, закрывая тем самым выход из нее и продолжает двигаться до тех пор, пока охотник не придет...

Снасть сверху закрывают плотно плетенью, чтобы попавшая в нее добыча не смогла уйти через верх. Такую же ловушку, но больших размеров, абхазы строили для ловли лисиц, шакалов, волков. Аналогичная ловушка, под названием «волчий садок», была известна также русским и украинским волчатникам [Охота 1954: 312]. Эта же ловушка описана исследователем охоты адыгов К. К. Хутизом [Хутиз 2001: 162].

Приманками служили мед, мясо, рыба (соленая), куски мяса совы или филина вместе с перьями. Одной тушки совы хватало на 10-12 ловушек. Считалось, что мясо совы или филина зимой не замерзает, его запах «слышен далеко».

Русские промысловики Сибири пользовались также медом, мясом дичи, рябчиками. Абхазы употребляли также плоды дикой хурмы (ахә-ырмасса), сассапарилы (агәмыркатыл – абж., акәмаргәагь – бз.).

Шкурку куницы снимали чулком или трубкой (иргәаоаны) и, очистив мездру от жира и остатков мяса, для растяжки в нее вставляли драпку или рогатуюлку на всю длину шкурки и подвесив, сушили ее в тени, избегая при этом прямого попадания в нее солнечных лучей или дыма. Считалось, что от солнечных лучей и дыма, цвет меха тускнеет и вследствие этого, его качество ухудшается. Для придания шкурке товарного вида, после сушки ее надевали на болванку четырехугольной формы, которая называлась «афькәа». Освежеванную голую тушку оставлять на земле считалось грехом (цасым), и ее закапывали в землю или закидывали в глубокий провал или яму.

Интерес представляет подсчет количества добытых шкурок и настороженных ловушек. По этому поводу наш информатор сообщил следующее: «Значимой единицей счета являлось число «двадцать», которое называлось «хыпхъазарак» – (букв. одно число, одно количество). Однако число ловушек не должно было строго соответствовать числу двадцать, а должно было быть на единицу больше или меньше, которое выражалось словосочетанием «хыпхъазарак инеиханы» (букв. «больше, чем одно количество»), т.е. 21. Словосочетание «хыпхъазарак зымназо» (букв. «не доходя до одного количества») означало 19. Если же хотели выразить число 23, то говорили «хыпхъазарак хцацны» (букв. «к одному количеству добавленное три»), а число тридцать – хыпхъазараки бжаки (букв. «одно количество и половина», «полтора количества»).

Число 40 обозначалось термином «ә-хыпхъазарак» (букв. «два количества»). И в этом случае также избегали круглое число «сорок», а употреблялось 39, которое звучало как «ә-хыпхъазарак зымназо» (букв. «не достигая двух количеств»). Число 41 обозначалось «ә-хыпхъазарак

инеиханы» (букв. «больше, чем два количества»). Число 45 выражалось как «*«-хыпхъазарак хәба ацны»* (букв. «к двум количествам добавленное пять») (со слов Харуна Каджая, 1924 г.р., жителя с. Арасадзыхь Очамчирского р-на, записано 09.02.80г).

Другой информант сообщил следующее:

«*Ацыгкәа рцәақәа анырпхъазоз «акы, ѡба, хқа» ухәар калазомызт. Жәаба-жәабала акәын изырпхъазоз»* – При подсчете шкурок куниц нельзя было считать «один, два, три». Счет велся десятками (со слов Аксента Конджария 1918 г.р., жителя с. Бзыбь Гагрского р-на, записано в 1986 г.).

По сообщениям того же Л. П. Сабанеева русские промысловики Сибири в XIX веке при подсчете собольих шкурок пользовались особым исчислением, которое велось сороками. Для этого имелись специальные термины «сорок, «сорочок», «полсорочка» и т.д. Ср.: «Во времена Ермака сорочок соболей стоил только 28 р. Соболи шкурки сортируются уже скупщиками пушнины, которые связывают их сорочками или полусорочками» [Сабанеев 1988: 351].

В словаре Вл. Даля читаем: «Соболь подбирается сороками, сорок соболей составляет мех, сорочек. Соболь поныне продается сороками или сорочками» [Даль 1982: 275).

М. Фасмер дает такое определение: сорок «связка из 40 собольих шкур» [Фасмер 1987: 722].

При передвижении по поверхности глубокого и рыхлого снега промысловики к подошве обуви подвязывали ремешками *ашәаѡақәа* – снегоступы, изготовленные из дикой лавровишни (*абна шымха, аецә*). Они имели округлую форму около 50 см. в диаметре. Внутри круга имелась решетка с крупными ячейками из сыромятной кожи. На «лесном языке» этот предмет назывался *ашъаха* (*ашъа* – от *ашъапы* «нога», *ахаха* – «растопыренная», «решетчатая»).

Для прокладки троп и отметания снега с ловушек из цельной древесины изготавливали «*атәаргәы лаба(шъа)*» – посох с лопастью, с лопатой (букв. липовая доска, *алабашъа* – посох) с вариантами *аспыга* (букв. инструмент для отметания снега), *ахәапа*. Длина ее 120-130 см, ширина лопасти до 15 см, а высота около 30-40 см. Изготавливается из бука (*ашә*), клена остролистого (*ачамха*), липы (*атәа*) и пр. На «лесном языке» ее называли *атас* (букв. «подпорка», «опора»; «подталкиватель»).

По завершении сезона, который заканчивался к первой половине марта, сообщество лесовиков (*абназацәа, ацыгкцәа, ацызхацәа*) возвращалось ночью тайно. Шкурки куниц не показывали. Было запрещено открыто выражать восторги от добычи, успехов. Добытые меха отдава-

лись на хранение старшему, доверенному лицу, который содержал их в сундуке под замком. Вырученные от реализации меха, деньги делились между компаньонами в равных долях, независимо от вклада каждого из них в отдельности.

По сообщениям информаторов и письменных источников до советской власти промысловики свой товар выносили в приморские торговые пункты, которые были расположены в Старой Гагре (Гагра абааҭа), Пицунде (Лзаа абааҭа), Бамборе, Гудауте, Псырдзхе (Новый Афон), Сухуме, Скурче, Тамыше, Очамчыре, Елыре и др., где меха закупали турецкие или другие иностранные купцы. Меха закупали также корабейники (акацкәырқәа, акацкәырцәа, акацкәыруаа – бз.; амазагәар – абж.), которые ходили по селам с корзинами на плечах и занимались мелочной торговлей.

В советское время добытчики куниц вступали в районные отделения «Охотничьего союза» и заключали с ними договора, у них же приобретали необходимый охотничий инвентарь, в том числе железные капканчики фабричного производства, а добытый мех сдавали «Охотсоюзу» по установленным государственным расценкам и получали стоимость сданной продукции в денежном или ином выражении.

Литература

- Абхазия и абхазы 2005:** Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX-нач. XXвв.). Книга I. Составители Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. Сухум, 2005.
- Аверкиев 1866:** Аверкиев И. С северо-восточного побережья Черного моря. Газ. «Кавказ», 1866/Абхазия и абхазы, 2005 с. 307.
- Акаба 1984:** Акаба Л. Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухум, 1984.
- Басария 2003:** Басария Симон. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Изд. 2. Сухум, 2003.
- Бгажба 1964:** Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка (исследование и тексты). Тбилиси. 1964.
- Бжания 1973:** Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов (Исследование и материалы). Сухуми, 1973.

- Даль I-IV:** Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т I-IV. М., 1978-1982.
- Дзидзария 1988:** Дзидзария Г. А. Труды. I том. Сухуми, 1988.
- Заповедники 1990:** Заповедники СССР. Заповедники Кавказа. М., 1990.
- Инал-ипа 1965:** Инал-ипа Ш. Д. Абхазы (Историко-этнографические очерки). 2-ое перераб. и доп. изд. Сухуми, 1965.
- Маан 2006:** Маан О. В. Абжуа. Историко-этнографические очерки Очамчырского района Абхазии. Сухум, 2006.
- Настольная книга 1956:** Настольная книга охотника-спортсмена. Т. II. М., 1956.
- Основы 1963:** Основы спортивной охоты (охотминимум). Изд. 2-ое, исправл. и дополн. М., 1963.
- Охота 1954:** Охота на Украине. Киев, 1954.
- Пейсонель 1927:** Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абазском берегу Черного моря, 1750-1762гг. в изложении Е. Д. Фелицына. Краснодар, 1927.
- Пузанов, Козлов, Кипарисов 2005:** Пузанов И. И., Козлов В. И., Кипарисов Г. П. Позвоночные животные нижегородской области. Изд. III, перер. и доп. Нижний Новгород, 2005.
- Рицинский 2005:** Рицинский реликтовый национальный парк (монография по материалам комплексной экспедиции). Сочи, 2005.
- Сабанеев 1988:** Сабанеев Л. П. Охотничьи звери. М., 1988.
- Сабанеев 1989:** Сабанеев Л. П. Охотничьи птицы. Труды по охоте. М., 1989.
- Сафонов 1837:** Сафонов С. Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете Ифигения в 1936 году. Одесса, 1837.
- Советский энциклопедический словарь М., 1981.**
- Туров 1952:** Туров С. С. Очерки охотника натуралиста. Изд. II, исправл. и дополн. М., 1952.
- Фасмер 1986:** Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. Изд. II, стереотипное. В четырех томах. М., 1986-1987.
- Ходжаев 1969:** Ходжаев, Н. Несколько слов об открытии Псхувского ущелья. Газ. «Кавказ» №104-105, 1869. Абхазия и абхазы, 2005.
- Хутыз 2001:** Хутыз К. К. Охота у адыгов (эколого-этнографический аспект). Книга I. Издание второе, иллюстрированное. Майкоп, 2001.
- Челеби 1972:** Челеби Евлия. Книга путешествий. Ч. 2-3. М., 1972, 1983.

Шагиров 1977: Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. В двух томах. М., 1977.

Шугуров 1911-1912: Шугуров А. Из отчета о поездке по Кодору и Гвандре. ИКОИРГО, т. XXI, №1, 1911-1912.

Источники

Алашара: Алитература-сахьаркыратә ауаажәларра-политикатә журнал.

Алитературатә пхьара: Алитературатә пхьара 3 акласс азы. Акәа, 2001.

Амаршьян 1994: Амаршьян Витали. Ақсха. Ароман. Акәа, 1994.

Амцабз: Ажурнал «Амцбаз».

Амш ғыц: Агазет «Амш ғыц».

Ақсны: Ақсны Жәлар Реизареи Ақсны аихабыреи ргазет.

Ақсны қацшь: Агазет «Ақсны қацшь».

Ақсуа литература ахрестоматиа а-6-тәи акласс азы. Акәа, 1995.

Ақсуаа рфольклор. Артур Аншба ианцамтақәа. Акәа, 1995.

Ахрестоматиа 1932: Ахрестоматиа а-5-тәи ақара шықәсазы (а-4-тәи акласс). Акәа, 1932.

Ашколи ақстазаареи: Ақсны Ахәынтқарра ақара Аминистрра итнажьюа ажурнал.

Бҗажәба 1983: Ақсуа жәапқақәа / Еикәиршәеит Хә. С. Бҗажәба. Акәа, 1983.

Бзыц: Гәдоутә араионтә газет.

Габниа 2002: Ақсуа жәлар рғапыц рғиамта. 12 томкны. VII ат. / Еикәлыршәеит Ц. С. Габниа. Акәа, 2002.

Генко 1998: Ақсуа-аурыстә жәар / Еикәиршәеит А. Н. Генко. Акәа, 1998.

Гыцба 2002: Гыцба Т. Шь. Ақсуаа рышьхахьызқәеи рышьхацамоақәеи. Акәа, 2002.

Гәлиа, Бҗажәба 1972: Ақсуа жәлар рпоезиа II атыжьра / Еикәдыршәеит Д. И. Гәлиа, Хә. С. Бҗажәба. Акәа, 1972.

Гәлиа, Цьанашьяи 1950: Гәлиа Д. И., Цьанашьяи Б. П. Ақсуа бызшәа III акласс азы. Сухум, 1950.

Гәыблиа 2004: Гәыблиа Гьаргь. Ацыхәтәантәи ахысыбжьы. Ароман. Акәа, 2004.

Искандер 1969: Искандер Фазиль. Ицасхәым ачыс. Акәа, 1969. (Еиҗеигеит Ш. Акәысба).

Иҗамбазо жәлар рзыхь / Еикәиршәеит К. С. Шьакрыл. Ақәа, 1989.

Камкиа 1985: Ахькәырчахақәа / Еикәиршәеит Шь. Камкиа. Ақәа, 1985.

Камкиа 2001: Камкиа Шьаликәа. Ажәақәа рдунеи. Ақәа, 2001.

Касланзиа 2005: Ақсуа-аурыс жәар. Ө-томкны / Еикәиршәеит В. А. Касланзиа. М.; Ақәа, 2005.

Кәарциа 2002: Кәарциа Валери. Ақсны атопонимика. Ақәа, 2002.

Кәарциа 2006: Кәарциа Заур. Июымтақәа реизга. I ат. Ақәа, 2006.

Қапба 2001: Қапба Руслан. Владимир Анқәаб. Иқстазаареи иреиамтақәеи. Ақәа, 2001.

Малиа 2003: Малиа Елена. Ақсуа мағәа. Ақәа, 2003.

Миқаиа 2003: Миқаиа Мушьни. Ахьа. Ароман. I-II ашәкәқәа. Ақәа, 2003.

Нарт Сасрыкәеи җшыноажәи зеижәоык иара иашьцәеи – Ақсуа жәлар репос. Ақәа, 1962.

Островски 1956: Островски Николаи. Ақыр шзрыжәхаз. Ақәа, 1956.

Папасқыр 1955: Папасқыр Иван. Тәмыр. Ароман. Ақәа, 1955.

Салакаиа 2003: Ақсуа фольклор / Ианицеит, акьыпхь иазирхеит Ш. Хь. Салакаиа. Ақәа, 2003.

Смыр 2005: Смыр Рушьбеи. Абжыы. Ажәеинраалақәа. Ақәа, 2005.

Советская Абхазия: Агазет «Советская Абхазия».

Җашыг 2002: Җашыг Никәала. Ақсуара ашьаҗақәа. Ақәа, 2002.

Җкадуа 1963: Җкадуа Платон. Ө-еиниарак. Ақәа, 1963.

Җкадуа 1976: Җкадуа Платон. Иалкаау. Ақәа, 1976.

Шамба 2003: Афоризмы абхазов. Собрал, перевел и обработал проф. Олег Шамба. Сухум, 2003.

Шамба, Гәыргәлиа 2003: Ақсуа жәаққақәа / Еикәдыршәеит: Олег Шамба, Борис Гәыргәлиа. Ақәа, 2003.

Шьакрыл 1970: Сақаниа Маадан. Ихәамтақәа / Еикәиршәеит, ақхьажәеи азгәатақәеи иоит К. С.Шьакрыл. Ақәа, 1970.

Шьакрыл, Концъариа, Җкадуа 1986–1987: Шьакрыл К. С., Концъариа В. Хь, Җкадуа Л. П. Ақсуа бызшәа ажәар. 2-томкны. Ақәа, 1986–1987.

Шьынқәба 1959: Ақсуа жәлар рпоезиа / Еикәиршәеит Б. В. Шьынқәба. Ақәа, 1959.

Шьынқәба 1990: Шьынқәба Баграт. Ахьырцәацәа. Ақәа, 1990.

Җьениа 1971: Җьениа Алықьса. Абна амаза. Ароман. Ақәа, 1971.

Җьонуа 1976: Җьонуа Җычыкәа. Иалкаау. II атом. Ақәа, 1976.

Список информантов

Абухба Чика, 1920 г. р., с. Джгярда
Агрба Ясон, 1918 г. р., с. Джирхуа
Агумаа Кута, 1893 г.р., с. Лдзаа
Ампар Гуаджа, 1918 г. р., с. Калдахуара
Арстаа Шота, 1929 г.р., с. Уатхара
Ахба Константин, 1937 г. р., с. Калдахуара
Барцыц Джамфер, 1906 г. р., с. Бзыпта
Барцыц Рамиз, 1936 г. р., с. Блабырхуа
Гуарамия Кямщиц, 1885 г. р., с. Аджампазра
Джапуа Чут, 1906 г. р., с. Члоу
Каджая Харун, 1924 г. р., с. Арасадзых
Куанджария Аксент, 1918 г. р., с. Бзыпта
Псардия Алексей, 1930 г.р., с. Бзыпта
Тания Леуард, 1934 г. р., с. Дурипщш
Хагба Махты, 115 лет, с. Ачандара
Хеция Джота, 1911 г. р., с. Калдахуара
Хеция Камсис, 1904 г. р., с. Калдахуара
Ченция Ремзик, 1961 г. р., с. Блабырхуа
Шинкуба Аполон 1946 г.р., с. Тхина
Юардан Кунцал, 1928 г. р., с. Уатхара

З. М. МАЛЛАЕВА
(г. Махачкала)

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ДАГЕСТАНА

Дагестан, расположенный на стыке Европы и Азии, представляет собой удивительную мозаику многочисленных этносов, культур, языков. Этническая пестрота и чрезвычайное многоязычие Дагестана (как и Кавказа в целом) отмечали еще античные историки и писатели. Арабские средневековые историки и географы называли Дагестан не только «Страной гор», но и «горой языков».

Этнолингвистическое и культурное многообразие Дагестана, особенно его нагорной части, неизменно привлекали внимание исследователей. В научной литературе бытуют разные мнения, объясняющие этот феномен. Одно из популярных мнений (известное еще с девятнадцатого века) пытается объяснить это многообразие географическими особенностями ойкумены, а именно – сильно пресеченным горным ландшафтом, который затруднял общение горцев. Безусловно, труднопроходимые скалы и бурные горные реки служили естественными преградами, которые содействовали определенной обструкции горцев и затрудняли общение. Но это вовсе не значит, что между горцами не было общения: похороны, рождение детей, свадьбы и другие подобные значимые мероприятия были и остаются сегодня также важными причинами для общения горцев.

Другое мнение связано с миграционной теорией и объясняет многообразие культур и языков на Кавказе не условиями жизни горцев, а миграцией различных по происхождению древних племен. Жители разных аулов являются потомками разных племен, которые некогда здесь прижились. Они сохранили одежду, обычаи, нравы, также и язык своих предков. Безусловно, горный ландшафт и натуральное хозяйство только содействовали этому.

Имеется также третье мнение, которое высказал Е.А. Бокарев – известный исследователь дагестанских языков. Он называет три главные причины распада дагестанского праязыка и возникновения множества

малочисленных языков: горный ландшафт, натуральное хозяйство и отсталые общественные отношения.

Все упомянутые причины, конечно же, сыграли определенную роль при возникновении этнолингвистического многообразия. Однако главная причина этнического, культурного и лингвистического многообразия Дагестана кроется, на наш взгляд, в другом – это продолжительная **политическая раздробленность**.

В Дагестане, как известно, наряду с крупными политическими союзами существовали также многочисленные объединения, так называемые «вольные общества». Каждое из этих обществ имело свою собственную территорию, в юридическом смысле, т.е. каждое вольное общество обладало территориальным и политическим суверенитетом. В тогдашних «вольных обществах» каждый аул представлял собой этническое единство, поскольку говорил на собственном диалекте и обладал особенностями материальной и духовной культуры.

На протяжении пятнадцати столетий (за исключением короткого периода политического объединения во времена кавказской Албании и расцвета Казикумухского Шамхальства в XIV – XV в.в.) Дагестан был раздроблен. Только на короткие периоды объединялись дагестанские народности и соседние области, как правило, это происходило при наличии внешней угрозы.

В XVIII веке Дагестан все еще состоял из разрозненных мелких и мельчайших политических единиц, которые были известны как Союзы аварских, даргинских и лезгинских «вольных обществ». Так что не только горы, но и политические границы отделяли народности друг от друга. Мозаика политически самостоятельных единиц, которые стабильно существовали на протяжении многих лет, послужила главной причиной возникновения этнической и лингвистической дифференциации.

Длительное существование политической раздробленности, при которой каждая политическая единица располагала стабильными границами и суверенитетом, отделяла их культуры, также и языки друг от друга. В этой этнолингвистической и культурной мозаике Дагестана, особенно в его нагорной части, можно говорить об этнографическом и лингвистическом эффекте, который вызван политическим состоянием.

И наличие более чем тридцати самостоятельных языков с многочисленными диалектами является как раз следствием политической ситуации в истории Дагестана. При этом различия между диалектами одного и того же языка могут быть настолько сильными, что представители разных диалектов подчас с трудом понимают друг друга. В лезгинском, лакском, табасаранском, агульском и некоторых других языках

различия между диалектами несущественны, и они без особого труда понимают друг друга. Однако в даргинском и аварском языках различия между отдельными диалектами настолько большие, что взаимопонимание между их носителями не всегда возможно. Поэтому для Дагестана во все времена была актуальна проблема языка межнационального общения.

Преобладающее большинство населения Дагестана двуязычно; некоторые из них владеют тремя и четырьмя языками. Среди дагестанских языков особую роль играл аварский язык, служивший языком общения среди 14 андо-цезских народностей. Почти все носители андо-цезских языков знают также аварский язык. Здесь речь идет об одностороннем двуязычии, т.е. андо-цезы говорят на аварском языке, а среди аварцев редко кто владеет малыми языками своих соседей.

В предгорной и низменной части Дагестана языком межэтнического общения служил кумыкский язык. А на юге Дагестана, где проживают лезгины, табасаранцы, агулы, цахуры, рутулы и другие представители лезгинской группы языков, языком межэтнического общения служил азербайджанский язык. Представляет интерес, что азербайджанский язык, на юге Дагестана был известен как «тюркский язык» или «мусульманский язык», и что эти термины употреблялись как синонимы.

Азербайджан оказал большое влияние не только на язык народностей южного Дагестана, но и на их материальную и духовную культуру.

Азербайджанский язык на юге, аварский на западе Дагестана и кумыкский в немногочисленных городах: Темир-хан-Шура, Порт-Петровск, Хасавюрт и в их пригородах были региональными языками межэтнического общения. Речь идет, безусловно, об одностороннем двуязычии, наряду с которым было представлено также двустороннее двуязычие. Двустороннее двуязычие, как правило, имеет место в пограничных селах, например: на границе между аварцами и лакцами, между даргинцами и лакцами, между даргинцами и аварцами.

Большое распространение получил в Дагестане арабский язык. На протяжении столетий служил арабский язык языком религии и литературным языком. В шестидесятых годах девятнадцатого века исследователь дагестанских языков П.К. Услар писал о том, что в Дагестане нет ни одного села без школы при мечети. Едва ли среди мусульманского населения изучение арабского языка так распространено, как в Дагестане. «Если об образовании народном судить по соразмерности числа школ с массой народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили даже многие просвещенные европейские нации» [Услар 1870: 3].

Арабский язык в Дагестане был не только языком религии, но и выполнял целый ряд общественных функций. Кроме того, на арабском языке появлялись математические, исторические, философские и филологические трактаты. В арабской литературе существует целый пласт литературы, созданный дагестанцами. Впрочем, литературные произведения, созданные дагестанцами на арабском языке не были столь популярны, как математические и медицинские труды.

Подавляющее большинство населения Дагестана владеет русским языком. Русский язык выполняет повсеместно функцию языка межнационального общения. Еще до революции русский язык оказывал огромное влияние на дагестанские языки, что приводило к обогащению последних заимствованиями русских и интернациональных терминов.

Несмотря на это многообразие этносов, языков и культур народы Дагестана имеют ряд объединяющих факторов. Прежде всего, это единые юридические системы. Исследуя адатно-правовые системы Дагестана, М.М. Ковалевский приходит к неожиданному для самого автора выводу, что, несмотря на пестроту племенного состава и разнообразие языков, жители Дагестана придерживаются более или менее одинаковых начал права. «Пестрота этнографического состава, какой отличается население Дагестана, невольно вызывает в нас предположение, что юридические обычаи, которым следуют горцы, должны отличаться большим разнообразием, так что представляется возможным говорить о целом ряде правовых систем, приуроченных каждая к отдельной народности и являющихся выражением особенностей ее национального духа. Сравнительное изучение приводит, однако, к совершенно противоположному выводу. Вместо нескольких, мы имеем перед собой одну юридическую систему» [Ковалевский 1890: 142].

Вторым объединяющим фактором является горский этикет, в принципе одинаковый для всех. Различаются только детали.

Во всех дагестанских языках, да и в большинстве кавказских языков, представлено слово *намус* (в разных фонетических вариантах). В национально-русских словарях это слово обычно переводится как «совесть». Однако, это всего лишь одно из значений этого многозначного слова, *намус* – это термин, обозначающий неписанные законы горского этикета.

Слово *намус* восходит к греческому (*nomos* «закон») и заимствовано кавказскими языками через арабский, где оно имеет значение «честь», «совесть», «репутация», «доброе имя». В каждой культуре термин *намус* обрывает новыми значениями. В дагестанских языках этот термин обозначает целый институт отношений: отношений к старшему по

колению, к гостю, к женщине и т.д., отношений, основанных на вежливости. Намус – это социальный механизм проявления **вежливости** в быту. Когда о каком-либо человеке говорят, что он обладает намусом, имеют в виду, что человек вежлив, учтив, деликатен, воспитан, скром, услужлив, т.е. соблюдает неписанные законы горского этикета.

Основу горского этикета составляют формулы вежливости, которые имеют как вербальные, так и невербальные формы проявления. Вербальные формы проявления вежливости в Дагестане составляют лишь вершину айсберга. Хотя Восток и восточные культуры имели большое влияние на дагестанские народы, восточное многословие (сладкоречие) дагестанская культура так и не приняла. Более того, горский этикет близок законам жизни древних спартанцев. Пожалуй, только на юге Дагестана получило распространение традиционное восточное сладкоречие, очевидно, под влиянием соседнего Азербайджана.

Поэтому скромность – это признак вежливости, а многословие, пустословие, бахвальство – это проявление невежливости.

К вербальным средствам выражения вежливости относятся, прежде всего, формулы приветствия. Самое распространенное приветствие среди мужчин (включая мальчиков) всех национальностей – это *Салам алейкум!* «Мир тебе!» – ответная форма - *Ва алейкум салам*. Эта формула приветствия настолько вошла в быт горцев, что она не воспринимается как заимствование из арабского языка. Примечательно, что данная формула приветствия допустима только для мужчин, женщины (в отличие, например, от женщин Средней Азии) данной формулой не пользуются. Произнесение этой фразы, как правило, сопровождается рукопожатием. Причем фразу произносит тот, кто прибывает, независимо от возраста и социального статуса, а руку подает старший по возрасту, младший имеет право на ответное рукопожатие. В городе этот принцип не выдерживается, что является нарушением традиционного горского этикета. Имеются также исконно дагестанские формулы приветствия, например:

Аварские:

Бог да обрадует тебя!

Голова да будет здрава!

Бог да выпрямит тебе дорогу (путнику)!

Лакские:

Да даст тебе Бог, чего ты не ждешь!

Да дадутся тебе сердечная радость и жизнь!

С отдыхом здоровья да дастся (возвратившемуся с дороги)!

Даргинские:

Да умножатся твои бараны!

Да расцветешь ты как сад!

Чеченские:

Приход твой да будет к счастью!

Утро твое да будет хорошим!

Общедагестанские:

Да продлится жизнь твоя!

Сыновья твои да будут счастливы!

Да приумножится род твой!

Женщины подают руку при приветствии в исключительных случаях (соболезнование, официальный прием и т.д.), в повседневной жизни они ограничиваются вербальными приветствиями. В случае, если они долго не виделись или одна из них прибыла издалека, то возможны объятия и поцелуи.

В некоторых районах Дагестана женщины целуют друг другу руки после долгой разлуки.

К невербальным формам проявления вежливости относятся: вставание с места (женщина, когда заходит мужчина; мужчина, оказывая уважение женщине), обнимание (обычно женщина с женщиной, редко с мужчиной), целование (только женщины).

В любом месте, в любом обществе особый почет оказывается старшему. В дагестанских языках нет вежливой формы обращения к старшему на «Вы» (типа нем. Sie). Но это никоим образом не приводит к панибратству в обращении младших. При встрече со старшим младший не только здоровается с ним первым, но и останавливается, выражая готовность оказать услугу, если в этом будет необходимость. Уважение к старшему выражается также в позе младшего, в жестах, в тембре и силе голоса.

Горский этикет вовсе не предполагает, что у младшего одни только обязанности, а у старшего одни только привилегии. Старший должен не только на словах утверждать свое право на лидерство, но и проявлять выдержку и выносливость, защищать младших и женщин, брать на себя опасную и тяжелую работу. Старики в горах не насаждают уважительное отношение к себе, а заслуживают его своей жизнью: трудолюбием, знаниями, житейской мудростью.

Не следует путать проявление вежливости с лестью и угодничеством. Чувство меры обязательный атрибут горского этикета. Следует отметить, что в отличие и от Востока, и от Запада кавказцы никогда не имели обыкновения кланяться своим или чужим господам. Чинопо-

читание и бездумное подчинение должностным лицам были чужды для горцев. Если человек в горах не имеет чести и достоинства, то никакое богатство не заставит людей его уважать.

В горах было принято относиться к женщине с вниманием и предупредительностью. Если женщина одна растит детей, то все мужчины села вместе или по очереди безвозмездно помогали ей в полевых работах, в лесу, в строительстве дома и т.д. В пути мужчина должен был опекать женщину, обеспечивая ей всевозможные удобства. Кричать на женщину считалось недостойным, а, подняв не нее руку, мужчина обрекал себя на позор и всеобщее презрение. Особое уважение к женщине проявлялось в том, что даже самый жесткий поединок прекращался, если женщина, прося об этом, снимала свой головной платок.

То, что женщина не имела права принимать трапезу с мужчинами, западная культура оценивает как неуважение к женщине. На самом деле это делается исключительно из-за уважения к женщине. Прием пищи не самый эстетичный акт и мужчина не должен видеть женщину жующей и чавкающей, это портит впечатление о женщине как о возвышенном существе. Поэтому в селах женщины старшего поколения отворачиваются даже когда пьют воду.

Гость согласно горскому этикету – божий посланник, и соответственно с этим следует с ним обращаться.

Этикетное невежество – это невежливость. Невежливость проявляется в употреблении бранных слов, громком смехе, развязной позе или походке, прожорливости, жадности, болтливости. Существуют также вербальные средства выражения невежливости, характеризующие менталитет и идиозтнические особенности дагестанцев, например:

Аварские:

Провались ты в ад!

Семя да иссякнет твое!

Да растерзает тебя орел!

Да пожрет ржавчина твое оружие!

Тень филина да покроет твой дом!

Да вылезут твои косы (женщина женщине)!

Да вылезут твои усы (женщина мужчине)!

Андийские:

Да убьют тебя чужие!

Лакские:

Утони ты в крови!

Да распорется живот твой!

Да напишут твое имя на камне (имеется в виду надмогильный камень)!

Да вырастет колючка в твоём камине!

Менталитет дагестанцев позволяет органично вписаться в любую иноэтническую среду будь то на востоке или на западе и, как правило, они добиваются успехов и признания, поскольку горский этикет формирует такие качества, как: мужество, честь, человечность, почтительность, вежливость, которые ценятся в любом обществе.

Литература

Ковалевский 1890: Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М., 1890.

Услар 1870: Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // Кавказские горцы. Сборник сведений. Вып. III. Тифлис, 1870.

В. А. ЧИРИКБА

АБХАЗСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В МЕГРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

*Посвящается памяти профессора
Георгия Андреевича Климова.*

1. Введение¹

Мегрелы, представители западной ветви картвелоязычного мира,² в течение многих веков существуют в условиях тесных и многосторонних культурных, экономических и политических связей с абхазами, народом, говорящим на языке абхазо-адыгской группы северокавказской языковой семьи (второй ветвью ее является нахско-дагестанская группа языков). Территориальная близость этих двух народов подкреплялась нередкой общностью политических судеб Абхазии и Мегрелии, совместно входивших в состав целого ряда государственных образований: как полуполюгендарного Колхидского царства (в достоверности существования которого, впрочем, у историков имеются серьезные сомнения), так и в уже реально засвидетельствованное царство Лазики, позднее – в Абхазское царство (VIII-X вв. н.э.), а впоследствии – в состав объединенного царства «абхазов и картвелов» вплоть до его распада в XIII в. под натиском монголов. В начале XIX в. Мегрельское (в 1803 г.) и Абхазское (в 1810 г.) княжества вошли в состав Российской империи, а в советский период Абхазия (с 1931 года в качестве Автономной Со-

¹ Я выражаю искреннюю благодарность проф. В. Г. Ардзинба, к.ф.н. Б. Джонуа и проф. Б. Дж. Хьюитту за ценные комментарии и предложения по тексту данной статьи.

² Картвельская языковая семья, не родственная северокавказской, включает четыре языка: грузинский, сванский, мегрельский и лазский (только между двумя последними языками возможно взаимное понимание).

ветской Социалистической Республики) и Мегрелия входили в состав Грузинской ССР.

Традицией были династические браки между представителями княжеских домов Абхазии и Мегрелии, т.е. между абхазскими владельческими князьями Чачба (Шервашидзе) и мегрельскими Дадиянами. Южноабхазские аристократы нередко владели мегрельским языком, и наоборот, некоторые мегрельские князья знали абхазский. Отражая ситуацию, характерную для начала XIX в., Э. Спенсер в своей книге "Travels in Circassia, Krym-Tartary" писал: "Как выясняется, крестьяне Мегрелии не говорят на черкесском диалекте [подразумевается абхазский. – В.Ч.], которым пользуются лишь князья и дворяне, претендующие на общее происхождение с неукротимыми обитателями Черкесии ..." [Spencer 1838: 308].

Языковая интерференция была особенно интенсивной в зоне непосредственного абхазо-мегрельского пограничья, в Самурзаканской провинции Южной Абхазии (нынешний Гальский район) и в близлежащих мегрельских районах. Население многих населенных пунктов в Самурзакане еще в конце XIX в. было либо двуязычным (мегрело-абхазским), либо по крайней мере понимало абхазский язык. По сообщению [Чарая 2], «В центральных возвышенных частях Самурзакани отчасти, а в западных преимущественно, жители понимают, впрочем, и по-абхазски.» По данным К. Д. Мачавариани, на которые ссылается Л.Г. Лопатинский в своей редакторской сноске на с. 71 в статье [Шухардт 1899], в общинах Бедийской, Чхортольской, Окумской, Гальской, Царчинской слышится абхазская речь, а в Саберии, Отобае, Дихазургах говорят по-мегрельски.

Ценную картину мегрело-абхазской языковой границы последней четверти XIX века дает в своих «Мегрельских этюдах» [Цагарели 1880: V и след.]. Согласно его исследованию, к северу от Ингура и до р. Эртис-цкали в обществах Саберии, Чубурхинджи, Набакеви, Баргеби и Борбала мегрельский язык служит семейным и разговорным, но среди мужчин в большей или меньшей степени распространено знание абхазского языка. Далее, в селениях Бедиа, Окум, Гал, Мухури, Гудава между реками Эртис-цкали и Охурей, мегрельский язык господствует в семье, но в общественной жизни употребляются в одинаковой степени мегрельский и абхазский (редко можно найти мужчину, который бы не знал или, по крайней мере, не понимал абхазского). Между реками Охурей и Галидзгой абхазский является не только языком общества, но и семьи, здесь говорящие только по-мегрельски женщины и дети являются исключением, а мужчины хотя и не все умеют говорить по-мегрельски,

но понимают его. Единственным местом этой полосы, где мегрельский являлся не только языком семьи, но и общества – это Илори, а к абхазоязычным относятся, в числе прочих, Поквеш и Квезани. Согласно Цагарели, из больше чем четырех тысяч семейств (около 30 тыс. чел.) в Самурзакани приблизительно половина признает абхазский своим родным языком.¹

Грузинский писатель Д. Кипиани писал, что в Самурзакани язык моды – абхазский, а язык домашний – мегрельский (газ. «Кавказ», 1865, № 83).² А по словам [Цагарели 1880: ix], “абхазский язык во всем Самурзакане до последнего времени был языком высшего сословия, – князей и дворян, они этим щеголяли...”. Последнее обстоятельство объясняется, в числе прочего, и тем, что феодальный класс в Самурзакани (князья и дворяне) составляли этнические абхазы, представители таких аристократических родов, как Анчабадзе (Ачба), Шервашидзе (Чачба), Званбая (Званба), Маргания (Маан), Эмухвари, Чкотуа, Лакербая (Лакрба) и др.

Динамика воздействия одного языка на другой в различные исторические эпохи была неодинаковой. В целом, можно сказать, что интенсивность абхазского языкового влияния на мегрельский, пик которого приходился, по-видимому, на период существования Абхазского царства, постепенно ослабевала по направлению к нынешнему времени, хотя в мегрельско-абхазской контактной зоне абхазский по-прежнему сохранял свое влияние вплоть до первой четверти XX в. Наибольшее мегрельское влияние на абхазский приходится, по-видимому, на середину XIX – первую четверть XX в., что было обусловлено тем что, в связи с опустением большинства абхазских земель в результате мухаджирства (массовой депортации абхазов в Турцию царской Россией) происходил активный процесс переселения в Абхазию значительного количества мегрелов, который продолжался, с разной степенью интенсивности, вплоть до недавнего времени. Это привело к существенной интенсификации мегрело-абхазских контактов, что отразилось, в частности, и на абхазском лексиконе, усвоившем довольно значительное количество мегрельских слов (в том числе и многие грузинизмы, проникшие в абхазский язык через мегрельское посредство).

Хотя по насыщенности картвельской лексикой из всех северокавказских языков абхазский уступает, пожалуй, лишь бацбийскому, только небольшая ее часть, около 30 лексем, находит свое про-

¹ Цит. по [Шухардт 1899: 73-74].

² Цит. по [Ачугба 2006: 11-12].

должение в тапантском диалекте близкородственного абхазскому абазинского языка (предки носителей которого переселились в позднее средневековье из Абхазии на Северный Кавказ) и, таким образом, возводима к общеабхазской эпохе (см. [Chirikba 1996: 101-102]). Такой весьма небольшой объем картвельской лексики в общеабхазском свидетельствует о довольно слабой интенсивности прямых абхазо-картвельских контактов в общеабхазский период (т. е. примерно до XIV в.), причем картвельское языковое влияние ограничивалось почти исключительно лексикой, не затрагивая морфологии или синтаксиса. Лексическое влияние картвельских языков охватывало прежде всего прибрежные области Абхазии, в значительно меньшей степени затрагивая ее горные регионы, причем удельный вес картвелизмов увеличивается с запада на восток, достигая максимума в пограничных абхазо-мегрельских районах с нередким абхазо-мегрельским, и реже мегрело-абхазским двуязычием и уменьшается примерно вдвое в бзыпском диалекте, составляя здесь немногим более ста лексических единиц.

Необходимо отметить, что, если не считать небольшой части картвелизмов, непосредственно возводимых к грузинскому источнику, большая часть картвельской лексики, проникшей в абхазский устным путем, в том числе и основная масса грузинизмов, имеет своим источником или посредником именно мегрельский язык. С другой стороны, следы контактов абхазского со сванским, вопреки бытовавшим ранее представлениям относительно смешанного абхазо-адыгско-картвельского характера сванского, напротив, не столь явно ощутимы (хотя см. [Toruia 1967: 69-70], [Hewitt 1992: 245-246]). Иная ситуация сложилась в советское время, после включения Абхазии в Грузию в 1931 г., когда в литературный абхазский язык было введено определенное количество грузинской лексики.

Вопрос о мегрельском языковом влиянии на абхазский изучен уже довольно неплохо благодаря работам [Чарая 1912], [Генко 1928], [Schmidt 1950], [Бражба 1964], [Cik'olija 1969], [Lucassen 1980], [Шагиров 1989], [Джонуа 2002] и др. В то же время вопрос о влиянии абхазского языка на мегрельский не получил до сих пор должного освещения. Это не означает, разумеется, что данная проблематика вовсе не затрагивалась исследователями. Целый ряд абхазских лексических заимствований в мегрельском отметил в своей грамматике и словаре мегрельского языка И. Кипшидзе.¹ Интересной с исторической точки зрения представляется

¹ Хотя на с. XX своей грамматики Кипшидзе отмечает, что заимствований из абхазского в мегрельском «весьма мало», утверждение это явно не соответству-

описанная в [Цагарели 1880: viii-ix] картина языковой ситуации, характерной для абхазо-мегрельского пограничья второй половины XIX в. Ряд наблюдений с точки зрения исследуемой проблематики принадлежит Н.Я. Марру (см. [Марр 1915: 214-215; 1938]; см. также заметки Марра в [Чарая 1912]). Впоследствии некоторые аспекты данной тематики рассматривались в работах [Чикобава 1942], [Рогава 1942], [Гудава 1947], [Ломтатидзе 1956], [Cik'olija 1977], [Климова 1971; 1986], [Дзидзария 1987; 1988; 1989; 2000], [Hewitt 1992; 1992a], [Гублия 2002] и некоторых других авторов. См. также [Чирикба 1998].

В данной статье рассматриваются фонетические особенности абхазских заимствований в мегрельском, а также дается этимологический анализ мегрельских абхазизмов. Весьма коротко затрагиваются также вопросы возможного влияния абхазского в области мегрельской морфологии и синтаксиса, поскольку эти интересные темы заслуживают специального рассмотрения. Анализируемый ниже мегрельский материал абхазского происхождения представляет собой как апеллативную, так и, в меньшем объеме, ономастическую лексику. Существенная его часть была уже отмечена в специальной литературе, другая же часть дополнительно выявлена мною. Основными источниками по мегрельскому языку послужили уже упомянутый словарь И. Кипшидзе [Кипш], новый большой трехтомный мегрельско-грузинский словарь О. Каджая [ОК I, II, III], работы А. Цагарели, П. Чарая и некоторых других авторов, а также собранный мною полевой лексический материал. Мегрельские лексемы по возможности проверялись мной у носителей обоих мегрельских диалектов (т.е. сенакского и зугдидско-самурзаканского).

Абхазские заимствования образуют определенный пласт в мегрельском словаре и составляют несколько тематических групп. Самая большая группа представлена сельскохозяйственными терминами, лексикой животноводства и производства молочных продуктов. Второй по объему группой является терминология, относящаяся к домашнему хозяйству и быту. Затем следуют названия растений, слова, относящиеся к религиозной сфере, названия частей тела, природных объектов, характеристика качеств человека, лексика мореходства и т.д. В качестве абхазских заимствований я рассматриваю также слова, которые в самом абхазском ранее были заимствованы из других языков, как, например, мегр. bZak6e 'борода', dagva 'глухой', uro 'деревянный молот' (в абхазском все из адыгских), naxut//naxuto//naxwta 'узда' (в конечном

ет реальной картине, на что деликатно намекает в своей рецензии [Марр 1915: 215].

счете из тюркских, но в абхазском, по-видимому, через адыгские), *Cinori* 'наемный пастух' (в конечном счете из иранских).

Большинство анализируемого в данной работе материала было обсуждено с проф. Г. А. Климовым в Москве, во время работы в секторе кавказских языков Института Языкознания АН СССР, а также несколькими годами позже, во время Седьмого Кавказского Коллоквиума в Марбурге (в 1994 г.). Все его замечания были мной полностью учтены. Я посвящаю эту статью Георгию Андреевичу как дань моего глубокого уважения к памяти этого великого ученого, рядом с которым мне посчастливилось работать и общение с которым дало так много для моего становления в качестве лингвиста-кавказоведа.

2. Ареальные черты в фонетике

Фонемные инвентари абхазского и мегрельского языков представляют разительный контраст как с точки зрения вокализма, так и консонантизма. Можно назвать лишь несколько черт, общих для фонологических систем обоих языков, главным из которых являются трехрядная консонантная оппозиция "звонкий-глухой-глоттализированный" и сравнительная простота системы сонантов. Однако все эти черты характерны для большинства коренных кавказских языков. Основным отличием в консонантизме является то обстоятельство, что большинство абхазских шумных согласных обладают тембровой корреляцией палатализации и лабиализации, отсутствующей в мегрельском и других картвельских языках. С другой стороны, абхазский вокализм содержит только две фонемы, различающиеся по степени открытости ($a \sim 8$), тогда как в мегрельском пять гласных фонем (некоторые авторы рассматривают шва в качестве шестого мегрельского гласного, см. [Имнадзе 1971: 6]).

Несмотря на столь существенные различия в фонемных инвентарях, между контактирующими мегрельскими и абхазскими изолектами наблюдается некоторая взаимная фонетическая "аккомодация", выражающаяся в адаптации артикуляционных черт, изначально присущих лишь одному из контактирующих языков. Так, в соседствующем с мегрельским абжуйском диалекте абхазского произошло упрощение некоторых первоначальных фонемных контрастов: слияние средних и передних простых сибилантов ($1\ 2 > z\ s$, $3\ 4\ 46 > \gamma\ c\ s\ b$), а также фарингализованных и простых увулярных спирантов ($\underline{x}\ \underline{x}0 > x\ x0$), тогда как все эти фонемы все еще сохраняются в бзыпском диалекте. В пограничных с мегрельским абхазоязычных зонах мегрельское язы-

ковое влияние выражается во фразовой интонации, в смягченном произношении латерального сонанта *l* ; а также в значительном числе мегрельских лексических заимствований и в абхазо-мегрельском двуязычии.

С другой стороны, отмечается очевидное абхазское влияние на произношение мегрельских звуков, усиливающееся в зонах непосредственного контакта. Это особенно характерно для самурзаканского говора мегрельского (что неудивительно, ввиду этнически смешанного, абхазо-мегрельского, происхождения большей части его носителей), несколько меньше в зугдидском говоре и еще меньше в сенакском диалекте, более отдаленных от Абхазии и испытывающих влияние западногрузинских диалектов. Эти особенности мегрельской речи были отмечены еще [Чарая 2], который писал, что «в Самурзакани же говорят на мингрельском наречии, в фонетическом отношении весьма приближающемся к абхазскому». Согласно [Чарая 59], «Сванский язык и самурзаканский говор мингрельского языка представляют переходную ступень от грузинской звуковой системы к абхазской. И в сванском, и в мингрельском есть звук *8*, играющий большую роль в абхазской фонетике <...>. Звук *l* в мингрельском языке произносится очень мягко, мягче, чем в грузинском; в Самурзакани же он произносится очень твердо, совершенно так, как в абхазском» (см. также [Цагарели 1880: 9, 18], [Кипш 012-013]). Вполне вероятно, что мегрельский заимствовал звук *шва* из абхазского и, как я уже отметил выше, некоторые авторы рассматривают его в качестве шестой гласной фонемы мегрельского языка.

Абхазскому влиянию можно было бы приписать также расщепление гласного *o* на дифтонг *va* [wa] в ряде слов в зугдидско-самурзаканском говоре мегрельского, ср. сен. *kora* : зугд.-самурз. *kvara* ‘живот’, сен. *gola* : зугд.-самурз. *gvala* ‘гора’ ([Кизириа 1967: 63]), что напоминает такой же процесс в абхазском, в котором отсутствует гласная фонема *o* (хотя сходный процесс засвидетельствован и в некоторых грузинских диалектах). Ср. также отмечающийся в словарях перебой *o ~ va* [wa] в таких мегрельских словах, как *Cikovani*//*Cikvani*, *xorava*//*xvarava* (фамильные имена), *qɔvarani*//*qɔborani* ‘ворона’, а также мегр. *eCva* < груз. *eCo* ‘топорик’. Другим примером возможного влияния абхазской фонетики является отмечающаяся в зугдидско-самурзаканском говоре тенденция к элизии конечных гласных (напр. *doJur* < *doJuru* ‘он умер’, *doQvil* < *doQvilu* ‘он убил’), что сравнивается [Cik’olija 1975: 47] со сходными процессами в абхазском.

3. Фонетический анализ абхазских заимствований в мегрельском

(1) Вокалические соответствия.

Наблюдаются как регулярные, так и спорадические соответствия между гласными в заимствованных из абхазского мегрельских словах и в их абхазском первоисточнике.

В зависимости от соседнего согласного, один и тот же абхазский гласный может отражаться в мегрельском различным образом.

(1.1.) В отличие от обычного соответствия абх. а > мегр. а, ср. такие случаи, как:

абх. мегр.

- а > и : абх. Аq60а > мегр. Аq6и 'Сухум' (под влиянием лабиализованного q60); а-S7ха-r8-Z7 > SxuriCi 'дикий виноград'
- а > е : абх. h-taca > мегр. xateci '(наша) невестка', а-pha > хе 'дочь' (в женских фамилиях), а-C7am8k0a > Cemkwa 'вид молочного блюда', а-хC6at > хеC6eti 'сливки', а-ha-C67C67a > хеC6еC6i 'сорт груши'. Наряду с другими возможными причинами, передача абхазского а через е в мегрельском может быть объяснена несколько передней артикуляцией абхазского гласного
- а > о : этот процесс характерен в основном для финальной позиции: абх. а-w8ra > мегр. уро 'деревянный молот', а-хаC67а > хаC6о 'творог', а-k6(a)k6ara > k6ак6аро 'чаща'; ср. также абх. ak68 < *(j)ak6a 'один' > лаз. ak6о 'однажды'

(1.2.) Абхазский гласный 8 может либо сохраняться в мегрельском, либо изменяться в другие гласные:

абх. мегр.

- 8 > i : абх. а-n8S7 > мегр. niSi 'лодка', k68la > k6ila преверб 'через, сквозь', а-n8ga > niga 'деревянный подойник', а-c68c68ndra > с6iс6indera 'земляника', а-t8J7 > tiJi 'баран'; эта субституция особенно часто наблюдается в сенакском диалекте

- 8 > и : абх. аар8n > мегр. арuni 'весна', а-l8g > luga 'глупец',
 пар8r-n8ха > парunaха 'имя божества', а-р8Cха > руCха
 'крошка'
- 8 > а : пар8r-n8ха > парunaха 'имя божества'
- 8 > % : абх. а-C7am8k0a > мегр. Semkwa 'вид молочного блюда'

(1.3) Иногда финальные гласные, присутствующие в мегрельских заимствованиях из абхазского, но отсутствующие в современных абхазских формах, могут, по-видимому, указывать на более старое абхазское состояние, ср. абх. а-t8p > мегр. tipu//t8p8 'летняя стоянка пастуха', абх. а-x0aZ0 'рододендрон' (общабх. *q0a108) > мегр. хозо в хозо-k6vari 'ритуальная лепешка', абх. а-l8g > мегр. luga 'глупец' (> груз. lungi; к общабх. *l8ga ?). Что касается неконечных гласных, см. ниже под kбаkбара/o и хеCбеC6i.

(1.4.) Сохранение начального а-

Мегрельский заимствовал абхазские слова либо с артиклем, оформляющем так называемую "словарную" форму имен, либо, чаще, без него, хотя количество слов, заимствованных с артиклем довольно велико (около 30 лексем). Иногда встречаются параллельные формы как с артиклем, так и без него, ср. абх. а-хкбаара 'ограда для скота' > мегр. хекбара//ахкбара 'временное пастушье стойбище'. Мегрельский также сохраняет абхазской корневой начальный а-, как например в акба 'один (раз)' (также лаз. акбо 'однажды') < абх. ак68 < *jak6а 'один', аJwiri 'уздечка' < абх. аJ0ra, аSwamk6jad (самурз.) < абх. аS08-mk67at 'маленький столик'.

(1.5.) Изменения в дифтонгах.

(а) абх. аа > мегр. а.

Мегрельский избегает зияния в абхазских словах с вокалическим дифтонгом аа (фонетическая реализация звонкого фарингала 5) путем его монофтонгизации:

абх.		мегр.	
аар8n	>	арuni	'весна'
а-хкбаара	>	ахкбара	'ограда для скота'
а-хаасба	>	хасба	'закваска'

Ср. также вставку эпентетического v в фамильном форманте -аа//ава.

(б) абх. аа : мегр. J.

В нескольких случаях современному абхазскому аа соответствует мегрельское J, что отражает более старую фонетическую форму аа, а именно *5, сохраняющегося в абазинском, ср. абх. *Маан* (< *Ma5an) > мегр. *MarJan-ia* 'дворянское фамильное имя' (с эпентезой -r- и добавлением обычного мегрельского фамильного суффикса -ia), абх. *aanda* > мегр. *Janda* 'ограда'; ср. также мегр. *архаз* 'абхаз', через *abJaza < *abazJa, из др.-абх. *abaz(a)-5a (см. ниже).

(в) Изменения в передаче других дифтонгов:

абх.		мегр.	
aw [ow]	>	ou, _ u	: абх. <i>abawra</i> [abowra] > мегр. <i>aboura</i> , <i>ab_ra</i> , <i>ambura</i> 'хлев'
aj	>	e	: абх. <i>ajla(r)D7</i> > мегр. <i>ela(r)Di</i> 'мамалыга, сваренная со свежим сыром'
aj	>	%	: абх. <i>ajk60aJa</i> > мегр. <i>k6vaJa</i> 'маленький топорик' (однако см. ниже, в 4.2.)

(2) Консонантные соответствия.

(а) *Палатализованные согласные.*

Как простые, так и палатализованные абхазские задние сибиллянты передаются в мегрельском посредством (фонетически смягченных) простых задних сибиллянтов.

Абхазские палатализованные велярные смычные меняются на простые смычные с переносом палатализованного тембра согласных на соседние глас-ные. Так, последовательность /C7a/ (где C обозначает любой согласный) дает в мегрельском комбинацию /Ce/:

абх. /C7a/	>	мегр. /Ce/	
a-Zak67a	>	bZak6e	'борода'
a-q67at6ama	>	Jetama	'шкворень ярма'
a-ck7a bz8ja	>	ckeбzi	'ритуальный сыр'
'(ритуально) чистый (и) хороший'			

q67 >	J, x	: абх. a-q67at6ama абх. a-bacq67a	> мегр. Jetama 'шкворень ярма' > мегр. расха 'плетенка, плетеная хижина'
q60 >	Qu	: абх. Aq60a	> мегр. AQu 'Сухум', абх. Bataq60a > мегр. BataQua 'муж. имя'

(г) Абх. глухой эмфатизованный фарингал h [ʔ] в мегрельском обычно заменяется на увулярный x, ср. абх. a-hata > мегр. xarta 'бурдюк', h-taca > xatesi//xacesi 'невестка', -pha 'дочь' > xe 'женский фамильный суффикс'. В нескольких случаях абх. h соответствует кластер в мегрельском, ср. абх. a-C7amha > мегр. Camhwa//Camkwa (также Campa) 'клен'. В этом случае, имея в виду общеадг. *рха 'древесина', предположительно родственное абх. -mha (сохранившемуся в сложениях, см. [Шагиров 1982: 79]), причина наличия в мегрельском кластера остается неясной.

(3) Эпентетические звуки.

Наличие эпентетических звуков, в основном сонорных, весьма характерно для мегрельского и лазского языков. Ср. следующие примеры с наращениями в заимствованиях из абхазского: абх. abowra > мегр. ambura 'хлев', a-xaga > xanga 'сумасшедший', a-hata > xarta 'бурдюк' (> груз. xalta), a-xcbara > x(8)nc6(a)ra 'метить скот' (> сван. x8nc68ra), a-t6ama > мегр. at6ama > лаз. ant6ama, ant6arma, at6amba (см. также имерет. art6am-i, осет. alt6ami) 'персик', абх. a-Y8jk0a < мегр. Yikva//Yirkva 'штаны'. Ср. также эпентетическое v в -a-va суффикс фамилий.

(4) Консонантные комплексы.

(а) Субституция согласных в кластерах:

абх. jt	> мегр. nt	: абх. Ajtar > мегр. Antari 'имя божества'
абх. nd	> мегр. nd/md	: абх. a-c68c68ndra > мегр. c6ic6indera//c6ic6imdera 'земляника'
абх. ms	> мегр. mc//nc	: абх. a-x0amsa 'рододендрон кавказский' > мегр. xvamca, xvanca 'остролист, падуб'

(б) Упрощение кластеров.

Абхазские консонантные комплексы обычно упрощаются в мегрельском путем вставки гласного (8, i, e, a).

Начальные кластеры:

абх.		мегр.	
a-bg8Y8r	>	b8g8Y8ri	‘кизил’
a-xk6aara	>	hek6ara//axk6ara	‘ограждение для скота’
a-xraYaga	>	x8raYaga//xiraYaga	‘деревянная молочная цедилка’
a-xc6ara	>	xnc6ara//x8nc6ara	‘метка скота’
a-xC67at6	>	xeC6et6i	‘сливки’
h-taca			
‘наша невест(к)а’	>	xateci	‘невестка’
a-C7n8r	>	Cinori	‘наемный пастух’
a-k6k6ara	>	k6ak6ara	‘чаща’ (если здесь не со- хранение исходного полногласия абхазской формы).

Неначальные кластеры:

абх.		мегр.	
a-haC67C67a ‘дикая груша’	>	хеC6еC6i(сенак.)	поздний сорт груши с мелкими плодами’
a-c68c68ndra	>	сбiсbindera//сбiсbimdera	‘земляника’
aJ0ra	>	aJviri	‘узда’

Ср. также элизию одного из компонентов кластера в -хе суффикс женских фамильных имен < абх. -pha ‘дочь’.

(5) Метатеза.

Этот процесс весьма обычен в мегрельском и наблюдается как в исконных, так и в заимствованных словах. Можно отметить две структурные разновидности метатезы:

(а) $C_1C_2 > C_2C_1$:

абх.	>	мегр.
a-pra ‘парус’	>	apra// > arpa ‘балка-матица’

a-xra > axra// > arxa 'скала; холм; крутая гора'
a-bg8Y8r > b8g8Y8ri// > bYgiri 'кизил'

(б) Другой разновидностью метатезы является изменение структуры типа (V)CVCCV в структуру (V)CCVCV:

абх. > мегр.

a-g0arta > agvarta//argvata 'стадо, толпа'

Ср. сходные преобразования в словах заимствованных из грузинского: kupri > kupri//krupi 'темнота', karva > karva//krava 'янтарь', okro > vrke 'серебро'. Ср. также мегр. margali из исходной формы *magral-i (груз. megrel-i) 'мегрел', xrabi 'жадный' из xarbi и т.д.

Распространенность в мегрельском метатезы типа (V)CVCCV > (V)CCVCV позволяет объяснить происхождение мегрельского этнического термина архазы 'абхазы': из др.-абх. формы мн.ч. *abaz(a)-5a (*abaza 'абазы'¹ + -5a суффикс множ. ч. класса человека), откуда мегр. *abazJa и с метатезой – *abJaza, а затем, с оглушением срединного комплекса,² и современная форма архазы. Эта видоизмененная мегрельская форма была усвоена в грузинский с утратой конечного -а (мегр. архазы > груз. архаз-и), так же как мегр. (из абх.) at6ama 'персик' дало груз. at6am-i. Груз. архазы- было заимствовано в русский и другие языки. С другой стороны, др.-абх. *abaz(a)-5a явилось источником для среднегреческой формы abazg-oi 'абазги'.

4. Лексико-этимологические комментарии

4.1. Обратные заимствования.

Иногда в абхазском отмечаются обратные заимствования слов, ранее усвоенных мегрельским из абхазского. Такими словами являются обозначение плетеной хижины (а-расха), сухих веток (а-расх7), крошки (а-р8C7ха); см. ниже под расха и руCха. Другим примером обратного заимствования является, по-видимому, абж. а-J7at6ama 'шкворень ярма'. Исходная форма, скорее всего, представлена в бзыпском диалекте

¹Абазы – одно из древнеабхазских племен, известных по греческим источникам как абазги.

²Для колебания в мегрельских кластерах по звонкости/глухости ср. также bSapa ~ pSapa 'наполнение', bSxu ~ pSxu 'толстый; большой', abSil-uri ~ apSil-uri '*апильский' и т.д.

(а-q67at6ama), тогда какабжуйская формасначальным J7-может указывать на заимствование из мегр. (зугд.-самурз.) Jetama 'шкворень ярма' (в мегрельском отсутствует согласный q67). Абхазское слово, как предложил Х. Бгажба [БД 225], связано с ад. q08tame, каб. q608dame 'шкворень ярма' (< общеадыг. *й08eama).

4.2. Близость к абазинским формам.

Интересно, что ряд заимствований в мегрельском фонетически больше напоминают северные, т.е. абазинские, нежели южно-абхазские формы. Ср. мегр. k60aJa 'маленький топорик', которое формально ближе к тап. k60aJa 'то же', чем к абж. ajk60aJa, бзып. ajk60aJ. Ср. с этой точки зрения также мегр. расха 'укрытие из ветвей; плетеная хижина' с ащх., тап. басq67a 'плетенка', bzi в мегр. skebzi 'ритуальный сыр' с тап. bzij vs. абх. bzija 'хороший'. Эти и некоторые другие факты могут указывать на то, что, вопреки общепринятому (в основном, в исторической литературе) мнению, согласно которому предки абазин-тапанта мигрировали на Северный Кавказ с территории Западной Абхазии (где исторически зафиксирован исконный для этого региона садзский диалект абхазского, напрямую не связанный с тапантским), представляется более вероятным, что они проживали прежде именно в юго-восточной части Абхазии, на территории либо древней Миссиминии (ущелье реки Кодор, историческая провинция горной Абхазии Дал-Цабал), либо Апслии (которая включала территорию современного Гальского района Абхазии), т.е. в любом случае в непосредственном соприкосновении с мегрелоязычным ареалом. Можно предположить, что именно оттуда, из Южной Абхазии, предки тапантовцев перешли приблизительно в XIII-XIV вв. через Клухорский перевал на северокавказскую равнину, богатую землей и пастбищами, где их потомки живут и по сей день. Интересно в этой связи отметить, что тапантский диалект имеет такие мегрельские заимствования, которые отсутствуют как в бзыпском (т.е. в центральном), так и в садзском (западном) диалектах абхазского, ср. тап. ka 'да', абж. ko < мегр. ko 'да'.

5. Морфология

Абхазское влияние на мегрельский не ограничивалось лишь словарем, явные следы его сохранились также в морфологии. Я не буду здесь вдаваться в детали этой интересной темы, поскольку она заслуживает специального рассмотрения и упомяну лишь наиболее интересные результаты исследований в этой области.

Мегрельско-лазский и абхазский обнаруживают явные параллелизмы в категориях потенциалиса и взаимности ([Климов 1971: 258]). Разветвленная система провербов в мегрельском весьма близка к абхазской и отличается в этом отношении от родственных языков, в которых система провербов не столь сильно развита. Многие авторы указывали не только на структурные сходства мегрельских и абхазских глаголов с провербами, но порой на их материальную идентичность. Так, [Март 1915: 214] в своей рецензии на мегрельскую грамматику И. Кипшидзе, указывал на абхазское происхождение мегрельских провербов k6ila-//k68la- 'сквозь (отверстие)', a-l-//la-//i-la 'сбоку, рядом' (повторено А. Шанидзе, см. [Чикобава 1942: 155]), ak6o-//ik6o-//ok6o- 'вместе, взаимно, с'. Март полагал также заимствованный характер мегрельского проверба ta-//to- 'внутри', ср. аналогичный абхазский проверб ta- (цит. по [Чикобава 1942: 155]). [Чикобава 1942: 151-152] полагал, что мегрельские провербы сбa- 'вниз(у)', kба- 'на', по- 'там', to- 'внутри', la- 'внутри', не имея параллелей в грузинском и сванском, были заимствованы из абхазского. [Гудава 1947], в свою очередь, считал, что мегрельский направительный суффикс -x заимствован из абхазского (см. ниже). Согласно С. Джанашиа, мегрельский заимствовал подчинительный суффикс -ni из абхазского деепричастного суффикса -n8 ([Džanašia 1959: 226]), а Дж. Хьюитт предполагает абхазское происхождение мегрельского форманта ирреального наклонения -k6o(n)i ([Hewitt 1992a]).

Хотя мнение об абхазском происхождении некоторых из названных мегрельских аффиксов следует рассматривать с осторожностью, так как не исключено их исконно картвельское происхождение, ряд этих формантов может на самом деле оказаться заимствованными из абхазского, что особенно очевидно в случае проверба k6ila-//k68la- 'сквозь (отверстие)' и второй части направительного суффикса -Sa-x(i/8) 'по направлению к'.

Другим возможным примером абхазского влияния является категория эвиденциальности (заглазности): большое количество эвиденциальных форм в мегрельском контрастирует с их более ограниченным употреблением в родственных языках, но находит прямую параллель в абхазском, который обладает разветвленной системой эвиденциальных форм (см. [Chirikba 2003: 267]).

6. Структурные кальки

Структурные модели некоторых мегрельских идиом буквально совпадают с соответствующими композитами в абхазском (а иногда и в

родственных ему западнокавказских языках), ср. мегр. *nina-daCxiri*, абх. *a-mca-bz* 'пламя', в обоих языках букв. 'язык огня' (ср. имеющие такую же структуру каб. *mafbe bz8j*, убых. *m8D7a b1a* 'то же').

Дж. Хьюитт указывает на особенности структуры мегрельского выражения 'бочка полная вином', где 'бочка' стоит в генитиве, что отличается от соответствующего грузинского выражения (где 'бочка' стоит в номинативе) и сближается с абхазским, который в подобной конструкции использует послелог с притяжательным префиксом. Хьюитт усматривает здесь кальку с абхазского ([Hewitt 1992a: 405]).

Некоторые из примеров мегрело-абхазских структурных параллелей имеют свое продолжение также в лазском, ареал распространения которого в настоящее время не соприкасается с абхазским, будучи отделенным от него западногрузинской и мегрельской речью, что может пролить определенный свет на лингвистическую географию древних времен, когда абхазский и лазский были непосредственными соседями. Так, лазское *kbaï os6kb6ert6u* 'он(а) любил ее/его' (букв. 'он(а) ее/его хорошо видел') находит прямую структурную параллель в абх. *bz8ja d8jbon* 'то же', на такой же модели основана структура глагола 'любить' в адыгском и убыхском, но не в картвельских языках.¹

7. Синтаксис

Специалисты отмечают ряд синтаксических черт в мегрельском, которые выпадают из общекартвельской синтаксической модели и могут быть обязаны влиянию абхазского языка. Так, согласно М. Циколия, такие специфические черты мегрельского предложения, как порядок его членов, специфическая синтаксическая конструкция двух контактирующих глаголов с суффиксом *-ni* 'когда', употребление некоторых наречий и послелогов, наличие конструкции, идентичной абхазскому словосочетанию, включающему в себя инфинитивный глагол с обстоятельственной частицей и т.д., в ряде случаев стоят ближе к абхазскому, чем к грузинскому или сванскому, что, по мнению Циколия ([Cik'olija 1977: 96]) является результатом долговременных контактов абхазского с мегрельским. Ср. особенно приводимую [Циколия 1987: 58] близость мегрельских послеложных конструкций к соответствующим

¹ [Климов 1986: 183], отмечая, со ссылкой на Гамкрелидзе и Мачавариани, данную параллель, приводит семантически несколько более далекий лазский пример, усматривая в лазском кальку с абхазского; на приводимую в данной статье более точную лазскую параллель абхазскому в текстах опубликованных Ж. Дюмезилем мне указал Рене Лакруа (устн. сообщ.).

щимабхазским: абх. *abaaZ0dant8c6aS7tax7j8q6ajc6aSazj8x08c8jt6* ‘послетого как он вышел из старого замка, он стал думать что делать дальше’, ср. мегр. *DixaSe gitil8ni ukbuli ipikr8 mu akbetas8ni* ‘то же’, где прямо повторяется абхазская синтаксическая модель.

Интересно, что аналоги абхазским конструкциям с послелогом в значении ‘потом, после’ обнаруживаются не только в мегрельском, но и в лазском. В лазском эта конструкция также образуется с помощью морфемы *-kbulе*, которой предшествует генитивный суффикс *-S*, ср. лаз. *ondJe(r)-i-S-kbulе* ‘послеобеда’, *oxor-Samo-p-ti-S-kbulе* ‘послетогокак/когда я пришел домой’. Грузинский, в отличие от мегрельского и лазского, в этом случае использует наречия *roca*, *rodesac*: *roca saxlsmivuaxlovdit* ‘когда мы пришли домой’, *roca is dabrundeba* ‘когда он вернется’. Элемент *kbulе* в занских языках (который встречается также в наречии: лаз. *e-kbulе*, мегр. *u-kbuli* ‘потом, затем, после’) является производным от *kbulе* ‘след’, родственном груз. *kbul-i* ‘то же’. В грузинском *kbul-i* не используется в такой функции, но в абхазском мы находим аналогичное употребление слова *a-S7+ta* ‘след’ в составе послелога *a-S7+ta[-a]x7* (букв. «его-след-по направлению»): *d-an-ca-[a+]S7+ta+x7* ‘когда/послетогокак он ушел’, *d-an8-z-baa+S7+ta+x7* ‘когда я увидел его/ее’ и т.д. Ср. также наречие *a-S7+ta+x7* ‘после, затем’ (**S7+ta-a+x78*, букв. ‘кследу’), параллельное *u-kbuli//e-kbulе* в мегрельском и лазском. В тапантском диалекте абазинского тот же элемент *S7+ta*, в фонетически упрощенной форме *ta*, используется для образования деепричастий прошедшего времени, ср. *d-ca-ta < d-ca-S7+ta* ‘он(а) уйдя’, т.е. ‘послетогокак он(а) ушел/ушла’, *s-C60a-ta < s-C60a-S7+ta* ‘я сев’ и т.д., тогда как в ащхарском диалекте эта же морфема известна в форме *-S7a*, ср. *d-ca-S7a* ‘он(а) уйдя’, *s-t6a-S7a* ‘я сев’. Приводя в своих работах ([Hewitt 1987: 248, 260; 1992; 1992a; 2001]) интересные факты возможного влияния абхазских синтаксических моделей на мегрельский, Дж. Хьюитт ([Hewitt 1992a]) также объясняет наличие в мегрельском нетипичной для картвельских языков постглагольной маркировки подчинения влиянием абхазского языка; более того, как мы видим из приведенных выше данных, аналогии абхазским синтаксическим моделям обнаруживаются и в лазском.

Ниже представлен заимствованный мегрельским из абхазского материал, разбитый на рубрики: грамматические элементы, апеллативная лексика, ономастика. Большинство из рассматриваемого материала имеет надежную абхазскую этимологию, что указывает на направление заимствования, менее надежные сравнения оговариваются.

8. Грамматические элементы

8.1. Превербы

k68la-//k6ila- преверб со значением ‘сквозь (дыру, отверстие)’, напр. (зуг.-самурз.) k6ile-b-le ‘я пройду сквозь дыру, отверстие’.

Из абх. k68la- транслативный преверб ‘сквозь (дыру, отверстие)’ ([Džanašia 1959: 226], [Чикобава 1942], [Чирикба 132, 139]); ср. также существительные a-k68l+aa-ra//a-k68l+ha-ra, a-k68l+c60a-ra ‘дыра, отверстие’. [Чарая 27] рассматривал мегрельский и абхазский превербы как связанные генетически. Ср. его примеры полного параллелизма в обоих языках:

абх.	мегр.	
a-k68l-ca-ra	k68la-raQua	‘выгонять’
a-k68l-pa-ra	k68la-sxap6ua	‘выпрыгивать’
a-k68l-p8r-ra	k68la-purinua	‘вылетать’
a-k68l-da-ra	k68la-dvala//k68la-rJvapa	‘продевать сквозь’
j8-k68l-s8-jt6	k68l-ed	‘вышел, появился’.

Ср. также абх. a-k68l-p5-ra, мегр. k6ila-Dina ‘подглядывать (в/сквозь дыру, отверстие)’. Элемент k6ila-//k68la- используется не только при глаголах, но также и в отглагольных именах, ср. мегр. k6ila rvili Da ‘дупло дерева’ (букв. ‘насквозь продырявленное дерево’), k6ila-xit6onili ‘выдолбленное, прорытое сквозь’, k6ila-xixonili ‘то же’ и т.д.

8.2. Послелог

-x//-xi//-x8 послелог ‘до’; обычно в сочетании с послелогом -Sa, напр. Qude-Sa+x(8/i) ‘до дома’, Jura dJa-Sa+x ‘до дня смерти’, zugidi-Sa+x ‘до Зугиди’.

Из абх. направительного послелога -ax7(8) ‘по направлению к’ ([Гудава 1947]), ср. a-bna-[a-a]x7 ‘к лесу’, a-j0na-[a-a]x78 ‘к дому/в доме’. Первая часть мегрельского сложного суффикса -Sa-x имеет лазскую параллель, ср. лаз. k6oCi-Sa ‘по направлению к человеку’, oho(r)i-Sa ‘по направлению к дому’. Но и вторая часть может соответствовать лазскому направительному суффиксу -ха ‘к, в направлении к’. Не вполне ясно, относится сюда же и лазский суффикс -Sa-ха, означающий ‘как, подобно’, возможный когнат мегрельскому -Sa-x ‘по направлению к’, ср.

лаз. *baba Skimi-Sa-xa* ‘подобный моему отцу’, *hama-Sa-xa* ‘подобно этому’ ([Март 1910: 228]), где значение ‘подобно, как’ может быть развитием из значения ‘по направлению к’. [Гудава 1947: 194] полагал, что абхазский направительный суффикс *-x7* присутствует также в таких мегрело-лазских формах как *Zido-x-Se* ‘сверху’, *ek6o-x* ‘вверх’, *dik6o-x* ‘вниз’, *dolo-xe* ‘внутри’, *uk6aC-xe/a* ‘сзади’ и т.д.

9. Лексика

9.1. Существительные

9.1.1. Анатомические термины

aq6vaq6va ‘шея’ [ОК I: 200].

Из абж. абх. *a-q60aq60a* ‘спина (от поясницы до шеи)’; в бзып. *a-q60aq60*.

bZak6e ‘борода’ [ОК I: 258].

Из абх. *a-Zak67a* ‘борода’ ([Кипш 207], [Климов 182], [Чирикба 133], [Гублиа 44]). На абхазское происхождение этого мегрельского слова было указано также Н.Я. Марром в редакторских пометках в [Чарая 24]; последний рассматривал мегрельское слово как исконно родственное с абхазским. Начальный билабиальный в мегрельском эпентетического характера. Название бороды в сенакском диалекте мегрельского – *primuli*. Само абхазское слово рассматривается как заимствование из адыг. *ZaC67e* < *Zak67e* ‘борода’ (см. адыгскую этимологию в [ЭСАЯ I: 199]).

C6aC6a ‘почка’ (анат.) [ОК III: 460].

Из абх. *a-C67aC67a* ‘почка’ ([Климов 182], [Гублиа 72]). Через мегрельский словопрониклов груз. (*C6aC6a*) и сван. (*DaC6*, собычным озвончением начального согласного). [Гублиа 72] связывает абх. *a-C67aC67a* с глаголом *a-C67aC67a-ra* ‘нанизывать (что-либо на что-то)’. Из абхазского идет также убых. *C67OC67a* ‘почка’.

maxvari ‘рука’ [ОК II: 235].

Из абх. *a-max0ar* ‘рука’ ([Кипш 278], Март [в Чарая 30], [Чирикба 133], [Гублиа 53]); ср. ащх. *max0a* ‘рука’. Абхазское слово анализируется как *ma* ‘рука’ и *x0a* ‘ручка, рукоятка’ ([Chirikba 1996a: 111], [Гублиа 53]). Конечный *-r* < *-ra* может быть абстрактным суффиксом. [Чарая 29-30] сравнивает мегрельское и абхазское слова как генетически связанные, добавляя сюда также сван. *mexer* ‘рука’. Но в своих редакторских замет-

ках к [Чарая 30], Марр справедливо указывает, что мегр. *maxvari* идет из абхазского и что сванская форма генетически связана с груз. *mhar-i* и мегр. *(m)xuDi* 'плечо'.

9.1.2. Медицинские термины

ababara 'желтуха' [ОК I: 161].

Из абх. *a-baba+ra* 'болезнь сопровождаемая опуханием' [ОК I: 161]. Абхазское слово анализируется как *a-baba* 'пышный, пушистый', плюс абстрактный суффикс *-ra*.

9.1.3. Термины хозяйства, домашней утвари

abSira 'форма для сыра сулугуни' [ОК I: 164].

См. также груз. лечх. *apSara* 'форма для (изготовления) сыра' (*sulgunis qbalibi*) ([Ghlont'i 44]). Источником может быть абх. *a-pS78rha* 'деревянный цилиндрический сосуд' (см. ниже).

apSara 'вид деревянного сосуда' [ОК I: 199].

То же, что *abSira* и *apSirha* ? (см.); связь с *apSirha* была предположена в [ОК I: 199].

apSirha 'деревянный сосуд для кислого молока' [ОК I: 199].

Из абх. *a-pS78rha* 'деревянный цилиндрический сосуд для кислого молока и воды' ([Кипш 197], [Инал-ипа 1965: 216], [Чирикба 133], [ОК I: 199], [Гублиа 65]); ср. абаз. *pS78rha* 'ведро'. Абхазское слово анализируют как *a-pS7* 'сторона' (ср. рус. *бочка*, от *бок*) и *-r-ha* 'удлиненный', 'повышенный' ([Кварчия 124]).

aSvamkbiad 'маленький стол для сыра' (в самурз.).

Из абх. *a-S08mk67at* 'пастуший столик на высоких ногах для сыра' ([Чирикба 132, 136]). Другое значение этого слова: 'стол из плетенки на четырех ножках, на который клали жертвенное мясо при совершении языческих обрядов' ([Касландзия 2005: 661]). [Джанашиа 1915: 81] предлагает мегрельскую этимологию для этого слова (*sum-k6etb6i* 'три палки'). Но помимо неудовлетворительной семантической стороны такой этимологии (отсутствие явной мотивации для значения 'три палки'), также и фонетически она не является вполне удовлетворительной: мегр. *k6etb6i* 'палка' дает в абх. *a-k67at6*, конечным глоттализованным, а не придыхательным, что мы имеем в *a-S08mk67at*. [Кварчия 114-115], напро-

тив, предлагает абхазский источник для мегрельского; он анализирует абх. а-S08mk67atкакаS0‘сыр’ и mk67at, понимаемый как ‘вместилище, место чего-либо’, встречаемый также в абх. j0+aY8-mk67at ‘сосуд для молодого вина’ (j08 ‘вино’), архаичный термин, сохраненный в абхазском нартском эпосе. Ср. также а-ps8-mk67at ‘специальное место где охотники клали кости убитых и съеденных ими животных’ (а-ps8 ‘душа’).¹ Наконец, сама география мегрельского термина – южноабхазская провинция Самурзакан, указывает на его абхазский источник.

Саq6va ‘деревянная посуда для простокваши’ [Кипш 363], ‘глубокая деревянная тарелка/чашка с ручкой’ [ОК III: 297].

Из абх. а-C7aq60a ‘маленький деревянный кувшин’ ([Климов 182]). Абхазское слово родственно убых. Саq608 ‘сосуд’, с дальнейшими соответствиями в дагестанских языках: арч. Сбаq60 ‘ложка’, табас. (дюбек.) Сбаqба ‘деревянный кувшин для йогурта и других продуктов’ (см. [Старостин 1985: 87]).

Jet6ama, Jat6ami, Jet6am-i ‘шкворень ярма’ [ОК III: 169, 172].

Из абх. а-q67atama ‘то же’ ([Климов 182], [Чирикба 133, 135]); в абжуйском – а-J7atama, вероятно, обратное заимствование из мегрельского. Х. Бгажба [БД 224-225], помимо мегрельского, указывает также на ад. q08tame, каб. q608dame ‘шкворень ярма’. Другой мегрельский термин для этого предмета – t6abuk6i, сен. t6abik6i (< груз.).

k68ga, k6ga ‘вешалка’ [ОК II: 114].

Возможно, из абх. а-k68ga ‘ручка’ (напр., кувшина, ведра), также ‘кузнечные клещи’, собственно, ‘то, что за что держат’ (k68 ‘держать’, -ga агентивный суффикс).

k6vaJa ‘маленький топорик’ [ОК II: 127].

Из абх. аjk60aJa ‘маленький топорик’ ([Чирикба 133, 135]); для анлаута см. особенно абаз. k60aJa ‘то же’.

labaSa ‘длинная деревянная палка с железным наконечником и железным или деревянным крючком у рукоятки; носят во время путешествий по горам’ [Кипш 269].

Из абх. а-labaS7a ‘то же’ ([Климов 182], [Гублиа 63]). В абхазском используется также без конечного -S7a (а-laba ‘палка, посох’). [Чиковани 1966: 15] ошибочно предполагал обратное направление заимствования.

¹См. [Дбар 2004: 281].

n8ga, niga 'деревянный подойник' [ОК II: 387, 403].

Из абх. a-n8ga 'деревянное ведро для доения' ([Кипш 281], [Климов 182], [Гублиа 71]). [Чарая 31] связывал абхазское и мегрельские слова как родственные. [Кварчия 124] и [Гублиа 71] выводят абхазское слово из глагола a-n8+ga-ra 'уносить, вынимать' (центробежный преверб n8- 'с поверхности' плюс глагол ga 'нести, брать'). Ср. также гур. груз. niga/e 'чугунный кувшин (для воды)' ([Ghlont'i 421]) < мегр.

svira 'ручная сумка сплетенная из липовой коры' [ОК II: 594], также sura 'маленькая корзинка сплетенная из липовой коры' [ОК II: 618].

Возможно, из абх. a-S08ra 'сумка, котомка, походная/охотничья сумка' (если мегрельское слово не связано каким-то образом с груз. sura 'маленький кувшин для вина').

uro 'деревянный молот' [ОК III: 67].

По-видимому, из абх. a-w8ra 'большой деревянный молот' ([Чирикба 132], [Гублиа 74]), которое само рассматривается как заимствование из адыгских языков (см. [Климов 1968: 294], [ЭСАЯ II: 97]). Согласно Х. Бгажба [БД 203], слово известно только в абжуйском диалекте; он полагал для него мегрельский источник. [Рогава 1956: 109] предполагал заимствование груз. uro 'молот' прямо из адыгских языков, но Шагиров [ЭСАЯ II: 97] не исключал для него абхазское посредство, возможно, через мегрельский. Сван. ur(o) 'кузнечный молот' происходит либо прямо из абхазского, либо из мегрельского.

xarta 'бурдюк, кожаный мешок' [ОК III: 517].

Из абх. a-hata 'бурдюк, кожаный мешок' ([Чирикба 134], [Гублиа 71]). Согласно В.Г. Ардзинба (устн. сообщ.), абхазское слово можно анализировать как сочетание корня глагола a-ha-ra 'плести' и локативного суф. -ta. Вибрант в мегрельской форме является обычной эпентезой. В том же значении абхазское слово вошло в грузинский (в форме xalta, через мегрельский) и в убыхский (xOta). [Чарая 15] для мегрельского и грузинского ошибочно считал обратное направление заимствования.

xiraYaga//x8raYaga//xaraYaga//xarazakба 'деревянная цедилка для молока' [ОК III: 515, 558, 591].

Из абх. a-xraYaga 'то же' ([Чирикба 134]; [ОК III: 591] – со ссылкой на [Чарая]; [Гублиа 57-59]), анализируемое как x(8) 'молоко', r+aYa 'фильтровать' и агентивный суф. -ga. На связь мегрельского и абхазского слов указывали [Бжания 97] и [Инал-ипа 1976: 347].

Y8ga ‘шерстяная нитка’ [ОК III: 393].

Из абх. а-Y8ga ‘крученая шерстяная нить, пряжа’; в бзып. а-38ga [БД 47]. Первая часть абхазского слова может быть связана с Y/3 в абж. а-Yax-ra, бзып. а-Зах-ra ‘шить’, конечное -ga – агентивный суффикс.

9.1.4. Термины архитектуры, жилища

abarcbа ‘крыльцо, открытый балкон’ [Кипш 191], [ОК I: 162].

Из абх. а-barcba ‘открытый балкон, веранда’ ([Кипш 191], [Климов 182], [Дзидзария 2000: 146]). Конечный -сба в абхазском может быть а-сба ‘низ, дно’. Садз. а-baracba ‘веранда’, вероятно, представляет собой исходную полногласную форму. Для bar(a) ср. а-х8-bra ‘крыша’ (а-х8 ‘голова’) < *а-х8-bara?

aboura, abora, ab_ra, abura, ambura, amb_ra ‘хлев’ [ОК I: 162, 163, 184].

Из абх. а-bawra [aboura//abora] ‘хлев’ ([Климов 1968: 291-292], [Инал-ипа 1976: 347], [ЭСАЯ I: 101], [NS 497], [Чирикба 133]), в абаз. bawra [bora]. [Чарая 20] ошибочно предполагал здесь исконное родство, добавляя сюда также груз. bosel-i ‘хлев’. Кипшидзе [Кипш 192] странным образом производил из этого абхазского слова мегр. agwara (см. ниже). Абхазское слово связывают с каб. baw [bow] ‘хлев’, в котором предполагается утрата конечного слога (см. [ЭСАЯ I: 101]); ср. также карач.-балк. baw ‘хлев, коровник, конюшня’ и сван. bOw ‘(большая) хижина в горах’ (оба из кабардинского). По мнению А. Шагирова [ЭСАЯ I: 101], источником абхазского слова может быть славянское obor(a) ‘хлев’, которое проникло также в румынский, молдавский и албанский, хотя непонятно, каким путем оно могло достичь абхазского. Возможна и альтернативная этимология: если финальный -ra в абхазском является обычным абстрактным суффиксом (см. [Климов 1968: 292]), тогда связь абхазского слова с адыгским становится более вероятной, см. такую трактовку в [NS 497]. [Климов 1968: 291-292] считал и абхазское и адыгское слово заимствованными, но для абхазского предполагал адыгское посредство. В этом случае сходство со славянским словом должно быть случайным.

agvara ‘скотный двор, хлев’ [Кипш 192], [ОК I: 164].

Из абх. а-g0ara ‘ограда, двор’ ([Bleichsteiner 1931: 74], [Климов 182], [Чирикба 137]; см. также [ОК I: 164]). Мегрельский топонимический элемент agvara, производный из этого апеллатива, встречается, согласно [Элиава 1987: 95], на территории Мегрелии до реки Цхенисцкали. Кипшидзе [Кипш 192] ошибочно (или в результате опечатки ?) производил это мегрельское слово из абх. а-bowra (см. выше).

agvarta ‘сторожевой шалаш пастухов и охотников в горах или в лесу’ ([Bleichsteiner 1931: 74]; [Ghlont’i 22]; отсутствует в [Кипш] и в [ОК]).

Из абж. абх. a-g0ar+ta ‘ограда’, ‘огороженное место’, ‘скотный двор’, см. полногласную бзыпскую форму a-g0ara+ta; слово производно от a-g0ara (см. выше) и локативного суффикса -ta. Оно не связано с абх. a-g0arta ‘стадо, стая’ (см. под argvata). Слово проникло и в западногрузинские диалекты: гур. agvarta(i) ‘хижина для ночевки на дальнем поле’ [Bleichsteiner 1931: 74] и имерет. agvarta ‘пасека’ [БД 229]; в [Ghlont’i 22] семантика гурийского слова та же, что и в данном выше мегрельском слове; ср. также в [Žghent’i 1965: 278] ниже-гур. agvarta ‘шатер, палатка’. Указание на абхазский источник для гурийского см. в [Инал-ипа 1965: 216]), а для имеретинского – в [БД 229].

amxara ‘маленький домик для новобрачных’ [ОК I: 185].

Из абх. a-mhara ‘маленький домик или хижина для новобрачных’. Абхазское слово может быть анализировано как содержащее негативный префикс m-, глагол (a)ha- ‘слышать’ и абстрактный суффикс -ra, т.е. «не слышание» (см. [Джанашиа 1917: 193]). В речи турецких абхазов этот термин встречается в более полной форме: a-taca mhara, букв. ‘не слышание невесты’, что отражает характерный ритуал “избегания” новобрачной семьи своего мужа в начальную фазу ее замужества (молодые некоторое время проводят в специальном брачном домике, располагающемся около основного дома и лишь после торжественного ритуала невестке позволено жить в доме мужа).

apra ‘две самые высокие вертикальные доски по середине двух противоположных стен деревянного дома, чьими головками поддерживается горизонтальное бревно, к которому прикрепляется вся двускатная крыша’ [Кипш 197], сен. ‘балка-матица, на которой подвешена надочажная цепь’.

Из абх. a-pra ‘парус’ ([Март 1914: 143; 1915: 215], [Климов 182], [Чирикба 137], [Дзидзария 2000: 143], [Гублиа 68]). Кипшидзе [Кипш 197] указал на грузинский как на источник мегрельского слова (ср. груз. apra ‘парус’), хотя еще [Март 1914: 143] рассматривал грузинское слово как заимствование из абхазского. Март производил абхазское слово от глагола a-pr8-ra ‘летать’, напоминая об ассоциации в абхазском судна или лодки с птицей и то, что ‘весло’ в абхазском обозначается словом a-Z0j0a ‘крыло’.

aptara ‘огороженное место для скота’ [ОК I: 199].

Из абх. aaptra ‘весенняя стоянка пастуха’ ([ОК I: 199]), см. особенно абж. джгярд. aaptara; в бзып. aaptra/8. Слово содержит сложный корень

aa+p- 'весна' и ta+ra 'место чего-либо' (ta 'быть внутри', -ra абстрактный суффикс), сохранившееся как отдельное слово в абазинском (ta+ra 'сосуд; место для скота' и т.д.).

arpa [OK I: 195], метатеза из apra (см. выше).

axkbara//hakbara//hekbara//x8kbara 'огороженное место на пастбище', 'огороженное место для скота', 'временная стоянка пастуха', 'плетеная ограда'; также топонимический элемент в Мегрелии (см. [OK I: 207; III: 509, 528, 591]).

Из абх. а-хкбаара 'огороженное место', 'огороженная часть поля', 'летнее помещение для лошадей и телят примыкающее к двору' (см. [Цхадая 1975: 34; 1985: 186, 209], [Чирикба 132], [OK III: 528]). Абхазская лексема производна от глагола а-х+кбаа-ра 'огораживать (кругом)'.

Janda 'ограда, забор', 'стена' [Кипш 349].

Вероятно, из абх. aanda < *5anda 'ограда' [Чирикба 132, 138].¹

n8Si, niSi 'лодка' [OK II: 391, 404].

Ср. также лаз. nuSi//niSi, груз. (диал.) nuSa//nuS-i, в грузинском словаре Саба Орбелиани (XVIII в.) nuSa 'лодка'. Возможно, из абх. а-n8S7 'то же'. Вопреки мнению [Чарая 13], считавшего абхазское слово заимствованным из мегрельского, [Дзидзария 2000: 142] полагает, что наличие 8 в мегрельской форме может, напротив, указывать на абхазский источник для мегрельского; для диалектных грузинских форм и для лазского допустимо полагать мегрельское посредство. Характерно в этой связи, что мегрельский и грузинский заимствовали и другой абхазский мореходный термин, а-pra 'парус' (см. выше). Абх. а-n8S7 в конечном счете может предположительно восходить к какому-то индоевропейскому источнику, продолжающему и.-е. *nau-s 'судно' (ср. греч. nau-s, лат. nOvi-s, санскр. nau-s 'корабль'), хотя сохранение номинативного суффикса при заимствовании не вполне обычно. Индоевропейский источник отражает и груз. nav-i 'лодка'.

расха 'укрытие из ветвей; плетеная хижина' [OK III: 92].

Ср. также груз. расха 'плетеная изба (в Западной Грузии)' [K'ank'ava 1965: 323], имерет. расха 'маленькая корзина, стоящая на камне в мель-

¹Г. Климов говорил мне о возможном турецком источнике для мегрельского слова, возможно, имея в виду тур. *hendek* 'ограда', но связь с абхазским кажется все-таки более предпочтительной с фонетической точки зрения.

нице, в которую сыпается кукузуза из ящика', гур. расха 'плетеная хижина покрытая осокой' ([Ghlont'i 538]), лаз. расха 'вид корзины плетеной из тонких свежих ветвей орешника или каштана' (виц.), 'наскоро построенное деревянное строение используемое в качестве амбара' (атин.) [Bucaklışı & Uzunhasanoğlu 1999: 379], 'вид корзины' (арх.), 'хлев' (ардаш.).¹ Слово известно также в северо-восточных турецких диалектах имеющих (хамшенский) армянский субстрат (Уве Блэзинг, устн. сообщ.; по-видимому, из лазского). Кипшидзе [Кипш 335] предполагал грузинский в качестве источника мегрельской лексемы, но это слово известно только в областях Западной Грузии, соседящих с Мегрелией.

Ср. абж. абх. а-расха 'плетеная хижина, плетеная кухня', для которого Х. Бгажба [БД 203] предполагал грузинский источник. [Климов 182], напротив, рассматривал мегрельское слово как усвоенное из абхазского.

Представляется, что картвельские слова следует выводить из абхазских названий плетенки: абж. а-b8caq67a, бзып. а-b84aq67, тур. бзып. а-b8cq67a 'плетеная стена, плетенка', ср., с точки зрения вокализма, особенно такие формы как цвыдж. садз. а-bacq67a, ащх., тап. басq67a 'плетенка' (< общеабх. *ba4a-q67a 'плетенка', из *ba4a 'ветви используемые для плетения' и -q67a 'плоский', ср. [Chirikba 1996a: 13], [Чирикба 133, 135]. Исходным значением слова является, таким образом, 'нечто сплетенное', что могло быть плетеной хижинкой, плетнем, либо плетеной корзиной. Форма басq67a могла дать мегр. расха, с оглушением начального билабиального (путем регрессивной ассимиляции) и заменой отсутствующего в мегрельском палатализованного и глоттализованного увулярного смычного q67 увулярным фрикativом х. Абж. а-расха, может, таким образом, являться обратным заимствованием из мегрельского. Следует отметить, что слово а-расха проникло в Западную Абхазию относительно недавно (возможно, в течение последних 50 лет), из абжуйского диалекта, служа для обозначения сети популярных плетеных ресторанов именуемых *лацха* с традиционной абхазской кухней. Другим мегрельским производным от басq67a является расхi 'колючие или иные ветки', также заимствованное в абжуйский диалект: а-расх7 'сухие ветки, небольшие дрова'.

tіru 'хижина пастуха на горном пастбище' [Кипш 243]; [ОК II: 69]: 'место вокруг хлева (где держат сторожевых собак)', t8p, t8p8 'ночное стойло для скота', 'в старину, лежащая (при болезни) женщина имела свой собственный угол (место), которое называлось t8p8' [ОК II: 69].

¹Рене Лакруа, устн. сообщ.

Из абх. а-т8р ‘хижина пастуха’, ‘хижина’, ‘место’ ([Дзидзария 1987: 38; 1988: 69; 2000: 144], [Чирикба 132]), см. также абаз. (ащх.) т8р ‘хижина, шалаш’. Абхазское слово может содержать т8/а ‘место’ (см. [Кварчия 113], [Дзидзария 2000: 144]), хотя этимология конечного элемента (-р) не так ясна (см. однако [Кварчия 113]). Кипшидзе [Кипш 243] связывал мегрельское слово с *tip* ‘косить’, *tipi* ‘сено’, что кажется менее вероятным. Имеются также попытки связать абхазское и мегрельское слова с греч. *topo-s* ‘место’ (см. [Дзидзария 1987: 39; 2000: 144]).

хекбара//х8кбара см. ахкбара.

9.1.5. Одежда и т.п.

к6vaxCa, QvaxCa ‘козья либо овечья шкура используемая как подстилка пастухами (в горах)’ ([Кипш 255], [ОК II: 128; III: 222]).

Из абх. а-к60ах7С7а ‘подстилка из козьей (либо другой) шкуры используемая в горах (в основном пастухами)’. [Кварчия 122] анализирует слово как к60а ‘пазуха’ и х7С7а ‘охранять, защищать’.

Yikva ‘брюки’, ‘вид мужских бриджей или галифе (с узкой нижней частью штанин)’; также Yirkva [ОК III: 389], с *r*-эпентезой).

По-видимому, из абх. а-Y+ajk0a [adzejkFWa], а-Y+8jk0a [adzijkFWa] ‘вид галифе (с узкой нижней частью штанин)’, ‘брюки’, ‘трусы, кальсоны’ ([Климов 182], [Гублиа 112]), во второй части которого – ajk0a ‘штаны’; первая часть объясняется Б. Джонуа (устн. сообщ.) как а-Ya ‘тонкий’, т.е. ‘тонкие штаны’ (?). Слово проникло также в грузинский: верхне-аджар. Yigva, в лазский: Yikva, Yik6va, zip6k6a, sbik6va ‘трусы, кальсоны’ [Март 1910: 145],¹ а через лазский – в турецкие диалекты (ср. такие турецкие формы как зэпка, зэбга, зэбка, зэвга, zibka, zivga, zipka, zivka, zivra, cikva, zabva, зэка ‘бриджды с узким завершением штанин’, см. [Eren 1999: 469], [Emiroğlu 1989: 239], а также в курдский диалект Эрзерума (указание на турецкие и курдские слова – Уве Блэзинг, устн. сообщ.).

9.1.6. Термины животноводства, пастушества

agvarta ‘стадо, стая, отара’; ‘бесчисленное, огромное количество скота’ [ОК I: 164].

¹В некоторых архавских говорах лазского zip6k6a означает ‘узкий’, а не ‘брюки, штаны’ (Рене Лакруа, устн. сообщ.).

Из абх. *a-g0arta* ‘стадо, стая’; ‘множество, большое множество’ [Чирикба 133]. Абхазское слово связано с абаз. *g0arta*, каб. *g0arte*, ад. *k0ert* ‘стадо, стая’, в ад. также ‘группа’ (см. [ЭСАЯ I: 109], [Chirikba 1996: 336]). См. также *argvata*, *gvarta* ниже.

aJviri ‘узdechka’ [OK I: 200].

По-видимому, из абх. *∅0ra* ‘узdechka’ ([Чирикба 132, 136], [Гублиа 71]); ср. также абаз. *∅0ra* ‘то же’. Хотя [Старостин 1985: 80] рассматривает абхазское слово как заимствование из картвельского (так же ранее [Чарая 16]), я считаю его исконным в абхазском: если бы это было картвельское заимствование, мегр./груз. *aJviri* дало бы в абхазском *a∅09r*, чего мы не имеем. Абазинский обычно сохраняет анлаутный *a*-, но не в этом случае, хотя абхазские посессивные формы (напр. *w-a∅0ra* ‘твоя (муж.) узда’) указывают на наличие начального корневого гласного. Для общеабхазского мы можем восстановить **(a)∅0ra*. Абхазское слово может иметь дальнейшие связи с такими восточнокавказскими словами, как лак. *Ḳuri*, дарг. *urḲur*, табас. *furu* и, возможно, также авар., бежт., гунз. *roJo*, при допущении здесь метатезы (дагестанские формы см. в [Кибрик, Кодзасов 1990: 158]). Симптоматично, что картвельские основы не были включены Г. Климовым в его пракартвельский словарь. Если мнение об исконности абхазского слова является верным, то мегрельский является источником груз. *aJviri*, сван. *haJvr-il* (с уменьшительным суффиксом *-il*), а из грузинского идет лаз. *aJviri*, бацб. *aṭwir* ‘узда’.

Cinori ‘наемный пастух’ [OK III: 310].

Вероятно, из абх. *a-C7n8r* ‘наемный пастух’, *a-C7n8r-ra* ‘наем пустухов’ ([Дзидзария 1987: 39], [Чирикба 134]). Слово известно в основном в Абжуйской Абхазии, граничащей с Мегрелией. Ср. также абаз. *C7r8n* ‘слуга, сельскохозяйственный рабочий’, *C7r8n-ra* ‘работать как сельскохозяйственный рабочий’. [Инал-ипа 1965: 215] рассматривал абхазское слово как заимствованное из мегрельского. [Кварчия 117] производит абхазо-абазинские слова из осетинского глагола *CArun* ‘жить’ < **‘пасти скот’*, что разделяется [Дзидзария 1987: 39]. Но, может быть, источником является перс. *Сщра-ни* ‘пастбище’? Ср. также курд. *Carin* ‘пасти’. В любом случае, фонетически абазинская форма кажется исходной, по сравнению с абхазской (с метатезой), а последняя могла быть источником для мегр. *Cinori*.

naxvta//naxta//naxuta ‘недоуздок’ [OK II: 376].

[Климов 182] считал усвоенным из абх. *a-nax0ta* ‘то же’. Хотя слово является в конечном счете заимствованным из тюркских языков (пред-

ставлено и в монгольских) и восходит, как полагают, к китайскому источнику (см. [Шагиров 1989: 94]), оно не встречается в грузинском и распространено в основном в северокавказском ареале (абаз. *naʁ0ta*, адыг. *naʁ0te*, убых. *naʁ0ta*, карач.-балк. *noxta*, кум. *naʁuta* ‘недоуздок’, осет. *naʁAt-bos* ‘торока (седла)’), если не считать азерб. *noxta*; см. также осм. тур. *noxda* (оба из перс. *noqʿa* ?), так что вероятнее всего предположить, что оно вошло в мегрельский из абхазского, вместе с целым рядом других животноводческих терминов.

xnc6ra//x8nc6ara//xinc6ira//x8nc68ra [ОК III: 556, 566] ‘мечение мелкого рогатого скота путем нарезки знака собственности на ухе животного’.

Из абх. (абж.) *a-x+c6a+ra* ‘мечение скота пастухами путем надрезов на ушах животных’ ([Инал-ипа 1965: 219], [Кварчия 109], [Чирикба 134], [Гублия 62], [ОК III: 556]). Ср. также бзып. *a-x+c6a+r*, абаз. *x+c6a+ra* ‘то же’. Абхазское слово содержит глагольный корень *c6a* ‘класть’ и абстрактный суф. *-ra*; начальный *x-* не вполне ясен. В мегр. *-n-* может быть эпентетическим. Вероятно, через посредство мегрельского термин проник также в сванский (*x8nc68ra* ‘то же’).

См. также *n8ga*, *xiraYaga*, *aboura*, *agvara*, *agvarta*, *aptara*, *axk6ara*, *tipu*, *k6vax-Ca*, *aCu*, *tiʃi*, *antari*, *aYmax-i/8*, *ckeʒi*, *xac6a*, *xaC6o*, *xeC6eti*, *xiDaDa*.

9.1.7. Ботанические термины

9.1.7.1. Дикие растения

aia ‘название растения’ [Кипш 193], ср. *aia ZeSxa* ‘Воскресенье Ая’, зугд. *ai-oba* ‘название весеннего праздника’.

Ср. также сван. *aia miSladeʃ* ‘воскресный день Ая’ (из мегр.?). Источником мегрельского и сванского слов может быть абх. *a-j8-ra* ‘растительность’ [Чирикба 133], ср. также абаз. *5aj8-ra* ‘растение’. Связь сванского и абхазского слов была отмечена [Бжания 150]. Абхазское слово, по-видимому, производно от глагола *a-j-ra* ‘рождаться’, ‘расти, уродиться, плодоносить’; альтернативная этимология, связывающая *aj8-ra* с прилагательным *a-ja+c60a* ‘зеленый, синий’ (см. [Шакрыл 1961: 111]), менее удовлетворительна с фонетической точки зрения.

anC6a ‘горный клен’.

Изабх. *a-mC67a*, (диал.) *a-nC67a* ‘остролистный клен’. Исконное мегрельское название клена – *sxali* (в грузинском – *korap-i*).

axeSra ‘вид черной травы в человеческий рост, с белыми цветами’ [ОК I: 207], возможно, ‘борщевик’.

Из абх. а-х8+S+ra ‘борщевик известняковый, *heracleum calcareum*’. Абхазское слово можно анализировать как а-х8-S ‘белая голова’, плюс абстрактный суффикс -ra.

ахSara ‘вид высокой и толстой травы’ [ОК I: 208].
Возможно, то же, что и ахеSra (см.).

basu ‘мушмула, *Mespilus germanica*’; ср. также tuntiSi basu ‘вид рябины’ ([Maq’ 118]: ‘рябина греческая, *Sorbus graeca*’), букв. ‘медвежья мушмула’ (tunti ‘медведь’).

Из абх. а-bac0, а-br8c0 ‘мушмула, *Mespilus germanica*’ ([БД 217], [Чирикба 133]). Убых. b(8)r8c0 ‘то же’ может также идти из абхазского, хотя оно может соответствовать абхазскому и на генетическом уровне (см. [Chirikba 1996: 335]). Исконное мегрельское слово для этого растения –ckumut6uri [Кипш202], ckumunt6uri//cxumunt6uri, родственное лаз. ckirmut6uri [Maq’ 29], cximunt6uri и груз. zJmart6l-i.

баСба ‘черника кавказская’.

Возможно, из абхазского, ср. абж. рбаСба в а-h0а-р-рбаСба ‘черника’ (для первого элемента ср., возможно, абх. а-h0а ‘свинья’), бзып. рбаСб в а-h08-р-рбаСб, а-S7ха-р-рбаСб ‘черника’ (а-S7ха ‘гора’, -р-соединительный элемент). Не исключено, что название этого растения этимологически связано с рассматриваемым в 9.1.8.1. названием насекомого. Другие названия черники в мегрельском – maQurzene (из Qurzeni ‘виноград’) и meliSiaS Da, букв. ‘листья дерево’.

b8g8Y8ri (зугд.-самурз., [Кипш 210]), bYgiri ([Maq’ 81], [ОК I: 276]) ‘кизил, *Cornus mas* L.’.

Из абх. а-bg8Y8r ‘кизил’ [Чирикба 134]. Вторая часть абхазского слова (-Y8r) связана с абаз. zar8 ‘кизил’, и далее – с ад. zar8-D7 ‘калина’ (D7 ‘плохой’), каб. ze ‘кизил’ [ЭСАЯ I: 204, 205, 207]. Первая часть (bg8) объясняется [Абдоковым 1973: 52] как ‘склон’. Альтернативно, bg8 можно связать (как определение) с а-bga ‘волк’ (‘волчий кизил’). Мегр. bYgiri получено из b8g8Y8ri путем метатезы. Сван. Yigir ‘ежевика, *Rubus*’, мегр. Y8giri ‘сассапариль, *Smylax*’ могут не относиться ко всем этим формам. [Memišiši 1988: 90] пытается связать мегр. bYgiri с груз. baYgi и лаз. baY-gari ‘вежа мышья’, что кажется менее вероятным.

сбic6indera//сбic6indara//сбic6imdera ‘земляника’ ОК III: 424].

Из абх. (абж.) а-с68с68ndra ‘земляника’ [Чирикба 132]; ср. также бзып. а-46а468nd8r, а-468468nd8r, садз. а-с68с68ndara. Хотя абхазская этимология

неясна (ср. для второй части финальный элемент в а-k608k608md8r ‘куст’), факт его присутствия во всех абхазских диалектах и его фонетическая форма в бзыпском диалекте (со средней сибилантной аффикатой), позволяют видеть в нем исконное абхазское слово. Через мегрельский слово проникло и в западногрузинские диалекты, ср. верхне-рач. сбиcbindera ‘земляника’ [Маq’ 32]. В мегрельском имеются и другие названия для этой ягоды: xvixvinia, с8m(Q)ua ‘земляника’; ср. также в родственных языках: груз. marcbq6v-i, xendro (‘клубника’), имерет. dardala, сбиamp6ola, сван. basq6(i), бщsq6, majRl, лаз. k6andJu/o.

Camkva, Camhva, Campa ‘горный клен’; см. также Camua ‘вид растения в горах’ [OK III: 291].

Из абх. а-С7amha ‘клен’ [Чирикба 134]. Второй элемент (mha) может быть родственным адыг. *рха ‘древесина’. Наличие лабиального элемента в мегрельских формах (-kva//hva//pa) весьма интересно – могут ли они отражать более старую абхазскую форму? Исконное слово для ‘клена’ в мегрельском – mekbenCxali.

k6akbara/o ‘густой лес с большими деревьями’; также как топонимический элемент в горной Мегрелии.

Из абх. а-k6kbara ‘густой лес с большими деревьями; лес без подлеска и кустарников’ ([Цхадая 1975: 34; 1985: 187, 209], [Чирикба 132, 137]), производного от корня k6(a)kба ‘открытый, чистый, ясный, свободный от чего-либо’ и абстрактного суффикса -ra (этимология Б. Джонуа) указал на абхазское происхождение мегрельского топоформанта k6akbara/o. Мегрельская форма может отражать более старую (полногласную) абхазскую форму (а-k6akба+ra).

k6vadaci, k6vadaca, k6vadacia [OK II: 118], k6udacia [Маq’ 73] ‘облепиха’.

Из абх. а-k60adac ‘облепиха’ [Чирикба 133]. Абхазское слово, возможно, содержит -dac ‘корень’, но первая часть неясна. Слово известно и в грузинском (из мегр. ?): k60adac-i ‘терн’ (см. [Čubinašvili 1984: 606]), наряду с более обычным kacv-i.

SxuriCi ‘дикий виноград’ ([Кипш 361], [OK III: 286]).

По-видимому, из абх. а-S7xar8Z7 ‘дикий виноград’ (а-S7ха ‘гора’, а-Z7 ‘виноград’; см. [Чирикба 131]). Кипшидзе [Кипш 361] и Каджая [OK III: 286] производят мегрельское слово из Sxuri ‘овца’ (по Каджая, из Sxuri-S C6i ‘кишка/поясница овцы’), что сомнительно семантически. Другой мегрельский термин для дикого винограда – burexi.

xvamca, xvanca 'остролист, вязожелд, падуб' [ОК III: 539].

Из абх. a-x0amsa 'рододендрон кавказский' (rhododendron caucasica); в бзып. a-h08ms8.

9.1.7.2. Культурные растения

atbama, antbama 'персик' [ОК I: 197, 188].

Из абх. a-t6am\ 'персик' ([Климов 182], [Чирикба 134], [Гублиа 67]; см. также [NS 1005]). Ср. также садз. \-t6ama, \-t68ma 'персик', батум. абх.: фер. a-t6am9 [Килба 1983: 25], сам. \-t6ama 'персик', ащх. t6am\ 'абрикос', Y8n-t6am\ 'персик' (Y8n 'зима').

Через мегрельский слово проникло в грузинский (atbam-i, имерет. ar-tbam-i) и сванский (atbama). Ср. также такие композиты, как мегр. uSkur-atbama, груз. vaSl-atbama 'персик-нектарин', букв. 'яблоко-персик' ([Маг 27]; мегр. uSkuri, груз. vaSl-i 'яблоко'). Через грузинский слово вошло в лазский: хоп. atbama, виц. antbama, ардаш. atbamba; (см. [Bucaklışı & Uzunhasanoğlu 1999: 5, 8]), арх. antbama, antbarma,¹ осетинский (atbami, al-tbami) и в ряд дагестанских языков, ср. бежт. atbami, гунз. ʔatbami, анцух. авар. ʔatbam 'персик' (см. [Халилов 1989: 110, 114]).

Лексема также представлена в убыхском (t68ma 'персик') и в шапсугском диалекте адыгейского (q08-t6am8 'сорт груши', т.е. 'груша-персик', ср. q08 'груша'). Если этимология Ю. Месароша [Mészáros 1934: 257] и Ж. Дюмезиля [Dumézil 1974: 19] убыхского слова верна (t68 'мягкий, немного перезрелый', плюс ma 'яблоко', т.е. 'сочное и мягкое яблоко'), тогда в абхазском и адыгейском, а через абхазский в других языках, имеем убыхское заимствование. [Шагиров 1989: 68] высказал сомнение в правильности этой этимологии из-за необычного расположения компонентов в убыхском словосочетании: определение (t68) должно было быть в постпозиции, а не предшествовать определяемому им существительному.

Старостин [NS 1004-1005], с другой стороны, реконструирует для праабх.-адыг. *t68ma 'персик, абрикос', которое он связывает с прото-нах. t6um 'мозг', 'ядро (фрукта, ореха)', прото-лезг. *t6um(:)-ul//t6um(:)-ut6 'виноград', 'слива' (таб. t6umut6, агул. t6ibit6, пут. t6 m l, цах. t6um l7, буд. t6ombul, арч. t6ummul, удин. t6:ul). Согласно Старостину, хин. t6umbol 'алыча' идет из будухского, а удин. damp:ul 'слива' также является старым заимствованием из шахдагских языков; часть лезгинских языков содержат рефлекс формы *t6um(:)ut6, которая является редупликацией.

¹Рене Лакруа, устн. сообщ.

Генетическая связь зап-кавказ. и вост-кавказ. форм представляется убедительной как фонетически, так и семантически ('мозг', 'вид фрукта'). Западнокавказские языки сохраняют родственные формы, которые, возможно, объясняют первоначальную семантику этого северокавказского корня: 'сочный', 'перезрелый', ср. абх. а-тбам+тбам 'мягкий, слегка припухший', j8-тбам+тбам-wa 'мягкий (о тесте, плоде)', напр. а-х08rma тбам+тбам-wa 'мягкая и сочная хурма', а-тбаматбам+тбам-wa 'мягкий и сочный персик', абаз. тбам+тбам 'мягкий, перезрелый', j8-тбам+тбам8+D78-тб 'становится перезрелым', адыг. тбем8//тб8m8вад. qe-тбем8-, каб. qбe-тб8m8- 'опухать' (преверб qe-//qбe- 'сюда').

Помимо северокавказской этимологии абхазского слова, начальный а- в картвельских формах является дополнительным указанием на его абхазское происхождение. Кстати, одно из армянских слов для 'сливы' (ср. класс. арм. damon, артв. damun, арм. диал. dambul), которое не имеет индоевропейской этимологии, имеет, по-видимому, восточнокавказский источник, ср. особенно буд. тбombul, хин. тбumbol 'и удин. damp:ul (не исключено, однако, что удинская форма может являться обратным заимствованием из армянского). Старостин [NS 1004] объясняет b в будухском как эпентетическое, что естественным образом поднимает вопрос о соотношении армянских форм damon и dambul : являются ли они хронологически различными заимствованиями (damon < *damol < *damul – более ранним, а dambul – более поздним заимствованием), либо же они отражают заимствование из различных восточнокавказских диалектов? Интересно, что в армянском диалекте Свении (Сирия) название для 'сливы' – tama, помимо более обычного dbamm n (X. Мартиросян, устн. сообщ). Мартиросян усматривает в армянском слове tanj 'груша' (согласно ему, предположительно из *tam- плюс армянский суффикс j обычный для названий растений) возможное заимствование из обсуждаемого выше западнокавказского названия 'персика'.

кбаСбiСбi 'сорт винограда с мелкими черными ягодами'.

Изабх. а-кбаС678С67 'тоже' [Чирикба 132]. Абхазское слово объясняют как производное от имени абхазского крестьянина, который впервые стал культивировать этот сорт в своей усадьбе (см. [БД 210]). Термин известен также в Западной Грузии [Контария, Чанба 1987: 50], по-видимому, через мегрельский.

хеСбeСбi 'сорт поздно созревающей груши с мелкими плодами'.

Из абх. а-ha+С67С67а 'груша с мелкими плодами', 'дикая груша, дичок' [Чирикба 131], содержащего а-ha 'груша' и суффикс-С67С67а (<*-С678С67а <

*-C67aC67a) 'маленький, мелкий'. Ср. сходную структуру ва-с60а+С67С67а 'дикая яблоня с мелкими плодами' (а-с60а 'яблоко'), а-к60ара+С67С67а 'речушка, ручей' (а-к60ара 'ручей'). Абх. а-һа связано с адыг. q08-18 и убых. х7а 'груша'. Через мегрельский лексема проникла также в западногрузинские диалекты, ср. аджар. хеС6еС6+ur+a, хеС6еС6+ur-isxali (sxali 'груша'), гур. хеС6еС6+ur-i//xiC6iC6+ur-i (с атрибутивным суф. -ur; см. [Ghlont'i 748, 756]), а также в лазский: хаС6аС6uri (mcxuli) 'вид груши с мелкими плодами', mcxulхеС6еС6uli 'вид груши' [Март 1910: 230]; mcxuli 'груша'), арх. хаС6аС6i/e, хеС6еС6uli 'вид груши с повышенным содержанием сахара' [Bucaklışı & Uzunhasanoğlu 1999: 196]. [Климов 1971: 259] указал на абхазское происхождение лазского слова. Учитывая наличие в лазской форме суф. -ur, посредником для него мог служить грузинский (аджарский). По-видимому, из лазского слово распространилось среди языков северо-восточной Анатолии, ср. арм. (в области Понта) хаCFaDur, тур. хаCacur armudu (armud 'груша'), хеCeCur, heCeCur (регион Хамшена), heDeDulap (регион Трабзона) (см. [Bläsing 2004: 101-102]; согласно [Bläsing 2004: 102], элемент -ар в последней форме предполагает посредство понтийского греческого (ср. греч. ар 'яблоко'); таким образом, лазская форма хеС6еС6uli была источником для понтийского греческого, а из последнего оно проникло и в турецкий говор района Трабзона.

9.1.8. Зоологические термины

9.1.8.1. Дикие животные

баС6а 'клещ', переносно 'маленький'; баС6а-баС6а 'очень маленький' [ОК I: 230].

Из абхазского, ср. особенно цабал. а-баС6а 'клещ'; ср. также абж. а-рбаС6а, бзып. а-рбаС6, садз. а-баДа, ацх. баДа 'клещ' [Чирикба 1998: 135]; для второго значения ср. абх. а-рбаС6 'короткий, небольшой, маленький'. Кипшидзе [Кипш 202] указывал на сходство этого мегрельского слова с груз. баС6кба 'кол с крючками', что сомнительно с семантической точки зрения. Цабальская форма и производная от нее мегрельская отражают общеабхазскую форму (*баС6а), которая позднее подверглась регрессивной (как в бзыпском и абжуйском) или прогрессивной (как в садзском и ацхарском) ассимиляции. Обратное направление заимствования (мегр. > абх.) исключено ввиду абхазских диалектных форм, а также того факта, что мегр. С6, фонетически смягченная аффриката, должна была непременно дать в абхазском также палатализованную аффрикату (С67), а не С6. Исконный мегрельский термин для этого кровососущего насекомого – girDJibe.

9.1.8.2. Домашние животные

аCu ‘лошадь’, также аCu, аCu-аCu ‘междометие понукания лошадей’, аCu-а ‘лошадка (в детском языке)’ [ОК I: 204, 316].

По-видимому, из абх. а-С8 ‘лошадь’. Перебой и/8 является обычным для мегрельского. Ср. также груз. аCu-а ‘лошадка (в детском языке)’ (с диминутивным -а), аCu//аCi ‘ну! (междометие понукания лошади)’. [Чарая 48-49] ошибочно увязывал абхазские и грузинские слова (без упоминания мегрельских параллелей) как родственные, добавляя к ним также груз. схеп-и ‘лошадь’. Н.Я. Марр в своей редакторской заметке к этому сравнению Чарая на с. 48 отмечает: «заимствовано, по всей видимости, из абхазского». С. Джанашиа [Džanašia 1959: 226], не упоминая мегрельской формы, также считал груз. аCu усвоенным из абхазского. С. Николаев и С. Старостин [NS 520-521] считают грузинское слово заимствованным из северокавказских языков, [Гамкрелидзе и Иванов 1984: 919] – из какого-то индоевропейского языка, к чему склоняется также [Климов 1994: 171], усматривая особую близость грузинского слова к древнеиндийской форме. Учитывая фонетику мегрельских и грузинских слов, прямо совпадающих с абхазской формой с определенным артиклем, а также факт многочисленных заимствований в мегрельском абхазских скотоводческих терминов, абхазский источник для этого заимствования кажется все же наиболее вероятным. Заимствование могло хронологически соотноситься со временем Абхазского царства (т.е. VIII-X вв.). См. также ниже, под Соу.

tiJi ‘баран’ ([Кипш 243; ОК II: 53]), ‘баран-производитель’, ‘баран для размножения’ [ОК II: 53].

Из абх. а-t8+J7 ‘баран(-производитель)’ ([Кварчия 75], [Климов 182], [Чирикба 132]). Абхазское слово анализируется как t8 ‘баран’ и J7 ‘семья’.

9.1.9. Культовые, обрядовые, религиозные термины

antari, Zini-antari ‘главный бог размножения скота’ [ОК I: 187, II: 500], ‘покровитель мелкого рогатого скота’ [Бжания 265] (Zini ‘верхний, верховный’).

Из абх. ajtar//ajt8r ‘главный бог размножения скота’¹ ([Чирикба 134, 137; Аджинджал 2003: 42]). Присутствие назального инкремента перед дентальным смычным (ajt > ant) обычно для мегрельского. Цикл молений особо почитаемому божеству Айтару, рассматриваемому аб-

¹ Согласно [Званба 1982: 31], «бог и покровитель домашнего скота и хуторов».

хазами как единому в семи долях, начинался весной, в первый понедельник Великого поста [Бжания 127]. Скорее всего, под именем этого языческого божества скрывается христианский Святой Теодор (Феодор) Тирон (Тирский),¹ которому в Абхазии был посвящен храм в нынешнем Новом Афоне на вершине Анакопийской горы. Форма *ajt8r//ajtar* получена из греч. *Agios Theódōros* 'Святой Теодор' в результате гаплогонии (опущения одного из сходно звучащих слогов): **aj tod8/ar*² > **aj tat8/ar* > *ajt8r//ajtar*. Это мнение можно подтвердить наличием в осетинском божества *T_t8r* (ирон.)/*Totur* (дигор.) 'патрон волков, а также скотокрадов', которое [Абаев 1979: 323] также выводит из имени этого святого. Праздник, посвященный этому божеству, справлялся у осетин, как и у абхазов, на первой неделе Великого поста. Источником осетинских форм Абаев считает картвельские языки, указывая на сван. *li-Toduri*, *li-TRdri* 'праздник Феодора', первая неделя Великого поста, груз. мохев. праздник *Tevdoreba*, рач. *Tedoroba*, во время которого святому молились об умножении скота. Абаев указывает также на балкарское топонимическое название *AS-Totur taS-i* 'камень (taS) Святого Теодора'. Ср. также карач.-балк. *Totur-nu al aj8* «март» (aj 'месяц'), *Totur-nu art aj8* «апрель», селение *Тотур* и крепость *Тотур къала* в Хуламском ущелье в начале XIX века, церкви *Аш-Тотур* в Чегеме и *Тотур-Тюбю* в Хуламе; имеется также несколько ледников по имени *Тотур ауз* [Шаманов 1974: 313, 314], содержащие имя святого. Обращает на себя внимание и фонетическая близость осетинской формы с глухим интервокальным смычным *t* с абхазской (ср. *d* в сванской и грузинских формах). Абхазский источник (посредничество) для мегрельского весьма вероятен ввиду сокращенной в результате гаплогонии абхазской формы – картвельские языки сохраняют имя святого в более полной форме, а также глухости второго смычного. Кроме того, это божество не ассоциируется у мегрелов с христианским святым, выступая в виде языческого божества, в прямом соответствии с его функцией у абхазов. Об абхазском источнике, наконец, говорит и сопутствующая этому культу специальная терминология, также заимствованная из абхазского (см. ниже *skebzi*, *xozo-kbvari*). Помимо мегрельского, ср. также божество *anatori* у грузин-горцев (из мегрельского или параллельное развитие из греческого?).³

¹Христианский мученик, который был рекрутом (*tiro*) в римской армии в области Понта (Черное море).

² Ср. сходно звучащий греческий топоним Ай-Тодор (Святой Теодор) в Крыму.

³[Аджинджал 2003: 42] рассматривает как мегрельское, так и грузинское имя божества в качестве заимствований из абхазского.

napra//napurnaxa/e 'названиекакого-тобожества, обряджертвоприношения которому совершается в июле месяце, исключительно в субботний день' ([Кипш 286-287], [ОК II: 366, 367]), 'покровитель скота, при молитве которому становились лицом на запад и просили о ниспослании богатства, здоровья, защиты скота и людей' [Бжания 265].

Из абх. anapra//nap8r-n8xa 'божество внутренних болезней, желудочных заболеваний', 'покровитель больных' (n8xa 'святилище') [Чирикба 132, 137]. Сходство мегрельского и абхазского слов было отмечено [Бжания 265]. Как и в случае с предыдущим божеством, под обликом языческого бога скрывается, по всей видимости, старый христианский Святой Онуфрий (греч. Ονούφριος).¹ В Абхазии имелась церковь, посвященная этому святому, что отмечает [Павлинов 1893: 4]: «Следуя далее к Беслахубе, на р. Гализге, близ Побчел, видели другую церковь, посвященную св. Онуфрию. Она недавно реставрирована, и в ней совершается служба». Также в собрании икон Илорского собора Павлинов обнаружил две иконы Святого Онуфрия и дал их описание [там же, с. 23 и таблица XII]. Интересно, что в русской народной традиции святой Ануфрий защищает скот от всех несчастий, а также исцеляет людей от кровотечения из ран; ему также молятся о сохранении от внезапной смерти (см. [Юдин 1997]). Начальный а в абх. anapra является корневым. На абхазский источник для мегрельского указывает элемент naxa/e < абх. n8xa 'святилище', а также фонетический облик имени святого.

Yivov 'ритуальная процессия к Дзиуоу' (самурз., цаленджиха), 'ритуальная кукла называемая Дзиуоу' (самурз.); сюда же несколько измененная (в результате прогрессивной ассимиляции) форма YiYava 'женский ритуал вызывания дождя во время засухи, в котором фигурирует специально сделанная кукла' [ОК III: 390].

Из абх. Y8-jwow 'ритуал вызывания дождя, где фигурирует специально сделанная кукла, которую несут к речке' [Чирикба 137]. Первая часть абхазского слова представляет собой а-Y8 'вода', вторая часть не вполне ясна (от ajw8-га 'получать'?). В цаленджихском мегрельском кукла называется moC6kbudia, т.е. 'невеста', 'кукла', 'хозяйка' [Контария, Чанба 1987: 52].

¹Отшельник, живший в египетской пустыне в конце 4-го в. и почитаемый в качестве святого как римской, так и православной церковью; его праздник справлялся 12 июня.

9.1.10. Географические термины, рельеф, горы, водоемы

alg8d ‘воронкообразная яма’ [ОК I: 181].

Из абх. a-lg8t ‘овраг, балка, впадина’. См. также абхазский топоним a-lg8t//lg8t, встречающийся в нескольких местах в Бзыпской Абхазии и его вариант a-lg8d(8) в Абжуйской Абхазии (см. [Кварчия 2002: 582]). На заимствование из абх. a-lg8d указал [Цхадая 1985: 186, 209]. Этимология абхазского слова не вполне ясна, хотя оно, возможно, отглагольного происхождения (для начального согласного ср. центробежный преверб l(8)- ‘из массы’ как, например, в a-l-g08g0-ra ‘выпуклость; взбугрённое место’). Ср., с другой стороны, a-g(8)d8 ‘безрогое животное’ (?). Во всяком случае, наличие начального а- в мегрельском указывает на его абхазский источник.

apsta ‘река, ущелье’.

Из (абж.) абх. a-psta ‘ущелье, каньон’ ([Кипш 197], [ОК I: 199]); в бзып. a-p2ta. Полагают, что абхазское слово содержит старое название ‘воды, реки’ (*p28), родственное адыг. ps8 ‘то же’, тогда как конечный -ta является локативным суффиксом (см. [ЭСАЯ II: 16]), т.е. ‘место воды, реки’ (в горах по дну ущелья обычно течет река), что делает мегрельское значение ‘река’ весьма симптоматичным.

arxa ‘скала; холм; крутая гора’ [ОК I: 196].

Метатеза из axra (см. ниже под axira, ax8ra, axra).

aSta ‘луг, поле’; также топонимический элемент в горной Мегрелии.

Из абх. aSta ‘двор, поляна (особенно перед домом), луг’ ([Цхадая 1975: 34; 1985: 186, 209], [Чирикба 137]), которое, по-видимому, происходит из *jaSa-ta ‘ровное место’, состоящего из a-jaSa ‘прямой, ровный’ и локативного суффикса -ta (с утратой начального j-).

axira, ax8ra, axra ‘скала; холм; крутая гора’ [ОК I: 207, 208]; также x8r8 ‘высокий скалистый склон, откос’ [ОК III: 591].

Из абх. a-xra ‘скала’ [Цхадая 1985: 186]. См. также arxa (выше).

aYmax-i/8//azmax-i ‘искусственный водоем, сооруженный рядом с летней стоянкой (t8p)’ [Дзидзария 1987: 39], ‘место снаружи скотного двора (agvara) для водопоя скота’ [ОК I: 165], ‘лужа, пруд’ ([Цхадая 1975: 34], [ОК I: 165, 204]); также топонимический элемент в Мегрелии.

Из абх. а-Үмах ‘болото’ ([Цхадая 1975: 34; 1985: 186, 209], [Дзидзария 1987: 39, 1988: 69; 2000: 144], [Чирикба 133, 137], [Гублиа 53]), первая часть которого содержит а-Ү8 ‘вода’. Бзыпская форма этого слова – а-Үмах [БД 60], что предполагает общеабх. *Ү8-maq. Согласно [Дзидзария 2000: 144], это слово встречается также в гурийском диалекте грузинского (из мегр. ?).

9.1.11. Гастрономические термины

скеbz8 ‘конусообразно вырезанный кусок сыра в середине приготовленного из кукурузной муки ритуального хлеба используемого во время моления божеству Zini antari о приумножении скота’ ([Кипш 195], [ОК III: 360]).

Из абх. а-ск7а ‘(ритуально) чистый’ и а-bz8ja ‘хороший’ ([Джанашиа 1915: 77], [Чирикба 133, 135]). Параллелью этого термина в абхазском является а-ск7а-50 ‘(ритуально) чистый сыр (а50 ‘сыр’), используемый во время моления богу ajtar’ (см. Бжания 126).

Семkva, Семxva, Семhva ‘вид каши приготовленной на молоке из сыра и кукурузной муки’ [ОК III: 299], ‘молочный кисель’ [Кипш 364].

Из абх. а-С7ам8k0а ‘мамалыга из кукурузной муки сваренная с молоком и сыром’ [Чирикба 131]; ср. также абаз. С7ам8k0а ‘блюдо приготовленное из сметаны, сыра и кукурузной муки’, каб. Zam8k0e ‘кушанье типа мамалыги из сметаны, кукурузной муки и свежего сыра’, которое считается заимствованием из абазинского (см. [ЭСАЯ II: 193]). Фонетически кабардинская форма должна восходить к *Dam8k0e < *D7am8k0e < *ч7ам8кF0а. Этимология слова неясна; первая часть может содержать абх. С7а ‘пшеничная мука’ (?).

ela(r)Di ‘кукурузная мамалыга сваренная со свежим сыром’ (см. [Кипш 231], [ОК I: 546]).

Из абх. ajla(r)D7 ‘то же’ ([Чирикба 133], [Гублиа 63]). Абхазское слово анализируется как состоящее из преверба aj+la- в значении ‘совместно в массе’, и корня D7, который [Март 1926: 11] связывал с глаголом а-D7-ra ‘печь’, объясняя все слово как ‘жареная смесь’, что не совсем удачно семантически (данное блюдо варят, а не жарят). Возможно, есть смысл предположить исходную форму *aj+la-Z7, от глагола aj+la-Z7-ra ‘сваливать совместно в массе’. Сонорный r является, скорее всего, неэтимологическим инкрементом. Согласно [Инал-ипа 1965: 341], в форме elarDi это слово известно и в грузинских диалектах (из мегр. ?).

mazva 'плоская лепешка приготовляемая абхазами из муки и меда'.

Из абх. a-maZ0a 'тесто' ([Schmidt 1950: 19], [Ардзинба 1985: 162], [Чирикба 133], [Гублиа 53]). [Чарая 12] ошибочно усматривал в абхазском заимствование из мегрельского, а последнее считал усвоенным из греч. mOza 'тесто, лепешка', что не объясняет лабиализации фрикатива в абхазском. Кроме того, сама семантика мегрельского слова указывает на его усвоение из абхазского.

puCxa//punCxa//pinCxa 'крошка' [ОК III: 113, 120], глагол puCxo1ua 'крошить' [Кипш 340; ОК III: 120].

Согласно К. Ломтатидзе, из абх. a-pCxa < a-p+C8+xa//a-p8+C+xa 'крошка'. Слово имеется также в западногрузинских диалектах: имерет., гур. puCxa//punCxa//piCxa//pinCxa 'крошка (хлеба и т.п.)', а также с суффиксальным оформлением: pinCxa-l (см. [Lomtadidze 1989: 49-50]); ср. также лаз. pinCxa 'крошка'. Абх. a-p+C8+xa производно из глагола a-p+C-ra 'ломать, разбивать' (преверб p(8)-), с номинальным суффиксом -ха в значении 'остаток'. Это слово было обратно заимствовано в абж. абх.: a-p8C7xa 'крошка', о чем свидетельствует палатализованный характер C7 (см. [Ломтатидзе 1989: 51-52]), если это смягчение не возникло на собственной почве с целью "димиинутивизации" слова. Как относятся к этим словам сван. na-p1cx 'крохи', зап.-груз. prCxvna 'крошиться'¹?

хасба 'закваска для приготовления йогурта' [ОК III: 524].

Из абх. a-хаасба 'то же' ([Дзидзария 1989: 145], [Чирикба 132], [Гублиа 58]), анализируемого как х(8) 'молоко', преверб aa- 'сюда' и глагола сба 'класть'. Ср. сходно образованное a-Y+aa+сба-ra 'класть сюда (aa+сба) [в] воду (Y8)'. Альтернативная этимология основывается на технологии заквашивания, когда в молоко клали свинец либо свинцовую пулю (a-x8) для стимуляции процесса закваски; таким образом a-x+aa+сба 'пуля положенная (в молоко)' (?).

хаC6o 'творог'.

Из абх. a-хаC67a 'творог' ([Чирикба 132], [Дзидзария 2000: 145], [Гублиа 58]). В первой части имеем, вероятно, х(8)- 'молоко', присутствующее в качестве первой части во многих абхазских терминах молочных продуктов, напр. a-x8+r+c608 'йогурт' (x8 'молоко', r+c608 'заквашивать, делать кислым'). Ср. также a-x+S 'молоко' (S 'белый'). Вторая часть (-C67a) неясна. [Гублиа 58] анализирует -C67a как 'крупинка', т.е. 'молочные крупинки'.

¹Дж. Хьюитт, устн. сообщ.

Сходным образом [Дзидзария 2000: 145] усматривает в -C67a значение 'крошечный'. Слово проникло также в грузинский: хаC6о 'творог', откуда хаC6а-рбур-и 'хачапури, лепешка с сыром' (рбур-и 'хлеб', из греческого), заимствованное в абжуйский абхазский (а-хаC67ар68г), несмотря на наличие исконного а-C7aS0.

хеC6eti 'сливки' (самурз).

Из абх. а-хC67at 'сливки' ([Чирикба 131], [Дзидзария 2000: 145], [Гублиа 58]), которое анализируется [Абдоковым 1973: 75] как х- 'молоко' и C67at, связываемое им с ащх. C7ata, убых. C7ata, ад. S7ate < *CF7atFa 'сметана', что не объясняет наличия глоттализации в абхазской форме. Объяснение абх. C67at, адыг.-убых. C7ata как заимствования из тюрк. Cati, sathi 'крыша', 'поверхность', предложенное [Кварчия 119], не кажется убедительным. Более вероятной этимологией для а-хC67at является контаминация в абхазском заимствованного из адыг. *CF7atFa 'сметана' (содержащее *CF7a 'молоко') с исконным а-хаC67а 'творог'.

xiDaDa//x8DaDa//xaDaDa 'молозиво' [ОК III: 526, 565, 592].

Из абх. а-хD7aD7a 'молозиво' ([ОК III: 565, 592], со ссылкой на П. Чарая; [Дзидзария 1989: 145; 2000: 144] дает мегр. форму как хDiDi). Абхазское слово анализируется как х(8) 'молоко' и а-D7aD7a 'грубый, жесткий' [Дзидзария 1989: 145].

хозовхоzo-k6vari//хоzo-k6ori//хоzo-k6oni 'большие ритуальные конусообразные вареники приготовляемые в начале масленицы, в один из них клали спицу из рододендрона (или грецкого ореха); того, кому доставался такой вареник, ожидало счастье в течение всего года'; ср. также хозо-k6vari-SiC6k6u-mua 'поедание вареников в первый понедельник Великого поста', хозо 'вид вареников приготовленных из кукурузной муки со свежим сыром'.

По-видимому, из абх. а-х0aZ0 'конусообразные, круглые или полукруглые вареники или пирожки, в основном из кукурузной муки, иногда начиненные сыром' ([Чирикба 133], [Гублиа 52]); в бзып. а-х0a10 [БД 64], а-х08Z0 < общеабх. *q0a108. Ср. также абх. х0aZ0-k68-н 'время специальной молитвы в течение которой готовят ритуальные вареники а-х0aZ0 '(k68 'держат', -н 'время, сезон'), х0aZ0-k68+ra 'обряд моления с приготовлением ритуальных вареников в первый день масленицы' (k68-ra 'держание'), х0aZ0k68ra-mza 'февраль (или март)' (букв. 'месяц держания а-х0aZ0'; а-mza 'месяц'), х0aZ0-n8h0a 'ритуальная молитва во время ритуала х0aZ0k68ra (а-n8h0a 'молитва')'. Ср., помимо этого, абх. а-х0aZ0-k60ak60ar 'ритуальный конусообразный пирог приготовленный в течение празд-

ника x0aZ0k68ra', когда произносилась ритуальная молитва посвященная Айтару (божеству плодородия и скотоводства), совпадающая с первым днем христианского Великого поста (a-k60ak60ar 'лепешка начиненная сыром'). [Чарая 15] рассматривал абх. a-x0aZ0a в качестве заимствования из мегрельского, хотя, интересным образом, он объяснял само мегрельское слово как 'маленький конусообразный чурек, употребляемый у абхазов при жертвоприношениях'.

Этимологически абх. a-x0aZ0 связывают с названием рододендрона – a-x0aZ0 (см. [Акаба 1984: 52, 54]). Действительно, рододендрон играл особую роль во время этого ритуала. Ритуальные хлебцы, начиненные ритуально чистым сыром, запекали в горячих углях покрыв рододендроновыми листьями [Бжания 126]. В один из ритуальных вареников или пирожков пожилая ритуально "чистая" (т.е. не живущая половой жизнью) женщина клала маленькую рододендроновую палочку, называемую 'счастливой палочкой' (a-nas8p a-c608), либо 'рододендроновой палочкой' (a-x0aZ0 c608) и того, кому выпадал пирожок с этой палочкой, ожидало счастье в течение всего года, в честь чего ему предписывалось устроить пир [Акаба 1984: 52]. Схожий ритуал практиковался мегрелами: "Во время Великого поста к обеду варили усеченные конусообразные пирожки, в один из которых хозяйка дома, перед варкой, тайно втыкала деревянную спицу (c6k68ri); пирожок со спицей называется хозо-k6vari. Тот, кому выпадал пирожок хозо-k6vari, должен был устроить пир" (см. [Кобаля 1903: 102]).

Этимологическая связь слова для ритуального пирожка с названием рододендрона кажется убедительной. [Гублия 52] предложила альтернативную этимологию: x0a из x08Y 'просо' и Z0a из Z0 'варить', что проблематично с семантической точки зрения. О. Каджая переводит мегрельский термин как 'большая вареная лепешка', по-видимому, под влиянием слова хозо 'большой; отдельный' (см. [ОК III: 566]), но см. выше перевод Чарая '**маленький** конусообразный чурек...'. Помимо мегрельского, ср. также в грузинских диалектах: мтиул., имерет. хозо 'крупнозернистый хлеб' [Ghlont'i 758]. Ср. также в грузинском словаре Саба Орбелиани (XVIII век): qwejza 'круглый хлеб'. Н.Я. Марр в [Чарая 15] связывал мегрельское слово с др.-груз. qweza-j 'хлеб', а абх. a-x0aZ0 с имерет. хозо (в [Марр 1938: 32]).

9.1.12. Сезоны

apun-i 'весна' ([Кипш 197], [ОК I: 199]); также apun-oba 'весна' [ОК I: 199].

Из абх. аар8н 'весна' ([Кипш 197], [Климов 182], [Чирикба 132], [ОК I: 199]). [Чарая 18] рассматривал мегрельское и абхазское слова как генетически родственные. Абх. аар8н < *5а-ар8-н8 анализируется как 'время-перед-период', т.е. 'раннее время года'.

9.1.13. Varia

аgаgа 'тень'; 'худой, тощий', 'в ком едва держится душа' [ОК I: 164], 'призрак'.

Из абх. а-gаgа 'тень, силуэт'. Абхазское слово может содержать агентивный суффикс -gа, первая часть неясна. О. Каджая предлагает связь мегр. аgаgа (см. [ОК I: 164]) с мегр. mаgаgа 'бродяга' [ОК II: 202] и с глаголом gаgаr-i 'идти с трудом, волочить ноги' [ОК I: 278], что, учитывая абхазское соответствие, кажется маловероятным.

аrgvаtа 'толпа, народ' ([Кипш 196], [ОК I: 190]).

Из абх. а-g0аrtа 'стадо, гурт, отара, стая' ([Инал-ипа 1965: 216], [Чирикба 134]), связанное с абаз. g0аrtа, каб. g0аrtе, ад. k0ert 'то же'. Данная мегрельская форма получена путем обычной для этого языка метатезы из аgvаrtа (см. ниже gvаrtа).

аSхаrа 'мошенник, негодяй' [ОК I: 204].

Вряд ли к груз. (из перс.) аSk(6)аrа 'явный, гласный, публичный' (ср. мегр. наречие аSkаrаt < груз. аSk(6)аrаd 'явно, гласно, публично') из-за семантики. Может быть, из абх. а-S7хаr8wа 'горец, горный житель' (?).

bZou 'глупый, глупец, дурак'; 'грубый, неотесанный, невежливый' [ОК I: 259].

Возможно, из абх. j8-bZo-w 'калека, неполноценный, с дефектом', производное от а-bZа 'половина'.

сбiсбi-k6vаk6vа 'слова в детской игре' [ОК III: 423].

Возможно, из абх. сбiсбi-k60аk60а 'слова в детской игре'; ср. также сбiсбi-g0аg0а, абаз. сбiсбi-g0аg0а 'тоже'. Абх. сбiсбi-k60аk60а рифмуется в детском фольклоре со словом с аjсbаrk60аk60а 'кислое молоко с крошкой в нем мамыгой' (Б. Джонуа, устн. сообщ.).

gvаrtа '(большая) волна', 'куча' [ОК I: 320], см. также наречие gvаrtа-gvаrtа-d/s 'кучами' (там же).

То же, что аrgvаtа (см. выше), что предположено и в [ОК I: 320]; на этот раз слово представлено без абхазского определенно-родового ар-

тикля. Ср. также абх. g0arta-k6 'много, большое количество, множество, куча' (-k6 неопределенный артикль).

luga 'глупый, дурной (человек)', luga-lala 'глупец-бездельник' [ОК II: 180].

Возможно, из абх. a-l8g < *l8ga < *laga 'то же' [Чирикба 132].¹ Кипшидзе [Кипш 274] связывает мегрельское слово с груз. (C)lung-i 'тупой', а Г. Климов производит luga из общекартвельского *blagw- 'тупой, неострый' (см. [Fähnrich, Sardshweladse 1995: 58]). Дилемма, таким образом, заключается в выборе одной из альтернативных гипотез (заимствование из абхазского, либо исконная связь с грузинским). В абхазском вторая часть слова (ga) функционирует и как самостоятельное слово: a-ga 'глупый, дурной (человек)', которое связано с убых. ag7a 'плохой, глупый' и с адыгским привативным суф. *-g7a (ЭСАЯ I: 93).

q6ala 'сумасшедший', q6ala-ni 'то же' [ОК III: 217].

Возможно, из абх. a-q67ala 'бродячий, блудный; заблудившийся; бродяга', производное от глагола a-q67ala-ra 'бродяжничать; заблудиться; сбиться с толку', которое состоит из корня q67a 'бить', либо q67a 'выскакивать', плюс расширитель корня -la.

q6un-i 'серебряные украшения на ремне, поясе' [ОК III: 214].

Вероятно, из абх. a-q608na 'серебряные украшения на ремне, поясе, уздечке, подпругах седла и т.д.'. С абхазским словом связан проверб q608n(8)- 'на поясе', а также соответствия в родственных языках: убых. q68na 'пряжка, застежка' и, возможно, общеадыг. *q608na 'гвоздь' (см. [Chirikba 1996: 222]).

t6at6a 'ласкательный вокатив к детям' (самурз.).

Из абх. t6at6a 'то же'. Ср. абаз. t6at6a 'то же'. Абхазское слово означает собственно 'мягкий'.

t6at6a 'маленькие мягкие вещи'.

Из абх. t6at6a 'мягкий, расслабленный' [Климов 182]; ср. также выше.

vara(j)da, sivarajda 'рефрен в народных песнях'.

Из абх. wara(j)da, s8jwarajda 'то же'. Этот же рефрен популярен у адыгов, убыхов и абазин, а от кабардинцев был перенят осетинами [ЭСАЯ

¹Абаз. laga 'глупый, дурной (человек)' связано, по-видимому, с другим абхазским словом, aj+la+ga 'сумасшедший'.

II: 92-93]. Часть s8- в s8j-warajda означает 'мой' во всех западнокавказских языках, хотя форма s8-j- (с показателем отчуждаемой принадлежности j-) является только адыгским, что дало повод Г. Климову считать абхазское слово заимствованным из адыгских языков. Помимо мегрельского, данный рефрен известен также среди носителей западнотуркменских диалектов и встречается даже в некоторых восточнотуркменских диалектах, ср. мохев. *varada-varada* [Ghlont'i 223]. Ср. также первую часть мегр. *vara-nani* 'рефрен в песнях' (если оно не относится к вокативному *vara*, см. ниже).

хаС6а-маС6а//хиС6у-маС6у//хиС6-муС6у//хиС68-маС68'мелочь,весьма мелкий'
[ОК III: 524, 564].

Изабх.а-х08С678-м8С67//а-х08С678-мС67'мелочь,мелкие вещи',иза-х08С678 'маленький' и аллитерационного повторения слова с заменой первой согласной на *m*, хотя в принципе и вторая часть может соответствовать абх.а-маС67'мало;маленький'. Абх.бзып.а-х8С67-м8С67'мелкиесухиеветки для растопки' может быть фонетическим вариантом того же редуцированного слова (с утерей лабиализации *x*).

хага 'сумасшедший', 'невежа', 'глупец', 'дурак', га-хаг-еба 'сделать сумасшедшим', га-хаг-ебули, га-хаг-ули 'сумасшедший' и много других производных (см. [ОК I: 296; III: 512-513]).

Из абх. а-хага 'сумасшедший, ненормальный (человек)', а-хага-га 'сумасшествие' ([Schmidt 1950: 19], [Чирикба 134], [Гублиа 71]). Абхазское слово анализируется как а-х8 'голова', ага 'глупый, дефектный'. Назальный в мегрельской форме эпентетического происхождения. [Чарая 16] ошибочно предполагал заимствование в абхазском.

хатеци//хасеци//хасе//хатиси 'невеста, новобрачная, молодая невестка'
[ОК III: 509, 524]).

Из абх. h-taca 'наша (h-) невест(к)а (taca)' ([Кипш 396], Марр в [Чарая 44], [Чирикба 133]). Первый *s* в мегр. хасеци – результат регрессивной ассимиляции.

9.2. Прилагательные

dagva 'глухой'.

Из абх. а-dag0a 'глухой' ([Кипш 221], [Чарая 23], [Климов 182], [Чирикба 133], [ОК I: 425], [Гублиа 69]). Ср. также топоним *dagva* в Западной Грузии. Само абхазское слово считается заимствованием из адыгских языков (см. [Schmidt 1950: 19], [ЭСАЯ I: 146]).

9.3. Наречия

акбаакба см. в 5.4.

маСхота 'достаточно' [ОК II: 232].

Из абх. маС7х08wта 'много, достаточно', в сущности, вопросительная фраза значащая 'это(го) мало?' (< маС67+х08-w-та 'мало-стат:наст-вопр.').

9.4. Числительные

акба 'один', акба сбunsj 'одна минута', 'момент', 'сразу же', акба хvale 'единственный', откуда личное имя акбахvale [Цагарели 1880: 26], акба бу(r)сха 'немного, размером с ноготь', акба-Zans 'один час', сен.акбаskuarbunсу 'уменяединственныйсын', зугд. акбасбuti 'одна минута' и т.д.

Из абх. ак68 'один' (класс не-человека) ([Кипш 193], [Март 1915: 214], [Džanašia 1959: 226], [Чирикба 132], [Гублиа 55]) < общеабх. *(j)акба. Сюда же, возможно, также лаз. (атин.) акбо 'однажды', хотя современные словари дают иную семантику (если это то же самое слово, ср. хоп. акбонаj, арх. hakбонаji, hakбо, атин. hakбу 'столько', см. [Bucaklişi & Uzunhasanoğlu 1999: 2]). [Чарая 26] ошибочно рассматривал мегрельское и абхазское слова как родственные. [Март 1915: 214] считал, что мегрельский преверб акбо-//ikбо-//окбо- значащий 'вместе, взаимно, с' содержит абх. ак68 'один'. Абхазское числительное ак68 'один' и производный от него неопределенный артикль -к6 связаны с убыхским суффиксом единичности -к678.

акбаакба 'по-одному' [ОК I: 170].

Из абх. ак6+акба 'по-одному', редупликация ак68 'один (нечел.)'. Конечный а в абхазском может быть либо сохранением старой формы, либо старым суффиксом кратности (см. [Chirikba 1996: 369]).

9.5. Междометия

Сou//Cu межд. для понукания лошади [ОК III: 316].

Возможно, из абх. С7ow//С7u (бзып.) то же. См. также выше, под аCu.

(he(i)//ei), vara [ОК III: 134, 632], var8 [ОК III: 216] 'вокативное слово, служащее для обращения к кому-либо'.

Из абх. *wa-ra* ‘ты (мужч.)’, также вокативное слово при обращении к мужчине. Ср. также *vara* в мегр. *vara-nani* ‘рефрен в песнях’.

vaj ‘иди сюда!’. Зафиксировано в XVII веке турецким путешественником Эвлия Челеби в его книге *Seyahatname* («Книга путешествий»). В настоящее время, по-видимому, неупотребимо.

Из абх. *w-aa+j* ‘иди сюда!’ (мужск./класс не-человека) (см. [Джикиа 1936: 115, 123], [Gippert 1992: 44]).

Qa, Qah ‘нет’ [OK III: 216, 218].

Возможно, из абх. *Qah//Qah-Qah* ‘нет’ (в ащх. *Qah* ‘нет’); в абх. также *Qaj//Qaj-Qaj* ‘нет’.

9.6. Ономастика

Мегрело-абхазские ономастические параллели, за редким исключением, еще не были предметом специального рассмотрения. С точки зрения проблематики данной статьи, можно указать на ряд заимствований из абхазского.

9.6.1. Топонимика

abZua ‘Абхазия’ [OK I: 163].

Из абх. *a-bZ78+wa* ‘Абжуа (исторический регион Абхазии)’. Анализируется как *bZ78* ‘среди, между’ и *-wa* ‘этнический суффикс’ и обозначает срединную часть Абхазии.

aqби, либо *aqби-Dixa* (‘Аку-крепость’) ‘Сухум’ [OK I: 200].

Ср. также груз. *aqби* ‘Сухум’, *aqби-s cixe* ‘Сухумская крепость’. Из абх. *aq60a* ‘Сухум’ (абхазское название столицы Абхазии), обычно производимое от *a-q60a-ra* ‘каменистый берег, побережье’.

9.6.2. Личные имена

Из усвоенных из абхазского личных имен можно назвать следующие:

bataQua < абх. *bataq60a* (из адыг.).

bazala < абх. *bazala* ((a)baza «абаза» + суффикс *-la*).

gedlaCi < абх. *g7adlaC7* (из адыг.?).

gudu	< абх. g08-d8w, букв. 'большое сердце'. guDmaxan(i) < абх. k08D7ma-xan мужское имя (букв. 'волк-хан') (мегр. guDmaxari, видимо, отсюда же).
gwaSa	< абх. g0aS7a женское имя < адыг. g0aS7e 'госпожа'.
naweia	< абх. naj0ej мужское имя (букв. 'ногаец').
temurq6wa	< абх. tem8rq60a мужское имя < тюрк. temur «железо» + каб. q60P 'сын'.
z8q6wa	< абх. z8q60a мужское имя (ср. также такие мегрельские имена, которые могли проникнуть через абхазское посредство, как geq6wa, Samq6wa, tatarq6ani, sosran, zorq6ani, soulaxi).

9.6.3. Фамильные имена

Целый ряд мегрельских фамильных имен (выделяющихся присутствием абхазского фамильного форманта -ba < pa 'сын') имеют абхазское происхождение, ср. alSibaia < абх. alS08nd-ba, Cik6oba-va < абх. a-C78g0-ba, Sxvacaba-ia < a-S0x0aсбаа и т.д. Интересно, что мегрельская фамилия apSila-va сохраняет имя древнеабхазского племени апсилов/апшилов, некогда соседящих с предками мегрелов (ср. несколько более позднюю мегрельскую фамилию архаза-ва, т.е. 'Абхазов'). В грузинском этот этнический термин встречается в виде топонима apSil-et-i 'страна Апшилов' (в «Хронике» Джунаншера XI века). Помимо фамильного имени, древний этнический термин *апшил/абшил* сохраняется в таких мегрельских словах, как abSil+uri uCa 'сорт винограда' [ОК I: 163-164], букв. 'черный (uCa) апшильский', а также в прилагательном apSil+uri 'сорт винограда с белыми ягодами' [ОК I: 199] Шипящий спирант s как мегрельском, так и в грузинском отражают архаичный свистяще-шипящий сибилантный спирант (2), сохраняющийся ныне только в бзыпском диалекте. См. этимологию корня ap2-, лежащего в основе автоэтнонима абхазов (ap2-wa), в [Chirikba 1991].

9.6.3.1. Фамильный формант -va//а

-va 'суффикс фамильных имен', напр. bok6uC6a-va, архаза-ва, leCa-va, mika-va, рбарба-ва, karda-va и т.д.

Алломорф этого суффикса является -a (ср. bok6uC6a-a, архаза-а, leCa-a, mika-a, рбарба-а, karda-a и т.д.), который Кипшидзе считал производным от -va [Кипш 233], хотя см. дальнейшее обсуждение этимологии последнего. Суффикс -va//а может иметь своим источником абх. -aa (< *-5a) суффикс

мн.ч. класса человека (напр. apswa ‘абхаз’, мн. apsw-aa), используемый также для образования коллективных форм фамильных имен, ср. agr-aa, tar-aa, Z78j-aa ‘члены фамильных родов Агр-ба, Тар-ба, Жи-ба’ и т.д. (см. [Чирикба 134, 137-138]). Передача абх. -aa посредством -а в мегрельском регулярна – ср. выше другие случаи передачи абхазских слов с “долгим” aa. В таком случае форма -va должна считаться вторичной, где лабиодентальный мог быть обычной эпентезой во избежание зияния в последовательности “гласный + гласный” (напр. bokbuC6a-[*a]a > bokbuC6a-va), ср. сходным образом мегр. ma-va < ma-a ‘я, мол’, psva ‘крыло’, помимо psua, xubu-va ‘Хубуа (фамильное имя)’, помимо xubua и т.д.

Менее вероятным было бы считать старую форму абхазского суффикса множественности -aa, а именно *-5a в качестве источника -va. Хотя фонетически интервокальные веллярные или поствеллярные могут переходить в лабиодентальные (ср. рус. *сегодня*, произносимое [сиводня]), имеется по крайней мере два примера, в которых старый абх. *5 передается в мегрельском через J, а не v, ср. мегр. marJania ‘Маргания (фамильное имя)’ < абх. *ma5an (совр. форма – maan), мегр. Janda ‘ограда’ < абх. *5anda (совр. форма – aanda).

Абхазское происхождение мегрельского фамильного суффикса было предположено еще [Марром 1912: 5] (см. также [Марр 1915: 214]), который, однако, связывал его с абх. ра ‘сын’, откуда абхазский фамильный мужской суффикс -ba (см. выше agr-ba и др.). Хотя это остается вероятной альтернативной гипотезой, в таком случае пришлось бы предположить в мегрельском переход b > v. С. Джанашия [Džanašia 1959: 41, 76], не принимая этимологии Марра, производил этот суффикс из предполагаемой им более старой мегрельской формы *-van < -v-an, связывая последний элемент со сванским суффиксом фамильных имен -an. М. Калдани [Kaldani 1980: 69-74], отвергая, в свою очередь, этимологию Джанашия, связывает мегр. -av-a (производя его от *-v-an) с грузино-сванским суффиксом -el-a, объясняя переход l > v в мегрельском лабиализацией латерального сонорного и переходом лабиализации вперед. Я все же рассматриваю абхазскую этимологию мегрельского суффикса как вполне вероятную. Помимо суффикса -va, мегрельский также заимствовал абхазский женский фамильный суффикс -хе (см. ниже).

9.6.3.2. Женский фамильный формант

-хе ‘женский фамильный суффикс’, ср. zincbare-хе ‘женщина по фамилии Зинцаре’, zikbi-хе ‘женщина по фамилии Зики’, dadī-хе ‘женщина по фамилии Дадиа(ни)’, mocikba-хе ‘женщина по фамилии Моцика’ и т.д. [Кипш 400].

Этот же суффикс в форме -рхе используется в западногрузинских диалектах – гурийском, имеретинском и аджарском, ср. гур. *gurieli-rxe*//*guri-rxe* ‘женщина по фамилии Гуриели’, *beri-rxe* ‘женщина по фамилии Беридзе’, *rami-rxe* ‘женщина по фамилии Рамишвили’, аджар. *noJaideli-rxe* ‘женщина по фамилии Ногаидели’, *dadiani-rxe* ‘женщина по фамилии Дадияни’, имерет. *SiKovani-rxe* ‘женщина по фамилии Чиковани’, *ratiani-rxe* ‘женщина по фамилии Ратияни’ и т.д. (см. [Ghlont'i 556]). В нижне-имеретинском встречается как форма -рхе, так и -хе [Март 1938: 42]. [Мегрелидзе 1938: 140] отмечает, что в этих западногрузинских диалектах имеется сильный мегрельский субстрат, ср. такие женские формы как *Da-Si-rxe* ‘женщина по фамилии Джа’, *t6uJu-Si-rxe*//*t6uJu-rxe* ‘женщина по фамилии Тугу’ и т.д., содержащие мегрело-лазский суффикс генитива -Si, часто используемый в фамилиях. Суффикс -рхе/-хе становится архаичным как в западногрузинском, так и в мегрельском, а его использование в женских формах фамилий, согласно [Мегрелидзе 1938: 134], приобретает иногда насмешливую коннотацию. Ср., например, юмористическую песенку в гурийском, составленную из женских форм фамильных имен [Мегрелидзе 1938: 136]:

ali-rxe, mali-rxe,
bzik6i-rxe, bzik6i-C6ila-rxe,
malazoni mocik6a-rxe.

Женский фамильный суффикс -рхе, указывающий на девичье имя замужней женщины, встречается и в лазском (в его атинском, вице-архавском и хопском диалектах), ср. лаз. *gurieli-rxe* ‘женщина по фамилии Гуриели’, *Daq6eli-rxe* ‘женщина по фамилии Джакели’, *s6ulu-rxe* ‘женщина по фамилии Цулу-ши’, *murut6i-rxe* ‘женщина, чье девичье имя *murut6i*’, *bost6anDi-rxe* ‘женщина, чье девичье имя *bost6anDi*’ и т.д. (см. [Мегрелидзе 1938: 134; Kojima & Bucak'liři 2003: 395]). Иногда лазы образуют с этим суффиксом даже мужские формы фамильных имен (напр. *s6ulu-rxe-Si*), что свидетельствует об ослаблении исходной семантики суффикса и его трансформации в формант фамильных имен, лишенный различий по роду (И. Мегрелидзе). В одном случае этот суффикс засвидетельствован и в сванском фольклорном тексте [Мегрелидзе 1938: 137].

Из абхазского суффикса женских форм фамильных имен -рха, производного из *a-rha* ‘дочь’ (которое родственно адыг. *рх08* и убых. *рх78* ‘дочь’ < праабх.-адыг. **рх078*); в абхазских диалектах этот суффикс также встречается в форме -ха (и исключительно в виде -ха в речи турецких абхазов). Абхазское происхождение мегрельского и западногрузинского

суффиксов было указано уже [Марром 1938: 42]; см. также [Кипш 400], [Инал-ипа 1976: 334], [Чирикба 131, 134, 138-139]. В данном случае, учитывая фонетическое различие мегрельской и западногрузинской форм, можно предположить прямое заимствование этого суффикса из абхазского в западногрузинские диалекты, минуя посредство мегрельского, в отличие от большинства других случаев абхазских заимствований в грузинском. Распространение абхазского женского фамильного суффикса в Мегрелии, Западной Грузии, Абхазии и в Лазистане следует отнести, несомненно, ко времени Абхазского царства (после переноса его столицы из Анакопии в центральной Абхазии в Кутаиси в Западной Грузии), т.е. к IX-X вв., когда абхазский язык, наряду с грузинским, стал престижным языком царского двора и высшей аристократии во всей Западной Грузии (включая Мегрелию). В этом же ряду следует рассматривать и появление в мегрельском абхазского фамильного форманта -va// -a (см. выше).

Несмотря на явный абхазский источник рассматриваемого фамильного суффикса, ряд авторов попытались доказать его картвельское происхождение. [Чикобава 1942а: 26] связывал -рхе// -хе с др.-груз. *mqev-al-* 'раба', рассматривая -al в последнем как деривационный суффикс, хотя он и выражал сомнение в исконном происхождении *mqev-*. [Чургулия 1983: 134] рассматривал -хе как формант колхского (занского, т.е. мегрело-лазского) происхождения, не давая, впрочем, какой-либо его этимологии. Особняком стоит этимология этого суффикса [Мегрелидзе 1938: 137-138], который объяснял -рхе в духе яфетического четырехэлементного анализа. Возражая этим попыткам, [Бгажба 1987: 91] подчеркивал, что рассматриваемый фамильный формант имеет ясную абхазскую этимологию (*a-pha* > -(p)ha 'дочь'), и что -рхе неизвестно в Восточной Грузии.

С точки зрения письменной аттестации этого форманта в грузинском языке см. имя *Sani-rxe koSemaJ* в надписи на одной из арок Пархальского храма (расположенного в исторической провинции Южной Грузии Тао, ныне на территории Турции) и датируемой Е. Такайшвили концом XV – началом XVI века. Комментируя эту надпись, [Такайшвили 1952: 97]¹ отмечает, что -рхе представляет собой «чано-мегрельское окончание *лхе* (дочь, женщина)» в женских формах фамильных имен, мужским со-

¹ Давая ссылку на труд [Такайшвили 1952], который содержит упоминание о зафиксированном в этой надписи форманте -лхе и комментарий автора, [Мегрелидзе 1964: 262] пишет о ней как о надписи X века, но сам Е. Такайшвили, насколько ясно из его комментариев, датирует надпись концом XV – началом XVI века. Пользуясь случаем, выражаю благодарность Саше Анквабу за предоставление в мое распоряжение отсканированной им копии работы Такайшвили.

ответствием которого является -Үе, т.е. *Шани-дзе*. Другой известной мне старой аттестацией этого форманта является фамильное имя *bobodɔva-rxe*, встречающееся в одной из надписей XVII века на полях рукописи принадлежавшей Моквскому храму (см. [Джанашиа 2007: 206]).

10. Заключение

Представленный в данной статье материал показывает, что влияние абхазского языка оставило свои явные следы как в мегрельском словаре, так и в морфологии и синтаксисе, что свидетельствует о весьма длительном периоде контактирования и взаимодействия этих неродственных соседних языков. Он служит также поддержкой тезису [Марра 1915: 214] о значительном этническом влиянии абхазов на мегрелов. Наличие некоторых из заимствований или структурных калек с абхазского также в лазском языке, на нынешний день занимающем весьма далекий от абхазского географический ареал, может пролить определенный свет на древнюю геолингвистическую ситуации Западного Закавказья.

Сокращения языков и терминов:

абаз.	абазинский
абж.	абжуйский диалект абхазского
абх.	абхазский
авар.	аварский
ад.	адыгейский
аджар.	аджарский
адыг.	адыгский
анцух. авар.	анцухский диалект аварского
арм.	армянский
ардаш.	ардашенский диалект лазского
арх.	архавский диалект лазского
арч.	арчинский язык
атин.	атинский диалект лазского
ашх.	ашхарский диалект абазинского
батум. абх.	речь батумских абхазов
бацб.	бацбийский
бежт.	бежтинский
бзып.	бзыпский диалект абхазского

верхне-рач.	верхне-рачинский говор рачинского диалекта грузинского
виц.	вицкий говор архавского диалекта лазского
вопр.	вопросительный суффикс
греч.	греческий
груз.	грузинский
гунз.	гунзибский
гур.	гурийский диалект грузинского
дарг.	даргинский
джгярд.	джгярдинский говор абжуйского диалекта абхазского
диал.	диалект
др.-абх.	древнеабхазский
дюбек.	дюбекский диалект табасаранского
зугд.	зугдидский говор мегрельского
имерет.	имеретинский диалект грузинского
каб.	кабардинский
карач.-балк.	карачаево-балкарский
кум.	кумыкский
курд.	курдский
лаз.	лазский
лечх.	лечхумский диалект грузинского
мегр.	мегрельский
мн.ч.	множественное число
мохев.	мохевский диалект грузинского
мтиул.	мтиульский диалект грузинского
муж.	мужской род
наст	настоящее время
общабх.	общабхазский
осет.	осетинский
осм.	османский
перс.	персидский
праабх.-адыг.	праабхазо-адыгский
пшав.	пшавский диалект грузинского
рач.	рачинский диалект грузинского
рус.	русский
садз.	садзский диалект абхазского
самурз.	самурзаканский говор мегрельского
сам.	самебский (с. Самеба) говор ферийской речи батумских абхазов
сван.	сванский

сен.	сенакский говор мегрельского
стат	статический глагол
суф.	суффикс
табас.	табасаранский
тап.	тапантский диалект абазинского
тем.	темиргоевский диалект адыгейского
тур.	турецкий
тур. бзып.	бзыпский диалект абхазского в Турции
тюрк.	тюркские языки
убых.	убыхский
фер.	ферийский (с. Фериа) говор речи батумских абхазов
хоп.	хопский диалект лазского
цабал.	цабалский говор абжуйского диалекта абхазского
цвыдж. садз.	цвыджский говор садзского диалекта абхазского
шапс.	шапсугский диалект адыгейского

Сокращения ссылок:

- БД** Бгажба, Х. Бзыбский диалект абхазского языка (исследования и тексты). Тбилиси: Издательство АН Грузинской ССР, 1964.
- Бжания** Бжания, Ц. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми: Алашара, 1973.
- Гублиа** Гублиа, Р. Об абхазских лексических заимствованиях в картвельских языках. Сухум, 2002.
- Кварчия** Кварчия, В.Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. Сухуми: Алашара, 1981.
- Кипш** Кипшидзе, И. Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматиею и словарем. – Материалы по яфетическому языкознанию, т. VII. Санкт-Петербург, 1914.
- Климов** Климов, Г. Введение в кавказское языкознание. Москва: Наука, 1986.
- Чарая** Чарая, П. Об отношении абхазского языка к яфетическим. - Материалы по яфетическому языкознанию, IV. Санкт-Петербург, 1912.
- Чирикба** Чирикба, В. К вопросу об абхазских заимствованиях в мегрельском языке. В: Вопросы языкознания, № 4, 1998. С. 128-142.

- ЭСАЯ** Шагиров, А. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Москва: Наука, т. I, II, 1977.
- Ghlont'i** ghlont'i, A. kartul k'ilo-tkmata sit'q'vis k'ona. meore gamocema. tbilisi: ganatleba, 1984.
- Maq'** maq'ašvili, a. bot'anik'uri leksik'oni, mcenareta saxelc'odeba. Ботанический словарь. Названия растений. tbilisi, 1961.
- NS** Nikolayev, S., Starostin, S. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow: Asterisk Publishers, 1994.
- OK I** Kadžaia, Otar. megrul-kartuli leksik'oni. I t'omi (a – v). – kartuli bibliotek'a 7. tbilisi: nek'eri, 2001.
- OK II** Kadžaia, Otar. megrul-kartuli leksik'oni. II t'omi (z – s). – kartuli bibliotek'a 7. tbilisi: nek'eri, 2002.
- OK III** Kadžaia, Otar. megrul-kartuli leksik'oni. III t'omi (t' – h). – kartuli bibliotek'a 7. tbilisi: nek'eri, 2002.

Литература

- Абаев 1979:** Абаев, В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том. III (S-T'). Ленинград: Наука, 1979.
- Абдоков 1973:** Абдоков, А.И. Фонетические и лексические параллели абхазско-адыгских языков. Нальчик, 1973.
- Аджинджал 2003:** Аджинджал, Е.К. К вопросу изучения скотоводческого культа абхазов «Айтар». В: Труды Абхазского государственного университета (часть II). Сухум, 2003. С. 36-43.
- Акаба 1984:** Акаба, Л. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сухуми: Алашара, 1984.
- Ардзинба 1985:** В.Г.Ардзинба, В.Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня. В: Древняя Анатолия. Москва: Наука, 1985. С. 128-168.
- Ачугба 2006:** Ачугба, Т.А. О проблемах национального самосознания населения Юго-Восточной Абхазии (Историко-этнографический очерк). Сухум, 2006.
- Бгажба 1987:** Бгажба, Х.С. Труды. Книга первая. Сухуми, 1987.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984:** Гамкрелидзе, Т.В, Иванов, В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ прязыка и культуры. Том II. Тбилиси: Издание Тбилисского университета, 1984.
- Генко 1928:** Генко, А.Н. Абхазский вокализм. В: Известия АН СССР. Отделение Гуманитарных наук, VII-я серия. Ленинград, 1928. С. 45-54.

- Гудава 1947:** Гудава, Т. Абхазский послелог **х** в занском языке. В: Сообщения АН Груз. ССР, т. VIII, № 3, 1947. С. 193-196.
- Дбар 2004:** Дбар, С.А. Исторические формы захоронений у абхазов. В: Кавказ: история, культура, традиции, языки. Сухум, 2004. С. 275-286.
- Джанашиа 1915:** Джанашиа, Н.С. Религиозные верования абхазов. В: Христианский Восток, т. IV, вып. I. Петроград, 1915. С. 72-112.
- Джанашиа 1917:** Джанашиа, Н.С. Абхазский культ и быт. В: Христианский Восток, т. V, вып. III. Петроград, 1917.
- Джанашиа 2007:** Джанашиа, С.Н. Черкесские дневники. Тбилиси: Кавказский Дом, 2007.
- Джикиа 1936:** Джикиа, С. Эвлия Челеби о мингрельском и грузинском языках. В: Советское языкознание, № 2, 1936.
- Джонуа 2002:** Джонуа, Б.Г. Заимствованная лексика абхазского языка. Сухум, 2002.
- Дзидзария 1987:** Дзидзария, О.П. К этимологии некоторых мегрельских пастушеских лексем. В: Ахматов, И.Х., Шагиров, А.К. (ред.). Актуальные вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987. С. 38-40.
- Дзидзария 1988:** Дзидзария, О.П. К этимологии некоторых мегрельских пастбищных лексем. В: Известия XVI (серия филологическая). АБИЯЛИ, 1988. С. 69-70.
- Дзидзария 1989:** Дзидзария, О.П. Об этимологии некоторых мегрельских названий молочных продуктов. В: Труды Абхазского Государственного университета, т. VII, Сухуми, 1989.
- Дзидзария 2000:** Дзидзария, О.П. Некоторые абхазизмы, представленные в картвельских языках. В: Хагба Л.Р. (ред.). Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. Сухум, 2000. С. 142-147.
- Званба 1982:** Званба, С.Т. Абхазские этнографические этюды. Сухуми, 1982.
- Имнадзе 1971:** Имнадзе, Н.Е. Звуковой состав мегрельского диалекта занского языка. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1971.
- Инал-ипа 1965:** Инал-ипа, Ш.Д. Абхазы (Историко-этнографические очерки). Второе переработанное, дополненное издание. Сухуми: Алашара, 1965.
- Инал-ипа 1976:** Инал-ипа, Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми: Алашара, 1976.
- Касландзия 2005:** В.А. Касландзия, В.А. Абхазско-русский словарь. Том 2. Сухум, 2005.

- Кварчия 2002:** В.Е. Кварчия. Топонимика Абхазии. Сухум, 2002.
- Кибрик, Кодзасов 1990:** Кибрик, А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. Москва: Издательство Московского университета, 1990.
- Кизириа 1967:** Кизириа, А.И. Занский язык. В: Языки народов СССР. IV. Иберийско-кавказские языки. Москва: Наука, 1967. С. 62-76.
- Килба 1983:** Килба, Э.К. Особенности речи батумских абхазов. Тбилиси: Мецниереба, 1983.
- Климов 1968:** Климов, Г.А. Абхазско-адыгские этимологии. II (заимствованный фонд). В: Этимология 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. Москва: Наука, 1968. С. 289-295.
- Климов 1971:** Климов, Г.А. [рец. на:] G.Dumézil. Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase. IV. Récits Lazes. – В: «Этимология 1968». Москва, 1971. С. 257-259.
- Климов 1986:** Климов, Г.А. Введение в кавказское языкознание. Москва: Наука, 1986.
- Климов 1994:** Климов, Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. Москва, 1994.
- Кобаля 1903:** Кобаля, И. Из мифической Колхиды. В: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1903, вып. 32.
- Контария, Чанба 1987:** Контария, М., Чанба, Р. Некоторые вопросы земледельческой культуры (грузино-абхазские этнографические параллели). В: Этнографические параллели (Материалы VII Республиканской сессии этнографов Грузии, 5-7 июня 1985 г., Сухуми). Тбилиси, 1987.
- Март 1910:** Март, Н.Я. Грамматика чанскаго (лазскаго) языка с хрестоматиею и словарем. – Материалы по яфетическому языкознанию, II. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1910.
- Март 1912:** Март, Н.Я. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. – Материалы по яфетическому языкознанию, т. V. Санкт-Петербург, 1912.
- Март 1914:** Март, Н.Я. Абхазское происхождение грузинского термина *bidza* *дядя*. В: Известия Императорской Академии Наук. Санкт-Петербург, 1914. С. 142-146.
- Март 1915:** Март, Н.Я. Рец. на: И.А. Кипшидзе, Грамматика мингрельского (иверского) языка. В: Записки Восточного Отделения Императорского Русского археологического общества, т. XXIII, 1915. С. 203-216.

- Марр 1926:** Марр, Н.Я. Абхазско-русский словарь (Пособие к лекциям и в исследовательской работе). Ленинград: Издание Академии абхазского языка и литературы, 1926.
- Марр 1938:** Марр, Н.Я. О языке и истории абхазов. Москва-Ленинград, 1938.
- Мегрелидзе 1938:** Мегрелидзе, И. Лазский и мегрельский слоги в гурийском. Москва – Ленинград, 1938.
- Мегрелидзе 1938:** Мегрелидзе, И. Женские фамильные окончания в южно-кавказских яфетических языках в фольклоре. В: Памяти академика Н.Я. Марра (1864-1934). М.-Л., 1938. С. 152-181.
- Павлинов 1893:** Павлинов, А.М. Экспедиция на Кавказ 1888 года. Путевые заметки. В: Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряженными на высочайше дарованные средства. Вып. III. Под редакцией графини Уваровой. Москва, 1893. С. 3-91.
- Рогава 1942:** Рогава, Г.В. Абхазско-убыхско-адыгейский суффикс *privativum ga* в мегрельском. В: Сообщения АН Груз. ССР. Тбилиси, т. 3, № 6, 1942.
- Рогава 1956:** Рогава, Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956.
- Старостин 1985:** Старостин, С.А. Культурная лексика в общесеверно-кавказском словарном фонде. В: Древняя Анатолия. Москва: Наука, 1985. С. 74-94.
- Такайшвили 1952:** Такайшвили, Е. Археологическая экспедиция 1917 года в южные провинции Грузии. Тбилиси, 1952.
- Халилов 1989:** Халилов, М. Грузинский пласт в названиях растений в некоторых дагестанских языках. В: Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков. Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала, 1989. С. 107-117.
- Цагарели 1880:** Цагарели, А. Мингрельские этюды. Первый выпуск. Мингрельские тексты с переводом и объяснениями. С.-Петербург, 1880.
- Циколиа 1987:** Циколиа, М. Абхазско-картвельские синтаксические параллели. В: Резюме докладов симпозиума “Вопросы истории и культуры картвельских языков”. Тбилиси, 1987. С. 27, 58.
- Цхадая 1975:** Цхадая, П. Топонимика горной Мегрелии. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1975.
- Цхадая 1985:** Цхадая, П. Топонимия горной Мегрелии (лингвистический анализ). Тбилиси, 1985 (а груз. яз. с русск. резюме).

- Чикобава 1942:** Чикобава, А.С. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. В: Известия Института Языка и Материальной Культуры, т. XII, Тбилиси, 1942. С. 149-167.
- Чикобава 1942а:** Чикобава, А.С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942.
- Чиковани 1966:** Чиковани, М. Народный грузинский эпос о прикованном Амиране. Москва, 1966.
- Чургулиа 1983:** Чургулиа, О. Варианты частицы 'хе' в картвельских языках. В: Известия АН Груз. ССР, 4, Тбилиси, 1983.
- Шагиров 1982:** Шагиров, А.К. Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. Москва: Наука, 1982.
- Шагиров 1989:** Шагиров, А.К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. Москва: Наука, 1989.
- Шакрыл 1961:** Шакрыл, К.С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми: Абгосиздат, 1961.
- Шаманов 1974:** Шаманов, И.М. Народный календарь карачаевцев. В: Напсо, Д.А. (ред.). Из истории Карачаево-Черкесии. – ТКЧНИИ. Вып. VII. Серия историческая. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1974. С. 302-325.
- Шухардт 1899:** Шухардт, Г. О географии и статистике картвельских (южнокавказских) языков. В: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Издание Управления Кавказского Учебного Округа. Вып. 26., 1899. С. 47-114.
- Элиава 1987:** Элиава, Г. К вопросу о топонимах 'ацангура' и 'агуара'. В: Этнографические параллели (Материалы VII Республиканской сессии этнографов Грузии, 5-7 июня 1985 г., Сухуми). Тбилиси, 1987.
- Юдин 1997:** Юдин, А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. Москва: МОНФ, 1997.
- Bläsing 2004:** Bläsing, U. Birnennamen aus Hemşin: Vorarbeiten zur Feststellung und Beschreibung der Birnenarten und ihrer regionalen Namen im östlichen Schwarzmeergebiet. In: Iran and the Caucasus. Research Papers from the Caucasus Centre for Iranian Studies, Yerevan. Vol. 8.1. Brill: Leiden & Boston, 2004, p. 81-129.
- Bleichsteiner 1931:** Bleichsteiner, R. Beiträge zur Sprach- und Volkskunde des georgischen Stammes der Gurier. In: Caucasia, fasc. 9. Leipzig: Verlag Asia Major, 1931, p. 64-87.
- Bucaklışı, Uzunhasanoğlu 1999:** Bucaklışı, I., Uzunhasanoğlu, H. Lazuri-Turkuli Nenapuna. Lazca-Türkçe Sözlük. Istanbul: Akyüzyayıncılık, 1999.

- Chirikba 1991:** Chirikba, V.A. On the Etymology of the Ethnonym /əp̄šwa/ 'Abkhaz'. In: The Annual of the Society for the Study of Caucasia, No. 3, Chicago, 1991, p. 13-18.
- Chirikba 1996:** Chirikba, V.A. **Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology.** Leiden: CNWS Publications, 1996.
- Chirikba 1996a:** Chirikba, V.A. **A Dictionary of Common Abkhaz.** Leiden, 1996.
- Chirikba 2003:** Chirikba, V.A. Evidential category and evidential strategy in Abkhaz. In: Alexandra A. Aikhenvald, R.M.W. Dixon (Eds). *Studies in Evidentiality. – Typological Studies in Linguistics. A companion series to the journal Studies in Language*, Volume 54. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003, p. 243-272.
- Cik'olija 1969:** cik'olija, m. apxazuri enis abzhuuri dialekt'i (Абжуйский диалект абхазского языка). Tbilisi, 1969 (на груз. с рус. рез.).
- Cik'olija 1975:** cik'olija, m. turmeobiti II sak'itxisatvis megrulis zugdidur-samurzaq'anul k'ilok'avshi. In: Известия АИЯЛИ, т. IV, Тбилиси: Мецниереба, 1975, с. 41-47.
- Cik'olija 1977:** cik'olija, m. apxazur-kartveluri sint'aksuri p'aralelebi (Абхазско-картвельские синтаксические параллели). В: Известия АИЯЛИ, вып. VI, Тбилиси: Мецниереба, 1977, с. 82-97.
- Čubinašvili 1984:** čubinašvili, d. **kartul-rusuli leksik'oni. tbilisi: sabč'ota sa-kartvelo**, 1984.
- Dumézil 1974 :** Dumézil, G. Notes d'étymologie et de vocabulaire sur les langues caucasique du Nord-Ouest (8-10). In: *Journal Asiatique*, t. 262, fasc. 1/2, 1974, p. 19-29.
- Džanašia 1959:** džanašia, s. apxazuri ena. В: džanašia, s. šromebi, т. III. Tbilisi, 1959, с. 223-227.
- Emiroğlu 1989:** Emiroğlu, K. **Trabzon-Maçka Etimoloji Sözlüğü.** Ankara: Bi-bliotek, 1989.
- Eren 1999:** Eren, H. **Türk Dilinin Etimolojik Sözlüğü.** Ankara, 1999.
- Fähnrich, Sardshweladse 1995:** Fähnrich, H., Sardshweladse, S. **Etymologisches Wörterbuch der Kartwel-Sprachen.** Leiden, New York, Köln: E.J. Brill, 1995.
- Gippert 1992:** Gippert, J. The Caucasian language material in Evliya Çelebi's "Travel Book". A Revision. In: George Hewitt (ed.). *Caucasian Perspectives.* Lincom Europa. Unterschleissheim/ München, 1992, p. 8-62.
- Hewitt 1987:** Hewitt, B.G. **The Typology of Subordination in Georgian and Abkhaz.** Berlin, New York, Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987.

- Hewitt 1992:** Hewitt, B.G. Languages in contact in N.W. Georgia: fact or fiction. In: George Hewitt (ed.). *Caucasian Perspectives*. LINCOM EUROPA: Unterschleissheim/München, 1992, p. 244-258.
- Hewitt 1992a:** Hewitt, B.G. Another case of the influence of Abkhaz on Mingrelian syntax? In: Catherine Paris (ed.). *Caucasologie et mythologie comparée*. Actes du Colloque international du CNRS – IV-e Colloque de Caucasologie (Sèvres, 27-29 juin, 1988). Paris: Peeters, 1992, p. 405-409.
- Hewitt 2001:** Hewitt, B.G. Convergence in language change: morpho-syntactic patterns in Mingrelian (and Laz). In: *Transactions of the Philological Society*. An international journal for the structure, history and relationships of languages. Vol. 99, No. 1, Blackwell Publishers, 2001, p. 99-145.
- Kaldani 1980:** kaldani, m. -el/-av supiksis sak'itxisatvis kartvelur gvarsaxelebši. B: *Iberiul-k'avk'asiuri enatmetsniereba*, t. XXII, 1980, c. 67-74.
- K'ank'ava 1965:** k'ank'ava, m. mok'le kartul-rusuli leksik'oni. tbilisi: ganatleba, 1965.
- Kojima & Bucak'lişi 2003:** Kojima, G. and Bucak'lişi, I. Lazca Gramer. Lazuri Grameri. Laz Grammar. Explanations in English Gôichi Kojima & Eylem Bostancı. Chiviyazıları/Mjora Dizisi, 2003.
- Lomtadze 1989:** lomtadze, k.v. sit'q'vis uk'usesxebis erti šemtxveva (Один из случаев обратного заимствования слова). B: *et'imologiuri dziebani*. tbilisi: mecniereba, 1989, p. 49-52.
- Lucassen 1980:** Lucassen, W. Loans in Abkhaz. In: *Studies in Slavic and general linguistics*. Vol. 1. Amsterdam: Rodopi, 1980, p. 253-263.
- Memišiši 1988:** memišiši, o. kartuli švind-/šind- pudzis. In: *et'imologiuri dziebani*. tbilisi: mecniereba, 1988, c. 90-92.
- Mészáros 1934:** Mészáros, Julius von. *Die Päkhy-Sprache*. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 1934.
- Schmidt 1950:** Schmidt, G. Abchasische Lehnwortstudien. In: *Studia Orientalia*. Edidit Societas Orientalis Fennica. XIV: 4, Helsinki, 1950, p. 3-27.
- Spencer 1838:** Spencer, E. *Travels in Circassia, Krim-Tartary*. Vol. 1, 2nd edition. Henry Colburn, London, 1838.
- Topuria 1967:** topuria, v.t. svanuri ena. I: zmna. Tbilisi, 1967 (2-е изд).
- Žghent'i 1965:** Žghent'i, S. kartvelur enata ponet'ik'is sak'itxebi. rčeuli šromebi. Вопросы фонетики картвельских языков. Избранные труды. Tbilisi, 1965.

М. М. СУЛТЫГОВА
(г. Магас)

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАСЛЕВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА

Ингушская отраслевая терминология, как и ингушский язык в целом, прошла длительный и сложный путь развития с древнейших времен до наших дней. Как отметил В.В. Виноградов: «история терминологии – это проблема не только национально-историческая, но и интернациональная, проблема истории мировой науки и проблема истории человеческих цивилизаций, истории и культурных взаимодействий и группировок народов» [Виноградов 1961: 7].

«Терминологический пласт ингушской лексики за счет заимствований стал одним из самых богатых и разнообразных слоев лексики современного ингушского языка, отражающих все изменения в жизни народа. Вместе с тем, современное состояние ингушской терминологии требует особого внимания на ее дальнейшее развитие» [Султыгова 2007: 15]. Характерным для данного слоя лексики в ее нынешнем состоянии являются разноречием и различного рода неточности в употреблении лексических единиц. Зачастую употребление того или иного варианта слова зависит от субъективного отношения, в ущерб литературной норме.

Ингушская терминология нуждается в установлении единых норм, в унификации и стандартизации. Решение этой проблемы связано с целым рядом задач теоретического и практического характера, основными из которых являются всестороннее научное исследование актуальных вопросов ингушской терминологии с целью разработки теоретических основ ее развития; составление терминологических словарей по отдельным отраслям; введение единой нормы употребления терминов, упорядочение орфографии терминов и унификация терминологии; создание терминологической комиссии соответствующего государственного уровня для решения указанных задач, деятельность которой должна быть направлена на дальнейшее развитие ингушского языка и, в частности, ингушской терминологии.

Целенаправленное исследование отраслевой лексики имеет огромное теоретическое и практическое значение для дальнейшей разработки вопросов истории языка и истории народа – носителя языка.

Следует отметить особое значение изучения микролексики для дальнейшего развития лексикографической работы по созданию словарей самых разных типов: национально-русских, толковых, этимологических, фразеологических, орфографических, которые позволят собрать и узаконить правописание всех лексических единиц ингушского языка. В связи с тем, что микролексика ингушского языка до настоящего времени не систематизирована в должной мере, она зачастую выпадает из работ по грамматике, лексике ингушского языка, соответственно, не охвачена словарями, призванными собрать воедино, организовать и обобщить лексическое богатство ингушского языка.

Необходимость исследования в различных аспектах лексики ингушского языка и в особенности отраслевой лексики продиктована рядом обстоятельств. Во-первых, функционирование ингушского языка в условиях билингвизма постепенно приводит не только к пополнению и расширению словарного состава ингушского языка, но и к одновременному вытеснению из активного употребления его исконного словарного фонда. Зафиксировать этот материал и исследовать его во всех аспектах – это архиважная проблема для младописьменных языков, относящаяся не только к области лингвистики, но и имеющая важное этнокультурное значение, так как именно язык является показателем национально-культурной специфики языка. Это тем более актуально для отраслевой лексики, отражающей особенности традиционного быта народа, его хозяйственной, материальной и духовной культуры.

Анализ отраслевой лексики с точки зрения ее происхождения, структуры, семантики и т.д. позволяет определить вклад народа в развитие материальной и духовной культуры, прояснить историю народа и его сношения с другими народами. Изучение терминологии и ее возможностей для реализации своих функций на базе национального языка имеет актуальность в плане изучения социальных функций языка.

История ингушской лексикографии начинается в 20-е годы прошлого столетия. Именно на период с начала 30-х годов и до 1944 года (до депортации ингушского народа) приходится активная работа по развитию ингушского языка, в том числе по разработке национальной терминологии, с привлечением веками складывавшихся элементов народной терминологии.

В 1925 году выходит в свет первое исследование по ингушскому языку, подготовленное З. К. Мальсаговым и посвященное грамматике ингушского языка. В 1927 г. издается Ингушско-русский словарь

М. Г. Ужахова, в 1929 г. – Русско-ингушский словарь И. Мальсагова, в 1930 г. – Русско-ингушский словарь М. Мальсагова.

В 1933 году в г. Орджоникидзе изданы первые терминологические сборники, в которых были представлены по разделам: математические термины (составитель И. Джамбулатов), термины делопроизводства (составитель Д. Мальсагов), термины физической географии и начальной грамматики (составитель М. Аушев), географические термины (составитель Б. Зязиков).

В 1933 году на заседании Президиума Ингушского Областного Исполнительного Комитета была образована Областная Терминологическая Комиссия, утверждены состав и план работы Комиссии (выписка из протокола заседания президиума от 7 марта 1933 года). На этом же заседании было принято решение об издании Ежемесячника Ингушской Терминологической Комиссии под редакторством З.К. Мальсагова, №1 которого приложен к материалам данного заседания.

Согласно плану работы Терминологической Комиссии, в 1935 году была проведена научная конференция с участием языковедов, в том числе и представителей из русского населения, по вопросам развития терминологии ингушского языка. Однако вся запланированная на перспективу работа была приостановлена в связи с депортацией ингушей и чеченцев в Среднюю Азию и Казахстан вплоть до их возвращения на историческую родину.

В 60-е годы (после восстановления государственности чеченцев и ингушей) ситуация в развитии ингушского языка существенно изменилась. Были разработаны и изданы учебные пособия по ингушскому языку для начальных и средних общеобразовательных учреждений, на национальном языке функционировали радио и телевидение, издавались газеты и журналы. В Чечено-Ингушском государственном университете был организован филологический факультет, в том числе и по специальности «русский язык и литература, ингушский язык и литература». Все это способствовало всестороннему развитию ингушского языка, ставшего языком обучения в начальных, средних и высших учебных учреждениях, а также становлению терминологической системы ингушского языка.

В связи с необходимостью изучения национальных языков, с учетом благоприятной ситуации языковедами была активизирована работа по изучению ингушского языка, что выразилось в серьезных исследованиях того периода.

В 1970 году вышли из печати значимые для вайнахского языкознания книги И.Ю. Алироева «Фауна Чечено-Ингушетии в вайнахских языках» и «Флора Чечено-Ингушетии в вайнахских языках», охватывающие раз-

нообразный материал отраслевой лексики по данным чеченского, ингушского языков, кистинского и итумкалинского диалектов чеченского языка. В данной работе представлен полевой материал животного и растительного мира в указанных языках и диалектах, и является своего рода первым серьезным научным исследованием терминологии чеченского и ингушского языков.

В 1975 году издан «Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов» И.Ю. Алироева, в котором на основании достаточного фактологического материала определены объем и особенности отраслевой лексики чеченского и ингушского языков.

Как известно, исследование отраслевой лексики языка должно опираться не только на фактологический материал, но и на результаты комплексного исследования общеупотребительной лексики, всего литературного языка в целом. Касаясь научной ценности исследования языка отдельного народа в целом, В. И. Абаев отмечал: «Привлекая язык в качестве источника для истории народа, можно решить этногенетические проблемы, восстановить по данным языка далекое прошлое народа, его культуру и его исторические связи с другими народами» [Абаев 1926: 11].

В этой связи весомым является исследование проф. А.С. Куркиева «Основные вопросы лексикологии ингушского языка», изданное в г. Грозном в 1979 г. Данная монография посвящена актуальным проблемам лексикологии ингушского языка. В частности, вопросам лексикографии, семантических групп, состава лексики, ее особенностям. Автором рассмотрены также вопросы этнонимии и ономазиологии. Дан серьезный анализ исконных и заимствованных пластов лексики ингушского языка.

В 1980 г. в Чечено-Ингушском институте истории, социологии и филологии при Совете министров ЧИАССР переиздается Русско-ингушский словарь И.А. Оздоева под редакцией Ф. Оздоевой и А. Куркиева, объемом 40 000 слов. В данной книге автор определил главную задачу: передать русскую лексику наиболее точными ингушскими эквивалентами или активно употребляющимися в ингушском языке заимствованиями, преимущественно из русского языка или через его посредство. Очень ценно, что автор в целях решения определенной задачи активно привлекает тексты из художественной и публицистической литературы, фольклора, а также использует полевой материал, собранный в различное время на территории исконного проживания ингушей.

В целях дальнейшего изучения отраслевой системы исследуемого языка учеными Ингушетии были актуализированы вопросы по ингушскому языкознанию, изучению ее лексического состава, грамматиче-

ского строя языка и другие. С образованием Республики Ингушетия в качестве самостоятельного субъекта Российской Федерации, вследствие которого ингушский язык приобрел статус государственного языка Республики, расширилась не только сфера его употребления, но и вопросы его дальнейшего развития, комплексного подхода к его совершенствованию, развития (в определенных случаях и воссоздания) терминологических систем, функционирующих в рамках литературного ингушского языка, получившего новый статус, и, соответственно, значительные возможности для своего развития.

С учетом статуса ингушского языка крайне значимым является, на наш взгляд, изданный в 1995 году «Краткий словарь общественно-политической лексики» М.У. Картоева, который описал политическую терминологию широкого употребления, в том числе абстрактно-философская и религиозная лексика.

Большую роль в научном становлении ингушского языка, ставшего предметом исследования и изучения в высшей школе, играло издание в 1997 году для филологов – студентов высших учебных заведений учебного пособия по современному ингушскому языку, подготовленного коллективом ученых-лингвистов в составе Р. Ахриевой, Ф. Оздоевой, Л. Мальсаговой и П. Бековой. Указанное издание охватывает все разделы языка, в том числе лексикологию, фразеологию, фонетику, морфологию. Подвергнуты глубокому анализу и исследованию части речи ингушского языка.

С точки зрения актуальности изучения лексики ингушского языка, данное издание ценно в особенности тем, что впервые специальному исследованию подвергнуты такие распространенные в любом языке явления, как омонимия, синонимия, антонимия, а также в отдельном параграфе представлены эвфемизмы и табуированные слова ингушского языка с указанием причин и путей их возникновения.

Кроме того, подробно изучен вопрос заимствования в ингушском языке с указанием языков, из которых происходило заимствование и периодизацией данного явления в исследуемом языке.

В 1998 году группой ученых, в составе Оздоевой Ф. Г., Мальсаговой Л. Д., Дахкильгова И. А., Танкиевой Л. Х., Чапанова О. В. и Патиева С. У., подготовлен и издан «Краткий русско-ингушский словарь-справочник общественно-экономических терминов (а также медицинские, сельскохозяйственные, религиозные и астрономические термины), объем которого включает 2055 наиболее распространенных терминов, как собственно ингушских, так и заимствованных.

Приведенный ряд изданий по проблемам ингушского языка и ее лексики, в частности, дополняет «Ингушско-русский словарь», изданный

Куркиевым А.С. в 2004 году, содержащий 11142 слова. Необходимо отметить, что данное издание по своему объему значительно превосходит аналогичные издания раннего периода.

Необходимо отметить, что специальному исследованию (на уровне диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата филологических наук) подвергнуты следующие терминосистемы ингушского языка: анатомическая лексика, лексика швейного дела, животноводческая лексика, растительная лексика, терминология родства.

Данные исследования – это весомый вклад в развитие ингушского языка и изучение его лексики. Однако имеется ряд существенных аспектов, которые до настоящего времени не затронуты исследователями. В частности, крайне скудно представлена этимология лексем исследуемой тематической группы, в то время как сведения кавказских и других языков предоставляют достаточную базу для прояснения этимологии. Кроме того, значительно число слов-терминов и единиц народной терминологии, которые не вовлечены в исследовательский процесс, т.е. не подвергнуты изучению.

Указанные и другие недостатки в проведенных исследованиях необходимо учитывать в работе на перспективу, так как процесс специального изучения терминосистем ингушского языка активно продолжается. В настоящее время по утвержденным темам ведутся исследования строительной лексики ингушского языка (Ф. Костоева, ИнГУ, диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук), сельскохозяйственной терминологии ингушского языка (М. Султыгова, ИЯЛИ ДНЦ РАН, диссертационная работа на соискание ученой степени доктора филологических наук).

На основе анализа приведенных в статье лексикографических работ по общей и отраслевой лексикологии актуализировались некоторые задачи дальнейшего исследования лексики ингушского языка. В частности, как видно из приведенного обзора, исследователи ингушского языка не оставили без внимания отраслевую лексику. Вместе с тем, предметом исследования практически являлась всегда отдельно взятая лексико-тематическая группа, в то время как комплексный анализ всех лексических единиц, образующих отраслевую лексику, в ингушском языке не проводился. В этой связи актуализировался вопрос не только систематизированного изучения всей отраслевой лексики ингушского языка, но и осмысление места отраслевой лексики в общелингвистическом плане.

Следует отметить особое значение изучения микролексики для дальнейшего развития лексикографической работы по созданию словарей самых разных типов: национально-русских, толковых, этимологических,

фразеологических, а также орфографических, призванных уточнить и узаконить правописание лексических единиц ингушского языка. В настоящее время мы наблюдаем ситуацию, когда микролексика практически выпадает из работ по грамматике и лексике исследуемого языка. Соответственно, она минимально представлена и в словарях ингушского языка.

Кроме того, одним из существенных недостатков в работах по исследованию отраслевой терминологии ингушского языка является слабая представленность фразеологических единиц ингушского языка с терминами, принадлежащими той или иной отраслевой группе.

Актуальна также стратификация лексики ингушского языка в сравнительно-историческом аспекте, в плане решения не только собственно лингвистических вопросов построения сравнительно-исторической грамматики. Подобного рода исследования позволят получить ответы на вопросы смежных наук, в частности, истории, этнографии, археологии. Унаследованная издревле лексика представляет собой очевидное свидетельство условий жизни и быта народа, уровня развития культуры, общественных отношений.

Исследование лексики в сравнительно-генетическом аспекте сохраняет свою актуальность и в наши дни, особенно для младописьменных языков. Лексические данные в силу своего семантического компонента в определенной степени приводят исследование к выводам внелингвистического порядка (например, о древней локализации соответствующего общества, о его социально-экономической структуре, материальной и духовной культуре и т.п.). Данное положение в полной мере относится к отраслевой лексике древнейшего опыта хозяйствования ингушей, в первую очередь, к лексике сельского хозяйства, к ботанической лексике и т.п.

Например, для проведения этимологического анализа слова *шоа//шоашк*, используемого ингушами издревле для закваски молока, необходимо его сравнение не только с названиями аналогичных или близких понятий в северокавказских языках, но и с языками более широкого или иного ареала. И мы обнаруживаем, что в ваханском языке *cask* (закваска для молока) буквально переводится «то, что дают попробовать молоку» – *casak* – «отведывание», «проба на вкус, чтобы узнать, не готова ли пища». Другой пример. В специальных исследованиях, посвященных терминам родства ингушского языка, термины *йиша* «сестра», *воша* «брат» представлены как наличествующие только в нахских языках. Сравнение указанных терминов с названиями аналогичных понятий языка иного ареала позволило установить следующее: в абхазском языке *йиша//еша* – «брат». А этот факт уже предоставляет большое

основание для сравнения и других единиц данной терминосистемы с более широким кругом языков, то есть иного ареала.

Принимая во внимание разнообразие аспектов исчерпывающего изучения лексики, необходимо, кроме указанного, осветить и такие вопросы, как освещение системных взаимоотношений лексических единиц ингушского языка.

Таким образом, учитывая разнообразие аспектов исчерпывающего исследования лексики ингушского языка, задача по исследованию отраслевой лексики продолжает оставаться актуальной. Независимо от тематической группы лексики, при решении этой трудоемкой задачи, на наш взгляд, в обязательном порядке должны быть освещены следующие вопросы, а именно: 1)разграничение различных пластов исконной лексики, уделяя особое внимание лексике собственно ингушского фонда; 2)отграничение и анализ заимствованной лексики; 3)характеристика словообразовательных средств (суффиксация, словосложение, конверсия) в ингушском языке; 4)определение структурных особенностей терминов ингушского языка; 5)освещение системных взаимоотношений лексических единиц ингушского языка.

Литература

- Абаев 1926:** Абаев В.И. Два слова о терминах // Яфетический сборник, т.4. Л., 1926. 46 с.
- Виноградов 1961:** Виноградов В.В. Вопросы терминологии // Материалы Всесоюзного терминологического совещания. М., 1961. 232 с.
- Султыгова 2007:** Султыгова М.М. Актуальные вопросы отраслевой терминологии ингушского языка. Магас, 2007. 144 с.

Л. Р. ХАГБА

КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА КОНЦЕПТОВ «НАРОД» И «РОДИНА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ АБХАЗОВ И АБАЗИН

Постоянно возрастающий интерес к проблеме «язык – культура» делает необходимым установление взаимосвязи и развития идей ученых-языковедов, которые привели к формированию новой отрасли языкознания – лингвокультурологии.

«Сейчас уже стало аксиомой, – пишет В.А. Маслова, – что во всем комплексе наук о человеке сталкиваются, в первую очередь, отношения между языком и другими видами человеческой деятельности. Язык даже в большей степени, чем культура и общество, дает когнитивистам ключ к пониманию человеческого поведения» [Маслова 2004:9].

Известно, что человеческое сознание оперирует понятиями. Концепт – явление того же порядка, что и понятие. В современной лингвистике термины «понятие» и «концепт» имеют различные толкования, что обусловлено разностью сфер их применения («понятие» – термин логики и философии, «концепт» – термин одной отрасли логики – математической логики, культурологии, лингвистики, психологии). Считается, что понятие действует на уровне всеобщих ментальных законов, а концепт – на уровне законов национальной ментальности, т.е. языкового сознания совокупности людей, говорящих на одном национальном языке.

Концепт является ключевым понятием когнитивной науки и определяется как единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная, содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [КСКТ 1996:90].

В современных исследованиях, посвященных национальным культурам, подчеркивается значимость идиоматики в описании языковой картины мира и ее видения народом, говорящем на этом языке.

«Изучение идиоматики не только расширяет представление об идиоматике того или иного языка, но и дает возможность внести определен-

ный вклад в изучение цивилизации и культуры народов, отраженной в языке», – отмечает Н.У. Ворокова [Ворокова 2003:60].

Идиоматика языка – когнитивная база народа, она является неотъемлемой частью языковой картины мира, это неповторимые образцы национальной логики, национального мировосприятия и мирооценки, сформированные под воздействием конкретных, природных, исторических и физиологических факторов. Мы исходим из широкого понимания объема идиоматики. В него включаются все сочетания слов, обладающие идиоматичностью – это фразеологизмы, афоризмы, пословицы и поговорки.

В данном случае мы предпринимаем попытку проанализировать активно функционирующие в абхазском и абазинском пословичном фонде концепты «народ» и «родина».

«Высшим законом... да будет благо народа», «Народом является только такой, который удерживает вместе согласие относительно прав», – говорил Марк Тулий Цицерон [Душенко 2005:440].

В абхазском языке «народ» переводится как *ажәлар*, который образован от *ажәла* – «фамилия» + аффикс собирательности – *р*; в абазинском – *жвлара*, употребляются также *уаг/а* – «люди» и русское «народ». Отметим также, что *ажәла* (абх.), *жвла* (абаз.) *жылэ* (адыг.) означает «семья», «семена».

В абхазских пословицах концепт «народ» представлен следующим образом.

Народ – это творец, создатель:

Шацәас икоу жәларуп – «Творцом (создателем) является народ».¹

Ажәлар ирхәо калоит – «Сбудется то, что скажет народ».

Пословицы актуализируют силу, мощь, огромную потенциальную энергию народа, которая охватывает весь мир, влияет на земную поверхность – горы, растительность, водные просторы, одним словом, на всё, что считается могущественным:

Ажәлар рымч адунеи арцысуеит – букв. «Сила народа заставляет трястись весь мир».

Ажәлар луаныхә икәыпсычхар, амшын танарбоит – букв. «Глубокий вздох народа высушивает море».

Ажәлар гәааны икәыпсычхар, рыпсың афыртын иаюызахоит – букв. «Если народ, обидевшись, вздохнет, то его вздох будет подобен смерчу».

¹ Здесь и далее абхазские пословицы приводятся по: Ацсуа жәаңкакәа. Еикәиршәеит Хә.С. Бҭажәба. Акәа, 1983; Ацсуа жәаңкакәа. Еикәдыршәеит О.Б. Шамба, Б.А. Гәыргәлиа. Акәа, 2003. Переводы наши – Л.Х.

Ажәлар зықәшәиуа амшын җабойт – букв. «Море, проклятое народом, высыхает».

Ажәлар рышәи атла арҗойт – букв. «Проклятие народа высушивает дерево».

Ажәлар рымч абахәгы арбгойт – букв. «Сила народа разрушает даже скалу».

Народу подвластно всё:

Ажәлар җазоуп, аҗцәа деиҗыршьуеит – букв. «Народ – мастер, расчлененное тело соединяет».

Ажәлар зыхәда җырҗо (аус) ашьа аауам – букв. «Перерезанное народом горло (дела) не кровоточит».

Ажәлар зхәаҗшыз аус ахәда җукарҗы ашьа аауам – букв. «То дело, которое рассмотрел народ, если даже перерезать ему горло, оно не будет кровоточить».

В пословицах выражается вера в обязанность и ответственность народа:

Ажәлар рус ажәлар ирызбароуп – букв. «Дело народное должен обсудить народ».

Вариантом ажәлар в некоторых случаях выступает ауаа – «люди»:

Ауаа рыбз хәшәуп – букв. «Язык народа - лекарство».

Аҗсадҗыл җсадҗылны иҗазцо ауаа роуп – букв. «Родину родиной делают люди».

В пословицах абазинского языка «народ» представлен в полногласной форме *жәлара*, но с очень ограниченным употреблением по сравнению с абхазским. Это связано с тем, что более широкое применение в абазинском языке находит русская лексема «народ». Встречается также *уызлу* – букв. «то, внутри которого ты находишься» (имеется в виду народ, «те люди, среди которых ты живешь»). Эти пословицы эквивалентны абхазскому материалу.

абаз. *Ажвлара җьару абыхъв чывыцла архчумл* – букв. «Сила народа вдребезги разрушает скалы».¹

Уызлу йыршвырцлауа ушвыцла – букв. «Одевай то, что одевают окружающие».

Уызлу йырхъарцлауа ахъылпа уарҗы йухъацла – букв. «Носи такую шапку, какую носят окружающие» (т.е. «Делай то, что делает народ»).

Уызлу уырхъыста уабацуш? – «Разве станешь отличаться от тех, с кем водишься?» (соотв. «С кем поведешься, того и наберешься»).

¹ Абазинские пословицы приводятся по: Табулова Н.Т. Афористическая поэзия абазин. Черкесск, 1977.

абх. Узлоу ужәлар рашәа умҳәар, уажәа ухадырштҭеит – букв. «Если не будешь петь песню того народа, среди которого живешь, он заставит тебя забыть свое слово».

абаз. *Ажәлара йрапшым дпшахъынхIвыпI* – букв. «Кто не подобен людям, тот подобен смерчи».

УхъацIари уынхари ажәлара идрыхъва, ахъва йылакъауымчIвахын – букв. «Свое мужество и работу направляй на пользу народа, а не прячь их в золе».

Как видно из иллюстративного материала, абазинские пословицы тяготеют не к характеристике содержания всеобъемлющего в абхазском языке концепта «народ», а к выражению нравоучительного тезиса, главный смысл которого сводится к следующему: человеку надо считаться с ценностными установками того общества, в кругу которого он живет.

Углубленное изучение концепта «народ» у абхазов, абазин и адыгов подводит к ядру этнического сознания, создающего свое защищенное земное пространство в этом мире – «дом».

абх. Зыюны пату зқәым ажәлар рғғы пату иқәым; абаз. *ЗунагIва платIу аквым ажәлара рпынгы йгъыквызлушым* – букв. «Кто в собственном доме (семье) не пользуется уважением, тот и у народа (у людей) не пользуется уважением».

Такое же широкое употребление в абхазском языке имеет концепт «родина», «отечество» – ацсадгьыл, в абазинском – *псадгьыл*. В этом слове представлен общий абхазско-адыгский элемент -*пс-*, восходящий к *псы* – «вода», «река», «речка» [Шагиров 1977:16; Гублия 1997:20].

Что такое родина в языковом сознании абхаза?

1) Родина приравнивается к самой жизни:

Псадгьылда икам цсҭазаара – букв. «Без родины нет жизни».

Ацсадгьыл азы згәы еисуа инцыра рацәахоит – букв. «Тот, у кого бьется сердце за Родину, проживет долго».

2) Даже смерть бессильна перед любовью к Родине:

Ацсадгьыл азы ицсыз дыцсам – букв. «Тот, кто умер за Родину – не мертвый, не умер».

Аҭа ацсадгьыл азы данҭахо, ан дцәыуазом – букв. «Когда сын погибает за Родину, мать не плачет».

Ацсадгьыл азы зхы ззымгәагъуа цсык диҭызоуп – букв. «Тот, кто не может пожертвовать собой ради Родины, то же, что и мертвец».

3) Отношение к Родине тождественно отношению к самому себе: Зыцсадгьыл зҭахым, ихгы иҭахым – букв. «Тот, кто не любит Родину, не любит и самого себя».

4) Родина для каждого святая:

Аҟсадгьыл – шыамуп – букв. «Родина – святое место». Варианты этой пословицы: Дасу иҟсадгьыл Шыам еиҟш иґоит – букв. «Каждый считает свою Родину святым местом». Дасу иҟсадгьыл иара изы ишыамуп – букв. «Родина для каждого – святое место».

5) Родина и Бог эквивалентны:

Аҟсадгьыл змам, нцәагы димам – букв. «Не имеющий Родины не имеет и Бога».

6) Реализация концепта «родина» осуществляется в противопоставлении «свой – чужой»:

Аҟсадгьыл ан илґызоуп, атәым дгьыл – анҟса – букв. «Родина подобна матери, чужая страна подобна мачехе».

Атәым дгьыл лашыцароуп, ахатәы дгьыл лашароуп – букв. «Чужая земля – тьма, родная земля – свет».

7) Посредством сравнения:

Аҟсадгьыл змами – аҟсыз азы зцабази – букв. «Не имеющий Родины, что рыба без воды».

Аҟсыз азаґы ихәәеуам, ауаґы – иҟсадгьыл аҟны – букв. «Рыба в воде не задыхается, а человек – на Родине».

8) Наивысшую оценку Родине и сущности абхаза содержат пословицы:

Аҟсуа дахьаҟсыуацәґьюу Аҟсынроуп – букв. «Настоящим абхазом абхаз бывает в Абхазии».

Аҟсуа иаҟсуара ахьмызуа Аҟсны зацәык ауп – букв. «Абхазство» абхаза не теряется только в Абхазии».

Аҟсны анҟсы, аҟсуаа зегьы цсуеит – букв. «Если умрет Абхазия, умрут и все абхазы».

9) Даже после смерти душе угодно быть на своей Родине:

Зыҟсадгьыл иамадахаз дґынчуп – букв. «Спокоен тот, кого предали родной земле».

В близкородственных абхазскому абазинском и адыгских языках «родина» переводится так же. Во втором значении – это место рождения, обозначенное лексемой *хякв*. В пословицах значение «родина» передается этим же словом или же словами *ач/вылахъв* и *та* (в последнем случае во втором значении – «стойбище», «очаг», «дом», «край»).

абаз. *Зхакв зтиуа йанцригьы дитыпI* – букв. «Кто продаст Родину, тот и родную мать продаст» (соотв. «Кто изменит Родине, тот и родной матери изменит»).

Упсы дъацлам ачъылахъв ухъа азумган – букв. «Не собирайся жить там, где не покоятся твои предки» (т.е. «Не изменяй своей Родине, своей земле»).

Зта ззымхчауа йта гъвыматарахитл – букв. «Очагом (родиной) того, кто не может его (ее) защитить, завладевает враг».

Загъа тшйызтауа йта мцырахитл – букв. «Кто сдается врагу, тот останется без дома (без родины)».

Ашварах ата йазцахлитл – букв. «Олень возвращается к своему стойбищу» (соотв. «Каждому свой край сладок»).

В абазинском языке широко употребляется проклятие *Ута уазымцахитл!* – букв. «Чтоб ты не возвратился в свой дом (на свою родину)!» (т.е. «Чтоб ты погиб!») [АРС 1967:339].

Этимология *-та-*, на наш взгляд, прозрачна – это корень глагола *аҭазаара* – «находиться внутри» (срав. *аҭып* – «место»).

Сенека Младший говорил: «Любят родину не за то, что она велика, а за то, что она родина» [Душенко 2005:398]. Это мудрое высказывание подтверждается проанализированным выше материалом абхазского и абазинского языков.

Литература

АРС 1967: Абазинско-русский словарь. М., 1967.

Аҭсуа жәаҭқақәа. Еикәиршәеит Хә.С. Бҭажәба. Ақәа, 1983.

Аҭсуа жәаҭқақәа. Еикәдыршәеит О.Б. Шамба, Б.А. Гәыргәлиа. Ақәа, 2003.

Ворокова 2003: Ворокова Н.У. Национальная культура в идиоматике. Нальчик, 2003.

Гублия 1997: Гублия Р.К. К этимологии элемента *лс* в абхазско-адыгских языках // Актуальные вопросы абхазско-адыгской филологии. Карачаевск, 1997.

Душенко 2005: Душенко К.В. Мысли и изречения древних. Москва, 2005.

КСКТ 1996: Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Маслова 2004: Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2004.

Шагиров 1977: Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977.

Н. В. АРШБА

ОСОБЕННОСТИ УДАРЕНИЯ В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ФОРМАХ ГЛАГОЛА АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА

Ударение в абхазском языке – интенсивно-динамическое, нефиксированное в основе, подвижное в разных словоформах.

Разных аспектов абхазского ударения касались многие отечественные и зарубежные исследователи. Здесь мы не будем подробно на них останавливаться.

Наиболее обобщенный анализ этой проблемы дается в монографии К. В. Ломтатидзе – «Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков» [Ломтатидзе 1976: 99 – 133]. Место ударения в непроеизводных и сложных основах рассмотрены в работах В. А. Дыбо [Дыбо 1996: 65; 1997: 75 – 84]. Роль ударения в редукции гласных, акцентные схемы в именах существительных, ударение в сложных словах исследуются в наших работах [Аршба 1979; 2000: 26-38; 2004: 397–411].

В данной статье речь пойдет о некоторых особенностях расстановки ударения в отрицательных формах абхазского глагола, а именно о способности префикса отрицания м (а не суффиксе м.) перемещать ударение с конца на начало основы.

Здесь уместно привести высказывание К. В. Ломтатидзе о том, что: «Поскольку в именных, и особенно, в глагольных формах этих языков [абхазского и абазинского – Н. А.] на корневую часть слова могут нарасти в виде префиксов и суффиксов одновременно около десяти аффиксов, среди которых не один может перетянуть к себе ударение, легко представить, какие возможности возникают при перемещении ударения [Ломтатидзе 1976: 308–309]. На наш взгляд, вопрос выявления закономерностей в расстановке ударения усугубляется еще и тем, что в парадигмах имени и особенно глагола одновременно сосуществует первоначальные и вторичные акцентные показатели.

Предварительно укажем, что по основным схемам изменения ударения глагольные основы как и именные мы делим на три основных типа или класса [Аршба 2000: 28–31]:

1) неподвижный акцентный тип (класс) с ударением в масдарной форме на срединной гласной основы: а-ты́ң «место», а-не́ира «идти туда», а-ды́рра «знать»;

2) I подвижный акцентный тип с ударением в масдаре на префиксе общности: а́-цара «прыгать», а́-зәзәара «мыть», а́-фара «есть, кушать»;

3) II подвижный акцентный тип с ударением в масдаре на конечной гласной масдаре: а-цара́ «идти», агара́ «нести», а-хәара́ «говорить, сказать».

Как известно, положительные формы абхазского глагола с нулевым показателем противопоставляются отрицательным формам с формантом м. Последний бывает то префиксом – стоит перед основой глагола, то суффиксом – стоит после основы глагола в зависимости от статичности и динамичности, финитности и инфинитности, различия временных форм, то инфиксом в производных и сложных основах.

В статических глаголах с ограниченными формами формант м всегда является суффиксом и не влияет на ударение положительных форм:

Положительные формы

Масдар:

а́-ка(заа)ра «быть, находиться»
а́-ма(заа)ра «являться кем, чем-либо»
а-фы́(заа)ра «заниматься чем-либо»

Наст. вр.

ды́коуп «он (а) есть, находится»
имоу́п «он имеет то»
даеу́п «он (а) занимается чем-то»

Прош. неопр.

ды́кан «он (а) был(а), находился»
иа́кәын «являлся кем-то»

Отрицательные формы

а́́кам(заа)ра
а́́кәым(заа)ра
а́-фы́м(заа)ра;

ды́́кам
и́мам
дае́́ым

ды́́камызт
иа́́кәмызт

И в других отрицательных формах, которые может образовать статическая основа глагола [Грамматика 2002: 215] формат м является суффиксом и не влияет на место ударения: ды́́казаауеит «он(а) будет находиться, существовать» – ды́́казаауа́м ды́́казаап «он(а) оказываться есть» – ды́́камзаа́п ды́́казарц «что-бы» он(а) был (а), находился (лось)» ды́́камзаа́рц и т.д.

Иная, пестрая картина наблюдается в расстановке ударения в динамичных глаголах.

Сначала будет рассмотрено ударение в отрицательных формах непроизводных, затем – сложных основ.

Следует сказать, что почти все основы неподвижного акцентного типа в абхазском языке минимум – двусогласные (иногда трех и более), поэтому они теоретически являются производными сложными основами. А так как в сложных основах аффикс отрицания м обычно вклинивается внутри основы, становится между компонентами композита, в данном случае, непроизводным признакам основы, в которых отрицание м стоит перед основой.

Предварительно укажем, что формат м – в динамичных глаголах является префиксом: в масдаре, в временах: прошедшем неопределенном, прошедшем совершенном, давнопрошедшем, давнопрошедшем упреждающем; м является суффиксом: во временах: в настоящем, прошедшем, будущем I, будущем II [Ломтатидзе 1953].

I. В масдаре отрицательных форм непадежного типа сохраняется постоянное ударение основы, но на префиксах общности а перед формантом м появляется второе ударение, которое становится главным. Некоторые из этих отрицательных масдарных форм кажутся несколько искусственными, так как, на наш взгляд, они являются новообразованиями.

Неподвижный акцентный тип

Положительные формы

Масдар. ф.

а-гы́лара «стоять, встать»

а-гә́дара «обижаться»

а-ды́рра «знать»

а-не́ира «пойти туда»

а-хы́сра «стрелять»

а-цә́ууара «плакать»

Отрицательные формы

а-мгы́лара

а-мгә́дара

а-мды́рра

а-мне́ира

а-мхы́сра

а-мцә́ууара

В отрицательных формах масдара неподвижного акцентного типа появление второго ударения должно быть вторичным явлением, вызванное префиксом отрицания м, стоящим после префикса общности.

В личных же отрицательных временных формах неподвижного типа, когда отсутствует префикс общности а, ни префикс, ни суффикс м не влияют на ударение положительных форм:

Полож. формы.

Отриц. формы м - префикс

Прош. неопр.

Дхә́ы́цын «он(а), подумав»

дымхә́ы́цызт

Прош. соверш.

Дхә́ы́цит «он(а) подумал(а)»

дымхә́ы́цит

Давно прош.

дхә́ы́цхьейт «он(а)уже подумал(а)

дымхә́ы́цыц(т)

давнопрош. упр.

Дхә́ы́цхьан «он (а) тогда уже подумал(а)

дымхә́ы́ыцызт

Наст вр.

Дхә́ы́цуейт «он(а) думает»

М - асуффикс

дхә́ы́цуам

Прош. несов.

Дхә́ы́цуан «он(а) думал(а)»

дхә́ы́цуамызт

Будущ. I

дхә́ы́цып «он(а) подумает»

дхә́ы́црым

Будущ. II

дхә́ы́цышт»он(а)подумает»

дхә́ы́цшам

В неподвижном акцентном типе отрицательные формы не по общему правилу образует глагол адырра «знать». В нем отрицательные формы – это формы потенциалиса – невозможности совершения действия, в котором к отрицательным формам прибавляется еще и префикс потенциалиса з, который становится перед префиксом отрицания м.

Таким образом, в формах потеинциалиса на место ударения влияют и префикс потенциалиса з и префикс отрицания м.

Положительная форма масдара: а-ды́рра, «знать», отрицательная форма потенц. а-мды́рра «не знать», а-зы́мдырра «невозможность знать».

В отрицательной форме масдара а-мды́рра сохраняется неподвижное ударение основы, но появится второе – главное ударение на префиксе общности, на наш взгляд, под влиянием префикса отрицания м. В форме же потенциалиса а-зы́мдырра имеем одно сильное ударение на огласовке потенциалиса перед префиксом м, а ударение основы не сохраняется.

В личных же отрицательных формах при префиксе м обычное неподвижное ударение с основы перемещается на огласовку потенциалиса зы, а при суффиксе м ударение основы не меняется.

Полож. формы.**Прош. неопр.**

(и)иды́рын «он знав то»

Прош. соверш.

(и)иды́рит «он узнал то»

Давнопрош.

(и)иды́рхъеит «он уже знал то»

Давнопр. упр.

(и)иды́рхъан «он тогда знал то»

Отриц. формы**М – префикс**

(и)изы́мдырызт

(и)изы́мдырит

(и)изы́мдырыц(т)

(и)изы́мдырыцызт

Наст. вр.

(и)иды́руеит «он знает то»

Прш. несов.

(и)изды́руан «он знал то»

Будущ. I

(и)иды́рын «он узнать то»

Будущ. II

(и)иды́рышт «он, наверника, из-нает

М – асуффикс

(и)изды́р(у)ам

(и)изды́р(у)амызт

(и)изды́ррым

(и)изды́ршам

Таким образом, в отрицательных – потенциалистных формах глагола неподвижного типа адырра «знать» и в масдаре и в личных формах при префиксе отрицания м ударение перемещается на огласовку потенциалиса зы, а при суффиксе отрицания м ударение неподвижной основы не меняется.

II. По расстановке ударения в отрицательных формах глаголы I подвижного типа разделяется на два подтипа:

1. Основы, которые в положительных формах масдара имеют ударение на префиксе общности, т. е. непосредственно в анлауте основы, и которые сохраняют это место ударения и в других формах: а́-цара «прыгать», ды́цойт «он прыгает», ды́цеит «он (а) прыгнул(а) и т. д. В таких личных глагольных формах, на наш взгляд, гласный ы появляется для подставки ударения.

2. Основы, которые в положительных формах масдара так же имеют ударение на префиксе общности, но в личных формах – на конце основы: а́-зэзэара «стирать», дызэзэо́ит «он(а) стирает», дызэзэе́ит «он(а) постирал(а)» и т. д.

1. В отрицательных формах первого подвижного подтипа, как и в положительных, сохраняется ударение в анлауте основы, поэтому оно стоит всегда после префикса отрицания м:

Полож. формы

Масд.

аҭара «прыгать»

Прош. неопр.

дыҭан «он(а) прыгнул(а)»

Прош. соверш.

Дыҭеит «он(а) прыгнул(а)»

Давнопр.

Дыҭахьеит «он(а) уже прыгнул(а)»

Давпопр.упр.

Дыҭахьян «он(а) тогда уже прыгнул(а)»

Наст.вр.

Дыҭоит «он(а) прыгает»

Прош.соверш.

Дыҭон «он(а) прыгал(а)»

Будущ. I

Дыҭап «он(а) прыгнет»

Будущ. II

Дыҭоит «он(а), наверняка, прыгнет»

Отриц. формы

М – префикс

а-мыҭара

дмыҭан

дмыҭеит

дмыҭа(цт)

дмыҭацызт

м – суффикс

дыҭом

дыҭомызт

дыҭарым

дыҭашам

Подвижность ударения этой группы глаголов является условной, так как у них ударение почти всегда стоит в анлауте основы: на префиксе общности а или на огласовке ы личных и других префиксов.

К указанной группе глаголов относится и глагол а-цәара «спать». В отрицательной форме масдара эта основа имеет два варианта ударения: а-мыцәара // а-мцәара «не спать». Из них первоначальным, правильным является а-мыцәара, что подтверждается и личными формами, которые не имеет вариантов ударения: дмыцәеит, дмыцәазт и т.д. А вариант а-мцәара является вторичным явлением. Следует сказать, что факты колебания в расстановке префикса м – нередко является в абхазском глаголе.

2. Отрицательные формы второго подвижного подтипа в масдаре имеют ударение на префиксе общности, перед префиксом отрицания м, а не после него, как в первом подтипе. В личных же формах во всех указанных временных, за исключением некоторых форм, ударение стоит в конце основы. К таким основам относятся: ааҭсара – «уставать», дааҭсоит «он (а) устает», а-захра «шить», дзахуеит «он (а) шьет», а-кәашара «танцевать» дкәашоит «он(а) танцует» и т. д.

Полож. формы**Масд.**

А-кәашара «танцевать»

Прош. неопр.

Дкәашан «он(а) станцевать»

Прош. соверш.

Дкәашеит «он(а) станцевал(а)»

Давнопрош.

Дкәашахъеит «он(а) уже станцевал(а)»

Давнопрош. упр.

Дкәашахъан «он(а) тогда уже станцевал(а)»

Отриц. формы**М – префикс**

а-мкәашара

дымкәашацт

дзымкәашеит

дымкәашацт

дымкәашацызт

Полож. формы**Наст.вр.**

Дкәашоит «он(а) танцует»

Прош. соверш.

Дкәашон «он(а) танцевал(а)»

Будущ. I

Дкәашап «он(а) станцует»

Будущ. II

Дкәашоит «он(а) наверное станцует»

отриц. формы**м – суффикс**

дкәашом

дкәашомызт

дкәашарым

дкәашашам

Таким образом, отрицательные формы второго подвижного подтипа в масдаре, как и в положительной форме имеют ударение на префиксе общности перед префиксом отрицания м (а не после м), а в личных формах и при префиксе и при суффиксе м имеют ударение на конечном гласном основы. Исключение составляют: формы давнопрошедшего времени, где суффикс хъа-хъе перетягивает на себя ударение основы: дкәашахъан, дкәашахъеит; а также форма будущего I, где суффикс р(ы) перетягивает на себя ударение: дкәашарым.

Так как глаголы второго подвижного подтипа в масдаре и в положительной и отрицательной форме имеют ударение на префиксе общности а, а в личных формах в основном на конечном гласном основы, то ударение масдара надо считать вторичным явлением, так как личные формы считаются древнее масдара.

Кроме того, показателем вторичности ударения масдара этого подтипа является ударение отрицательной формы, в которой ударение становится после префикса м (как в первом подтипе: а-цара – а-мыцара «прыгать – не прыгать»), а перед м на общем префиксе: а-кәашара

– ам-кәашара «танцевать – не танцевать». Переход первоначального ударения на основе на префикс общности распространенное явление и в именных и в глагольных формах абхазского языка, о чем свидетельствует сравнительный материал акцентов разных абхазских и абазинских диалектов.

III. В основах II подвижного типа в положительной форме масдара ударение стоит на суффиксе масдара: а-бараа, «видеть», а-цараа «идти», ахәараа «сказать» (в отличие от I подвижного типа общности: а-зәзәара «стирать», а-кәашара «танцевать»).

В отрицательной же форме масдара ударение перемещается на префикс общности: а-гараа – амгара «нести – не нести», а-цара – а-мцара «идти – не идти», а-хәара – а-мхәара «сказать – не сказать» и т. д.

Очевидным является тот факт, что в данном случае префикс отрицания м притягивает ударение на префикс общности, после которого непосредственно он стоит.

В личных же отрицательных формах времен ударение в основном стоит на конечном гласном основы; только в давнопрошедшем, давнопрошедшем упреждающем и в будущем I ударение с основы перемещается на суффиксы: –хьеит, –хьан, –ры:

Полож. формы

Прош. неопр.

Дцан «он(а), пойдя»

Прош. соверш.

Дцеит «он(а) пришел(а)

Давнопрош.

Дцахьеит «он(а) уже пошел(а)

Давнопрош. упр.

Дцахьан «он(а) тогда уже пошел(а)

Наст. вр.

Дцоит он(а) идет

Прош. несов.

Дцон «он(а) шел(а)»

Будущ. I

Дцап «он(а) пойдет»

Будущ. II

Дцоит «он(а), наверняка пойдет»

Отриц. формы

М – префикс

дымцазт

дымцеит

дымцац(т)

дымцацызт

м – суффикс

дцом

дцомызт

дцарым

дцашам

Таким образом, акцентные показатели второго подтипа I подвижного типа и III подвижного типа разнятся только по ударению масдара положительной формы: в первом случае ударение стоит на префиксе общности – а-кәашара, во втором случае – на суффиксе масдара: а-цара. Поскольку ударение в масдаре а-кәашара, а-зәзәара, а-цара мы считаем вторичным явлением, то, надо полагать первоначально и второй подтип I подвижного типа и III подвижный тип относятся к одному акцентному типу.

В производных (и сложных) основах, как известно, аффикс отрицания м – обычно становится внутрь основы – между компонентами производного слова.

I В отрицательных формах масдара неподвижного акцентного типа сохраняется ударение положительной формы только в некоторых случаях, когда второй компонент – самостоятельная основа, появляется второе ударение:

Полож.формы.

А-бж^алара «войти между чем-либо»
 А-гә^атара «замечать что-либо»
 А-гә^ылх^а «вынуть что-либо изнутри»
 А-кә^ыц^ара «перестать»
 А-н^ых^ара «израсходовать»
 А-п^ышә^ара «испытывать»
 уд. а-бж^аыг^ылара «стоять между чем-либо»
 уд. а-ф^аыг^ылара «выступить против»

Отриц. формы.

а-бж^ам^лара
 а-гә^ам^тара
 а-гә^ыл^ым^хра
 а-кә^ым^цра
 а-н^ым^хра
 а-п^ымшә^ара
 а-бж^амг^ылара
 а-ф^амг^ылара и т.д.

По месту ударения интерес представляют производные основы, вторым компонентом которых является корень-суффикс –жь–:

А-бж ^а ж ^а ра	«валить что-либо между чем-то»	а-бж ^а м ^ы ж ^а ра
А-к ^а ж ^а ра	«валить что-то вниз»	а-к ^а м ^ы ж ^а ра
А-т ^а ж ^а ра	«валить что-то внутрь»	а-т ^а м ^ы ж ^а ра
А-н ^ы ж ^а ра	«оставить что-то»,	а-н ^ы м ^ы ж ^а ра и т. д.

В последней группе глаголов ударение стоит после инфикса м, а не перед ним, как это наблюдается в других сложных глаголах, т. е. в этих глаголах и в масдарах и в личных формах (ср.: акам^ыж^ара, икарм^ыж^{ыт}) ударение должно стоять перед суффиксом –корнем –жь–, что объясняется особенностью этого корня – суффикса –жь–.

В личных отрицательных формах неподвижного типа обычно сохраняется ударение положительных форм: а-кәы́тра – а́кәымтра «перестать – не перестать», да́кәымцит он(а) не перестал(а), да́кәы́цуам «он(а) не перестает». В тех основах, где в отрицательной форме масдара два ударения (у них вторая часть – обычно самостоятельная основа с неподвижным ударением), и в личной форме с префиксом м сохраняются оба ударения, с суффиксом м – одно ударение положительной основы: а-бжя́гылара – абжя́мгылара «стоять между чем-либо», дрыбжя́мгылеит – «он (а) не встал(а) между ними», дрыбжя́гылом – «он(а) не встает между ними»; а-ға́гылара – а-ға́мгылара «выступить – не выступить против», дырға́мгылеит «он(а) не выступил(а) против них», дырға́гылом «он(а) не выступает против них»; а-та́гылара – а́тамгылара «стоять – не стоять в чем-либо», д́тамгылеит «он(а) не встал в чем-либо» д́талом «он(а) не встает в чем-то» и т. д.

Как показывают последние примеры, появлению второго ударения в них способствует инфикс м, который становится префиксом для второго компонента производной основы.

II В производных основах I подвижного типа с ударением на префиксе общности а отрицательной инфикс м в основном не меняет ударения положительных форм. Сюда примыкают несколько групп глаголов.

1. Основы, которые в масдаре и положительных и отрицательных формах имеют ударение на префиксе общности, но в личных формах – на префиксе косвенного объекта: а-всра – а-вымсра «пройти – не пройти мимо кого-чего-либо», дбывсит «он(а) прошел(а) мимо тебя (жен.)» дбывымсит – «он(а) не прошел мимо тебя», давсит «он(а) прошел(а) мимо него (вещ.) давымсит, – «он не прошел», дбывсуеит «он(а) проходит мимо тебя (жен.), дбывсуам «он (а) не проходит мимо тебя (жен.) и т. д.

Сюда относятся глаголы с ударением на префиксе косвенного объекта: а-вакра «держат около», а-кәшара «обходить вокруг чего-то», а-лагара «начинать», а-кәцара «положить что-либо на что-то», а-цацара «положить что-то под» и т. д.

2. Основы, которые в масдарных формах имеют ударение на префиксе общности и на основе. А в личных формах на огласовке косвенного объекта и на основе: а-дгылара – адымгылара «стоять – не стоять рядом с чем-либо», сбыдгылеит – сбыдымгылеит «я встал, не встал рядом с тобой (жен.)», сбыдгылоит – сбыдгылом «я стану – не стану рядом с тобой (жен.)».

3. Основы, которые в масдаре имеют ударение на префиксе общности, в личных формах – на конце основы: а-нагзара – а́намгзара «выполнить – не выполнить то», инасыгзе́ит – инасымгзе́ит «я выполнил –

не выполнил то», инасыгзоит – инасыгзом «я выполняю – не выполняю то» и т. д.

В подобных основах ударение на префиксе общности – вторичное явление, как и в простых основах второго подвижного подтипа: а-кәашара – амкәашара «танцевать – не танцевать», дкәашеит – дымкәашеит «он станцевал – не станцевал» и т. д.

4. Глаголы с корнем – суффиксом – жь–, которые в положительной форме масдара имеют одно ударение на префиксе общности, но в отрицательной форме масдара имеют два ударения: а-гыжъра – агмыжъра «не добавить – добавить», а-ыжъра – а-ымыжъра «пропустить мимо – не пропустить»; а в личных и положительных и отрицательных формах имеют тоже два ударения: на огласовке косвенного объекта и перед суффиксом – жь–: ибыгсыжъуеит – ибыгсыжъуам «я тебе не добавю (жен.) – добавю», ибыгсыжъит – ибыгсмыжъит «я тебе (ж.) не додал – додал» и т. д.

III В производных основах II подвижного типа с ударением на суффиксе масдара (а-бжъацара «класть то между чем-либо») в отрицательных формах масдара и переходных и непереходных глаголов ударение перемещается с конца на стык компонентов производной основы – перед инфиксом отрицания м:

перех. а-бжъацара – абжъамцара «класть – не класть то между чем-либо»;

неперх. а-бжъахара – абжъамхара «остаться – не остаться между чем-либо».

В личных формах переходных глаголов и при инфиксе и при суффиксе м ударение стоит всегда внутри основы, так как личные инфиксы стоят внутри основы и перемещают ударение с конца на стык основы:

перех. ибжъартцеит – ибжъарымцеит «они положили – не положили то между» ибжъартцоит – ибжъарцом «они кладут то между чем-либо».

В непереходных глаголах при инфиксе отрицания м ударение с конца перемещается перед м, а при суффиксе м ударение остается на конце основы:

неперех. ибжъахеит – ибжъамхеит «они остались – не остались между»; ибжъахоит – ибжъахом «они остаются между чем-либо».

Таким образом, ударение производных основ II подвижного акцентного типа свидетельствует о том, что инфикс отрицания м, как и префикс отрицания м, в отличие от суффикса м, способствует перемещению ударения с конца на стык производной основы.

Литература

- Аршба 1979:** Аршба Н. В. Динамическое ударение и редукция гласных в абхазском языке. Тбилиси, 1979.
- Аршба 2000:** Аршба Н. В. Акцентные схемы в именах существительных абхазского языка // Абхазоведение. Язык, фольклор, литература. Вып. 1. Сухум, 2000. С. 26–38.
- Аршба 2004:** Аршба Н. В. Ударение в сложных словах абхазского языка // Международная научная конференция, посвящ. 75 – летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА 28-31 мая 2001 г. Сухум, 2004. С. 397–411.
- Дыбо 1996:** Дыбо В. А. Балто – славянская акцентология. Москва, 1996. С. 65.
- Дыбо 1997:** Дыбо В. А. Балто – славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // *Studia linguarum*. – Москва, 1997. С. 75–84.
- Ломтатидзе 1976:** Ломтатидзе К. В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. Тбилиси, 1976. С. 99–133.
- Ломтатидзе 1953:** Ломтатидзе К. В. К образованию отрицательных форм глагола в абхазо-абазинских диалектах // ИКЯ, т. V. Тбилиси, 1953.

Ш. М. КВАРАЦХЕЛИЯ

ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕБЕНКА

*(на примере произведений английской
реалистической прозы XIX века)*

Знания об объективной реальности представляют объемную информацию и отражаются в мировоззрении человека, включающее его жизненный опыт и особенности менталитета. Поэтому изучение этой информации не может быть ограничено целями и задачами одной дисциплины. Этим сегодня занимается когнитивистика – система наук, включающая когнитивную психологию, когнитивное литературоведение, когнитивную социологию, когнитивную лингвистику и др. [Кубрякова 2004: 9].

Когнитивная лингвистика исследует картину мира, закрепленную в языке и опосредованную в сознании человека; репрезентирует языковые картины мира и их отдельные фрагменты, соотносит значения слов с базой знаний, определяя их место в языковом поле. Основным методом осуществления этих задач является концептуальный анализ, с помощью которого становится возможным моделирование концепта как единицы сознания по данным языка и на этой основе интерпретация его значения с последующим обобщением результатов описания значений языковых единиц и созданием определенной языковой модели исследуемого предмета.

На наш взгляд, в рамках статьи представляется возможным исследование языковой модели сферы «разума» ребенка на примере произведений английской реалистической прозы XIX века (Ч. Диккенс, Дж. Элиот, Т. Хьюз, сестры Бронте, Э. Гаскелл, У. Теккереи, С. Батлер, Т. Харди, Д. Остин). Основным методом, используемым в работе, является метод концептуального анализа, направленный на выявление общих и специфических свойств исследуемого языкового материала. Реализация данного метода стало возможной посредством установления путем сплошной выборки из текста художественного произведения языковых средств, репрезентирующих некоторый концепт. На этом

этапе нами выявляются прямые номинации концепта, составляющие ядро его номинативного поля. Затем определяются косвенные номинации концепта (устойчивые сочетания фразеологического и нефразеологического характера, метафоры), находящиеся на периферии номинативного поля и проводится семантическое описание языковых средств, образующих данное номинативное поле, то есть «толкование входящих в номинативное поле концепта единиц» [Попова, Стернин 2006: 137]. Итогом семантического описания является максимально полный анализ словарных и контекстуальных значений единиц, вербализирующих концепт с последующей когнитивной интерпретацией результатов семантического описания, приводящей к моделированию содержания концепта. Концепт при этом рассматривается как фрагмент этнокультурной среды в ментальном мире человека» [Фесенко 1999: 12], «некая максимально абстрагированная идея «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации с ним связанные» [Красных 2003: 272].

Когнитивная интерпретация, в свою очередь, подразумевает выявление когнитивных признаков (например, интерпретация метафор) концепта и их последующее обобщение.

Как известно, концептуализация, или методика экспликации концептуализированной области художественного текста, основана на семантическом выводе ее компонентов из совокупности языковых единиц, раскрывающих одну тему или микротему. По этой причине «концептуальное пространство текста формируется на более высоком уровне абстракции – на основе слияния, сближения, стяжения общих признаков концептов, репрезентируемых на поверхностном уровне текста словами и предложениями одной семантической области, что обуславливает и определенную цельность концептосферы текста, а ключевой концепт представляет собой ядро индивидуально-авторской художественной картины мира, воплощенной в отдельном тексте или в совокупности текстов одного автора» [Бабенко, Казарин 2004: 58]. В целом в раскрываемую картину мира автор вносит посредством героев – языковых личностей – образную языковую картину, адекватную его времени, национальной культуре и собственному мировидению.

Особую роль в моделировании языкового образа ребенка в английской реалистической прозе XIX в. играет «ментальная» лексика, описывающая собственно интеллектуальную сферу ребенка. В состав интеллектуальной сферы входят такие элементы, как интеллект, восприятие, познание, понимание, осознание происходящего, память. В нашей работе мы выделяем следующие типичные случаи реализации

интеллектуальной сферы: психические способности и процессы, локализованные в головном мозге, т.е. умственные способности, мышление, рациональное познание. Необходимо подчеркнуть, что наше внимание сфокусировано не только на самой интеллектуальной способности, но и ментальном продукте, полученном при активации этой способности, результате мыслительной деятельности - мысль, идея, мнение, знания.

Ментальная лексика содержит знания об указанных выше психических состояниях. Анализ языковых средств выражения ментальной лексики является уникальным источником сведений о протекании процесса познания мира и его результатах, о структурном содержании концептуальной системы и когнитивных механизмах функционирования человека. Исследование интеллектуальной сферы позволяет выявить знания о внутреннем, психическом мире ребенка XIX в. и более полно смоделировать языковой образ ребенка.

Ментальная лексика включает в себя такие слова и семантические компоненты, как **think** «думать», **suppose** «полагать», **guess** «полагать», **believe** «считать, верить», **remember** «помнить», **learn** «узнавать», **thought** «мысль», **idea** «идея», **opinion** «мнение», **consciousness** «сознание», **sense** «чувство, сознание» и др.

Известно, что интеллектуальная деятельность локализуется в сознании. Концепт “**consciousness**” “сознание” в английском языке репрезентируется словами **sense, consciousness, aware, cognizant, conscious, understand, apprehend, realize, comprehend** и их дериватами.

В английской реалистической прозе XIX в. концепт “**consciousness**” “сознание” объективирован следующими единицами: **consciousness** «сознание», **sense** «сознание», **perceive** «понимать», **comprehend** «постигать», **be / feel sensible** «осознавать», **be / become aware** «осознавать», **be conscious** «сознавать»: «I dimly **perceived** –that she was already obliterating hope from the new phase of existence which she destined me to enter» (DC); «Fanny, though almost totally separated from her family, **was sensible** of the truest satisfaction in hearing of any kindness towards them» (ManP); «Tom by this time began **to be conscious** of his new social position and dignities» (TBr).

Существительное **sense** «чувство, ощущение, смысл, рассудок» в произведении Т. Хьюза «Школьные годы Тома Брауна» представлено в значении «сознание»: «Poor Tom! the first and bitterest feeling which was like to break his heart was the **sense** of his own cowardice» (TBr).

Для демонстрации полного осознания происходящего Дж. Элиот использует эпитеты **perfect** «совершенный, полный» и **thorough** «тщательный», Ч. Диккенс – **strong** «сильный» в сочетании с номинантом

consciousness: «In the same moment, when all the eyes in the room were turned upon him, he started up and looked at the chest, the parchments in Mr. Glegg's hand, and Tom holding the tin box, with a glance of **perfect consciousness** and recognition» (MillF); «Tom, roused from his dream of the future to a **thorough consciousness** of the present, made all the greater haste to reach the warehouse offices of Guest & Co.» (MillF); «In this plight, and with a **strong consciousness** of it, I waited to introduce myself to my formidable aunt» (DC).

Слово **intellect** «ум» встречается однократно в произведении Ш. Бронте «Джейн Эйр»: «...What a smile! I remember it now, and I know that it was the effluence of fine **intellect**, of true courage» (JY). В этом примере интеллект концептуализируется как поток, течение «**effluence** of fine **intellect**».

Одним из составляющих компонентов интеллектуальной сферы является процесс мышления. В английском языке концепт “**thinking**” “мышление” обозначается рядом единиц: **idea** «идея», **thought** «мысль», **reflection** «размышление», **consideration** «обдумывание», **scheme** «замысел», **think** «думать», **consider** «рассматривать», **suppose** «полагать», **guess** «полагать», **reflect** «размышлять», **ponder** «размышлять», **brood** «размышлять». Указанные единицы применяются практически всеми писателями – реалистами XIX в. при описании интеллектуальной сферы ребенка: «... but all **the girl** (Molly) **thought** of was, how little they wanted her in this grand house» (W&D).

Глубокую задумчивость, погруженность ребенка в мысли Дж. Элиот передает словосочетанием **be absorbed in the thought** «поглощенный», Т. Гарди – сочетанием глагола **ponder** «размышлять» с наречием **deeply** «глубоко», Ч. Диккенс – словосочетанием **weigh in one's mind** «обдумывать тщательно», фразеологизмом **run high on smth** «думать, размышлять»: «Tom did not say «Thank you,» for he was quite **absorbed in the thought** that Wakem's son did not seem so spiteful a fellow as might have been expected» (MillF); «Jude continued his walk homeward alone, **pondering so deeply** that he forgot to feel timid» (JudeOb); «The upshot of the business was, that Kit, after **weighing the matter in his mind** and considering it carefully, promised, on behalf of his mother, that she should be ready within two hours from that time to undertake the expedition» (OldSh); «'He is in Papa's confidence, and is his friend, I am sure.' Florence's mind **ran high on** this theme, and had done for some days» (D&S).

Сочетание предикатов самостоятельного движения **wander** «блуждать, бродить», **swim** «плыть», **stray** «блуждать» устойчивого словосочетания **at a loss** с существительными «ментальной» лексики (mind,

thought) в произведениях Ч. Диккенса, Ш. Бронте и С. Батлера подчеркивают отсутствие целенаправленности, интенциональности процесса движения, таким образом, концептуализируется потеря внимания, рассеянность ребенка: «And thus **his small mind kept wandering** on till he could follow it no longer, and again went off into a doze» (WayFI); «**My thoughts strayed from** that question as I looked disconsolately at the fire» (GrEx); «But **Oliver's thoughts...** were wholly **at a loss to** suggest any feasible mode of surmounting them» (OITw); «I could make no sense of the subject; **my own thoughts swam** always between me and the page I had usually found fascinating» (JY).

Длительность обдумывания, процесс размышления ребенка Ш. Бронте подчеркивает словосочетанием **chain of reflections** «поток мыслей»: «I was not free to resume the interrupted **chain of my reflections** till bedtime» (JY); Ч. Диккенс – словосочетанием **a procession of considerations, train of ideas** «вереница мыслей»: «Here, as I sat looking at the parcels, packages, and books, and inhaling the smell of stables, a **procession of most tremendous considerations** began to march through my mind» (DC); «The name awakened a new **train of ideas** in the boy's mind» (OITw).

Примечательно, что в произведениях Ч. Диккенса процесс мышления концептуализируется через метафору движения. В отдельных примерах отмечены глагол движения **march** «маршировать, двигаться» и свободное словосочетание **thoughts in restless action** «мысли в постоянном движении»: «...these were causes of depression and anxiety that might have sat heavily on an older breast with many influences at work to cheer and gladden it, but how heavily on the mind of a young child to whom they were ever present, and who was constantly surrounded by all that could keep such **thoughts in restless action!**» (OldSh).

Ч. Диккенс описывает процесс обдумывания как бесконечный и быстрый вихрь, проносящийся в голове ребенка: «...the fear of detection, and ruin, and death...these were the passionate **considerations** which, following close upon each other with **rapid** and **ceaseless whirl**, shot through the brain of Fagin» (OITw); Ш. Бронте – как процесс переваривания: «This scheme I went over twice, thrice; it **was** then **digested in my mind**» (JY).

Груз (тяжесть), лежащий на душе ребенка, выражается писателями во фразеологических сочетаниях **have a load on one's mind** «чувствовать тяжесть в душе», **relieve one's mind of weight on / off one's mind** «снять камень с души»: «But the **indefinable weight** the dead rabbits had **left on her mind** caused her to feel more than usual pity for the career of this weak young man» (MillF); «For the first time she quite forgot that she **had a load on her mind**, that Tom was angry with her» (MillF).

Иногда эти отрицательные ощущения покидают ребенка: «...I was afraid I must have given him some offence. But he greatly **relieved my mind** by putting a chair for me at the table, and saying, very affably, 'Now, six-foot! come on!'» (DC); «Having **relieved her mind of these disclosures**, she partook of shrimps and porter, and evinced a disposition to swear eternal friendship» (D&S); «I felt **a great weight taken off my mind by** this promise» (DC).

Важным является и то, что процесс мышления ребенка в авторской картине мира Ч. Диккенса уподобляется работе: «Fagin walked towards his home, intent upon the **thoughts** that were **working within his brain**» (OITw); «...these were the passionate considerations which, following close upon each other with rapid and ceaseless whirl, shot through the **brain** of Fagin, as every evil **thought** and blackest purpose lay **working** at his heart» (OITw).

Номинативное поле «ментальной» лексики также представлено концептом "**brain**" ("ум, умственные способности"). Номинант концепта "ум" **brain** репрезентирован в произведениях Ш. Бронте, Ч. Диккенса и Т. Хьюза: «The young gentleman had **brains** enough not to tell Jones, reasoning that East and Brown...wouldn't care three straws for any licking Jones might give them, and would be likely to keep their words as to passing it on with interest» (TBr).

Сильное душевное волнение и возбужденность приводит мысли ребенка в беспокойное состояние. Данные проявления мыслительной деятельности ребенка обозначены писателями – реалистами XIX в., в частности, Т.Хьюзом и Ш.Бронте, такими словами как **tumult** «возбуждение, суматоха», **commotion** «суматоха»: «...and then indeed he (Tom) began to listen with all his ears, and learned, to his no small wonder, that his dear and wonderful canal had not been there always - was not, in fact, so old as Benjy or Farmer Ives, which caused a strange **commotion** in his small **brain**» (TBr); «What a consternation of soul was mine that dreary afternoon! How all my **brain** was **in tumult**, and all my heart in insurrection!» (JY).

В исследуемых текстах у номинантов концепта "ум" (thought, consideration) отмечен признак «сила, мощь», обозначающих результат мыслительной деятельности. Данный признак репрезентирован Ч. Диккенсом эпитетами **fervent** «пылкий», **strong** «сильный», **passionate** «мощный»: «But there was one **thought**, scarcely shaped out to herself, yet **fervent** and **strong** within her that upheld Florence when she strove and filled her true young heart, so sorely tried, with constancy of purpose» (D&S).

Номинант концепта "ум" **wits** «ум, разум» представлен только в авторской картине мира Ч. Диккенса и Ш. Бронте. Словосочетание **in perfect possession of one's wits** «обладать разумом» описывает состоя-

ние полного сознания ребенком происходящего: «Now came a pause of ten minutes, during which I, by this time **in perfect possession of my wits**, observed all the female Brocklehursts produce their pocket-handkerchiefs and apply them to their optics» (JY).

В произведениях Ш. Бронте и Ч. Диккенса отмечено употребление фразеологизмов **collect / gather wits** «собраться с мыслями»: «I **collected** a little more of my **scattered wits**» (GrEx); «I was puzzled. Ere I had **gathered my wits**, the classes were again seated» (JY). Замешательство и страх приводят ребенка к растерянности и потери способности мыслить. Ребенку трудно сосредоточиться и мысли его могут быть рассеянными - **scattered wits** (см. пример выше), или же разум ребенка может быть встревожен ожиданием опасности: «Confused as Catherine was, **her wits** were **alert** at applying our conversation» (WutH).

Как отмечалось выше, в состав концептуальной сферы “разум” входят не только концепты “ум”, “мышление”, “сознание”, но и “память”.

В исследуемых произведениях концепт “**memory**” (“память”) представлен следующими языковыми средствами: существительными **memory**, **recollection**, глаголами **remember**, **recall**, **recollect**, фразеологическими единицами **call / bring to mind**, **raise in mind**, **come upon one`s mind**, **turn over in mind**, устойчивыми словосочетаниями **be present in mind** и **run on**.

Одним из излюбленных средств объективации концепта “память” в произведениях английских писателей – реалистов XIX в. являются единицы **remember** и **recall** «помнить, вспоминать»: «I had my own reasons for being dismayed at this apparition; too well I **remembered** the perfidious hints given by Mrs. Reed about my disposition» (JY); «The more I thought of the fight, and **recalled** the pale young gentleman on his back in various stages of puffy and incrimsoned countenance, the more certain it appeared that something would be done to me» (GrEx). Дети, как существа чуткие и восприимчивые, помнят все происходящее (происходившее) в их жизни.

Воспоминания в авторской картине мира Ч. Диккенса концептуализируются через признак «место обитания»: «It was natural that, in the midst of her affliction, she should often revert to that sweet young lady of whom she had only caught a hasty glance, but whose sympathy, expressed in one slight brief action, **dwelt in her memory** like the kindnesses of years»(OldSh). Воспоминания хранятся в сердце: «Maggie never forgot any of these moments when her father «took her part»; she kept them **in her heart**, and thought of them long years after, when every one else said that her father had done very ill by his children» (MillF).

Дж. Элиот, Т. Хьюз, Ш.Бронте концептуализируют воспоминания как «поток, течение, цепь»: «She read so eagerly and constantly in her three

books, the Bible, Thomas Æ Kempis, and the «Christian Year» (no longer rejected as a «hymn-book»), that they filled her mind with a continual **stream** of rhythmic **memories**» (MillF); «And then the old **memories rushed** back again, but softened and subdued, and soothing him as he (Tom) let himself be carried away by them» (TBr); «For some time his excitement, and the **flood of memories** which chased one another through his brain, kept him from thinking or resolving» (MillF); «But if Oliver, under these influences, had remained silent while they journeyed towards his birth-place by a road he had never seen, how **the whole current of his recollections** ran back to old times» (OITw); «I had to stem **a rapid rush of retrospective thought** before I quailed to the dismal present» (JY).

Характерным языковым средством обозначения концепта «память» в английской реалистической прозе XIX в. выступают существительные **memory** и **recollection** «память, воспоминание»: «In those days I was young, and all sorts of fancies bright and dark tenanted my mind: the **memories** of nursery stories were there amongst other rubbish» (JY); «There was a coarse, dingy man, of whose face Tom had **some vague recollection**, sitting in his father's chair, smoking, with a jug and glass beside him» (MillF).

В произведениях Ч. Диккенса встречаются сочетание глаголов **rise/ waken up** «пробуждать» с существительным **memories**: «Crawling forth, from day to day, to some green sunny spot, they have had such **memories wakened** up within them by the sight of the sky, and hill and plain, and glistening water» (OITw); «How could she ever have thought of bidding them farewell in triumph, when the **recollection** of the many hours she had passed among them **rose** to her swelling heart, and made her feel the wish a cruelty» (OldSh).

Отличительной чертой языка Ч. Диккенса при репрезентации концепта «память» является использование большого спектра фразеологических единиц и устойчивых словосочетаний - **call / bring to mind, raise in mind, come upon one's mind, be present in mind, run on**: «This **brought to mind** her bird, her poor bird, who hung there yet. She wept bitterly for the loss of this little creature» (OldSh); «Upon her bed of ashes, and amidst the squalid horrors through which they had forced their way, visions of such scenes—beautiful indeed, but not more beautiful than this sweet reality—had **been always present to her mind**» (OldSh); «She softened more and more while saying this and cried so much over the unwonted little home-picture **she had raised in her mind**» (BH); «But, another glance around **called to her mind** all that had lately passed, and she sprung from her bed, hoping and trustful» (OldSh); «I had plenty to think of, therefore, besides **my mind running continually** on the kind of place I was going to - which was an awful speculation» (DC); «He was a person of great power

in my eyes; that was, of course, the reason of my mind **running on him**» (DC); «For, I **called to mind** now, that she was equally accomplished in the terms of our trade, and the names of our different sorts of work, and our various tools» (HT).

Интерес - неотъемлемая часть ментальной сферы, в частности сферы познания, так как стимулирует человека к исследовательской и познавательной активности. Интерес повышает способность человека к восприятию и обработке поступающей из внешнего мира информации. Интерес является исключительно важным видом мотивации в развитии навыков, знаний и формирования интеллекта.

Как и все эмоциональные концепты, «интерес» имеет сложную структуру, включающую в себя суммарное человеческое знание, представление об эмоции интереса, самом человеке как ее субъекте и ее возможных объектах.

Концепт “**interest**” (curiosity) в английском языке передается различными языковыми средствами: существительными **interest** «интерес», **curiosity** «любопытство», **inquisitiveness** «любопытство», **thirst** «жажда», **inquiry** «интерес», **enthusiasm** «энтузиазм»; предикативными конструкциями **be curious** «проявлять любопытство», **be interested** «интересовать», глаголами **wonder** «интересоваться», **investigate** «расследовать», **stare** «смотреть пристально», **gape** «разинуть рот от удивления», **pose** «выведывать», **pry** «любопытствовать», **search** «искать», **absorb** «поглощать», **burn with curiosity** «сгорать от любопытства», **question** «спрашивать», **take an interest in** «заинтересоваться», прилагательными **curious** «любопытный», **interesting** «интересный», **inquiring** «пытливый», **inquisitive** «любопытный», **peery** «любопытный».

В детских образах английской реалистической прозы XIX века «интерес» репрезентируется практически всеми вышеуказанными единицами, а именно: существительными **interest** «интерес», **curiosity** «любопытство», **enthusiasm**; **thirst** «жажда», **inquiry** «интерес», глаголами **wonder** «интересоваться», **stare** «смотреть пристально», **absorb** «поглощать», **question** «спрашивать», **take an interest in** «заинтересоваться», предикативными конструкциями **be curious** «любопытствовать», **be interested** «интересовать», прилагательным **interesting** «интересный», **curious** «любопытный».

Номинативное ядро концепта “интерес” образовано глаголом **wonder** «интересоваться» и предикативной конструкцией **be interested** «быть заинтересованным». Данные номинанты отличаются высокой частотностью употребления в авторской картине мира английских писателей – реалистов XIX в.: «I felt apprehensive that I **was** personally **interested** in this dialogue, and sought Mr. Murdstone’s eye as it lighted on mine» (DC); «

... he sat and looked out of it **wondering** as the great iron gates flew open» (VF). Глагол **wonder** и предикативная конструкция **be interested** указывают на эмоцию средней степени интенсивности.

Концепт “интерес” репрезентируется в авторской картине мир Ч. Диккенса и С. Батлера такими словосочетаниями, как **take an interest in**, **have an interest in** «интересоваться»: «We **took an interest in** the health of everyone in the village whose position rendered a repetition of the dole in the least likely» (WayFI); «As I could hardly hope for a more favourable opportunity of putting a question in which I **had a near interest**, I said to Mrs. Micawber: ‘May I ask, ma’am, what you and Mr. Micawber intend to do? « (DC).

Ч. Диккенс и Дж. Элиот описывают интенсивность проявления интереса посредством таких эпитетов, как **increasing** «возрастающий», **great** «большой», **near** «ближайший», **strong** «сильный», **wondering** и субстантивного словосочетания **a keenness of interest** «острота интереса»: «...and she wondered, **with a keenness of interest** that no theologian could have exceeded, whether, if the Devil were really present, he would know her thoughts» (MillF); «With her hand upon her brother’s shoulder, Louisa still stood looking at the fire. Her brother glanced at her face with **greater interest** than usual» (MillF); «...the child continued to gaze upon the passing crowd with a **wondering interest**» (OldSh); «...while Tom was leaning forward on both elbows, and looking with increasing admiration at the dog and the donkey. «And you don’t mind that?» said Tom, with **strong curiosity**» (MillF).

В структуре концепте “интерес” выделяются признаки «глубина» и «рост»: **deep interest** «глубокий» и **increasing interest** «возрастающий»: «She felt a curious kind of pleasure in lingering among these houses of the dead, and read the inscriptions on the tombs of the good people passing on from one to another with **increasing interest**» (OldSh); «This book I had again and again perused with delight. I considered it a narrative of facts, and discovered in it **a vein of interest deeper** than what I found in fairy tales» (JY).

Составляющим концепта “интерес” является любопытство. Одним из основных средств обозначения любопытства в английской реалистической прозе XIX в. служит прилагательное **curious** «любопытный, интересующийся», которое обозначает острый интерес к тому или иному явлению, предмету или действию, в отличие от **interest**, подразумевает любознательность: «I was so **curious** to know, that I made up my mind to have it out with Mr. Peggotty» (DC).

Обращает на себя внимание частое употребление в авторской картине мира Ч. Диккенса, Дж. Элиот существительного **curiosity** в функции прямого дополнения к глаголам **awaken** «будить, пробуждать» и **excite**

«возбуждать»: «Philip, at the other end of the room, was busy with two volumes, with a look of contented diligence that **excited Maggie's curiosity**» (MillF); «I told him I would do so, with all the interest and **curiosity** that his preparation **awakened**» (GrEx).

Концепт “интерес” на лексическом уровне в произведениях английских писателей – реалистов XIX века включает признак внимание.

В исследуемых произведениях признак концептам “интерес” внимание отражен в слове **attention**. Внимание ребенка привлекают различные предметы, явления, события и т.п. Одним из излюбленных средств выражения внимания в исследуемых текстах служит словосочетание **call / attract attention** «привлекать внимание»: «After dinner Benjy **called attention** to a wart which Tom had on the knuckles of his hand» (TBr); «Looking down, she recognised Kit, whose endeavors to **attract her attention** had roused her from her sad reflections» (OldSh).

У ребенка, испытывающего интерес к предмету, человеку, ситуации или явлению, возникает желание исследовать объект интереса, познать его, принять участие в происходящем, испытать новые ощущения. Одним из внешних демонстрантов интереса является фиксация взгляда на объект, представляющий интерес. Взгляд **может быть любопытствующим, очень пристальным, наблюдающим: look curiously / intently/ inquiringly, with observing eyes, stare with interest, peer, gaze, glance keenly, fix one's eyes**: «'But what is your opinion, Peggotty?' said I. I asked her, and **looked curiously** at her, because she looked so curiously at me! « (DC); «Here Tom came lounging in, and **stared** at the two with a coolness not particularly savouring of **interest** in anything but himself, and not much of that at present» (HT).

Ребенок выражает заинтересованность в познании новых явлений, прислушиваясь к беседе. В анализируемых текстах у всех писателей «слуховой» интерес ребенка обозначается глагольными словосочетаниями **listen with great interest / listen with ears / listening with the deepest attention** «слушать с большим интересом»: «And after surveying the whole tenderly, old Benjy... told tales of the gallant bouts of forty years back, to which Tom **listened with all his ears and eyes**» (MillF).

Сильное проявление заинтересованности Т. Хьюз передает устойчивым словосочетанием **be all eyes** «быть поглощенным, весь во внимании» и **open-mouthed interest**: «Tom's turn came last, and meanwhile he **was all eyes**, looking first with awe at the great man, who sat close to him» (TBr); «Tom showed such undisguised and **open-mouthed interest** in his narrations that the old guard rubbed up his memory» (TBr).

Известно, что интерес обладает различными оттенками - легкий (light, slight), серьезный (serious) интерес. В ряде случаев для описания

всепоглощающего интереса могут применяться предикативные конструкции типа **be absorbed** «поглощенный», которые демонстрируют в авторской картине мира Ч. Диккенс, Ш. Бронте, Дж. Элиот **вовлеченность**, высокую заинтересованность ребенка: «I found Burns, **absorbed**, silent, abstracted from all round her by the companionship of a book, which she read by the dim glare of the embers» (JY); «So she kept a few yards behind them, unobserved by Tom, who was presently **absorbed** in watching for the pike» (MillF).

Особо выделяется совокупность признаков **interesting** «интересный» в **атрибуции тех или иных объектов**: «Each picture told a story; mysterious often to my undeveloped understanding and imperfect feelings, yet ever profoundly **interesting**: as interesting as the tales Bessie sometimes narrated on winter evenings» (JY).

Для полноты раскрытия концепта «интерес» при описании языкового образа ребенка, необходимо учитывать и те контекстуальные ситуации, в которых концепт «интерес» выражен имплицитно. «Tom walked along, and Lucy trotted by his side, timidly enjoying the rare treat of doing something naughty, - excited also by the mention of that celebrity, the pike, about which she was quite uncertain whether it was a fish or a fowl. Maggie saw them leaving the garden, and **could not resist the impulse** to follow» (MillF). Таких примеров в анализируемых текстах достаточно, чтобы у читателя создалось впечатление об английских детях XIX века, как о детях любопытных и любознательных.

Проведенный анализ концепта «интерес» при описании детских образов показал, что концепт представлен признаками: а) **любопытство**; б) **внимание**. В исследуемых произведениях не обнаружены такие единицы, как engross, nose, pry, investigate, inquiring, inquisitive, nosy, peery.

Итак, данное исследование показало, что авторами используется примерно сходный набор языковых средств для объективации исследуемых концептов, но вместе с тем имеются и авторские отступления. Разные аспекты внутреннего мира ребенка концептуализируются по-разному.

Как следует из анализа текстов, концептуальная сфера «разум» выявляет характер протекания мыслительных процессов у английских детей XIX в. и в ней в большей степени присутствует абстрактная лексика, при этом отмечается значительно меньшее применение концептуальных метафор.

Литература

- Бабенко, Казарин 2004:** Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. 2-е изд. М.; Флинта: Наука, 2004
- Красных, 2003:** Красных В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., Гнозис, 2003
- Кубрякова 2004:** Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1
- Попова, Стернин 2006:** Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006
- Фесенко 1999:** Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: Опыт концептуального моделирования. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999

Список художественной литературы:

1. Austin Jane. Mansfield Park. – Интернет–версия. Ссылка: www.classicreader.com
2. Brontë Charlotte. Jane Eyre. М., 1952.
3. Brontë Emily. Wuthering Heights. Penguin Books., 1994.
4. Butler Samuel. The Way of All Flesh. – Интернет–версия. Ссылка: www.amazon.com
5. Dickens Charles. David Copperfield. Penguin Books., 1994.
6. Dickens Charles. Dombey and Son. Oxford University Press., 1999.
7. Dickens Charles. Great Expectations. Tor classic. NY., 1998.
8. Dickens Charles. Hard Times. Penguin Books., 1994.
9. Dickens Charles. The Adventures of Oliver Twist. М., 1955.
10. Dickens Charles. The Old Curiosity Shop. М., 1952.
11. Eliot George. The Mill on the Floss. Oxford University Press., 1998.
12. Gaskell Elizabeth. Wives and Daughters. – Интернет–версия. Ссылка: www.classicreader.com
13. Hardy Thomas. Jude the Obscure. – Интернет–версия. Ссылка: www.classicreader.com
14. Hughes Thomas. Tom Brown's Schooldays. – Интернет–версия. Ссылка: www.classicreader.com
15. Thackeray William. Vanity Fair. Penguin Books., 1994

Список принятых сокращений

1. JY – Brontë Charlotte. Jane Eyre.
2. WuthH – Brontë Emily. Wuthering Heights.
3. WayFI – Butler Samuel. The Way of All Flesh.
4. DC – Dickens Charles. David Copperfield.
5. D&S – Dickens Charles. Dombey and Son.
6. CrEx – Dickens Charles. Great Expectations.
7. HT – Dickens Charles. Hard Times.
8. OITw – Dickens Charles. The Adventures of Oliver Twist.
9. OldSh – Dickens Charles. The Old Curiosity Shop.
10. MillF – Eliot George. The Mill on the Floss.
11. W&D – Gaskell Elizabeth. Wives and Daughters.
12. Jude – Hardy Thomas. Jude the Obscure.
13. TBr – Hughes Thomas. Tom Brown's Schooldays.
14. VF – Thackeray William. Vanity Fair.

А. М. АБДУРАХМАНОВ
(г. Махачкала)

**ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ
И РАЗВИТИЯ САТИРИЧЕСКОГО РАССКАЗА В
ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРАХ
ДАГЕСТАНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Фольклор и литература народов Дагестана и Северного Кавказа отражают непрерывную связь веков, единую линию художественного процесса устной и письменной духовной культуры. Применительно к нашей постановке вопроса эта связь раскрывает общие и специфические особенности мышления в традициях сатиры и юмора многих народов Кавказа. Мы попытаемся осветить некоторые аспекты процесса формирования сатирического рассказа в северокавказской полиэтнической литературной системе, проследить его общие и специфические особенности.

Северо-Кавказский регион, на исторической арене которого наблюдалось перемещение множества племен и народов с различными социальными и культурными особенностями, в частности, со своим взглядом на сатиру и юмор, наложившим отпечаток на специфику формирования жанров сатирической прозы, представляет интерес в решении многих проблем фольклорно-литературных взаимосвязей.

Как известно, существенную роль в формировании сатирического рассказа в литературах данного региона сыграл фольклор с его разнообразными жанрами. Богатая устная сатирическая проза региона, интенсивно используемая писателями и сегодня, не стала еще предметом научного анализа и оценки. Не изучены и роль народной сатиры в формировании литературных жанров, пути проникновения и характер ее проявления в индивидуальном творчестве, отдельные аспекты формирования сатирического образа в современном рассказе.

Формы и характер взаимосвязей фольклорного и литературного рассказа сложны и многообразны, порой неуловимы, трудно поддаются

анализу. В рассматриваемом регионе этот процесс в силу духовной и географической близости его народов был всегда чрезвычайно интенсивным, фольклор здесь лег в основу формирования многих жанров литературы. В современную же эпоху развивается и другая, еще не изученная нами особенность – обогащение фольклора через литературное влияние. Поэтому исследование этих процессов не замыкается лишь на проведении параллелей, схождений, а превращается в сложную проблему типологического сочетания фольклорного и литературного начал.

Наблюдения над процессом создания сатирико-юмористического рассказа в Северо-Кавказском регионе обнаруживают общую особенность: в собственно литературном рассказе автор более свободен в выборе сюжета, композиции, образов и художественных средств, в то время как в сатирико-юмористическом его творческая свобода относительна и зависит от отраженных в устном рассказе варьирующихся комических ситуаций, проявляющихся во всех сферах повседневной жизни человека.

Сатирико-юмористический пласт в традиционном и современном фольклоре, отличающийся национальным и общерегиональным своеобразием отражаемых художественных явлений и характеров, представляет собой живое, постоянно обновляющееся звено в общей традиции проникновения устного творчества в литературу. Народная сатира развивалась в соответствии с общественно-политическими и социально-экономическими изменениями в обществе и в конечном итоге легла в основу сатирического направления зарождающейся письменной литературы.

Таким образом, формирование сатирических жанров, в частности сатирико-юмористического рассказа на Северном Кавказе, шло через постоянно взаимодействующие традиции фольклорной основы и письменной художественной литературы. При этом связь сатирических рассказов дагестанской и северокавказских литератур с устным народным рассказом проявляется не в механическом заимствовании литературой эпизодов или сюжетно-образной системы фольклора, а в синкретическом единстве его элементов с эстетико-художественными критериями сатирических жанров: компоненты сатиры устного повествования, подчиненные содержанию, форме и назначению литературного произведения, выступают как художественные средства создания комических ситуаций и сатирико-юмористических образов.

Примеров в художественной литературе, подтверждающих вышеприведенные мысли, множество. Например, в лирической повести Р. Гамзатова «Мой Дагестан», серьезные, жизненно важные общественные и

социальные проблемы ставятся посредством легкого юмора и иронии. В сущности, зарисовки «Абуталиб сказал» – органическое слияние народных юмористических рассказов с индивидуальным художественным творчеством, литературная интерпретация народного комического мышления, осмысление его художником в сатирико-юмористическом ключе. Очевидно, обращение Р. Гамзатова к Абуталибу, в образе которого отражены особенности народного мышления, не случайно и прямо соотносится с литературным кредо поэта, который писал: «Для меня первоэлементом в поэзии является устное народное творчество» [Гамзатов 1969: 5]. Жанровая природа, истоки и особенности бытования в народе рассказов Абуталиба, работа художника над их переработкой еще станут объектом специального рассмотрения, но несомненно одно: в основе этих сатирико-юмористических зарисовок лежат глубинные пласты устного народного творчества, причем не одного народа. По-народному остроумны сатирико-юмористические рассказы-миниатюры А. Гафурова, известные нам тоже в записях Р. Гамзатова. Эти рассказы, обличая негативные явления современности, имеют под собой фольклорную почву. На первый взгляд они кажутся безобидной шуткой, но заключают в себе глубокий философский подтекст, иной раз поднимают большие проблемы общественной, социальной и культурной жизни в масштабах всей страны, обнажают социально-нравственные корни общечеловеческих пороков. Резкой сатирической окраской отличается, например, такая миниатюра: «Занимающий важную должность человек растолстел. Когда должность освободилась, стали думать, кого бы теперь на нее поставить. Абуталиб сказал: – Нужно найти самого тощего человека!» [Гафуров 1977: 154]. Остроумие народного поэта в данном случае в том, что не указывая на сущность обличаемого явления, он создает образ, взятый совершенно в другой плоскости, но у каждого из слушателей возникает точная ассоциация, и факт приобретает общественную значимость, затрагивая противоречия социально-нравственного порядка, из-за чего явление приобрело новое содержание, актуальное для нашего общества на данном этапе.

Внимательный анализ показывает, что этот рассказ появился не на пустом месте: тема и идея его подсказаны самим народом, его фольклором, который органически вошел в творчество художника. В основу рассказа мог лечь, например, устный рассказ. «На колхозном отчетно-выборном собрании критиковали работу председателя правления, который в последние годы больше беспокоился о своем благополучии, чем о колхозных делах. Вопрос о его освобождении от должности был почти решен, когда слово попросил один из колхозников, который сказал:

– Товарищи! Чем начинать откармливать нового председателя, не лучше ли нам переизбрать старого, уже сытого» [Взаимосвязи... 1986: 56].

Обличение явления в целом, а не конкретного лица – характерная черта дагестанских и северокавказских устных сатирико-юмористических рассказов. Это признак проявления живого интереса литературы к традициям фольклора, дающего качественно новый импульс в эстетико-художественной оценке специфических сторон национального быта.

В персонажах сатирических рассказов ясно прослеживается отношение автора к обличаемому явлению. Его участие почти всегда незримо, оно выявляется в лирических отступлениях, отдельных репликах при оценке событий, разъяснениях читателю предыстории образа, ситуаций, за которыми угадывается авторская позиция. Такие явные авторские оценки, вносящие структурно-композиционные изменения в сатирический рассказ, мы наблюдаем у Х. Авшалумрва («Встреча у родника»), Х. Кациева («Черный джин», «Дальние родственники»), С. Панеша («Новоселье», «Человек принципа») и др.

В генезисе сатирического рассказа в ряде северокавказских литератур заложен народный хапар (хабер, хабар) – повествование с некоторым вымыслом, в основе которого – происходившее в действительности событие. В большинстве из них отражаются социальные и нравственные противоречия в обществе. Например, на одной из горских свадеб в Кабардино-Балкарии между двумя гостями сложились взаимоотношения, тут же вылившиеся в устный сатирический рассказ: «На свадьбе бедный, но известный в народе певец Исмаил пел песни. Народ слушал его и наслаждался. Один из богачей с целью унижить певца в глазах присутствующих громко, чтобы все слышали, сказал:

– Несчастный Исмаил! Когда ты образумишься? Всю жизнь трещишь, как сухой бубен. Неужели петь песни ты считаешь делом, достойным серьезного мужчины?

Певец, нисколько не растерявшись, поднялся, спокойно погладил усы, которые он закладывал за уши (так они были длинны), и еще громче, чем богач, сказал:

– Верно, почтенный, я не бью плеткой никого. И ты имеешь основание считать меня несерьезным мужчиной. У тебя плетка, а у меня – песня. Я освещаю сердца, ты омрачаешь их. Так знай же: человек с песней – это всадник, а без нее он пеший! В твоей холодной душе не может гнездиться песня, так же как и доброта. Вот ты и есть тот пеший, которому за мной не угнаться» [Кулиев 1959: 6-7].

Диалог людей, враждебно настроенных друг к другу на почве их социального положения в обществе, окрашенный едкими сатирическими

нотками, народ сохранил в устном рассказе, который впоследствии использовал К. Кулиев. В идейно-тематическом и художественном отношении этот устный диалог, как и предыдущий рассказ, интересен тем, что в нем отражен механизм складывания литературного сатирического рассказа. Ввиду социальной актуальности и остроты конфликта, рассказ произвел эмоциональное воздействие на участников свадьбы и сохранился в народной памяти.

В фольклоре и литературах Северо-Кавказского региона бытуют мотивы бродячего древнегреческого сюжета о единственной овце. В русской лингвистической науке этот сюжет приводится А. Потебней как басенный. В дагестанском и северокавказском фольклоре и художественной литературе он приобрел вид притчи или устного юмористического рассказа. В сюжете Потебни богач, имеющий отару овец, зарезал для гостя-путника единственную овцу крестьянина [Потебня 1976: 467], в аварском – богач сам напросился, чтоб бедняк содержал свою овцу вместе с его отарой. Потом, услышав от богача, что его овечку растерзал волк, бедняк сказал:

– Мне жаль этого волка.

– Почему тебе жаль волка?

– Ох и трудно же, наверное, ему было отыскать среди двух тысяч твоих овец мою единственную овечку [Халидова 1974: 21].

Чеченский вариант: «Крестьянин отвел свою единственную козу к пастуху и оставил ее в отаре. Через несколько лет, увидев, что от нее нет приплода, крестьянин спросил у пастуха:

– Слушай, вспомни, сколько лет прошло с тех пор, как я женился. Ты ведь гулял на моей свадьбе?

– Да, наверное, года три прошло. А что?

– За эти три года моя жена успела родить трех сыновей. Неужели за это время моя коза не принесла ни одного козленка?

Пастух оправдывался тем, что стало много волков, что орлы тоже часто уносят козлят. Тогда крестьянин воскликнул:

– Странно, кто же им про мою метку сообщил?!» [Взаимосвязи... 1986: 62].

Такие устные рассказы выступают уникальным источником сюжетов для создания сатирико-юмористического литературного рассказа. Как видим, сюжет в каждом случае несколько видоизменен, сохранены только мотив единственной овцы и социальные ситуации, связанные с ней. В примере А. Потебни основной ориентир делается на обнаженность социальных аспектов, почти исключен юмор, в то время как в дагестанском и чеченском текстах эту обнаженность прикрывает чисто горский юмор иносказательной речи. Можно было бы отметить и ряд от-

личительных художественных моделей завуалированного выражения народной мысли.

В силу многочисленных интерпретаций в фольклоре и литературе такие сюжеты потеряли свою первичную фольклорность, под влиянием литературных обработок появилось множество вариантов как в фольклоре, так и в литературе. Выступая иногда как самостоятельные, образы стали ярче и конкретнее, а главное – приобрели национально-специфическую окраску.

На начальных стадиях формирования литературного сатирического рассказа наблюдались интерпретации и заимствования целых сюжетных ситуаций и образов устного народного творчества, т. е. «генетическая идентификация литературы с фольклором выражалась в заимствовании литературой фольклорных жанров, сюжетов и образов...» [Далгат 1981: 32]. Поиски в этом плане обнаруживают богатейшие источники не только в фольклоре рассматриваемого региона, но и во всей восточной и европейской классике. В литературе эти традиции обогащаются психологической мотивировкой современных тенденций жизни, приобретая в каждой национальной литературе свои специфические особенности. В адыгейской литературе это характерно, например, для образов С. Панеша. В рассказе «Скупец» [Панеш 1981: 174], где обрисован сатирический образ Гапура, невероятного скупца («...Если нужно раскурить трубку, он сначала расколлет спичку ножом пополам, одну половину зажжет, а вторую спрячет обратно в коробок...»), автор приводит устный рассказ-легенду о разделе имущества между братьями после смерти отца, полностью подчинив ее идее и художественным целям литературного рассказа. Скупец при неожиданном появлении гостя лихорадочно прячет под кучей золы испеченную картошку, но гость, успевший заметить это, рассказывая легенду и показывая на кучу золы, как братья делили имущество, как бы случайно натывается на картошку: «Из-под щипцов выкатилось несколько подрумяненных, ароматных картофелин». Аналогичные примеры мы могли бы найти в антирелигиозных рассказах Ю. Гереева, С. Панеша («Братья Шеваековы»), Х. Кациева («Ад и рай»), А. Веджижева («Как я был в аду») и др. В них раскрывается атмосфера различных эпох, характер горца, отражается национальная специфика борьбы нового мышления с отсталостью.

Определенную лепту в формирование рассказа внесли сказки, рассказы, анекдоты, басни, заключающие в своей основе занимательные и аллегорические подтексты, полные юмора, иронии и сатиры. Обличительный или назидательный пафос таких повествовательных форм во многом способствовал рождению и формированию множества разновидностей литературного сатирического рассказа. Такой рассказ

представляет собой интерес в эстетико-художественном отношении, отличаясь, с одной стороны, лаконичностью, неожиданностью выхода из ситуации, с другой – вызывая у слушателей (читателей) сожаление, смех, иногда едкую насмешку.

Несколько примеров из различных жанров устной прозы. Притча: «В одном из горных аулов случился пожар: горел дом. Всем аулом, кто в чем таскали воду из единственного родника и тушили пожар. Заметили, как ласточка летит к роднику, набирает в клюв капли воды, прилетает к дому, где пожар, и, капнув свои капли, летит за следующей порцией воды. Люди спросили ее:

– Весь аул таскает воду и не может потушить пожар. Что сделают твои капельки?

– В этом доме мое гнездо. Кроме того, каждое утро хозяин слушал мои песни, – ответила ласточка»¹.

Детский рассказ: «Два мальчика украли петуха»: «Один мальчик, когда встречал хозяина краденного им петуха, постоянно убегал от него. Однажды хозяин остановил его и спросил: «Почему ты каждый раз, когда видишь меня, убегаешь?». Мальчик выпалил: «Я не крал твоего петуха!», а потом предупредил товарища: «Я видел того человека, у которого мы украли петуха. Он ничего не знает, смотри, ты его не бойся»².

Рассказ «Хромой телетлинец» построен на различии языковых моделей аварских диалектов, юмор заключен в самой ситуации: «Лошадь, испугавшись чего-то, сбросила с себя седока - хромого от рождения телетлинца. Оказавшиеся в том месте андийцы, думая, что он вывихнул ногу, схватили его за хромую ногу и принялись тянуть ее изо всех сил. Телетлинец завопил от боли и крикнул им: «Не тяните меня за ногу, я таким родился!», но андийцы, не понимая аварского языка, стали тянуть за ногу еще сильнее прежнего. К счастью хромого, вскоре подъехал человек, знавший и аварский и андийский языки. Он разъяснил андийцам их ошибку» [Книжка... 1899: 7].

Приведем рассказ, записанный П. К. Усларом, в котором отражена специфика горского уклада жизни: «У цудахарца в горах разбился осел. Каждый из аульчан приходил выразить соболезнование по этому поводу, и, естественно, хозяину всякий раз приходилось пересказывать, где, когда, как это случилось. Разозлившись на нескончаемые расспросы, он собрал весь джамаат аула, повел на то место и сказал: «Мой осел погиб, упав отсюда вниз, вон там разбился насмерть. Вы мне надоели

¹Записано нами в 1986 г. от М. Гайдарова, 1893 г.р. (с. Унцукуль, Унцукульский район ДАССР).

²В Дагестане устраивались петушинные состязания, в связи с чем крали петухов.

все, заставив меня пересказывать каждый раз, откуда он упал, когда как все случилось, а теперь сами можете все увидеть»¹.

Сатирические рассказы про служителей культа – наиболее распространенная разновидность жанра рассказа в фольклоре, однако недостаточно используемая в художественной литературе Северо-Кавказского региона. Между тем эти рассказы обладают типологической общностью своего генезиса.

Несколько примеров для сравнения. Чеченский народный рассказ «Дети и мулла» рисует характер муллы на основе специфики его жизненного уклада. Рассказ носит анекдотический характер, но ассоциируется с жизненными реалиями: «Мулле надоели дети своими расспросами, и он решил обмануть их: «Там внизу дают садакъа. Бегите, вам тоже дадут». Дети с шумом побежали, глядя на них, побежали и другие соседские дети. Увидев, что все дети бегут к этому месту, мулла подумал: может, действительно дают садакъа, и сам тоже побежал» [Услар 1888: 124].

По своей тематике, методике создания образной аллегории, использованию художественных средств тесно примыкает к вышеуказанному рассказу чечено-ингушский народный рассказ «Черт с зурной»: «Ходил черт с зурной через плечо, спросили у него: «Что это за зурна?». Черт ответил, что он на ней играет каждый раз, когда мулла дает милостыню бедным. А на вопрос: «Много ли он играл на ней?» черт ответил: «Живу я на свете девятьсот лет, но еще ни разу не издал на ней ни звука» [Мальсагов, Ошаев 1963: 19].

Сатирически острый этюд «Дай» и «на» («Да» и «нет») в различных вариациях бытует у народов Дагестана, Северного Кавказа и всего общекавказского региона, где как анекдот, где как сказка, где как новелла-рассказ, а где и как быль.

Черкесский вариант рассказа: «Мулла, возвращаясь ночью домой, завяз в болоте и не смог до утра выбраться из него. Утром некто, проходивший мимо, протянул мулле руку, чтобы вытащить его, и сказал «дай» (подразумевая руку. – А. А.). Мулла отказался. Бедняк не знал, как ему поступить, пока другой прохожий не посоветовал ему, протянув руку, сказать не «дай», а «на». Мулла тут же ухватился за руку и был вытащен из болота» [Караева 1961: 18].

Грузинский вариант рассказа под названием «Упрямая жена»: «Муж за упрямство бросил жену в реку с условием, что он вытащит ее из воды, если она скажет «да», но жена все твердила «нет». Когда же те-

¹ Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Хюркилинский язык. С.340. Рукопись. (Хранится в научной библиотеке Дагестанского научного центра РАН).

чение унесло ее, муж пожалел и побежал по течению реки вниз, чтобы вытащили ее, но не нашел. Случайно оказавшийся на мосту чабан, вникнув в суть дела, посоветовал ему: «Не там ты ищешь ее. Тебе надо идти вверх, против течения воды, вон к тому мосту; такая жена разве по течению пойдет...»¹.

Подведем итоги. Приведенные рассказы по идее, приемам создания отрицательных образов идентичны. В рассказе «Дай» и «на» народ в образе муллы выделил одну черту: жадность, доходящую до абсурда. Нет сопутствующих, разъясняющих характер моментов, но, как понимает народ; он другим не может быть: природа ремесла муллы четко вписывается в эпизод этого рассказа, как и рассказа «Мулла и дети». Первейшая заповедь муллы – только получать, но не отдавать – раскрывается в игре слов «дай» и «на» и заключает в себе множество градаций: от легкой иронии до едкого сарказма. А идея, вложенная в короткий метафоричный рассказ «Черт с зурной», выходит за грань показа одной только жадности муллы. В черкесском рассказе мулла был конкретным, единичным и поэтому несколько индивидуализированным, а здесь единой чертой характера объединены все муллы всех времен, а черт – постоянный свидетель их жадности – вынужден ждать веками, пока мулла исполнит первейшую заповедь мусульманина – «дать милостыню бедным». Зурна, хоть и символ веселья, обречена на вечное молчание.

Устный рассказ по своей жанровой природе – это одна из форм проявления общественного сознания народа. Диалектика развития непременно приводит его к традиции художественного индивидуального творчества, так как «под устными рассказами можно понимать и весьма обширную область речевой практики» [Азбелев 1964: 133]. Потенциальные возможности использования устных сатирических рассказов в литературе практически неисчерпаемы, ибо они чрезвычайно распространены и бытуют у всех народов во всех сферах человеческой жизни, обогащая литературу сюжетами, образами, мотивами, выразительностью народной речи и плодотворно влияя на ее художественные качества. Через народный юмор, иронию и сатиру художники слова выражают сущность довольно сложных явлений в обществе.

Опираясь на изобличительные, сатирические традиции фольклора, на их демократические начала, писатели-сатирики создавали идейно заостренные, социально и нравственно насыщенные произведения – Х. Авшалумов, И. Ибрагимов в Дагестане; Э. Гуртуев, Х. Кац

¹ См.: «Грузинский народный юмор». Тбилиси, 1967.

ев в Кабардино-Балкарии; А. Коцоев – в Северной Осетии; С. Бациев в Чечено-Ингушетии; И. Хубиев, И. Каракотов в Карачаево-Черкесии; С. Панеш в Адыгее; Д. Гулиа в Абхазии и т. д.

Благотворное воздействие на развитие сатирического рассказа Дагестана и Северного Кавказа оказывает и современный фольклор, который широко используется в индивидуальном творчестве писателей и активно входит в литературно-художественную традицию. Воздерживаясь от окончательных оценок, отметим лишь, что на принципах широкого использования жанра устного рассказа построены сборники рассказов дагестанских и северокавказских авторов – П. Пашаева («Хабары про Акул-Али», 1964), И. Вагабова («Чудеса Кусы», 1965); Х. Кациева («Насмешник Омар», 1969), И. Хубиева («Рассказы Алана», 1977), А. Абу-Бакара («Горцы на досуге», 1979), Э. Гуртуева («Точь-в-точь, как в жизни», 1980), С. Панеша («Букет колючек», 1981), М. Бутаева («Куркли смеется», 1981) и ряда других, воспринявших богатый опыт современного устного народного сатирико-юмористического рассказа, еще не изученного нашими исследователями.

Потенциал народного сатирического (юмористического) рассказа неисчерпаем. Только отгремели военные события в Ботлихском районе, как по следу появились рассказы, по своему смыслу и содержанию характеризующие отрицательные черты в человеке. Вот свежие записи («Корова»): «Андиец через перевал оказался на чеченской плоскости, встретил своего бывшего (до войны) кунака и, не слезая с коня (по обычаям горцев, чтобы поздороваться, надо слезать с коня. – А.А.), поздоровался с ним. Видя, что кунак расстроен чем-то, андиец спросил: «Что случилось с тобой?». В ответ тот сказал, что, пользуясь войной и бесконтрольностью властей, засеял на трех гектарах пшеницу, но нет дождей, засуха кругом. Чему же ему радоваться? Андиец посоветовал ему смыть с себя грехи: молиться и просить дождя у Аллаха. Через неделю они опять встретились и андиец спрашивает: «Ну как был дождь?»

– Всю неделю молился, просил. Дождя не было.

– У тебя, наверное, много грехов. Зарежь корову и раздай садакъа.

Прошла еще неделя, кунаки опять встретились на вопрос андийца кунак ответил:

– Молюсь, корову тоже зарезал и садакъа раздал. В Дагестане дождь пошел, у нас – ни капли.

Андиец сказал ему, что у него, наверное очень много грехов и посоветовал зарезать еще одну корову и раздать садакъа.

Когда они встретились вновь, кунак сказал, что вторую корову тоже раздал, но дождь почему-то пошел в Осетии. Андиец на это сказал:

– Я, лъачи (обращение. – А.А.), я же тебе говорил свою корову резать. Садакъа идет туда, откуда «родом» корова»¹. Будем благородны: не будем комментировать сюжет.

Таким образом, сатирический рассказ в литературах народов Дагестана и Северного Кавказа как жанр не только генетически восходит к устной народной прозе, но и сохраняет непосредственную связь с бытующими формами устного традиционного и современного повествовательного фольклора. «Эта связь может быть и неосознанной, но воздействие устной повествовательной практики конкретной эпохи, определенной этнической и социальной среды всегда можно проследить в творчестве любого писателя. Речь идет не только о словарном и стилевом влиянии, но и об идейном, тематическом и, главное, жанрово-типологическом, что особенно важно подчеркнуть» [Шубин 1974: 172].

Современный северокавказский литературный сатирико-юмористический рассказ формировался в типологически близких условиях и на богатом фольклорном материале, оказывающем постоянное воздействие на его идейно-тематические и художественно-эстетические качества. Интенсивно развивающийся на основе взаимодействия и взаимообогащения, он представляет собой своеобразный синтез национальной фольклорной традиции и художественной практики индивидуального творчества, носит характерологические черты общерегиональной эстетической культуры. В становлении этого процесса значительную роль сыграл уровень развития устной сатиры в фольклоре народов Дагестана и Северного Кавказа, «на этноязыковой карте которого зафиксировано пестрое множество зональных образований со свойственной каждому из них историко-генетической, социально-экономической, национально-культурной общностью развития» [Гамзатов 1986: 14].

Литература

Азбелев 1964: Азбелев С. Современные устные рассказы. Проблемы современного народного творчества // Русский фольклор. М.; Л., 1964. Т. 9.

Взаимосвязи фольклора и литературы народов Дагестана. Махачкала, 1986.

Гамзатов 1969: Гамзатов Р. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1969. Т. 3.

Гамзатов 1986: Гамзатов Г.Г. Преодоление. Становление. Обновление. На путях формирования дагестанской советской литературы. Махачкала, 1986. С. 14.

¹ Записано в 2000 г. от М.А. Агларова.

Гафуров 1977: Гафуров А. «Абуталиб сказал...». М., 1977.

Далгат 1981: Далгат У.Б. Литература и фольклор. Теоретические аспекты. М., 1981.

Караева 1961: Караева А.М. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. Черкесск, 1961.

Книжка для чтения. Казань, 1899. На авар. и рус. яз.

Кулиев 1959: Кулиев К. Время и песни. Балкарская народная лирика. Нальчик, 1959.

Мальсагов 1963: Мальсагов Д.Д., Ошаев Х.Д. Устное поэтическое творчество чечено-ингушского народа. Очерк истории чечено-ингушской литературы. Грозный, 1963.

Панеш 1981: Панеш С. Букет колючек. М., 1981.

Потебня 1976: Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.

Халидова 1974: Халидова М.Р. Малые дидактические жанры аварского фольклора. Махачкала, 1974.

Услар 1888: Услар. П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т.2; Чеченский язык. Тифлис, 1888.

Шубин 1974: Шубин Э.А. Современный русский рассказ. Л., 1974.

В. А. КӨАҒӨАНИА

АСАЗҚӨА ИРЫЗКУ АҒОУРЫХТӨ ЖӨАБЖЬ

(Алагалажөеи анцямтөи)

50 шықөса инөиханы ицоз Кавказтөи аибашьра 1864 шықөсазы уағөимшхарала ианхьркөшаха ашьхарыуа жөларкөа рзы, наңьнатө аахыс изкөынхоз рыдгьыл гөакьа ааныжьны, аубыхкөа реипш, мшыннырцөка (Уасмантөылака) ишхөыпкыз ахцөара зкөашьхаз иреиуахөит асазкөагьы.

Изустцөадаз асазкөа? Иабанхоз дара ьызтьпла? Етникатө хьлтц-шьтралагь изөиуадаз?

Ажөйтө хьтцхьртөкөа рөы санығаа хөа зьызбахө хөоу асазкөа¹ нхон иныкөырцшшөа азiasкөа Бзыци Хөастөи ирьбжьанакыз атцакьрадгьыл акны — Амшын Еикөа агаөа инаркны Кавказтөи ашьхарцкөа рөынза.

Асазкөа ртөыла Сазны — Ацсын хөычы хөа иашьтан.

Хөара атахны икам, асазкөа шыала-дала, хьлтцшьтрала иацсыуаан, ацсуааи дарөи бьызшөала сса-мыссатө өиөгаракөак рыман умхөозар. Уи азцөара далацөажөауа, иналукааша кавказтцөаө Ш. Д. Инал-ица гөыюбарак имамкөа иөуөит: *«Они (садзы. — В.Кө.) представляли собой значительную часть в составе абхазской этнической общности со своими существенными языковыми и этнокультурными особенностями, вытекавшими из их промежуточного положения между остальными абхазоязычными группами, с одной стороны, убыхами и адыгами, с другой»* [Инал-ица 1995: 9].

Асазшөа ацсуа бьызшөа адиалекткөа иреиуан хөа азипхьазөит Тьркөтөыла ицаны амхацьыраа рхьлтцшьтөкөа ирьөцөажөан аматериал шыахө өидьзкылахөоу абызшөатцөаө нага В. А. Чирикба [Чирикба 1995: 262].

Асазкөа абшьтрала, бицара-бицаралагьрөөиөыршон. Сазшьтөкөаөуп хөа ицхьазатөуп: чыуаа, цөыцьаа, ахчыцсаа, аибгаа, самахьхөаа уб. өгь. Асазкөа рыбжьара реальркаауан ашьакастауааи (амшын агаөа инаркны аөаөанзайкөынхоз) ашьхаруааи (ашьхара иаөанхоз). Хьлтцысаа

¹ Ақыртөуа хьтцхьртөкөа рөы — Цьыкьаа // Цьгьацаа.

// хлыпсаа хәа ирышьтан аьаьараф инхоз асазқәа,¹ Моыдаа,² хәа — ашьхарпқәа иреанхоз (ахчыпсаа, айбгаа). «По всей видимости, — иазгәеитойт В. А. Чирикба, — название ахалцыс топонимического происхождения и, согласно описаниям (турецких. — В. Кә.) садзов, относилось к узкой теснине, расширяющейся к морю на прежнем местожительстве садзов, где-то в районе Хоста-Гагра» [Марауа: 271–272].

Асазқәа ртып иахыцаанза хыпхьазарала 12-16 нызқыык иреитамызт [Анчабадзе 1984: 146]. Ма атәра, ма айбашьра хәа реапхьа азцаара анықәгыла, аурыхқәагь даргы иалырхит аубатәи: бьарла реейбытан аурыс хацәнамырха ифагылт, ашьа гәгәагь картәеит, аха еифагылаз амчқәа еикарагәышьаамызт... Шәшызынтәыку нхара хәа Кәбина ацшахәахьы шәылбаароуп, мап анакәха, шәыхцәаны Тьркәтәылака шәықәцроуп хәа адца анықәиргыла рымч змырхаз аға, амагәшхәа италар ааста мшыннырцә алырхит асаз жәлар, мышкызны хқьапқақәа хашцарызхымлари хәа агәыгра рыманы. Кавказтәи айбашьра иааирала ахыркәшара иазкыз аурыс ир рпарад ахымцапгаз асазқәа рыдгыл афы ауп — Гәыбаадәы (Хышәха) хәа апсуаа зышьтоу (иахьа Краснаиа полиана ахьзуп). Уи иагәеилкаауп: Кавказтәи айбашьраф ацыхәтәанынза афагылара кәзцаз аурыхқәеи асазқәеи роуп.

Иахьа асазқәа цсаьканы апсылман хәынтқаррақәа, еихарак Тьркәтәыла [Дзидзария 1955], ирылапсоуп, егырыгым егырт амилапқақәа ирылазварц. Баша имхәеит Б. Шьынқәба ироман «Ацынцәарах» ала «Зыпсадгыл зцәызыз, зегьы ицәызуеит» хәа...

Асазқәа ртоурых, ретнокультуратә дунеи атцаара реазыршәахьеит, уимоу инеимцарк-ааимцаркхьеит азәыры — аруаа, атоурыхтцааоцәа, аетнографцәа, афилологцәа (С. Т. Ажәанба, Л. И. Лиуле, А. В. Фадеев, Л. И. Лавров, Н. Г. Волкова, Гь. А. Зизариа, З. В. Анчабадзе, Хә. С. Бҗажәба ухәа уб. азә.).

Ш. Д. Инал-ипа 1995 шықәсазы итыпцыз «Асазқәа. Атоурых-етнографиатә очеркқәа» захьзу иусумтала акыр ишьақәеицәлеит зызбахә хәмоу атема. Аха, иага ус акәзаргы, асазқәа ирыдхәалоу азцаара гәыобарак ацымкәа ган рацәала избоуп хәа фыгәгәала ахәара удаоуп. Хара ицо алкаақәа рыкатцаразы, атцаарақәа инарымаданы, апшаарақәа ирыцатәуп абызшәатә, афольклортә

¹ Машәыршәа икалеит узхәом ашәкәыооы Д. Зантәриа асазқәа иреиуаз аҗауад лаша Гьечба Рашьыт (иахтынра ыкан Цсоу нырцә, иахьа Веселое хәа изышьтоу Урыстәыла ацакырадгыл афы) изку ажәабжь «Хылцысаа рах» хәа ахьахьитцаз.

² Аурыс хыпхыртақәа реы — медовеевцы.

материалкѳа реизгара аганахъала, еихарак — Ҙыркетѳылан, асазкѳа цѳгъам-бзиам иахъа ртыц ылхны иахъынхо-иахъынцуа.

Асазкѳа рѳоурых азы иѳамоу адырракѳа мацк иадамзаргъы иханартѳаауа цъысшьоит абрака ацъаѳо идызгало афольклортѳо хырхарта змоу аматериал. Уи анысцит цъынгѳы 12, 1997 шыкѳсазы Акѳа, занаатла ирцаѳо Евдакыа Мурат-ипцѳа Ҙарба (диит 1934 ш.) илѳѳамтаны. Излеилкаахаз ала, аинформант ланду хылцшьтѳрала сазтыцѳѳан, акѳра дугъ нылцит — 120 шыкѳса дыртысхъан лыпцѳазаара даналцуаз.

Кавказтѳи аибашъра ахыркѳшамтаз Ацсни Сазни ишьацѳылаз ауаажѳларра-политикатѳо тагылазаашъеи уи ахкъа-цкъацѳеи харгѳыланарцъуеит ажѳабжъ. Арака асазкѳа «рѳѳынцѳарра хѳыц» аиѳкаашъа аганкѳак ирылацѳажѳоуп, ирзаатгылоуп асазжѳлацѳа. Ацсуааи асазкѳеи реижърацѳара, бызшѳалеи культуралеи рацзаара хайлнаркаауаны избоит аѳѳамта. Хѳѳакахъала уи арцабыргѳеит «Радеда» ашѳа зхылцыз хѳа ажѳабжъхѳаѳо иаалго асазкѳа рлегенда. Уи алегенда цѳгъа ирыкѳѳнатѳеит «Радеда» ахылцшьтѳра иазку ацсуаа рфольклортѳо материалкѳагъы.

Азбахѳо цѳыргоуп ханцѳамтаѳы ацсуаа рзы ибѳацѳѳаган икалаз Лыхнытѳи (1866 шыкѳсазтѳи) бцъаршьтыхлатѳи ацѳылара дугъы. Иазгѳататѳны избо — еиѳахѳоу ахтысцѳеи уи азы иаадыруа аѳоурыхтѳо документкѳеи еиѳагыло икам, уимоу еикѳѳырѳѳеит, цъара-цъара ихеибартѳаауеит [Чачхалиа 2002: 158]. Ацъаѳо дацѳлымхамхарц залшом амѳацъырцѳа атѳым жѳѳанаѳтѳи рыпцѳазаара атѳы зныпшуа ацѳахѳацѳагъы.

Ажѳабжъ аѳы зызбахѳо цѳыргоу аѳоурыхтѳо хаѳсахъацѳа (Ацсны ах Махмѳтбѳеи Чачба, уи иѳа Гъаргъ Чачба, аамстацѳа Кац Маан, Ҙада Лакрба) рацѳзаргъы, аѳоурыхтѳо цѳабырг иадыруа роуп, ирыххѳаау ажѳагъы аиаша иатѳышьтѳроуп хѳа агѳыгѳра хѳамоуп.

Алитѳратура

Анчабадзе 1984: Анчабадзе Ю. Д. Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа) // Кавказский этнографический сборник. Вып. VIII. М., 1984.

Дзидзария 1955: Дзидзария Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии. Сухуми, 1955.

Инал-ипа 1995: Инал-ипа Ш. Д. Садзы. Историко-этнографические очерки. М., 1995.

Чачхалиа 2002: Чачхалиа Д. Джигетия на политической и этнографической карте Абхазии // Боденштедт. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. М., 2002.

Чирикба 1995: Чирикба В. А. Расселение абхазов в Турции // Инал-ипа Ш. Д. Садзы. Историко-этнографические очерки. М., 1995.

* * *

Санду сазтыпхан. Уи излалхәоз ала, асазкәа уаацәгәкәан, ауаюра рылазымзт. Асазуажә хәа акәын ишрышьтаз арахь иказ ацсуаа. Хара, асазкәа, ахгы дхамамызт, ахәынтқаргы дхамамызт, азәгы имацура хтамызт, апыза далххон акәымзар, лхәит. Ус ишнеиуаз, убырт апызацәа иаины иааххагылеит, лхәит. Икәша-мыкәша иказ ахы ритон апыза – инапацака икалит. Асазжәлақәа хә илхәоз: Чрыгаа, Ацанаа, Гьечаа, Амаршьанкәа, Арандраа (апызацәа иреиуан, лхәит), Ахаа, Цәымцаа, Багаа, Хышаа, Ецәкысаа (рыбжаоык Нхыцқа икоуп, рыбжаоык Отраа роуп, рыбжаоык Еныкбаа роуп).

... Хамытаа – убыхкәан. Санду аубла лхәазомзт, аупых лхәон. Аубла – жәлан, лхәит. «Аубла тыпқа дааугазшәа узырччои?» – хә лхәалон. Аублаа ртыпқацәа аоныхәса бзиақәа рылцуан, лхәит.

Маан Кац апызацәа дреиуан. Уи арахь, Бзыц аарцә, дынхон, лхәит.

Санду лаб Кьагәса ихзын, уи иаб Лыбад ихзын. Саб дара амал иман, лхәит – зкы аазаны, шәкы абна илаитцон. Кац Маан даниы, лхәит, ауаа агәаран икәгылан аазара игаразы. Аха зегь антырцаа, – ахәчы диаанза аазара иахәозаарын тауади-аамстеи рәы, – зегь анеиликаа иаб, сабду далихит. Дааргеит, драазеит Кац. Ахысшәа, ашәарацашәа, аеыбгаказара – зегы идырцеит.

Аамстеи-тауади газазымзт, лхәит, рыцкәын дыркынцыцны драазар, ацстазаарафы лазара имамкәа, акы дацсамкәа дкалон. Уи азоуп рыхшара анхацәа изрыртоз. Саб, Кац ишьапгы хитуан, акәыдгы ифеитцон...– дцәбацафаны драазаразакәын анхаоы дызиртоз.

Кац ацацәа хоык иман: Маан Камлат, Маан Титу, егы ихыз схаштит, – убырт еышкылкыоцәас сашьцәа рыман, лхәит. Ианеыжәлоз ирыцеыжәлозар акәхарын.

Асазкәа зегь рапхәа мхацырра ацара хәкәшәеит, лхәит. Кац ицкәынцәа андәыкәла мхацырра (Кац Маан хылтшьтрала дсазын, амала, ашьтахь дхыцын, абрахь, Хәапқа, даанagit), сара Атар шәыюны саанagit, лхәит, абра сшыказ амхацырра калит. Сани саби цсхьан, сашьцәа оыца – Басиати Кди – Маанаа ирыцны ицеит мхацырра.

Сара сцёуон, саб итып қантажөтыпхома ҳа, лхөит. Лашьцөа уа иаанхит, лаб иашья иңацөа хынхөны иааит, уа алоацөа фарышьтуан.

Абасоуп санду илхөуа асазқөа рзы.

...Ускан са стыпқан, лхөит. Гагра амоа тшөа ықан, убра икны хғылан... Лара излалхөоз ала, лашьцөагы аурыс иөагылан еибашьюан.

«Нану, шөхала ишөтахны мхәцьырра шөцама?» ҳа санлазцаалак, «Мамо, нан, ҳара аурыс хиабашьюан», лхөит.

Уи ахчыпсаагы лдыруан, мөыдаагы лдыруан. (Дара асазқөагы биңарала-биңарала икан.)

Аурысқөа Аңсны алалашья рыздыромзт, лхөит. Асазқөа ртөылахь анеира даара ицөгы, амоа ыказымзт. Мшынла рөаархар, егырт кылатөан иршыуан, лхөит. Ашьтахь, асазқөа ргөыреанзымкөа атшөарала рөаархт аңацөа. Уигь кәзца асазқөа роуп – иртиит икалоз рзымдырызкөа. Рытөкөа рылоума, абазинкөа рылоума – чархөарыла икалит, амоа ддырбит. Ашья убриакара кәтөит, лхөит, уарзысон. Асаз ишөаңхөаю ыкамкөа, икьоу зхөа ыкамкөа амшын инхылан ицеит. Уаҳа цсыхөа рымамзт, иахынзахөоз еибашьит, аха Аңсын ду рыдымгылт. Аңснитөи аҳ инапацака иказымзт асазқөа. Аңснитө аҳ аурыс ир ааиахөтаҳауа дгөаран, лхөит. Асазқөеи аупыхцөеи еидгылан аурыс иабашьюан, лхөит.

Мхәцьырра ханцоз, лхөит, ахөхөацөа халан (лашьцөа Маан Кац иңкөынцөа ирыццахьан) аурысқөа аауот, шөыршьот ҳа. Са сцацаны саарган – хымзка цуан. Хәуа-хшөаңь зегьы хәкәцны хцеит, лхөит. Агаөахь хкылсит...

Ҳа ҳахнагаз [Тыркөтөыла] цөхөырран, азқөа табаан, адагькөа тан. Азыша ханақы, икаҳцози – иахжөит, лхөит.

Санду цөгьала ашөыр бзиа илбон. Атыркөа пхөыс лымжөа хыхөан икоуп, амни сеилаҳаит. Сбызхахот, сбызсот, напык амжөа сыбтозар ҳа схөит, лхөит. Махөык акөын сызкөитылтөыз, – санду цөгьала деибәган, – афырҳа егы амахөгы ласыршөшөөит. Дыцөхан-егьин, аха агьлымхөит, санхөагы напык азна лзаазгит, лхөит.

...Агөәкра цөгьа хәкөшөан хәкан санхөеи сарөи. Саннеи Тыркөтөыла, сцөастөымкөа скалит. Бабду дпапын, царак иман, дыркьынцыцны даазан. Акрура закөыз издырзомзт. Сабхөа иашья аңхөыс диман, ахшара дрымазымзт. Сабду иакөын хшарас изыкөгөыгуаз. Сабхөа иашья иңхөыс лпаңса дыкан. Сабхөа иашья дцон иахья аңсызкцөа дрыцхрааон. Уаха данаауаз чабаба хык, чабаба хык иман дааон.

Казарма дук хәцан, лхөит. Ашьаршьафқөа рыла еиокаа-еиокааны икаҳцит. Дөрыпшьынтө инөиз Атари Лакааи хәиланхон...

Уахык, сыпшын, сабхөа иашья чабаба дук ааигит, аха ҳара егьхәимтазит. Бабдугьы уа диоуп, шөкөык дапхьот, лхөит. Хәуөишьара

иреиуаз азэ дааит. «Крышэымфазои?» — ҳа лҳан, «Иаҳфагэышьои — ача ҳамазым?!» — сҳэит. «Аат, анышэ быжны бастаат Гэын-пҳа (уи санду ланхэа лакэын), Бырмышаа рычкэын ҳара дҳаазараны ҳзыкеи, бнеины бабхэа иашья иабымхэо ача шшэырымтаз!» — ҳа лҳэит, лҳэит.

Санду ланхэа, дыпхашьяпҳацо, ипҳэыс лфэи днеин:

— Уаха ак ҳашэымто,— лҳэит.

— Схатца қсызкра дзымцар, ача изаамгар, сычкэын ифастцои? — ҳа лҳэит.

Лара уатцэтэи ахэы лцэахот, ҳара крымфазакэа ҳтэоуп. Нас ани апҳэыс инеиз иалхэит. Ача рымхны иҳаитит. Уинахыс ача аоны иманы данааиуаз, иаҳарак ҳара иааҳаитон, лҳэит, егыи — анахь игон.

Амала сабду гэнаҳарак кайцит. (Уи саргыи сахаануп.) Ҳабицара Атар, атэцэа рымазаарын, (ишрыднагала сыздыром). Уахык, лҳэит, иоагылан, рыезаны аамстак итааит. Нас, лабхэа иашья иоума-егьиума, — уи ла дахаанзым, аха илҳэот, — дрышьталан дцеит. Дахнеиз, [аамста] рыхэ ишэеит, еадак аидаратцэка амал иитет хыхь чкэынак дақэыртэаны. Ачкэын джыцэза дыкан, диманы дааит. Егьырт, атэцэа, сасра иахнеиз уа иаанхит, анкья ус икан. Абри ачкэын, лҳэит, атэы, 30 шықэса анихыцлакы апҳэыс дизааугар акэын. Ажэхьяк лыхтынцаны апҳэыс дизаалгит. (Уи санхэа илҳэон ҳауп илҳэо.) Данизаалга, дтацоуп, дрыцҳауп, лҳан (ашьыжь, лхэы уны иқэыргыланы иаалгалар акэзаарын), — дрыцынхон дара ахынхоз, — оымшкэ-хымшкэ саалпеицшп ҳа сҳан, лҳэит анхэа — санду ланхэа, саб ианду; хымшкэ аатцуаны, ахратэра еикэыргеит, лҳэит. Аригыи доухашьтыр акэхеит, лҳэит. Ушьта ҳаматц лымуа далагт. Сыжэггы лалаз ицеит ҳа лҳэит, лҳэит. Нас, адгьыл иахтан, дынҳархит. (Рааигэара дынхон.)

Ари, ҳэынахан Ҷырқэтэыла ҳанца, лҳэит (бабду есымша атэымг еицш игэы ишалаз дыцсит), уа ахратэра еикэыгамзт — ауаа утиир калон. Санду ланхэа атэцэа лыман, Гэатаса ҳа ирыжэлан, Қэацаа ҳагь илыман. Сабду рыцҳа аус изымуа-егьиуа данықэха (излархэоз ала, мариикк иакэын), дмариизар акэхарын ацстазаарафэи.

Амни, жэхьяк зыхтынцаны иааргаз, афеи апҳаи лхылцит. Сабду убри илхылцыз азғаб хэчы дитиизаап убра Ҷырқэтэылан, ихы изныкэымго даналага. Лашья дыхэчны дыкан, арахь, Ақсныка, дааит. Уажэ ихоуцо — убри ҳаоны дааион.

Абас бабду икайцит, игэы иалан, лҳэит.

Ёнак аоны дааит Гыць — убри иитииз лашья. Иаацэыриган сахэшьа Ҷырқэтэыла дшысцэызыз ҳа... Убыс саргыи сгэы иалсит...

* * *

Аңсуаа анықеғыла 1866 шықсазы, сарғы Лыхнашта сықан, хаңа смааыцызт, лхәит санду. (Лара излалхәо ала, Маан Каңғы дықан. Уи аурысқәа дышрыдгылаз, агенералра ширтаз, даахәны нас дырғыгыло далагт, лхәит.) Сарғы саб дызхаазалаз азғабцәа сырхыыпшы снейт, лхәит. Аңсны ахы аңыхә зегь еизет, лхәит. Уа асазқәа алазымзт, лара излалхәо ала, мхаңырыра ицахән, шықасык акра цуан.

Ани Маан Каң иңкәынцәа цейт Ғыркәтәылақа, аха иара даанханы дықан, иңхаңәа ақан. Иңха Лакыр Мырзақан диман. Уи нанду дылхаазалан, аибабара рыбжән.

Хаха-хымш аңсуаа еизаны итәан, лхәит, иңәылан иңәажәон, иңәажәон. Нас, ани аурысдаақәылан, аңәажәара далагт, лхәит. Аиңагао дықан, еиңеиго далагт. Аиңагао провокациан иңәоу-егьиу сыздыром, — аиңагао Ғырцман-иңа иакәын, уи аң иганаә дынхон, — абас иңәит ҳа еиңеигот: «Аңсуа ҳәсақәа аиңәа рышьарымцароуп» ҳа. (АҒыркәңәа ашараварқәа рышьарымцози, убри азы иңәазар қалап.) Абри аниңәа, Какәчал иңак дықан: «Аа, зыңсғы-зыбзағы еиңазгаз аурыс ҳәынтқар, сапынқыраказ иңәынтқархаз!.. Аңхәыс илышаз уқазар, ухыс!..» — ҳа иңәан, аңхәа ахысра аахиртит. Нас ақәкәаха илеиларцт.

Ғьаргь Чачба 18 шықәса ихыцуан, убасқан аҳас дықәдыргылт. Иаб дыңсхән — Аҳмытбеи. Аҳра идикылоу-идимкылоу — уи [атәы] акымзарақ лыздырзом. Ғьаргь дықәгылейт ажәлар рәаңхәа. Иңәон, аха ииңәоз заҳауадаз! «Иқашәымцан, ҳдаракәаң шәырзот!..» — ҳа аҳәңәара дағын.

«Уарғы аурысқәа урыдгылот!» — ҳа рхәан, ижәлейт, лхәит. Арахь — аурысқәа иара дыршыа иалагт. Лакыр Ғада ҳа Дәырпшь дықан (санду мхаңырырантә ҳаазгаз иара иоуп ҳа лхәон), аңқаоҳа ашьтахьала Ғьаргь диманы моахәастамацарала Дәырпшь диган, хаха-хымш уа дңәахны дрымән. Аурысқәа ишьтан.

Абри зегь зхароу аҒырцман иоуп, лхәит.

Мхаңырыра ханней, еей шықамыз хбит, лхәит. Аказарма ҳаңатәан. Хара азыхьқәа хрышьцылан, афатә бзиа анхмоу, амгәахь қалит, ауаа анңәара иалагт. Сарғы аңха хәчы дсоут, лхәит. Санду ланхәа лытәңәағы хәчык дроун, сара стәғы даашьтхны драазит.

Нас Лакыр Ғада аңсызқәа драңәажәан, лхәит, аусурта рыртет. Ицан аус руа, аңарақәа еизырго, — иахәа тааңәак ааишьтон, уаңәы — тааңәак. Ара, Аңсны, ианызхыргалағы (еынла ҳаарышьтзомзт, уахынла мацара ҳазхыцт) рыюныжәқәа ирыюналон. Абас Дәырпшь зхы лахаз, зңыхә лахаз азәызатәык амхаңырыра днымхазыкәа ианааишьт, иарғы дааит.

Абриакара абзиа казцаз ицыхәтәә җшзамхт: иҗа иҗа 37 шықәсазы ддырзит, егы, арра дырган, уа дҗахеит.

* * *

Акьякьярахь иҗаз асазқәа хреиуан, лхәит санду. Са санлыхьза санду, 120 шықәса лхьцуан. «Ақәеи» лхәон «ақәа» азы, «лабы» лхәон «алаба» азы, «слыб ду аашьтхны» лхәон, «Ашхәцә» хамхәои харт, лара – «аҗшхәцә» ҳа акәын ишылхәоз.

«Нанду, бкәаша анкья шәшыкәашоз», — анаххәалак, акәашара далагон. Абыржә җырқәтәыла иҗоу аҗсуаа шыкәашо умбахьей – лышьтахь лнапқәа калҗон, «са сыхьшьуп, сыхьшьуп», — лхәон.

Асазқәа анцәажәоз, иузеилымкаарц ак бжәадыргылон «кака-фака» ҳа акәу, «нака-фака» ҳа акәу. Абааҗсра аныкарҗо, «дына» бжәадыргылон: «Бдыней сдыней дынараала иахцаз, иааргаз излардыно...» ҳа абас акы лхәақәон.

Санду «Радеда» ашәа лхәон. Уи зыхкьазгы салхәт, асазқәа рәоуп иахыкала, лхәит...

«Уаа хәрензе-е фе-ензероу,
Уа, ари аҗаца – җаца мшы,
Дыззаргуа дызымшны...» —

ари акәын иаххәоз, лхәит. Са схааноп «Радеда» аныкала, лхәит. Радеи Дедеи, аҗкәыни азҗаби, бзиа еибабон. Аҗкәын аибашьра дахцаз, дҗахит. Азҗаб дизхәаны дыкан, ачарагь әфхәара җцәаны иҗан, ианлархәа – лхәҗа дрыманы ишааоз, дырҗылеит лара, Рада. Днейны даагәалҗан, данынихәаҗш, иапхьала ахы иқәшәан дыкан. Ларгы, ахәшә лымазаарын, убратәка ләылшыит. Нас, Бзыҗ аарцәка акәын дахеибашьоз, Бзыҗ хьҗеаны иҗон, ирзыргомзт. Ари лан ианлаха, — «Диида, Рада диида!...» — ҳа дыхәхәо дҗон. Изахаз зегьы «Рада – диида» ҳа ишьтырхт.

«Радеда» ашәа зны мыткәманоуп изцәырҗ, Рада лоуп изыхкьа, лхәит.

«Кац дызмышәаз Узбақь ахәҗа» ҳа лхәон. Узбақь асазуаа дреиуан, лхәит. Кац убриаҗра илеишәа цәгыны – зегь хьцәшәон. Сан сицәлыршәон «Кац даауеит» ҳа. Исарақь рқәқьа ду ихәҗаны дныкәон Кац Маан. Рапхьа аурысқәа роуп аинралра изҗаз, аха нас аҗырқәцәа дрыдгылт. Узбақь анхәцәа дреиуан, Кац рыззегь имагәшхәа иҗаргылан иман. Аха Узбақь дихәҗыломзт, иихәо кәиҗомзт. Узбақь иҗсы шҗаз ашәа изаҗырҗеит.

Ашьхауаа ракэын зегь реиҳа икэашоз, лхэит санду. Ахчыпсаа цэгъала ибзиан икэашон. Хара, аҕьяҕьарахь иҕаз, адгыл ҳақәаарыхуан, ахәцахь иҕаз арыц ахаадрыхоз рымазамзт, рахэын-шәахэын рнапы злакыз; иахьахәлаанза ргәы ҕыҕьуан аҕьмақәа иахьрыцыз, арепетициа днарқаҕон – акәашара иналагон. Хара акәашаха ҳамамызт, абамба лаҳдон, ҳсон, лхэит. Псхәаа зегь реиҳа икэашон, лхэит.

Д. В. СОКАЕВА
(г. Владикавказ)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ОБРЯДА И ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА (МОТИВ «СТРЕЛЬБЫ В ЦЕЛЬ»)

Вопрос соотношения обряда и фольклора остро обозначен и в наше время. Но четкого ответа на вопрос нет, причем некоторые ученые считают его вопросом наподобие вопроса о том, что же раньше появилось, яйцо или курица.

Мы в своем небольшом исследовании идем от материала, а именно, от русской волшебной сказки на сюжет 545В* и устного рассказа об уходе холеры/чумы осетинского фольклора.

Несмотря на то, что возникает искушение объяснить сходство структур в осетинском и русском фольклоре общей индоевропейской основой, мы, не исключая и этот генетический фактор, полагаем, что рассматриваемая структура встречается и в фольклоре народов других мифологических концепций. «Фольклорную сюжетику отличает ...закономерная повторяемость в мировых масштабах...» [Путилов 1984: 5]¹. Подробнее о том, о какой структуре идет речь. Как известно, индоевропеец членил мир на три части по вертикали: верхнюю, среднюю, нижнюю. Маркером центра сакрального пространства являлось мировое дерево, башня и т.д. Классический индоевропейский облик дерева – дуб или другое большое дерево. Крона в небесах, корни – глубоко в земле [Фрозер 1980]². В кроне – орлица и ее гнездо с птенцами, в корнях – змей, который съедает птенцов орла. Герой волшебной сказки, наследник культурного героя мифа, нарушает эту трагическую инерцию и убивая змея, спасает птенцов. Все это говорится к тому, что в отмеченных нами фольклорных текстах осетинского и русского народов встречается мотив стрельбы в цель, а именно, стрельбы в цель на дереве и, как нам кажется, его функционирование в них (текстах) обусловлено одной и той же, описанной выше структурой центра основного индоевропейского мифа, т.е. основного мифа о Громовержце и Змее. Несмотря на то, что не все исследователи разделяют точку зрения В. Н.Топорова и В. В.Иванова на универсальность существования этого мифа и возможность широкого оперирования им [Берн-

штам 1996]³, мы все-таки пока отталкиваемся от него в своих исследованиях, а по ходу исследования вносим коррективы в его существование в разных индоевропейских традициях.

Итак, в обоих текстах фиксируется эпизод-мотив стрельбы в цель – стрельбы в дерево. В случае с русской волшебной сказкой на сюжет 545В* – это стрельба в дерево: «Приезжают к царскому дворцу, где Лисичка встречала их, вводит в белокаменные палаты, царь дивился таковому великолепному убранству тех палат, сколь они были хорошо убраны... В том саду стоит старой дуб пустой...»; «Лисичка отозвала Кузиньку в другую комнату, говорит ему: «Ну, Кузинька, перестань гулять, а надобно дело исправлять, возьмите вы с тестем по ружью и ступайте прогуливаться в зеленый сад. В том саду стоит старой дуб пустой, а в том дубу сидит царь Змиулан, спрятался от вашего приезда и ты соглашай тестя своего пострелять в тот дуб, с тем, чтобы убить царя Змиулана. Тогда же Кузинька как по сказанному и как по писанному взявши с своим тестем по ружью, пошли в сад и стали в тот дуб стрелять, в котором сидел спрятавшись царь Змиулан, они же простреливши дуб насквозь и царя Змиулана убили до смерти. После этого Кузьма Скоробогатый воцарился в государстве, а тестя проводивши в свое царство, и стали жить да быть, и теперь еще живут, Лисичку же всякой день угощал оставшимися курицами от царя Змиулана, и она у него до тех пор гостила, докуда всех кур не испакостила»¹. Эпизод-мотив стрельбы в цель-дерево в сюжете 545В* находится в самом конце сказочного повествования, т.е. посредством этого действия происходит окончательная гармонизация сказочного пространства, полное перераспределение благ: от Змея они переходят к герою, зятю Громовержца. И до Змея, возможно, этими благами владел Громовержец.

Схемы сюжета русской волшебной сказки на сюжет 545В* таковы:

Схема №1.

1. Живет одинокий герой, как правило, бедный.
2. К нему приходит лиса и предлагает ему жениться на дочери царя.
3. Лиса договаривается с царем. По дороге к нему она бросает героя в реку.
4. Состоится свадьба.
5. На обратном пути лиса пугает змея, ворона – кокота родителями невесты и отбирает их дом для героя.
6. Счастливо доживает свой век .

¹ Козьма Скоробогатой. Народные русские сказки А.Н.Афанасьева. АCADEMIA. 1936. С.632-634, Архив Русского географического общества (XXX, №7), переделанный А.Н.Афанасьевым текст представлен на С.439-444. Вариант. Там же. С.441-443.

Схема №2.

1. Бедный герой живет в чистом поле с матерью.

2. В городе зарабатывает деньги.

3. Герой с матерью обманывают богатого мужика, прикидываются богатыми.

4. Герой с матерью сватают его дочь.

5. Счастливый конец.

Варианты сюжета, которые мы рассматриваем, являются сочетанием 1-ой и 2-ой схем. В случае с осетинским устным рассказом об изгнании холеры/чумы из Дигории (ущелье в Северной Осетии) при столкновении со страшной опасностью, холерой/чумой в облике мужчины, жители села Стур Дигора решают на сельском сходе произвести и производят определенные действия обрядового, ритуального характера. Нами рассмотрено два варианта¹ текста устного рассказа. В первом варианте («Сказании о холере/чуме»), появившийся из Моздока Кургосов Битемир, сначала посылает жителей села к святилищу Уаскерги² молиться, затем, уже находясь там, он просит принести ему жертвенные деньги, чтобы он кинул их в сторону святилища Идауаг. Он прицеливается к дереву и бросает в него жертвенные деньги, мол, если попаду, нужно молиться. Затем посылает всадника узнать, попала ли его стрела именно в это дерево? Люди поверили ему, стали молиться и когда холера/чума снова появилась, то пошел сильный дождь, Ираф (река в Дигории) разлилась и унесла горящую болванку, в которую превратилась холера/чума. С тех пор в Дигории устраивают праздник ангела, спасающего жизнь. Мужчины во время праздника находятся в том месте, куда стреляли женщины – на солнечной стороне, откуда стреляли. Во втором варианте («Ангел») на сельском сходе решили стрелять в дерево, но из старинного лука. Попали в дерево, стали молиться в роще, в которой находилось это дерево. Холера/чума превращалась в разные предметы, вода ее унесла, затем она вылезла из воды и отправилась в Асси (Балкарию). Праздник в честь произошедшего события называют Молением в честь Ангела и с тех пор отмечают в Дигории.

Попав в цель, в дерево, в случае с волшебной сказкой Зло добивается в виде Змея, в случае с устным рассказом, попав в выбранную цель-дерево и обнаружив, что в нем нет зла, жители села молятся, и в

¹ Отдел рукописных фондов СОИГСИ, о.1, д.643, инв. №1.922, Л.30-32, исп. Кодзасов А., 24.07.1993 г. в с.Кобан зап. Хамицаева Т.А., Сокаева Д.В., Хамицаева А.А. «Сказание о холере»(1); Отдел рукописных фондов СОИГСИ, о.1, д.652, инв.№2315, исп. Хортиев Лазарь (1930 а.р.), с. Стур Дигора, 04.07.1999, зап. Таказов Ф., Сокаева Д., Кудзоева А., «Ангел»(2).

² Покровитель мужчин у осетин.

первом варианте идет дождь и уносит холеру/чуму, а во втором варианте она сама покидает территорию Дигории.

Налицо соответствие от противного: в волшебной сказке дерево—зло, в устном рассказе дерево — добро. Стрельба — проверка дерева, центра сакрального мифологического пространства. И после полученного результата следуют те или иные ритуальные действия.

В осетинской волшебной сказке на другой сюжет есть эпизод, где посредством стрельбы в мишень на дереве семь ангелов принимают решение. «Стрела справедливости» также часто фигурирует в осетинской волшебной сказке для выяснения истины. Она посылается в небо и возвращается с «ответом»: вонзается в головы виновных. «Стрела справедливости» действует в сказочном тексте как клятва.

Общий для индоевропейских заговоров мотив— мотив отсутствия места для враждебных субъекту заговора сил (болезней, демона и др.) и их отсылки на гору [Топорова 1996: 111]. В осетинском устном рассказе холера/чума в конечном итоге уходит на гору/за гору, в Балкарию, сопредельную с Дигорией. Таким образом проясняется еще больше связь мотивов «стрельба в дерево» — «молитва дереву/около дерева». Если в дереве нет места злему духу болезни, то оно священо, ему нужно молиться. А болезнь уходит все дальше от места молитвы дереву-Громовержцу (каждое святое дерево — прототип Мирового древа), претерпевая превращения, тем самым демонстрируя свою демонологическую природу, пока не уходит на гору/за гору/за хребет. Как видим, выяснился, в том числе, и заговорный характер нашего мотива. Заговоры, как известно, благодаря своим жанровым особенностям, долго сохраняют свою словесную форму во времени.

Литература

- Бренштам 1984:** Бернштам Т.А. «Слово» об оппозиции Перун—Велес/ Волос // Канун. Полярность в культуре. Альманах. Вып.2, СПб., 1996. С.93—120.
- Путилов 1984:** Путилов Б.Н. От редактора//Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984.
- Топорова 1996:** Топорова Т.В. Язык и стиль древнегерманских заговоров. М., 1996.
- Фрезер 1980:** Фрезер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980.

Н. С. БАРЦЫЦ-ПХА

АПХӘЫЗБА ЛХӘАРЕИ УИ ДЫМЦАЗЫРСЫЗ РКЫНТӨ ЛЫРХЫНХӘРЕИ ИРЫЗКУ АПСУА ФОЛЬКЛОРТӨ СИУЖЕТ АИЛЫРКААРАЗЫ

Апсуа фырхацаратө-тоурыхтө эпос аёы, иаидкыланы афольклор зегы аёеипш, ихамоуп зсиужетқәа цқәа еилкаам, зжанртө хәаақәа «еилагоу» ахәамтақәа. Ари апроблема иазкны Ш. Хь. Салакаиа иоуеит: «В нашем фольклоре значительно труднее провести четкое разграничение между собственно-героической и эпической поэзией и историческими песнями» [Салакаиа 1966: 35]. Абас жанрс изцаукша узымдыруа икоу ахәамтақәа иреиуоуп хусумтаёы хаззаатгыларц хтаху асиужетгы. Хара уи ахәамта афырхацаратө-тоурыхтө эпос иацанакуеит хәа ихәпхьазоит. Уи агәаанагара шыақәыргәғәахап хәа хгәыгуеит ари аусумтаёы.

Афырхацаратө-тоурыхтө эпос иазкны еиуеипшым атцаамтақәа апырцахьеит Ш. Хь. Салакаиа, А. А. Аншба, С. Л. Зыхәба, В. А. Коғониа ухәа апсуа царауаа. Урт русумтақәа рёы иалкааны иазгәартахьеит атекстқәа ридеатө цакы, рпоетикатө еилазаашьа ухәа ирыцаркуа азцарақәа. Аха, иазгәататөу, зызбахә хамоу асиужет арт ацарауаа русумтақәа рёы азбахә рымхәазац, итырымцаазац. Амала ркыпхьымтақәа рёы ари атекст афырхацаратө-тоурыхтө эпос ажанр иацаркит.

Ахәамта асиужеттө цәахәа шыақәгылоуп абарт амотивқәа рыла: Аперсонаж фырхацарыла апхәыс дшихәаз (А), апхәызба нхытцаа дшымтадырсыз (Б), афырхатца уи дыширхынхәыз (В), афырхатца дыштахаз (Г), апхәызба лыешылшыз (Гь): А. Ҡыца аишыцаа ргәыла ах, ипхатцө илышьталаз арцарцәа анырацәаха, амацәаз кнеихаит. Убри еихсны, икашәаанза иацаххны икны, ах ипхә лкалт ианзыршәло пхәысс дигарц. Ари захаз азәыроы рыеңыршәеит, аха амацәаз азәгы изкамыршәит. Аиашьеитцбы апхәызба лхәаразы Нхыцынтө иааз шыоуки дрыцны ах, иёы дахьнеиз, имоапигоз акгы рылымшеит, иара амацәаз кынцааны, апхәызба дихәеит. Б. Нхытцаа, ари хьымзгшыаны, ах икәлан ипхә дицәыргеит. В. Афырхатца, иихәаз апхәызба дшыргаз аниаха, ақәылаоцәа дрыхьзаны, иныртәаны (мамзаргы азәгы дымшыкәа),

апхәызба дрымхуеит. Г. Атцыхәтәаны шәәцхәәәыс иаанижыыз (ма ақәылаәцәә реихабы) афырхатца дызгарыз ахы иқәиршәоит. Дышхәыз апхәызба илмырдырзакәә, лара лаб иғы дааныжыны, иара ионыка дхынхәит. Иашьейхаб ныкәарантә даанза иңсы тан, уи даныхынхә, иарггы иңсы ааихыцит. Гь. Апхәызба, дзызшаз арңыс дызгаша ахы шикәшәаз анлаха, ләылшыуеит \ илызхымгакәә дыңсуеит. Аиашьейхаб иашьей итацей еицижит. (Вариантк ағы аиашьейхаб Нхыцка дцаны, иашьейтцбы зхымта дагаз дишьит: иаға амхы ахыихьчоз ақалаағы днеины, ашәәқ харшалан игәы иқәцаны, дыцәазшәа дышиаз, дзышьтаз данаи дишьит. Аоныка даныгьежь, итахаз иашья изхәаз апхәызба аоны дааганы, ачара лзиуеит).

Ари ахәамта раңхьаза акәны ианцан 1961 шықәсазы, Ешыра ақытан, ианицейт Ш. Хь. Салакаиа. Хара хусумтаағы ахархәара роуит 12-вариант¹. Урт рахьтә авариантқәа 10 әғынтә ианцоу ажәабжхәәәцәә Апсны бзыптәи ахәта иатәуп, бзыптәи адиалект иахатарнакцәоуп, ө-текстк абжыуаа рғы ианцоуп. Ишаабо еиңш, итаҳцаауа асиужет авариантқәа маңымкәа иамоуп, аха аверсиакәа арғиом, насггы ианцан икоу авариантқәа зеггы апрозатә форма рыман ицәырцуеит.

Анцамтақәа ртекстологиатә өазара атәы ххәозар, 12-текст ркынтә 6 аредакциатә «рееирақәа» рылагалоуп. Иубартәуп ажәабжхәәәцәә ражәахәа, рцәажәашья, рстиль акыр ишыңсаху. Ари еихарак изыхкьаз анцаәцәә напыла иахьанырцоз, насггы дара еиуеиңшым азанаатқәә ахьрымаз акәзарггы калоит. Икоуп еиха ихатәауа, насггы иңсыеу, аконспект кәзшья змоу анцамтақәаггы. Егьырт аф-текстк аредакция рзузам, ма зынза имаңзан ирызууп ухәар калоит.

Ари асиужет ағы итышәынтәалан иаабом афырхатца хада ихьзи ижәлеи, иара убас ахәамта иалоу егьырт аперсонажцәа рыхьызқәаггы. Ахәамта аитахәараан ажәабжхәәәцәә еиуеиңшым ахьзқәеи ажәлақәеи рхы иадырхәоит. Иаххәап: Синат, Сасрыкәа, Ардашьял, Еснат, Алықьса, Мофа, иара убас ажәлақәаггы: Габниа, Мқанба, Чацәба, Ешба, Бганба, Гочуа. Икоуп афырхатцәа рыхьызқәа анеибаңсахуа, знызынла Синат Еснат ихьзны, мамзарггы Еснат Синат ихьзны. Аха, шамахамзар, афырхатца дахьатәиу, дахьынхо ажәабжхәәәцәә ирңсахуам,

¹ Икыпхьу атекстқәа аагоуп еиуеиңшым аизгақәа рахьтә: Зыхәба 1978: 77 – 81, 81– 85, 86 – 92; Цыапуа 1995б: 128 – 129; Салакаиа 2003: 236 – 239. Икыпхьым атекстқәа 7 анцоуп ажәабжхәәәцәә Ажыба Кәаста (Мгәызырхәа ақыта), Саманцьяи Шьқәыт (Лыхны ақыта), Агрба Кәатат (Кәланыххәа ақыта), Хәгба Иасон (Ачандара ақыта), Аюзба Шьрыф (Аацы ақыта), Аршба Мышья (Бедиа ақыта), Аюзба Ардаш (Ешыра ақыта). Ианырцейт: И. М. Хаш-пхә (04. 07. 1961), Ш. Хь. Салакаиа (17. 07. 1968), В. Б. Агрба (07. 1969; 07. 1969), С. Л. Зыхәба (06. 06. 1972; 11. 06. 1989), В. А. Коғониа (07. 08. 1994).

уи бжеихан ақыта Ешыра ауп. Еикэахапхьазаз ахьзқәа рахьтә афыр-
хатца хада ироль аёы ласы-лассы иуцылоит ахьз Синат.

Синат изку ахэамта злалаго апхьатәи ахәтаёы (фырхатцарыла апхә-
ысхәара) ахархәара амоуп алкәтә мотив. Иафхарпшып ари амотив алакә
аёы ишыкоу: «Ахак дыкан, пха бзиақ диман. Ах ипха ауаа рацәаны илы-
шьтаналан, дреймакыртахеит. Данреймакыртаха, апхәызба лаб ипха
лмацәаз кыдитцеит, абни амацәаз еихсны, икыдыршәаны, икашәаанза
инацаххны изкуа диитаразы» [Шыакрыл 1989: 123 –124]¹.

В. И. Пропп игәаанагарала, алакәи аепоси реинырра ижәйтәзатәиу
ахьцхьрта амоуп, ас еипш алакә азааигәахара аепос асиужеттә еила-
заара арбеиоит, иханартәауеит [Пропп 1955: 249]. Хара излаабо ала,
Синат изку асиужет аёы алакәтә мотив ахархәара аиуит ахтыс ацәыр-
гаразы, аепикатә сиужет хатә ахацыркразы. Иазгәатәтәуп, алакә афа-
була афырхатца хада изы ианакәызаалак лыпхала ишеилго, уи аиааи-
ра шиго, иаға дыштахо. Зызбахә хамоу ахэамта ацыхәтә трагедияла
инцәоит, афырхатца дтахоит. Уи афырхатцаратә-тоурыхтә епос иаказ-
шьарбагоуп.

Синат изшаз апхәызба лхәара иара ида азәгы илымшеит. Дымцарс-
ны даныргагы лырхынхәра иара иоуп изыбзоуроу. Архаикатә епоси
афырхатцаратә лакәи рёы афырхатца ихәан изтәоу, ма имцарсны иааиго
апхәызба адауы дицәигоит. Афырхатца уи дышыны ипхәыс дирхынхәуе-
ит. Нартаа репос аёы ари амотив, еихарак, Нарт Сит-ипа Уахсит ипхә-
ысаагара иазку ахэамтаёы иаабоит. Уи асиужет иаазыркәаёны абас
икоуп: Афырхатца пхәысаагара дцоит, апхәызба дылиаины пхәыс
дигоит. Амәан дшаауа ипхәыс адауы дицәигоит. Афырхатца маанала
адауы ипсырта пшааны, дышыны, ипхәыс дирхынхәуеит [Цыапуа 1995а:
102]. Архаикатә епос афеипш, аракагы афырхатца ихәан изтәоу апхә-
ызба ақәылаоцәа дымцадырсуеит, афырхатца урт дыриаины апхәызба
дирхынхәуеит. Архаикатә епос ашьтақәа нымхар ауам афырхатцаратә-
тоурыхтә епос аёгы. Уи иазкны Б. Н. Путилов иоуеит: «Если в класси-
ческом эпосе мы обнаруживаем архаические элементы разного уров-
ня, они не что иное, как следы, остатки архаического типа» [Путилов
1999: 15].

Синат изхәаз апхәызба дымцазырсуа иара имәапигоз нхьцынтәи
иааз ауаа ахьракәу атәкст асиужет атоурыхтә хтыс иазааигәанатәуе-
ит. Апхәысхәара амотив анашанатә лакә угәаланаршәозар, нхьцын-
тәи иааз апхәызба дахьымцадырсуа апсуа фырхатцаратә-тоурыхтә
епос иаказшьарбагоуп. Синат Нхьцынтә иааны апхәызба дымцазыр-
сыз ақәылаоцәа дырғагылоит. Афырхатца ақәылаоцәа нирцәоит, аха

¹ Ари афьрпштәи иашьашәалоуп: Зыхәба 2005: 349.

икәшәаны иыызцәа аоны данаарга, хаха-хымш рышьтахь идунеи иңса-хуеит. Ипхәыс уи ишиқәнагаз ала дымғапылгоит, аха ацыхәтәан, иара ида лыпстәзаара цакыдоуп хәа ипхәазаны, икамала ләылшыуеит, уа-сиат әжәангы инлыжыуеит лхаца дивацаны дыржырц [Салаһаиа 2003: 205 – 209].

Синат изку ахәамтәәы аиашьейхәб Еснат иашьей итацей еицижуе-ит. В. И. Пропп афырхата итахара ашьтахь, ипхәыс лъешьра амотив иазкны иуеит: «Мотив этот несомненно чрезвычайно древен и восхо-дит к доисторической бытовой действительности – к погребению обоих супругов в случае смерти одного из них» [Пропп 1955: 109]. Ари амотив егырт әжәларқәа рфольклор ағы ацәыртшыа тцаауа, Р. С. Липец иаз-гәейтоит: «Мотив двойной смерти влюбленных в трагической концовке этого произведения (казахский эпос «Козы-Корпеш и Боян Суну». – Н. С.) – новое осмысление древнего обряда совместного погребения с мужчиной-воином его жены, сопровождающей его в загробный мир. В эпосе такое ритуальное убийство или самоубийство женщина выполняет добровольно» [Липец 1983: 69].

Синат изку асиужет ағы ахархәара роуит, иара убас аңсхәра зыхкәаз уеилзыркаауа аетеологиатә, адинхатаратә хәамта (религиозное предание) амотивқәа. Ейха ииашан иаххәозар, афырхатаратә хәамта анцәахатаратә хәамта аформа аиуеит: Еснат иашьей итацей «ачара» рзуны, анышә еитеит. Убри инаркны ауп аңсрағы акрыфара кәрцо, аңсхәра руа ианалага. Ахәамта авариантқәак рғы убри «ачарағы» ирхәаз ашәоуп изыхкәаз атацаагарашәа «Радеда».

Иазгәатәтәу, ахәамта злалаго аңхәтәи ахәта (фырхатарыла аңхәысхәара) ихамоу авариантқәа 12 рғы иахдылозар, атекст анцәамтәә ицәыртца амотив (аңсхәра зыхкәаз) ағыңсахрақәа ахтысуеит, зынза иахьахдымло атекстқәагы ыкоуп. Хзыхцәажәо асиужет аңсхәра зыхкәаз зныңшуа хәамтак ахасабала ацәыртца ихьшәоу аамтақәа ишрытцаркуа уацәымғашьо икоуп.

Хыхь икаҳдаз анализ иахнәтеит абарт алкаакәа:

1. Аңхәызба лхәареи уи дымтазырсыз ркынтә лырхынхәреи ирыз-ку аңсуа фольклортә сиужет шыақәгылоит ажанрқәа џба – анашанатә лакәи аепоси – рмотивқәа реилаларала, реиныррала. Арака анаша-натә лакә хдылоит сахьаркыратә хархәагак ахасабала, атекст асиужет иалоу аепикатә хтысқәа рцәыргаразы. Урт роуп ахәамтәәы аңыжәара змоугы.

2. Асиужет иалоу ахағсахьақәа злеиғартәу амотивқәа, аепизодқәа иахдырбоит ари ахәамта афырхатаратә-тоурыхтә епос ишеиуоу. Иаххәап, ахәамта афырхата хада итахашья иугәаланаршәоит Наңха

Кьагәа иҭахара амотив; аишьцәа Синаҭи Еснаҭи реизыказаашьа ақәшәоит Абаҭаа Беслани Баҭақәеи реизыказаашьа; асиужет анцәашьа, афинал Шарьтхәа-иҭа Мсоуст изку асиужет иашьашәалоуп. Ахәамҭа ианыпшуеит (еихаркгыи анцәамҭаҭы) аетеологиатә, ма адинхатаратә хәамҭа аформа: ажәабжьхәаџәа аҭсхәра ахыцхырҭа ари ахәамҭа аперсонажцәа (азҭаб лзы иҭахаз ачкәыни уи изы зәызшьыиз азҭаби) «рчара» (рыҭсхәра) иадырхәалоит. Аҭцаамҭаҭы, ишаабаз еиҭш, анализ ззаауз асиужет аперсонаж хада (уи ихыз еиуеиҭшым авариантқәа аман ишцәырцуагыи) аҭсуа фырхатаратә-тоурыхтә эпос аперсонажцәа даара дырзааигәоуп.

3. Ахәамҭаҭы ажәабжьхәаџәа афырхатә хада ихәҭсахьа ҭырхуеит аепикатә фырхатә ишиказшьоу еиҭш: Ескынагыи афырхатә ахьзи ажәлеи имоуп (урҭ рыешырыҭсахуагыи); дахьынхо иалкаау ҭыҭк, қыҭак (уи аеаҭсахзом) иадхәалоуп; афырхатәра аныҭаитқо дкәыҭшуп; гәымшәа-рыла ақәылаџәа дырҭагылоит, урҭ имацара дыриааиуеит ухәа уб. егь.

Абас ала, хатцаамҭа хазлацәажәаз асиужет афырхатаратә-тоурыхтә эпос ажанр ишацанакуа агәра хнаргеит.

Алитература

Барцыц-пҭа 1999: Барцыц М. М. Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе // Материалы грузино-абхазской конференции. Сочи, 1999. Ад. 28 – 40.

Зыхәба 1978: Аҭсуа жәлар ртоурыхтә-фырхатаратә хәамҭақәа / Еиқәиршәеит, аҭхьажәеи азгәаҭақәеи иҭит С. Л. Зыхәба. Ақәа, 1978.

Зыхәба 2005: Аҭсуа жәлар рҭаҭыцтә рҭеиамҭа 12 томкны. Аҭсуа лакәқәа. IV атом, аџбатәи ашәкәы / Еиқәиршәеит, акыҭхь иазирхиет, азгәаҭақәа иҭит С. Л. Зыхәба. Ақәа, 2005.

Липец 1983: Липец Р. С. «Завоеванная женщина» в тюрко-монгольском эпосе // Фольклор и историческая этнография. М., 1983. Ад. 42 – 74.

Пропп 1955: Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955.

Путилов 1999: Путилов Б. Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. Санкт-Петербург, 1999.

Салакаиа 1966: Салакаиа Ш. Х. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, 1966.

Салакаиа 1975: Аҭсуа жәлар рҭаҭыцтә рҭеиамҭа (Ахрестоматиа)/ Еиқәиршәеит, аҭхьажәеи акомментариакәеи иҭит Ш. Хь. Салакаиа. Ақәа, 1975.

Салакаиа 2003: Аңсуа фольклор / Еикәиршәеит, аңхәажәеи азгәаҗәеи иҗит Ш. Хь. Салакаиа. Аҗәа, 2003.

Шьаҗрыл 1989: Иҗамбазо жәлар рзыхь: Жәлар рәаңыцтә хәамҗәә / Ианицеит, аус адиулеит, еикәиршәеит К. С. Шьаҗрыл. Аҗәа, 1989.

Цьапуа 1995а: Джапуа З. Д. Нартский эпос абхазов: Сюжетно-тематическая и поэтика-стилевая система. Сухум, 1995.

Цьапуа 1995б: Аңсуаа рфольклор: Артур Аншба ианҗамҗәә/ Еикәиршәеит, аңхәажәеи, акомментариакәеи, арбагаҗәеи иҗит З. Ць. Цьапуа. Аҗәа, 1995.

А. Э. КУПРАВА

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНТРОПОНИМИЮ АБХАЗОВ (XIX–XX ВВ.)

Вхождение Абхазии в состав Российской империи (1810) в корне изменило положение и дальнейшее развитие абхазского народа. С утверждением колониального режима царизма были связаны тяжкие трагические события (упразднение собственной государственности, махаджирство, колонизация и пр.). В то же время всеобъемлющее влияние мощной империи вызвало к жизни множество прогрессивных явлений. В частности, создание абхазской письменности, абхазских учебных пособий, открытие школ, появление национальной интеллигенции, создание культурно-просветительских обществ и т. д. стали важными факторами культурной жизни. Одновременно растёт интерес передовых представителей русской культуры к истории, культуре, жизни абхазского народа.

В условиях российской советской империи в Абхазской республике получило широкое развитие народное образование, формируется национальная интеллигенция, зарождаются и достигли значительных успехов абхазская литература, наука, в частности абхазоведение, различные виды профессионального и народного искусства. Во всех сферах жизни народа – экономической, социальной, общественной, культурной и других росло влияние ценностей русской культуры.

В своём кратком сообщении, я в порядке рабочей постановки, коснусь одного вопроса – влияния русского языка на написание и произношение абхазских фамильных имён. Опускаю другие вопросы этого влияния на антропонирию абхазов (написание личных имён, проникновение русских фамилий [Ермолов и т.д.] и личных имён [Золотинск и т.д.] и т.д.

Сведения о номенклатуре абхазских имён мною взяты в основном из книги Ш. Д. Инал-ипа по антропонимии абхазов [Инал-ипа 2002], которая содержит богатейшую информацию о подлинно абхазских антропонимах – личных и фамильных именах. К данной работе также прилагается список современных живых абхазских фамилий, которые в русском письме и иноязычной среде потеряли абхазское звучание.

Многие звуки абхазского языка отсутствуют в современных языках, считающихся международными. Специфические звуки абхазской речи трудно произносимы для представителей других народов. Навряд ли кто-либо из них, даже полиглот, произнесёт без предварительного старательного изучения, например, абхазскую скороговорку: «Сшәақь ацы-нца азы сыцәтәтәацәеит» (*В нос своего ружья я непроизвольно набрал слишком много воды*). На сложность абхазской фонетики обращали внимание многие иностранцы, бывавшие в Абхазии. Например, немецкий путешественник Ф. Боденштедт в 1845 г., описывая свою беседу с абхазским князем Леваном, заметил: «...Невозможно записать нашими буквами, как вообще невозможно правильно изобразить нашими письменными знаками слова горских языков, богатых шипящими и гортанными звуками» [Боденштедт 2002: 118]. Абхазская фонетика создавала большие трудности составителям абхазского алфавита, менявшегося неоднократно.

Русский язык влиял и продолжает оказывать многостороннее воздействие на абхазский язык. Ещё по первой Конституции ССР Абхазии (1925) русский язык становится одним из государственных языков. В настоящее время он, наряду с родным языком, является языком обучения в школах и вузах республики, фактически служит языком делопроизводства и межнационального общения в многонациональной Республике Абхазия. Совместное функционирование абхазского и русского языков в городской среде, а в некоторых сферах даже преимущественное использование русского языка – реальный факт нашей действительности. Об этом абхазский языковед, доктор Лейденского университета, эксперт по кавказским языкам В. Чирикба сказал: «Русский язык доминирует на улицах и рынках; это язык бюрократии, правительства, Парламента, школы, бизнеса, а во многих случаях и абхазской городской семьи» [Чирикба 2006].

Современный абхазский алфавит, основанный на русской графике, состоит из 64 знаков. Несмотря на определённые недостатки [Бгажба 1987: 29], эти буквенные знаки позволяют более или менее точно воспроизводить специфические для абхазского языка звуки.

В русском языке отсутствуют такие звуки и буквы абхазского языка, как, например, согласные *к, т, ц, х*, лабиализованные согласные, как *тә, тә, дә, цә, зә, цә жә, шә*, фарингальный глухой *k*, аффрикаты *ц, заднеязычные гә, гә, кә, қә, кә, хә, хә*, а также *з, ч, е, ҕ, џ*. Поэтому русская письменность не располагает возможностью адекватно воспроизводить слова, в которых имеются эти специфические абхазские буквенные знаки.

В связи с этим абхазские антропонимы, топонимы, этнонимы и другие собственные имена, содержащие в себе эти звуки, по-русски пишутся и произносятся изменённо, переименовано. В результате у многих русскоязычных читателей нет даже приближённого понятия об абхазском звучании большинства подобных имён.

Рассмотрим это на примерах абхазских фамилий. На основе русской буквы г образованы шесть абхазских буквенных знаков – г, гь, гә, ҕ, ҕь, ҕә. В русском письме г заменяет все эти буквенные знаки абхазского алфавита. Проиллюстрируем это наглядными примерами абхазских фамильных имён.

Абхазские фамилии, содержащие букву гь (с знаком палатализации согласных посредством мягкого знака ь), пишутся:

по-абхазски	по-русски
Гьанаба	Гянаба (Генаба)
Гьачба	Гиачба (Гечба)
Гьеч	Геч

Фамилии с согласной буквой гә (с знаком лабиализации (огубление) ә) пишутся:

по-абхазски	по-русски
Гәбаз	Губаз
Гәымба (Гәынба)	Гумба (Гунба)
Гәышба	Гушба

Фамилии с буквой ҕ (с диакритическим (отличительный) подстрочным знаком) пишутся:

по-абхазски	по-русски
Абҕаа	Абгаа
Баҕыр-иҕа	Багир-ипа
Ғарцкьиа	Гарцкия
Саҕариа	Сагария и т.д.

Фамилии с буквенным знаком ҕь пишутся:

по-абхазски	по-русски
Абаҕьба	Абагба (Багбая)
Абҕьымаа	Абгимаа (Абгумаа)
Даҕьза	Дагдза и т.д.

Фамилии с буквой ҭ пишутся:

по-абхазски	по-русски
ҭәаҭасаа	Гуатасаа
ҭәыблиа	Гублиа
ҭәырзалиа	Гурзалия и т.д.

В абхазской антропонимии фамильных имён с такими фонемами десятки. В русской письменности и устной речи они теряют абхазское природное звучание, следовательно, исчезает исходное слово (этимон), от которого произошло то или иное фамильное имя.

Абхазская буква дә, образованная на основе русской **д**, например, абхазскую фамилию «Адәымба» фиксирует в русском письме как **«Адимба»**. Таким образом, абхазское слово «адәы» (поле), от которого может быть произошло данное имя, совершенно теряет своё смысловое значение.

В абхазском алфавите производными русской букве **ж** являются три абхазские буквы: собственно **ж** и **жь** и **жә**. Последние две воспроизводят звуки абхазской речи, отсутствующие в русском языке. Обе они присутствуют во многих абхазских антропонимах. Все фамильные и личные имена, содержащие эти буквы, в русском письме озвучиваются буквой **ж**. К примеру, фамилии Жьанба – Жанба, Жьяния – Жания, Жьиба – Жиба; Ажәеипшьаа – Ажвейпшаа, Агәажәба – Агуажба, Жәанба – Жванба (Званбая) и т.д.

Русская буква **з** лежит в основе абхазской буквы **з**, которую в русском письме заменяет буквосочетание **дз**, но последнее абсолютно не воспроизводит звучание соответствующей абхазской фонемы. В таком положении оказались десятки абхазских фамильных имён: Азба (Адзба), Азиашба (Адзиашба), Азынба (Адзинба), Арзынба (Ардзинба), Асазба (Асадзба), Гәызба (Гудзба), Заҭшь-иҭа (Дзиапш-ипа), Кәазба (Куадзба), Цәызба (Твидзба) и др.

На основе русской буквы **к** образовано восемь абхазских письменных знаков: **кь, кә, қ, қь, қә, ҕ, ҕь, ҕә**. Все они часто присутствуют в абхазских фамильных именах и в каждом случае в русском письме их заменяет одна и та же буква **к**. Приведём некоторые примеры:

Абхазская форма	Русская форма
I. Кьахьба	Кяхба
Кьахьыр-иҭа	Кяхир-ипа
Кьылба	Килба
II. Кәакәаба	Какоба

Кәарчелиа	Кварчелия
Кәацба	Квацба
Кәыкәба	Кукба
III. Ақәюба	Кове (пишутся так)
Қалбад	Халбад (пишутся так)
Қапба	Капба
Қычба	Кичба
Мқанба	Миканба (пишутся так)
IV. Қъецба	Кецба
Қыртба	Киртбая
Мқалба	Микелба
V. Анқәаб	Анкваб
Қәтарба	Кутарба
Ақәызба	Акудзба
Мықәба	Мукба
Шьынқәба	Шинкуба
VI. Калҕы	Колбая (пишутся так)
Каитанба	Кайтанба
Салакаиа	Салакаиа
Шьакрыл	Шакрыл
VII. Қыантаба	Киантаба
VIII. Ақәысба	Акусба
Арқәыць	Аркудж
Кәланба	Куланба
Шьханыкәа	Шханыква

Звук современной речи абхазского языка, обозначенный письменным знаком *q*, широко представлен в абхазской лексике. Утвердительно можно сказать, что нашим далёким предкам данная фонема слышалась ясно в окружающем их мире и воспринималась многозначительно. Этим, очевидно, можно объяснить столь активное использование этого звука в процессе словообразования¹.

¹ Звук *q* лежит в основе священных для абхазцев слов: «Ақсны», «ақсуара», «ақсадгьыл», «ақсабара» и др. Звук *q* иногда в отдельных словах звучит дважды: «қала-қала» (хлопьями), «а-қақсаахь» (пасынок), «ақатқатра» (трепыхаться, барахтаться – о птице), «ақеиқа» (внук) и т. д. Слово «ашәақыцақ» (растительность) в устах абхаза – мелодично-протяжённый, похожий на пение, как бы воспевают богатейший растительный мир Кавказа. А слово «ақарқалыкь» (бабочка) и выражение «ақарқалыкь иқыр-қыруа иқыруеит» передают своеобразные свойства и действия бабочки именно с помощью специфического звука.

В абхазской антропонимии, и в личных, и в фамильных именах, буква **ц** встречается часто, присутствует в разных частях слова (корень, суффикс, приставка) и придаёт именам вполне определённое смысловое значение. В приложении данного сообщения названы некоторые фамильные имена, содержащие эту букву. Большинство из них легко поддаётся расшифровке с помощью народной этимологии (Агыруацшь, Амцар, Ацсаа, Багацшь, Жәәцшь-ица, Инацха, Цацшь, Патеица, Цкын, Пшыцәба, Цшькәә, Цынцацаа и др.).

Русская буква **т** лежит в основе четырёх абхазских буквенных звуков: **т**, **тә**, **ц**, **тә**. Из них последние три используются для воспроизведения специфических абхазских звуков. В русском письме их заменяет буква **т**. В абхазских фамильных именах редко звучит **тә** (Тәанба) и **тә** (Арытәба, Хынтәба и др.), а буква **ц** присутствует в десятках фамилий (Абаац, Алтеиба, Атәмаа, Аихац, Ахац, Далтыкәа, Отырба, Царба, Царкыыл, Црацшь, Цхаитыкә, Цыжәба, Шармац, Шарытхәа, Шац-ица и т.д.).

На базе русской буквы **х** образованы пять абхазских буквенных знаков: **х**, **хь**, **хә**, **х**, **хә**. Все они звучат в абхазских личных и фамильных именах. Например **хь** – в фамилиях Хьацшь, Хьйба (Хьыба), Хаикәба (Хьыкәба) и т.д.: **хә** – Хәарткыиа, Хәахәаа, Хәырхәмал, Хәытаба и др.; **х** – Лымхаш, Хагба, Хагәышь, Халуашь, Хашба и др.; **хә** – Ахахәба, Ахәба, Хәатышь и др. Русская буква **х** заменяет все эти письменные знаки.

Русская буква **ц** в абхазской письменности представлена четырьмя буквенными знаками: **ц**, **цә**, **ц**, **цә**. Все абхазские имена, в которых имеются эти знаки, по-русски пишутся и озвучиваются буквой **ц**. Например, фамилии: Кьацәба – Кацба, Цәеиба – Цейба, Цәышба – Цушба, Чацәба – **Чацба**; Ацанба – Ацанба, Кәыцниа – Квициния, Цышәба – Цишба; Лацәышба – Лацузба (Лацузбая), Цәыцьба – Цвижба и т.д. В абхазской антропонимии фамильных имён с такими звуками десятки.

Четыре абхазские буквы **ч**, **ч**, **е**, **е** в русской письменной речи выражены буквой **ч**. Как это обстоятельство влияет на написание и произношение абхазских фамильных имён можно проиллюстрировать примерами: Амцба – Амичба, Кәарциа – Кварчия, Чалакәуа – Чолокуа, Цанба – Чанба; Баәаа – Бачаа, Ёыбзыкәаа – Чибзикваа; Акәыёба – Акучба; Цшькәә – Цшкяч и т.д. Перечень фамилий прилагается.

В русском письме буква **ш** заменяет три абхазские буквы: **ш**, **шь**, **шә**. Система русского письма не располагает возможностью точно передать абхазские звуки **шь** и **шә**, поэтому антропонимы, которые содержат эти знаки, в русском языке теряют абхазскую фонетическую транскрипцию. Например, фамилии: Алшәындба – Алшунба, Ашәуа – Ашуа, Ашәба –

Ашуба, Ашәхәацаа – Ашхацава, Лашәриа – Ласурия, Мышәба – Мушба, Шәлымба – Шулумба; Шьакаиа – Шакая, Шьоууа – Шоуа и т.д.

Последние три буквы абхазского алфавита – ѱ, ц, ць обозначают звуки абхазской речи, особенные для данного языка, не имеющие аналога (соответствия, сходства) в русской азбуке и речи. Эти звуки содержатся обильно в абхазских личных и фамильных именах. Букву ѱ в русской письменности заменяет буква **в**, совершенно не созвучная с ней, что в корне меняет звучание слов. Так произошло с фамильными именами: Арыютаа – Арвитаа (Арютаа), Аюхаа – Авхаа, Аюзба – Авидзба, Ақауба – пишут Кове, Мдаюеи – Мдавей, Наюеи – Навей, Ыардан – Вардания и др.

Буквы ц и ць в русском письме и речи озвучиваются путём соединения двух русских букв **д** и **ж** в **дж**. Например, фамилии, которые содержат в себе букву ц пишутся так: Абцарба – Абджарба, Абыцба – Абиджба, Кәыцба – Куджба, Цыраа – Джираа и т.д.; фамилии с ць – Абцъарба – Абджарба, Абыцъба – Абиджба, Арцъения – Арджения, Ацъынцъал – Аджинджал, Саманцъиа – Саманджия и др.

В приведённых примерах встречаются отдельные имена, содержащие по две и даже три буквы, отсутствующие в русской письменности. Например, в фамилии Бағыр-ица (ҫ и ц), Бҭажәба (ҫ и жә), Баҭ-ица (т и ц), Заҭшь-ица (з и ц), Ақауба (қ и ѱ), Акәазба (кә и з), Қәтарба (қә и т), Қалҭы (қ и ҭ), Аҭсазба (т и з), Пшьыцәба (п и цә), Далҭыкәа (т и кә), Тҭаҭшь (т, ц и шь), Тыжәба (т и жә), Хацъымба (х и ць), Цышәба (ц и шә), Цәыцъба (цә и ць), Арыютаа (ѱ и т), Аюзба (ѱ и з) Ақауба (қ и ѱ), Цъынцъиа (цъ дважды) и т.д.

Трижды, а иногда и четырежды звучат специфические абхазские звуки в некоторых фамилиях, например: Каҭкәыҭшь (абаз.) (к, кә, ц, шь), Пшькәә (п, шь, кь, ҭ), Пынцача (п, ц, ч), Хәтхәа (х, т, хә), Ашәхәацаа (шә, хә, ц), Таҭшьба (т, ц, шь) и т.д. Это характерно и для многих абхазских личных имён, например, таких, как, Мыкҭаҭ, Қыжә, Ханашә, Тлаҭс и т.д.

Теперь иноязычные читатели воспринимают эти имена так, как они пишутся и произносятся по-русски. В последнее время это наблюдается даже среди абхазов молодого поколения. Во время разговора молодые люди скажут скорее всего Ласурия, а не Лашәриа, Гарцкия, а не ҭарцкәиа, Мушба, а не Мышәба, Званба, а не Жәанба и т.д. Разумеется, всё это связано с развитием и утверждением русско-абхазского билингвизма. Так в речевой практике постепенно меняется природное звучание исконно абхазских имён.

Большинство абхазских фамильных имён произошло от родоначальников, прозвищ, занятий (профессий), названий местности, растений

и животных, от этнонимов и т.д. Во многих случаях потомки получали фамилию от обиходного, чисто абхазского имени¹.

В основе абхазских языческих имён лежат слова родного языка. А когда фамильное имя теряет своё природное звучание, оно порывает связь со словом, от которого оно произошло, следовательно, теряет своё первоначальное смысловое значение. Получив иноязычный облик, имя уже и не поддаётся этимологической расшифровке. И как бы ни было больно это сознавать, постепенно и почти незаметно беднеет словарный фонд родного языка.

На мой взгляд, следует отметить ещё одно существенное обстоятельство. Языковые процессы, протекающие в абхазской антропонимии под влиянием русского языка, касаются не только проблем лингвистики. В данном случае мы имеем дело не просто с фонетической транскрипцией отдельных слов, но и с голосом природы. Наши древнейшие предки создавали слова, общаясь с превосходной красотой окружающего мира, очевидно, жизнью природы дышали: разумели лепетание ручьёв, понимали шелест древесных листьев, шёпот лесных птиц, шуршание морских волн, чувствовали аромат благоухающих цветов горных и низменных, читали звёздное небо то с вершины горы, то с берега моря, то, стоя у родника облюбованного пейзажа родной стихии. Голос природы слышался непрерывно: во время многосторонней борьбы по жизнеобеспечению и при покорении горных вершин во время охоты, и при виртуозном разбеге на облюбованном коне, в процессе всей жизнедеятельности. Именно при таком непосредственном взаимодействии человека и природы мог удивительный прибор, человеческий орган слуха, воспринять множество самых различных, в том числе очень красивых звуков, которыми наполнен окружающий мир. Только этим путём человеческий мозг мог зафиксировать и выразить в словах такое разнообразие уникальных и чудесных звуков языка. В этих звуках звучит речь самой кавказской природы, отражается слышание языка живой природы теми людьми, которые улавливали и переносили эти звуки в человеческую речь. Несомненно, звуковая гармония самобытного языка заслуживает самого бережного обращения.

Язык хранит «тайны природы» не только своим звуковым составом. В языке много ценных знаний о природе. У абхазов, как и у других народов мира, есть передаваемые из поколения в поколение традиции,

¹ В современной антропонимии абхазов немало и заимствованных фамилий. Значительная часть этих фамилий приняла народную этимологию в соответствии с морфологическими нормами абхазского языка, вошла в антропонимический фонд абхазов.

песни, сказания, которые часто являются сокровищницей ценных сведений о местных природных условиях и о жизни животных. Тайны природы отражены и в народном искусстве, ремёслах и прочих ценностях, созданных народом. Всё это бесценное творение народной культуры – уникальное достояние общечеловеческой цивилизации.

С этих позиций урон в языке даже одного звука – это чувствительный удар по данному языку, ущерб в целом для всей мировой языковой культуры. С этим трудно не согласиться.

В настоящее время мы являемся свидетелями того, как среди русскоязычного населения изменилось написание, устное произношение и природное абхазское звучание множества абхазских имён. Подобное происходит и с именами родственных нам горских народов Кавказа.

Возникает вопрос: не являются ли эти процессы вызовом глобализации? Да, теперь все признают, что глобализация – это величайшее и всеобщее явление современности. Оно охватило все сферы жизни нашей планеты. Жизнь людей и стран во всём мире становится всё более тесно, глубоко и непосредственно взаимосвязанной, чем когда-либо ранее. К сожалению, подобно многим другим начинаниям людей, глобализация имеет как хорошие, так и негативные стороны, приносит и пользу и вред.

В частности, изменение природного звучания абхазских имён – это не безобидное упрощение звукового состава этих имён. Фонемы, которые звучат в языческих (мирских) абхазских именах, уводят в этнические корни, напоминая нам в какой географической среде формировались звуки речи, яснее ясного говорят об автохтонности населения страны. Имена – это бесценное достояние народа.

В этой связи следует особо подчеркнуть одно важное обстоятельство. Огромное прогрессивное влияние русского языка, русской науки и культуры в целом сделали имена многих абхазских деятелей достоянием российской и мировой истории и культуры. Прочно вошли в российское кавказоведение, например, имена абхазских учёных Г. Дзидзария (Зизария), Х. Бгажба (Бҭажбә), Ш. Инал-ипа (Инал-ипа), К. Шакрыл (Шьакрыл), М. Трапш (Трапшь) и др.; широкую известность получили писатели С. Чанба (Чанба), Б. Шинкуба (Шьынқәба), И. Когония (Кәаҭәаниа, Коҭониа), И. Папаскири (Папасқыр) и др.; деятели искусства Ш. Пачалия (Шә. Пачалиа), Л. Касландзия (Л. Касланзиа) и др.

Имена известных абхазских государственных и общественных деятелей, просветителей, ученых, писателей, героев труда и войны, генералов и других, которые приобрели в русском письме и речи русское звучание, естественно и в русской и в любой иноязычной среде, вос-

принимаются как собственно абхазские. Эти имена вошли в словарный фонд русской речи как абхазские антропонимы. Здесь возникает вопрос о взаимовлиянии культур. Но это особый, самостоятельный и большой вопрос.

Какие практические рекомендации вытекают из вышесказанного? Памятуя необратимый характер происходящих ныне языковых процессов, на мой взгляд, в ближайшее время необходимо: а) провести точную параллельную запись абхазских личных и фамильных имён на родном и русском языках; б) ускорить исследование этимологии абхазских фамильных имён; на первых порах составить популярный этимологический словарь абхазских фамилий. Очевидно то же самое следует проделать и по другим этническим собственным именам.

Литература

- Бгажба 1987:** Бгажба Х. С. Труды. Книга первая. Сухуми. 1987.
- Боденштедт 2002:** Боденштедт Фридрих. По большой и малой Абхазии. М. 2002.
- Инал-ипа 2002:** Инал-ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. Майкоп. 2002.
- Чирикба 2006:** Чирикба В. Вопросы сохранения и развития абхазского языка и проблемы демографии // «Республика Абхазия». 16 сентября 2006.

З. В. КАНУКОВА
(г.Владикавказ)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

Концептуальное рассмотрение понятия «глобализация» характеризует современное общество как целостный и взаимосвязанный мир. Тезис о глобальной культуре, о единой планетарной цивилизации находит все больше сторонников и противников.

Глобализация – объективная реальность, с очевидными позитивными и негативными проявлениями. Современный дискурс основан на определении перспектив этого процесса в различных сферах жизнедеятельности общества.

Острой проблемой является состояние традиционной культуры в условиях глобализации. Активное межэтническое взаимодействие не оставляет иллюзий о сохранении «чистых», традиционных культур. Их противостояние с инновационной культурой имеет давнюю историю, которая убеждает в тесной взаимосвязи модернизации и глобализации.

Традиционная культура народов Северного Кавказа пережила трансформационные процессы, связанные с пореформенной (2 пол.ХІХ века), советской и постсоветской модернизационными эпохами. Основным содержанием модернизационного процесса на Северном Кавказе, как и в других национальных регионах, всегда была и остается проблема сохранения самобытных культурных традиций. Отличительными чертами трансформационных эпох были сложный полилог этнотрадиционных культур с европейской (русской) цивилизацией, выработка способов и методов адаптации. Присоединение к России - крупное политическое событие в новой истории народов Северного Кавказа – привело их к интеграции в российское экономическое и социокультурное пространство.

Проведение реформ, освобождение зависимых сословий, развитие буржуазных экономических отношений, вовлечение в систему всероссийского рынка, появление городов – фактора форсированных преобразований, городского населения, его адаптация к неизвестным ранее возможностям развития экономики, социальной и культурной жизни привели к трансформации традиционных культур.

Российское чиновничество, уверенное в благотворности и полезности своей деятельности для «туземцев», старалось искоренить их традиции и верования. Однако традиционные культуры народов Северного Кавказа продемонстрировали и защитные механизмы, основанные на этнических функциях. Важнейшими из них являются созданные системы организации коллективной жизни, обеспечение передачи этнокультурной информации между поколениями, культурной интегрированности, формирование картины мира. Адаптационные и защитные функции этнической культуры обусловили ее сохранность.

Результатом межцивилизационного диалога европейской (русской) и местных культур стал сложнейший синтез традиций и инноваций, соотношение которых определяло реальное состояние традиционной культуры.

Советская модернизация как комплекс экономических, социальных, политических и культурных трансформаций, сопровождающихся индустриализацией, урбанизацией и другими процессами, также не справилась с задачей создания единой общности «советский народ», с интернационализацией культуры. Проявив адаптационные механизмы, национальные культуры народов Северного Кавказа вобрали в себя инновационные элементы, подверглись значительной трансформации, но избежали общего «плавильного котла» и сохранили этнокультурную самобытность.

Таким образом, модернизационные процессы стали предтечей глобализации, которая предполагает единение, унификацию культур и образа жизни разных народов. В мире создаются транснациональные системы в сфере экономики, финансов, политики, культуры, образования, формируются полиэтнические общества.

Ответом на эти процессы стал «взрыв этничности», чрезвычайно актуализировались проблемы культурной, этнической, языковой, религиозной, ментальной и других идентичностей. Несмотря на глобалистские тенденции, охватившие все человечество, этнические и религиозные сообщества, вопреки прогнозам глобалистов о рассасывании и слиянии в единую общность, активно манифестируют стремление к сохранению и возрождению своей этничности. Это явление интерпретируется как своеобразный вызов глобализации.

Обозначенные процессы глобализации и этнизации тесно взаимосвязаны: по мере унификации и превращения во «всемирную деревню» нарастает проблема сохранения этнической идентичности. Это очевидно не только у коренных народов региона, но и у этнических меньшинств, не имеющих своей государственности.

На Северном Кавказе этот процесс отчетливо прослеживается в диаспорных группах. Осетия сохраняет свою полиэтничность, в ее этнической структуре насчитывается свыше 100 различных национальностей. Среди них – классические крупные диаспоры армян и евреев, менее многочисленные немецкие, греческие, азербайджанские, польские, корейские и другие диаспорные группы. Степень сохранности этнокультурной идентичности у них разная: есть общины, всегда сохранявшие этническую консолидацию и самобытность (армяне, грузины), есть и диаспоры, пережившие мощные ассимиляционные процессы.

Но сегодня все они мобилизованы и нацелены на сохранение и возрождение своего языка и культуры. 15 лет назад они стали создавать свои национально-культурные общества, объединенные в рамках общественного движения «Наша Осетия». В структуре Министерства по делам национальностей РСО-Алания функционирует «Дом Дружбы», координирующий деятельность национальных обществ – армянского «Эребуни», азербайджанского «Азери», ассирийского «Ниневия», греческого «Прометей», грузинского «Эртоба», еврейского «Шолом», ингушского «Даймох», кабардинского «Намыс», славянского «Русь», татарского общества имени Г. Тукая, корейского «Самченри», немецкого «Лорелея» и др.

Все, без исключения, диаспоры создали целый комплекс, включающий религиозный храм, национальную школу, благотворительное и национально-культурное общество. Они ставят и решают проблемы изучения родного языка, создают ансамбли национального танца и песни, проводят совместные фестивали, конференции, возрождают национальную праздничную культуру, изучают свою историю. Никто не желает терять национальную самобытность и уникальность.

Традиционная культура диаспор демонстрирует свои защитные свойства, свою «живучесть», в немалой степени обусловленную коммуникативной функцией.

Важно отметить, что «титульный» этнос – осетины, также охваченные процессами этнизации и сохранения этнокультурной идентичности, проявляют высокую степень толерантности в отношениях с диаспорными группами.

Таким образом, современная глобализация сталкивается с традиционными культурами, многократно подвергнутыми модернизационным процессам, но сохранившими свои защитные и адаптационные механизмы.

Имеют ли антиглобалистские панические настроения серьезные основания? Стоит ли «сражаться» с такими «разрушителями» традиционной культуры как «Макдоналдсы», английский язык и другими?

Возможно, для французской национальной кухни «Макдоналдс», действительно, представляет угрозу. В Осетии с ним никто не сражается. Осетинская национальная кухня в основном сохраняется в ритуально-обрядовой сфере, закрытой для «Макдоналдса». В повседневной жизни система «бистро» не представляет угрозы для традиционной культуры. Тем более, что наряду с ней распространяется множество точек национальной кухни, особенно восточной.

Перевод нартских сказаний на английский язык, их экранизация в Голливуде, возможно, способствовали бы глобализации мировой культуры. Но это не разрушает, а укрепляет традиционную культуру.

Тенденция культурной глобализации обостряет интерес к культурной самобытности. Культурное многообразие современных народов усиливается, они сохраняют и развивают свои традиции.

Осознание и защита этнокультурной самобытности подтверждает, что человечество, становясь все более взаимосвязанным и единым, не утрачивает своего этнического многообразия.

Ю. М. БОТЯКОВ
(г. Санкт-Петербург)

ПЕРСОНАЖИ ТРАДИЦИОННОГО СЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА: ПАСТУХ, ОХОТНИК

В статье речь идет, главным образом, о сельском сообществе адыго-абхазского мира. При этом основной интерес представляет система взаимодействия, сложившаяся между ядром общины и представителями ее топографической периферии. В данном случае в этой роли выступают чабан и охотник.

Чабан.

Специфика скотоводства как вида хозяйственной деятельности и, что особо следует подчеркнуть, образа жизни, неизбежно должна была создать почву для возникновения комплекса специфических черт, отличающих корпоративное сообщество пастухов. Безусловно, главной и очевидной особенностью их работы было длительное нахождение в труднодоступных горных районах.

Нахождение на краю обжитого человеком пространства в отрыве от общины формировало у чабанов специфический, отличный от остального населения психический склад личности и особую систему ментальности.

Уход в горы, где пастух проводит большую часть своей жизни, в фольклоре рассматривается как один из способов преодоления житейских неурядиц путем аскетического затворничества. «Семнадцать братьев взяли в жены семнадцать сестер; самый старший, восемнадцатый, остался без жены. Удрученный тем, что у него нет жены, ушел он в горы: братья живут припеваючи, а Куаго не возвращается, одиноко живет в горах» [Алиева, Гадагатль, Кардангушев 1974: 308].

В ряду особых признаков, характеризующих пастушеское сообщество, следует отметить выраженное чувство артельной сплоченности. Объединения пастухов имели четкую организационную структуру, систему соподчиненности и распределения обязанностей внутри группы.

Характеризуя сообщество пастухов как субкультурную группу, следует подчеркнуть сопричастность лиц, входивших в это сообщество, к особой

обрядовой практике поклонения одному из божеств многочисленного языческого пантеона – патрону скотоводства.

Пастушество, как род деятельности, было связано также с проблемой охраны скота от хищников и скотокрадов. Тяготы, которые должны были преодолевать в своей работе чабаны, подразумевали совершенно определенный тип личности, с присущим ему комплексом волевых черт характера, что не могло не сказаться в формировании позитивного отношения к ним со стороны общинников.

Статус пастуха – «человек границы», поэтому он был в равной степени обращен и к общине, и к тем, кто к ней приближается. При знакомстве с фольклором весьма отчетливо проступает та социальная роль, которая, с точки зрения создателей эпических текстов, возлагалась на пастуха. Функции пастуха – быть хранителем информации и служить «привратником», стоящим перед входом в мир общины. Пастух – первый человек, которого встречает на подступах к обжитой людьми территории вернувшийся из дальних странствий эпический герой.

«Мчится муж из мужей,
Кружит по вражьим тропам.
На перекрестке семи дорог
Нартский пастух навстречу...
Расскажи про Нартов, пастух!
Да отколь мне про Нартов знать?
Коль про Нартов не знаешь,
Что ж пасешь у семи дорог? –
Распалился Бадыноко...».

[Талпа 1936: 34]

Удивление и возмущение нарта можно понять – незнание пастухом новостей противоречит сложившемуся устойчивому представлению о том, что чабан практически «всевидящ».

Пастух – не только «глаза и уши» общины, его социальная функция гораздо шире и сложнее – он посредник в самом широком смысле этого слова. Здесь можно вспомнить предание, которое услышал видный кавказовед Л.И.Лавров в ауле Лакшукай. Предание повествует о двух юношах, которые отправились на поиски приключений и подвигов. Возвращаясь на родину, один из друзей гибнет в бою. Уничтожив врагов, его товарищ с телом друга и своей невестой отправился в родные края. При этом «не доезжая до родного аула, он остановился и попросил пастуха сообщить матери погибшего, чтобы вышла принять своего сына, а потом пойти к его матери и сказать, что бы встречала сына и невестку. Пастух так и сделал» [Лавров 1982: 16].

Задача пастуха не сводится лишь к банальной передаче вести, практически он должен выполнить сложную дипломатическую миссию: сообщить двум матерям из одного аула два прямо противоположных по сути известия – радостного и трагического. Контраст очевиден. Сам юноша, как это и отмечается в предании, понимает сложность своего положения.

При рассмотрении вопроса о позиции чабана в общине весьма примечательным, на наш взгляд, является предание, также записанное Л.И Лавровым в адыгейском ауле Адэмый. В этом предании речь идет о нарте Шибатенуке, который в поисках Саусрука переправляется через р. Кубань. «На левом берегу Кубани нарт повстречал чабана и спросил его о дороге к Саусруку... Чабан догадался, что перед ним прославленный Шибатенук: «Нарт, не откажись перед дорогой подкрепиться пищей, которую я сейчас приготовлю из бычка и барана». Но Шибатенук в сердцах ответил: «Как ты посмел сказать мне такое? Не угощений ищущий, а достойного противника! Не имей я бога в душе, прибил бы тебя, как собаку!». Затем он поехал указанной ему дорогой» [Там же: 33].

Надо сказать, что герои эпоса мало «церемонятся» с пастухами. В приведенном выше тексте, повествующем о встрече Бадыноко с пастухом, нарт «трижды плетью его ударяет» за незнание хабаров о Нартах [Талпа 1936: 34], причем ударяет не просто пастуха, а старого человека.

Возвращаясь к преданию о нарте Шибатенуке, следует сказать, что данный фольклорный текст примечателен фиксацией факта столкновения двух стратегий поведения. Во-первых, обращает на себя внимание, казалось бы ничем не аргументированная реакция нарта, поскольку с точки зрения традиционного этикета поведение пастуха безупречно. Пастух оказывается первый, кого встречает нарт, перейдя границу (реку Кубань), и, будучи в положении хозяина, он собирается угостить гостя. (Отметим, что поведение пастуха в целом отличает следование этикетным нормам). В этой связи ответ Нарта пастуху с точки зрения обыденного сознания, напротив, есть образец грубого нарушения этикета. Неадекватным поведением героя в данном случае подчеркивается степень важности стоящей перед нартом задачи, ради осуществления которой возможен выход за рамки условностей.

Позиция нарта, персонифицирующего героика эпоса, далека от обыденной идеологии «здравого смысла», представителем которой является пастух. Пастух не является носителем высоко престижной в местной среде идеологии наездничества, он воплощает в себе иные ценности, он мудрый советник главного героя, носитель взвешенного подхода к жизненной ситуации, и, как следствие, его удел в повседневности.

При этом действия пастуха порой отличает известная доля житейской хитрости, являющейся зачастую тем единственным оружием, которое может использовать простой человек в противостоянии незаурядной личности «героя» или «разбойника». Отсюда и проистекает характеристика пастуха, как человека «себе на уме».

Аналогично ведет себя и чабан, разозливший Бадыноко незнанием хабаров, который вначале отговаривается неведением, ссылаясь на свою замкнутую жизнь:

«Да отколь мне про Нартов знать?
 День-деньской пасу я стадо,
 Настанет ночь – мертвецки сплю».
 [Там же]

но потом, тем не менее, вспоминает все, что требуется.

Итак, мы можем говорить о том, что положение чабана в общине отличалось определенной самобытностью и обособленностью.

В кавказском фольклоре мы также встречаем сюжеты, в которых со всей очевидностью проступает и откровенно негативное отношение к пастуху со стороны общества. Практически общим местом в эпосе «Нарты» является обвинение главного героя в его происхождении от пастуха. «Сосруко выиграл твою дочь! – Уж лучше моя дочь без мужа останется, чем отдать ее за сына пастуха коров, – сказал Тлепш и вышел» [Алиева, Гадагатль, Кардангушев 1974: 220]. Показательно, что даже конь богатыря в кабардинском тексте в гневе обращается к своему хозяину: «Сосруко, носок чувяка, отродье пастуха!» [Талпа 1936: 25].

И в абхазской версии «Нартов» также встречается подобная мысль: «братья не любили его за то, что он был сыном пастуха Зартыжа. И поэтому не считали его за брата». В одном из абхазских преданий речь идет о двух братьях, младший из которых, забравшись на высокую скалу, не смог слезть вниз. Тогда старший брат, боясь, что он может ночью заснуть и разбиться, прибегает к хитрости. Старший брат начинает петь песню оскорбительного содержания, чтобы ярость, вызванная его словами, не позволила брату заснуть. «Даст бог, ты сорвешься со скалы и погибнешь, а я возьму твою жену, – говорит, – твоего единственного сына сделаю козлопасом и овчаром, – говорит, – твою дочь водоносной сделаю, говорит» [Хварцкия 1994: 42]. Не вызывает сомнения, что в тексте, составленном с конкретной целью разозлить человека, возможная перспектива сделать его сына пастухом предстает как крайне незавидная участь. На чем основывалось подобное отношение к пастушеству?

Во многих семьях это традиционное для населения занятие органично сочеталось с земледелием, в этих условиях все члены коллектива родственников были в равной степени пастухами и земледельцами. Тем не менее, и в рамках одной семьи уже могла существовать различная хозяйственная ориентация. При этом существовали пастухи, для которых скотоводство становилось основной сферой их жизнедеятельности. Ситуацию, когда в пастухи шли молодые парни, наши информаторы отмечали как типичную. Из местной среды в чабаны шли, в основном, люди из наиболее бедных слоев общества.

Наряду с ситуацией, когда пастухами становились наиболее бедные представители общины, в традиционной кавказской среде существовала достаточно многочисленная категория лиц, из числа которых пополнялись кадры пастухов. Речь идет о лицах, вынужденных, как правило, по причине кровной вражды, оставлять свое родное селение и искать покровительство в дальних обществах.

Отсутствие у беглецов земельной собственности в новой общине естественным образом обуславливало ту специфическую хозяйственную сферу, где отныне находили они применение своим силам. Вне всякого сомнения, вышеотмеченная ситуация, когда пастухами становились пришлые, а, следовательно, и социально менее защищенные люди, в целом отражалась на статусе пастуха в общине. Ситуация, когда пастухами становились представители наиболее сильно зависимых слоев общества, имеет на Кавказе глубокие корни. Так, Л.И. Лавров, говоря о периоде античности в этом регионе, в частности отметил: «если земледельческое хозяйство местной знати могло держаться на поочередной трудовой повинности формально свободных крестьян, то для обслуживания их стад требовался постоянный штат чабанов и табунщиков, которыми очевидно и являлись рабы» [Лавров 1978: 19].

С точки зрения одного из наших информаторов, у основной части населения, занимавшейся земледелием, отношение к пастуху двойственное. Несмотря на то, что занятие пастушеством давало человеку некое материальное благополучие (пастух – достаточно обеспеченный, «сытый» человек), отношение к нему было если не пренебрежительное, то, во всяком случае, настороженное, отстраненное. Обратим внимание на следующую деталь: пастух в общественном представлении человек, не нуждающийся, но именно «сытый», а не богатый, его благосостояние далеко не для всех является притягательным.

Возникает некий стереотип восприятия профессии чабана как удела людей необразованных, не способных ни на что большее, а в ряде случаев и умственно неполноценных.

Существовало одно очень важное обстоятельство, отмеченное нами ранее, оказывавшее свое негативное воздействие на представление местного населения о статусе пастуха. Речь идет о нахождении чабана, в силу специфики занятия, на периферии общины, обуславливающим его оторванность от общественной жизни, обрядов и праздников. «Жил сытно, но на отшибе». Чабан не может сделать «общественную карьеру», т.к. находится «не на виду». Его занятие слишком обыденно, чтобы могло помочь ему стать заметным общественным деятелем. «Занятие обычное, серое. Авторитета не завоюешь».

В качестве примера выше рассмотренной ситуации, когда уклад жизни скотовода приводит человека к отрыву от общественных интересов селения, можно привести историю взаимоотношений одного из жителей абхазского с. Члоу с остальным сельским сообществом. Человек, о котором идет речь, содержит 300 голов скота, на обслуживание которого у него уходит практически все его время. Живет он одиноко, не имея ни жены, ни детей. Этот человек не смотря на то, что все дни проводит в труде, не пользуется в селении абсолютно никаким авторитетом. Его образ жизни привел к тому, что он игнорирует важнейшие для общины события – не посещает похороны, свадьбы. Короткие, обычно по ночам, выражения сочувствия близким покойного или поздравления по случаю свадьбы формальны и не могут влиять на ситуацию. Он, что особо отмечалось нашими информаторами, не может даже найти время и разделить трапезу с родственником или соседом, даже когда сам приглашает человека к столу.

С разрушением обособленности кавказской общины и переориентацией ее на открытость внешнему миру роль пастуха, как связующего звена между отдельными сельскими сообществами, резко снизилась. Отныне традиционно сохранявшийся баланс позитивного и негативного отношений к этому роду занятий был нарушен. Чабан оказывается на самой дальней периферии общественной жизни. «Жил сытно, но на отшибе». Чабан не может сделать общественную карьеру», т.к. он не на виду. Реальный, в силу специфики занятия, отрыв чабана от общины усугубляет его положение социального аутсайдера, препятствуя участию во многих общинных делах и праздниках.

Охотник.

Охотник – один из наиболее значимых персонажей традиционного сельского сообщества. Именно с фигурой охотника связана в фольклоре сфера деятельности человека, которую можно рассматривать в качестве отголоска деяний культурного героя. Так, например, благодаря усилиям абхазского охотника Хавя Амаршана, сумевшего победить лихорадку, был положен конец ее губительным возможностям.

Принадлежность к охотничьему сообществу подразумевала причастность к особой ритуальной практике, включавшей в себя в качестве доминанты развитый культ Ажвепшаа Абна-Инчваха – бога лесов, лесных зверей и охоты. Важным атрибутом охотничьего сообщества, как особой корпоративной группы было употребление особого «лесного» языка, который возник на почве представления о том, что животные понимают речь людей.

Занятие охотой естественным образом определяло преимущественное положение охотника вне пределов селения.

Нахождение длительное время на необжитой территории создавало условия, при которых охотник оказывался в той же роли, что и пастух, т.е. выступал в качестве стража границы и следопыта, прекрасно ориентировавшегося в ближайших и отдаленных окрестностях селения, первым узнававшего о приближении опасности. Однако, если пастух был привязан к определенному маршруту кочевки, что существенным образом ограничивало направление его передвижения, то положение охотника, отличавшееся большей автономностью, позволяло ему не быть столь скованным с выбором направления и протяженности пути. Это состояние мобильности охотника в своем максимальном проявлении выступает в сказании о знаменитом абхазском охотнике Кудри-Али, который «кочуя из страны в другую ... сам не зная как, однажды забрел в Аварию...» [Хварцкия 1994: 235].

Роль охотника, как первопроходца, неразрывно связана с еще одним очень важным обстоятельством, а именно: охотник согласно преданиям часто является основателем селения.

Высокогорные пастбища – территория выпаса скота – находились в непосредственной близости от охотничьих угодий, что естественным образом определяло тесное взаимодействие людей, вовлеченных в эти сферы деятельности. Пастушеский стан являлся необходимой базой для охотника, его надежным тылом. При этом союз охотника и пастуха базировался на представлении о высокогорье – территории, где протекала их профессиональная деятельность, как территории священной, что в значительной степени определяло их общую стратегию поведения. Более того, на практике нередко один и тот же человек в равной степени имел отношение к этим сферам деятельности. Поэтому образ охотника в фольклоре зачастую неотделим от образа пастуха. Так, если в связи с изобретением песни нарт Кытаван предстает как охотник, то в эпизоде с изобретением им флейты – уже как пастух. Ш. Инал-ипа в своей работе отмечал, что «пастухи на горных летних пастбищах выделяли из своей среды лучших охотников, которые на целые

сутки систематически уходили на охоту в труднодоступные горные места (аб ацамкыра)» [Инал-ипа 1960: 111]. Поэтому неслучайно, что и терминология, принятая для обозначения социальных дефиниций, в пастушеской и охотничьей артелях была идентичной. Тем не менее, эти виды деятельности, имевшие очевидное поле соприкосновения, представляли собой две самостоятельные отрасли хозяйства, хотя и связанные между собой «союзническими» отношениями. Даже в вышеприведенном описании Инал-ипы, когда он говорит об охотниках, картина предстает весьма прозрачная: из среды пастухов избирался охотник, который *систематически* отправлялся на промысел. Практически это уже не пастух, так как занятие охотой подразумевало длительный отрыв от человеческого жилья и соответственно выход из повседневного трудового цикла. В ряде случаев, когда речь идет, казалось бы, об опытном охотнике – чабане, на самом деле речь идет о хозяине скота, находящегося вместе со стадом.

На практике подобное размежевание между охотниками и чабанами, конечно, не носило тотальный характер, но для нас оно имеет значение в силу того, что некоторые информаторы в своих высказываниях подчеркнуто отделяли мир охотника от мира пастуха. «Охотники чабанами не были» [Архив, л.6]. «Охотник – это смелый и выносливый, порядочный и честный человек» [Там же, л.22]. «Самая уважаемая профессия» [Там же, л. 26]. «Настоящие охотники считали, что разыгрывать в горах нельзя – святое место. А чабаны другое дело» [Там же, л.24].

Подобные высказывания в адрес охотника можно было бы продолжить. Как нам представляется, с течением времени сложившийся комплекс социокультурных представлений, традиционно соотносившийся с сообществом охотников и пастухов, в народном сознании уже не мог по-прежнему этому союзу адресоваться. Подобная дифференциация в отношении охотников и пастухов была связана со значительной утратой престижности позиции пастушества как рода деятельности.

Статус высокопрестижного занятия, который закрепился за охотой, в немалой степени объясняется тем обстоятельством, что в условиях высокогорья это занятие было сопряжено с огромным риском, и рассматривалось в местной среде как сопоставимое с воинским делом. Охота является одним из любимых занятий героев-нартвов.

Не менее важным обстоятельством, обусловившим заметную роль охотника в общине, является конечный результат его деятельности – распределение добычи. Приведем также короткое замечание Ш.Инал-ипа по поводу употребления мяса диких коз среди местного населения. «Мясо диких коз было любимой и почетной пищей абхазов, и добыва-

нию этой дичи придавалось важное значение» [Инал-ипа 1960: 111]. К сожалению, автор не выходит за рамки констатации этого факта, и мы не знаем тот круг представлений, в который он был вписан, точно также мы не можем сказать, существовало ли ранее особое отношение к мясу других добываемых на охоте животных и с чем конкретно оно было связано. Мы можем лишь предположить, что такое отношение существовало.

В целом же, как нам представляется, можно без большой натяжки предположить, что, возвращаясь с добычей, охотник «вносил» в мир людей из мира природы некий дар, который в силу своей особой ценности считался всеобщим достоянием, о чем говорит сложившаяся система распределения добычи.

«Охотники проводят на охоте месяца два-три, - пишет Д.Гулиа, - главным образом зимою, подвергая себя неописуемым опасностям, без всякой выгоды для себя, т.к. вся убитая дичь делится между сбежавшимися на выстрел лицами и соседями, а шкуры убитых лесных животных охотники дарят дворянам, князьям и административным лицам для украшения домов. Все это не могло стимулировать развитие охоты, которая некогда здесь процветала, но к началу XX в. сделалась мало прибыльной» [Там же: 116].

Традиция распределения добычи, отодвигающая материальную сторону вопроса на задний план, дожила практически до нашей современности. Правда, в высказываниях современников речь уже не идет о том, что при разделе добычи охотник оставался практически ни с чем. Но, тем не менее, сама идея – необходимость распределения добычи между окружающими, продолжает оставаться актуальной. Точно также продолжает сохраняться позитивная точка зрения относительно фигуры самого охотника. Отметим, что в адрес охотника не было произнесено ни одного критического замечания.

Охотник предстает как человек, который продолжает придерживаться традиционного взгляда на раздел добычи, пусть уже и в несколько рудиментарном варианте. В этом отношении хотелось бы обратить внимание на интересное, с нашей точки зрения, объяснение полезности роли охотника в обществе, якобы связанное с его ролью как истребителя волков и шакалов. Как нам представляется, здесь имеет место определенная подмена. В современных условиях охотник перестал осуществлять полномасштабную функцию распределения добычи (в наши дни охотники могут при желании поделиться мясом, хотя при этом не все знают, какую часть туловища следует давать), но само представление о его значимости, как человеке, приносящем общественную пользу, про-

должает сохраняться. Этим, на наш взгляд, мотивируется современное объяснение общественной значимости деятельности охотника, соответствующее духу времени – он уничтожает хищников.

Литература

- Алиева, Гадагатль, Кардангушев 1974:** Нарты. Адыгский героический эпос / Составители А.И. Алиева, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев. М., 1974.
- Архив:** Архив МАЭ РАН. К.1, Оп.2. № 1755. Л.6., 22, 24, 26 .
- Инал-ипа 1960:** Инал-ипа Ш. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1960.
- Лавров, 1978:** Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л. 1978.
- Лавров 1982:** Лавров Л.И. Этнография Кавказа. Л., 1982. С.16.
- Талпа 1933:** Кабардинский фольклор / Вступит.статья, коммент.и словарь М.Я. Талпы. М.-Л., 1936.
- Хварцкия 1994:** Абхазские сказки и легенды / Составитель И. Хварцкия. М., 1994.

3. Ць. ЦЬАПУА

А. А. АНШБА 70 ШЫҚӘСА ИХЫЦРА ИАЗКНЫ

(Аиубилеитә конференцияеы ақәгыларә)

Хәтыр зқәу Ақсны Ахәынтқарра Ахада, Апыза-Министр, хәсәсцәә, хқоллегацәә!

Ақсуа гуманитартә тцаарадыррақәә ахынзааихьоу агәәтаразы, рылцшәәқәә реихшьаларазы, насгы – зегь реихә ихадароу – рырәиаразы, аитцбыра абицарақәә реилыркааразы ичыдоу ацакы амоуп хцарауаа нагақәә рыцстазаареи рырәиамтақәәи рылацәәжәара, лассы-ласс рызхәапшра. Ари аус еихагы ацакы шытыцуеит Артур Артиом-ица Аншба еипш абаохатәра злаз, зықәра иахьымзаз, аха цсра-зра зқәым атынха аанзыжьыз ацарауао ианизку.

А.А. Аншба – XX ашәышықәса 60-тәи ашықәсқәә рзы иааитцагылаз апхәтәи ақсуа профессионалтә фольклористцәә дреиуоуп. Ускан ақсуатцаара ахәтагы хырхартак ахәсабала инагзаны ишьақәгылангы икамызт, мьяхаки тбаала иәиаратә мцәыжәоақәә еитцнамхыцызт. А.А. Аншба ақсуатцаара иалеигалеит, ирәиет аклассикатә филология атрадицияқәә, иусумтақәә рытцаарадырратә җазара даара ихаракуп. Ацарауао итеориатә пшаарақәә рәи рхарта-сырта умбо еилышыуп, еицаиуеит атрадициатә тцаашәа формақәәи аметодологиатә хырхарта җыцқәәи. Уи ирәиаратә цстазаара ақсуа филология атышәынтәалара, аәиара аамта иасимволхеит ухәар ауеит. Уи иказшьан атцаарадырраә – ацауларә, апринципра, ацстазаараә – ахзырымгара, аиашә адгыларә, ахеичамхара. Иара ианакәзаалак акониунктура иееимтәит, игәи ихшыои рақәын дымҗақәызцоз иразкы изаанагоз ицстазааратә пышәарақәә зегы рәи.

А. А. Аншба диит 1936 шықәса, ажьырныхәамза 2 рзы. Иани иаби шытрала Лыхнытәқәан, аха усқан Ткәарчал инхон... Иаб – Артиом Еслам-ица – занаатла дынцныр-електрикын, Москватәи аенергетикатә институт далгахьан, иан – Татиана Иасыф-ицха Цьергьениа-цха – декономистын, ацара лцеит Москва, усқантәи Амрагыларатәи ацәажәлар руниверситет ағы. Артур дшыцшқаз (аа-мзка шихьцуаз), 1936 шықәсазы иаб – усқан изанаатала Ткәарчалргыларәә аус зуаз – Сталини Бериеи рполитика амоапгаюцәә дтаркит. Х-шықәса Воркута ихганы, 1939 шықәсазы дхынхәит, аха Ақсны анхара азин имхын. Уиазы шықә-

сык акара Қырттәыла (Сенакы хәа иахъашьтоу) изанаат ала аус иуан. Ашьтахь, ипшәмапхәыс данычмазаоха, ииулак Аңсныка дааит. Гәдоутә араион, Хәаң ақытан аматематика арцаоыс аусура далагеит. Аха дук хара имгакәа, 1942 шықәсазы (Артур ф-шықәса дшыртәгылаз) ицры-мцуа ишьтаз деиҥадырбаандаит.

Ускан иҥаркыз иахәшьапацәа ыцъа (урт агәырцкәыл бзиа змаз арпарцәан) асовет аамта иақәымшәоз агәаанагарақәа шрымаз, иара ишидыруазгы, иахьхәатәыз имхәазаап! Уи акәхеит, иус збаны, аа-шықәса иқәцан Қырттәылака дахыргеит. Изыпцәаз аамта нцәарц х-мзка шагыз, 1950 шықәсазы, аскатәи аазаб изымычхакәа, абахтәы ипста-заара далцит. (Шықәсык ашьтахь иашьеихаб ииулак мазала ипсыбао ааганы, Лыхны иан лыварае анышә иамеидеит.) Артур иахәшьеи иареи шыхәыцзақәаз зымала изанахаз иан арт ашықәс хьантәқәа иаалылым-шо ддыркареит. Лыпстазаарагь далцит 1960 шықәсазы.

Абас ала, Артур даныпшқаз инаркны иаб илакта аҥапшыха имазе-ит. Акызатәык игәә инхаз: Хәаң ианыказ 5–6 шықәса рыда зхымцуаз ахәычы иаб әеы дақәыртәаны, ағәра иркны дауишьтлозаарын. «Дка-хауеит, икаудзои!» анылхәалак ан, «уашьта дхацоуп, дашьцылааит!» ихәалозаарын аб. (Икалап, дшыхәыцзаз дөыжәзцаз иаб игәхьаагара иахылцзар А. А. Аншба иқәра дахьымгзакәа дхәызцәаз ачымазарагы. Машәырны акәхарымызт данмачыз инаркны лассы-ласс дцәырханы дзаапшлос...)

Бжь-шықәса анихьцуаз Лыхнытәи ашкол ахь дцоит Артур. Аха х-класск рәы дыштәаз, 1945 шықәсазы, аңсуа школқәа зегь реипш, Лыхнытәи ашколгы ақыртшәахь ианиарга, иан илулак Акәака даага-ны, Аюбатәи аурыс школ дталцоит. Ашкол ашьтахь, 1955 шықәсазы дталоит Акәатәи ахәынтқарратә арцаоратә институт (афилологиатә факультет). Аинститут анхиркәша, 1960 шықәса инаркны 1962 шықә-санза иара уа – аңсуа бызшәеи алитературеи ркафедрае – аңсуа ли-тература дапхьон. Анаос А. А. Аншба Москвака Адунеитә литература аинститут даспирантхоит. Аспирантура ашықәсқәа (1962 – 1965) раан, Москватәи ацарауаа рыюныцка, А. А. Аншба итеориатә дыррақәа иаха-иаха ихаиртәауан, маң-маң анаукатә цстазаара иеагәылаихалон. Тцаарадырратә напхгаоысгы диман аепостцаао Арфо Аветис-ипҥа Петросиан (лара нартаа репос изкыз еицырдыруа Акәатәи аконфе-ренция аиҥкааоцәа дыруазәкын).

1966 шықәсазы иара уа – Адунеитә литература аинститутае – ихьчеит акандидаттә диссертация, аңсуаа рнарттә епос апоетика азцаарақәа ирызкны. (Иаппонентцәа ируазәкыз, ускан афольклор акәшаеы аус зуаз, уажәы – акәша аиҳабы, адунеи зыхьз адыруа афольклорист В. М. Гацак иахьгы А. А. Аншба иказшьеи инаукатә баохатәреи лассы-ласс

игәләиршәлоит). Ацарауау Ацсныка данаа, иара аусура ахытаһыз Ацсуа институтаф атып ахыыкамыз азы, 1967 шықәсазы агазет «Ацсны қапшы» аредакцияаф акаша аихабыс аусура далагоит. Иара убри ашықәсан пхынчкәын мза 28 рзы диасуеит Ацсуа институт ашка. Абра аус шиуц иуан псраенынза – пхынчкәынмза 19, 1985 шықәсанза.

А. А. Аншба ацсыуак, интеллигентк иахасабала, иоазара акыр ихаракын. Уиазоуп ацарауау ицстазаара лаша хдоухатә дунеи изузагәылымхуагы. Афилософ О. Н. Дамения ишәкәы «Ацсуа культура аочерккәа» (Акаа, 1990) иагәылоуп А. А. Аншба идунеихәапшышыа иазкыу астатиа. Уака хапхәоит: «Артур ихатара, уи ирәиаратә тынха – ари хтысуп, цәырцроуп ацсуадырраф мацара акәымкәа, иара ацсуа милаттә культураафгы. Ацарауау гәгәала иныпшуан ацсуа милаттә культура ачыдарақәа, уи хаамтазтәи атагылазаашыа. Иара ицстазаара – ацсуара азыргарей, уи аикәырхарей, аңеипш азыпшаарей ирызкын. Ацсуарей иарей азә ракәын, ацсуара акәын доухатә субстанциас имаз, уауытәыясатә псыс ихаз; ацсуара амчра – иара имчран, ацсыера – ицсыеран. Ацсуаразыхәа уи дыхыааын, дыкәпааын, дырәиааын! Ацсуарей ацарауауи хеибартәауан, еизыразын, урт реизыказаашыа доухала иразан, ицқан» (ад. 66–67).

Акыр еитыхуп А. А. Аншба ирәиара ахәаакәа. Уи дрылахәуп арцагатә программакәа реикәыршәарей арцага шәкәкәа рыореи, итицауеит ацсуа сахьаркыратә литература... Илитературатә-критикатә тцаамтақәа ртематика иацанакуеит: еиуеипшым апоетцәеи ашәкәыооцәеи (Д. Гулия, С. Чанба, М. Лакрба, З. Дарсалиа, Б. Шьынқәба, И. Тарба, Ш. Акәсба, А. Цьения, Т. Ацба, С. Тарккыыл ухәа) рыпстазаарей рырәиарей, ацсуа текстология, ацсуа лирикей ацсуа жәабжьи, асахьаркыратә еиґагара, журнал «Алашара» ианылоз арәиамтақәа, иара ацсуа литература тцаара ахата аґоурых... А. А. Аншба икритикатә статиақәа рказшыа хада – ртеориатә, рсистематә хатәара акәзар калап, актәи ацәахәа иааркны ацыхәтәантәи ацәахәақынза рсахьаркыратә наза-аазара, ргәылтәара. Убриазы урт, даеакы иаламоашыо, азыхәеипш ицқза, ишәыцу икоуп иахьагы.

Аха уггы А. А. Аншба ицстазаараф зегь ирыцку ус хаданы икалаз ацсуаа рәапыцтә традиция анцарей атцаарей роуп. Иухәар калоит, адоухатә традиция атцааразы уи ициит хәа абаохатәра чыда. (Ихатгы ажелар рашәақәа казарыла ихәон). Абри аус еиха ихатәааны ианыпшит ацарауау ихшыи ибаохатәрей рымчхара. Ацсуа фольклортцаара (иара ацсуа афилология ахатагы) инагзан ххәафы иахзаагом А. А. Аншба итцаамтақәа агны.

1968 шықәсазы итыгыз ацарауау ишәкәы («Ацсуа нартаа рхәамтақәа рсахьаркыратә чыдарақәа») злафыцу аказшыақәа ируакуп

излауу абызшөагы. Избан акөзар уанза аңсуа фольклортцаарааы аңсышөала иуу инейцыху аусумта ыкамызт. Абри атцаамта иштнахуа азцаарақаа еиха ихартөауп 1970 шықөсазы аурысшөала итыцыз А. А. Аншба имонография «Аңсуа нарттө епос апоетика азцаарақаа» аы. Атцаауцөа аепос ахылцшьтрей ажөйтөзатөи ашьатөи рыцшаара азцаара иалахалазан ианамаз аамтазы, ари амонография атыцра иеыцу цөырцрахеит Кавказ жөлар рнарттө епос атцаарамөаы. «Это – серьезный и ценный научный вклад в изучении нашего эпоса в его наименее освещенном аспекте поэтики» хөа аницеит аханатө аепос ахылцшьтара ауаңсаа ртоурых иадызхөалоз апрофессор В. И. Абәев идныхөаларатө шөкөаы, изиууаз атцаамта иара игөаанагарақаа акырцбара ишөаңнаеуазгы. Ашөкөы атыцра рыбжыы ақөдыргеит (афольклорист изырыууаз рысалам шөкөкөа рөы), иара убас – К. В. Чистов, Б. Н. Путилов ухөа – еицырдыруа ацарауаа-афольклористцөа.

Аусумта аңхөажөаы, нартаа репос азы ианцоу атөктөкөеи икацоу атцаамтөкөеи рыхөшьара анаөс, автор иөанишөөит афырхатцаратө архаикатө епос өиара здаххөалар кало аамта агөатара. Дагыаз-кылсуөит нартаа репос атцааөы Ш. Хь. Салакаиа уанза дыззааи-хөаз арыцхө – хөра калаанзатөи ахцатөи азкышыкөса анцөамта. Ашөкөы иштнахуөит нартаа рхөамтөкөа рпоетикаөы хра злоу азцаарақаа өба: аепос асиужетөиөартөышьөи апоетика-стильтө еилазаашьөи. Асиужетөиөартөышьөа азцаараөы ацарауаө иаликаауөит: аепос ажанр ахатөрей (аөпоси амифи, аөпоси алакөи, аөпоси афырхатцаратө-тоурыхтө хөамтөи реизыказаашьөкөа ухөа), ажөабжөөитөхөара аформаөөи, аөпика-аамтатө өыцсахраөөи. Атцааөы игөаанагарала, аөпикатө хөамта асахьаркыратө акзаара шьөтөс иамоуп асиужет ахтыстө цөахөа. Зхала икоу амотив ауп раңхөа өиара иалагаз, насоуп амотивкөөи аөпизодкөөи неиццо, инейцыху, еилоу ахөамтөкөа аныкала. Арака атцааөы еихаразак хыкөкыс имоу аөпос асиужеттө цөахөа хадакөа ртоурыхтө семантика аарцшроуп. Уиазы иаликаауөит аөпос өиара аөтап хадакөа өба: заазатөи еиха ихшьөөи. Заазатөи аөтап өы Сағанөи-Гөашьөи Сасыкөөи рхөөсахьөкөа тбаатыцөуп, цкра рымазам, аидиализация рызууп, еиха ихшьөөи аөтап өы урт ирапызго дөөа хөөсахьөкөак цөырцуөит ажөлар репикатө репертуар өы. Нартаа репос апоетика-стильтө еилазаара иазку ахөтөөы иалкаан ирзаатгылоуп аөпос асахьаркыратө бызшөөи, аөпос өы ажөөинраалөи апрозөи реизыказаашьөи, аөпикатө жөабжөөитөхөарөи рызцаарақаа. Атцаамта зөгы цөахөа хадан иагөылгоуп – аөпикатө традиция атоурыхтө знеишьөа. Апоетикатө цөырцракөа рыөиарөи ртоурыхтө өыцсахраөөи роуп ацарауаө лымкаала дзыцкөацшуа.

А. А. Аншба итцаарадыррате рѣиараѣы атоурыхтѣ-типологиатѣ метод ахархѣара еихагы аѣарцаулеит 1982 шыкѣсазы итыцыз атыхѣ-тѣантѣи имонография «Ацсуа фольклори ацабырги» аѣы. Ацхѣатѣи иусумтакѣа нартаа репос атцааѣы дшѣакѣдыргылозар, арака ацарауаѣ афольклор егырт ажанркѣагы дрытцааѣхеит, ифилологиатѣ дырракѣа рхѣаакѣа ицегь реицырхит, рѣедырцаулеит. Ашѣкѣы – ацарауаѣ шыкѣсырацѣалатѣи итцааратѣ усура иахылцыз идоктортѣ диссертация ауп. (Цоуп, ацарауаѣ официалла уи ахѣчара иѣазимкит, ирѣиаратѣ аамта кѣаѣ акѣама-цама рацѣа зцыз ари аус еицарц итахым-хазар акѣхап.) Ацснытѣи ацарауаа рнаѣсангы, ари ашѣкѣы акѣѣытра аиут Москвантѣ, Санкт-Петербургынтѣи, Кавказ-нхыцынтѣ... Убас, В. Е. Гусев исалам шѣкѣаѣ хѣпхѣоит: «Я имею возможность поздравить Вас с очень хорошим, глубоким, по-настоящему академическим исследованием. С интересом и пользой для себя, с удовольствием ее читаю».

Афольклор апстазаара шаныпшуа агѣатара атцаарадырраѣы иуадаѣзоу, иактуалтѣу азцааракѣа ируакуп. Ари апроблема афольклори аетнографиии рхѣааѣ иѣоуп, еицыртѣуп. Уиазы атцааѣгы арт амацѣаркѣа рѣюбагы еицидырыр акѣын. Уи ус шакѣу бзиазан ирныцшит атцаамта ацаки астили. Ацарауаѣ ишьтихыз ажанркѣа (амифологиатѣ-кѣабзтѣ поезиа, афырхатцаратѣ епос, алакѣ, афырхатцаратѣ-тоурыхтѣ рѣиамтакѣа, абзазаратѣ поезиа) иртѣу афольклортѣи аетнографиатѣи материалкѣеи атеориатѣ литературеи нарцаулан итицауеит. Убри иабзоураны еилкаахоит апсуа фольклор ишаныпшуа, иахѣагы ишеикѣнархо ижѣытѣзатѣиу адунеихѣапшышѣакѣеи асоциалтѣ-бзазаратѣ институткѣеи. Автор конкретла дрызнеиуеит ани аума, ари аума афольклортѣ цѣыртцра зхылѣиаауа аамтатѣ-пстазааратѣ тагылазаашѣакѣа. Атцаамта алкаакѣа ырцабыргуп еиуеипшым ажѣларкѣа ртрадициатѣ культуракѣа цымкрада рхархѣаралагы.

Аусумта дѣаакы еипшымкѣа ианыцшит А. А. Аншба итеориатѣ дырра цаулеи итцааратѣ баѣхатѣреи. Атцаамта антыцыз ашыкѣсан ахѣынцѣарратѣ премиазы акѣыргыларагы машѣырны иѣамлеит. Амала, сгѣанала, иоригиналтѣу ари апцамта атцаарадырратѣ ѣазара иахѣанзагы иахѣынзахѣтоу хшыѣзышьтра азуым хара хдоухатѣ пстазаараѣы... Аха аус злоу – ацарауаѣ идырра цаулакѣа ирхылцыз ашѣкѣы абицаракѣа наунагза ирзаанхоит.

А. А. Аншба абарт имонографиатѣ тцаамтакѣа аус рыдулараан дрыхѣ-зон апсуа фольклор еиуеипшым егырт азцааракѣагы. Ирацѣоуп ишѣкѣ-кѣа иргѣыламлаз астатиакѣа, насгы еикѣиршѣаз, апхѣажѣа зыццаны итижѣыз афольклортѣ еизгакѣа. Иара убас макѣана итыжѣзам А. А. Аншба апсшѣахѣ еицѣегаз ажѣытѣ бырзенцѣа рмифкѣеи рлегендакѣеи.

Ацарауао и фольклортцааратө усумтақәа шыа тас ироуз, изхылҕаауа, зегь рапхъаза иргыланы, чыдала злакта дтапшыз, зыпсабара хаҭа инырыз хаҭала иара ианицаз атекстқәа роуп. Ианцамтақәа ирыцаоу арыцхәкәа излархәо ала, А. А. Аншба и фольклореизгаратө усура ха-цыркхеит 1962 шықәса иаркны. 1980 шықәсанза дрыҕцаажәеит шә-оык инареиханы ажәабжхәаоцәа, урт рҕынтә иагыаницеит зыкъ-текст инархыхәхәо. А фольклорист иматериалқәа ргырак зегьы бжынтца-мтақәоуп. Ари атцаарадырразы хра злоу чыдароуп, избан акәзар, иш-дыру еипш, оралатәи анцараан инеицыху ажәабжәиҕахәаратө текст аҕсабара хаҭа нагзаны иузеикәырхом. Ацарауао ианцамтақәа ртема-тикатә еилазаараҕ иҕоуп хадаратәла аҕсуа фольклор аҕы иаадыруа ажанр хкқәа зегьы ирыцаркуа атекстқәа, насгыи хыпхъазара рацәала аетнографиатәи атопонимикатәи материалқәа.

Ацарауао игәтақәа иреиуан абарт ианцамтақәа хазшәкәны ртыж-ра, аха уи иара дахымзагәышьеит. 1989 шықәса иааркны, Аҕсуатцаа-ратө институт ускантәи адиректор В. Г. Арзынба исеиҳәаз ала, Артур Аншба и фольклортө материалқәа атыжра разырхиара салагеит. 1991 шықәсазы ирхианы атыжбыртәҕ ишьтастцаз анапылаоыра аибашьраан иблит. Аибашьра ашьтахь, ацарауао ионы инхаз анцамтақәа рыла, 90% ркынза еиҕашьақәсыргылеит анапылаоыра, егытыцит 1995 шықәсазы, «Аҕсуаа рфольклор (Артур Аншба ианцамтақәа)» хәа хъыс иаманы.

Артур Артиом-иҕа Аншба Анцәа изоуижьыз аамта кьаҕхеит, иҕста-заара ҕыцәааит 50 шықәса дшыртәгылаз, ирҕиаратө аамта 20 шықәса иреиҳамхеит. Хара иахзаанхеит дзыхъазгьы дзыхьымзазгьы.

Хара иахуалуп (абри ажәалагала цкьа шәазхәыцыр стәхуп) иреиҕз-ақәоу аҕсуа филологцәа нагақәа – Артур Аншба, Владимир Дарсалиа, уажәааигәа иҳагхаз Владимир Ацнариа ухәа – русумтақәа еидкыланы, текстологиала ииашаны ртыжра. Уи цакыс иамоу дара ацарауаа ртын-ха амырзра, рыхъз акамыршәра мацара акәзам, аҕхъазагьы иргыланы, уи ишьтнахуеит, еицнахуеит, иарцаулоит хәҕсуа филология, хгумани-тартө тцаарадырра зегьы.

А. А. АНШБА ИХАДАРОУ ИУСУМТАҚӘА РСИА

Ашәкәкәә:

1. Аңсуа нартаа рхәамтақәа рсахьаркыратә чыдарақәак. Ақәа: Алашара, 1968. 63 дақьа.
2. Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса. Тбилиси: Мецниереба, 1970. 113 с.
3. Михаил Лакербай: Творческий портрет. Сухум: Алашара, 1979. 53 с. (Совместно с В.В. Дарсалия).
4. Аамтақәа реимадара: Алитературатә-критикатә статиакәа. Ақәа: Алашара, 1980. 115 дақьа.
5. Абхазский фольклор и действительность. Тбилиси: Мецниереба, 1982. 281 с.
6. Аңсуа литература: Арцага шәкәы абжьаратәи ашкол ажәбатәи акласс азы. Ақәа: Алашара, 1983 (С.Л. Зыхәбеи иареи еилахәны).
7. Самсон Чанба: Акритикатә-биографиатә очерк. Ақәа: Алашара, 1985. 117 дақьа (В.З. Дарсалиа далахәны).
8. Аамтақәа реикәәытра: Астатиақәа. Ақәа: Алашара, 1986. 175 дақьа.
9. Аңсуаа рфольклор (Артур Аншба ианцамтақәа) / Еикәиршәеит, аңхәажәи, атекстқәа разгәатақәеи рарбагақәеи иоит З.Ць. Цьапуа. Ақәа: Алашара, 1995.

Аизгақәа:

1. [Аикәыршәара] // Аңсуа фольклор апрограмма (Аиҳабыра царатә усхәартақәа рзы) (А.Шь. Зыхәбеи, С.Л. Зыхәбеи, Ш.Хь. Салакаиеи алахәны) Ақәа: Алашара, 1968.
2. [Аикәыршәара] // Аңсуа жәлар ражәабжьқәа, рашәақәа (С.Л. Зыхәбеи, Ш.Хь. Салакаиеи алахәны). Ақәа: Алашара, 1970.
3. [Аикәыршәара] // Аңсуа литература апрограмма (Аиҳабыратә царайуртақәа рзы) (В.П. Анқәаби, Гь.К. Гәыблиеи, А.Шь. Зыхәбеи, Ш.Хь. Салакаиеи алахәны). Ақәа: Алашара, 1971.
4. [Аикәыршәара, аңхәажәа] // Кәыча Лакрба. Итамбазо азыхь: Жәлар рырәиамта. Ажәаңкақәа. Аетнографиатә нцамтақәа. Ақәа: Алашара, 1979.
5. [Аикәыршәара, азгәатақәа] // Дырмит Гәлиа. Исымтақәа реизга. II атом. Ақәа: Алашара, 1982.

6. [Составление, комментарии, предисловие] // Абхазская народная поэзия / Перевел Наум Гребнев. (Совместно С.Л. Зухба).
7. [Аус адулара] // Амхәыр шана: Аҟсуа лакәкәа. Астатиақәа. Аҟәа: Алашара, 1985.

Астатиақәа

1. Еиҭагак ахаҭабзиара иазкны // «Алашара». 1960. №4. Ад. 85–86 (Т.М. Чаниа далахәны).
2. Аҟсуа нарҭаа ражәабжьқәа рмифологиатә шыаҭа // «Алашара». 1964. №3. Ад. 98–100.
3. Исследование абхазского фольклора // «Вопросы литературы». 1966. №10. С. 224–226.
4. Нарҭаа ирыххәау аҟсуа жәлар репос асиужетейҟкаашьа апринципқәа // «Алашара». 1966. №1. Ад. 83–85.
5. Об именах Сосруко и Сослан // Сборник научных работ аспирантов. Сухум: Алашара. 1967. С. 111–118.
6. То же // «Алашара». 1967. №8. Ад. 82–87.
7. Сказители абхазского нартского эпоса // Научная сессия посвященная 10-летию кафедры абхазского языка и литературы. Тезисы докладов. Сухуми, 1967. С. 29–30.
8. Амифологиен асахьаркыратә ҭабыргы // «Алашара». 1967. №12. Ад. 77–81.
9. Материалы абхазского фольклора // «Вопросы литературы». 1968. №8. С. 223–224.
10. Анаука аҟкарақәа ирықәыршәаны иҭыжьу аусумҭа // «Алашара». 1968. №3. Ад. 93–94.
11. Стих и проза в абхазском нартском эпосе // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 409–425.
12. Академик И.М. Соколови аҟсуа фольклори // «Алашара». 1969. №12. Ад. 73–75.
13. Иара ахаҭа // Известия АБИЯЛИ. 1977. Вып. 2. С. 145–155.
14. Аепос ажанр аилкаараҟы акрызцазкуа // «Алашара». 1969. №4. Ад. 81–87.
15. Иахьатәи аҟсуа жәабжь аҟиараҟы иҟоу хырхарҭақәак // «Алашара». 1970. №7. Ад. 84–92.
16. Аҟсуа лакә иазку амонография // «Алашара». 1970. №10. Ад. 93–95.
17. Ашьҭахьажәа // Ажәа хьыршәыгәқәа / Еизигеит, аус рыдиуләит Шь. Камкьиа. Аҟәа: Алашара, 1970. Ад.

18. К спорам о происхождении первоначального ядра нартского эпоса // «Мацне». 1971. №4. С. 85–92.
19. Современное абхазское село по прозе И. Тарба и Б. Шинкуба // Известия АБИЯЛИ. 1972. Вып.1. С. 31–42.
20. Этнографические и фольклористические исследования в Абхазии за годы советской власти // «Советская этнография». 1974. №1. С. 84–92 (Совместно с С.Л. Зухба).
21. Проза // Очерки истории абхазской литературы. Под редакцией Х.С. Бгажба и Ш.Х. Салакая. Сухуми: Алашара, 1974. С. 213–256.
22. Отголоски близничного мифа в абхазском фольклоре // Известия АБИЯЛИ. 1975. Вып. 4. С. 72–80.
23. Хаштра зкәым аамта // «Алашара». 1975. №5. Ад. 94–95.
24. Абхазские культовые песни // Известия АБИЯЛИ. 1976. Вып.5. С. 92–108.
25. Первая хрестоматия по абхазскому фольклору // Альманах «Критика». 1976. №1. С. 27–34.
26. Арҕиара апроблемақәа ирызку аусумта // «Алашара». 1976. №6. Ад. 79–85.
27. Аҕсуа текстология азцаара иазкны гәаанагарақәак // «Алашара». – 1977. №1. Ад. 80–83.
28. Аҕсуа текстология азцаара иазкны // Ажәеи аамтҕеи: Алитературатә-критикатә статиақәа реизга. Ақәа: Алашара, 1978. Ад. 22–29.
29. Аҳәатәи аҳәашьеи // Ажәеи аамтҕеи: Алитературатә-критикатә статиақәа реизга. Ақәа: Алашара, 1978. Ад. 29–38.
30. Аҕхьажәа // Кәыҕа Лакрба. Иҕамбазо азыхь: Жәлар рырҕиамта. Ажәаҕқақәа. Аетнографиатә нҕамтақәа / Еиқәиршәеит, аҕхьажәа иҕит А.А. Аншба. Ақәа: Алашара, 1979. Ад. 3–4.
31. Асахьаркыратә проза алшарақәа // «Алашара». 1979. №12. Ад.
32. Аҕсуа жәлар рыбзазаратә поезиа // Аҕсуа институт Адыррақәа. 1980. Ат. 9. Ад. 84–97.
33. Таиф Ацьба ипоезиатә дунеи // Ажәеи аамтҕеи: Алитературатә-критикатә статиақәа реизга. Ақәа: Алашара, 1980. Ад. 3–19.
34. Никәала Кәыҕцниа ипоезиеи ипрозеи // «Алашара». 1980. №8. Ад. 83–90.
35. Аҕоурыхи иахьатәи аамтҕеи // «Алашара». 1981. №10. Ад. 99–104.
36. Сарион Таркьыл ипоезиа // Ажәеи аамтҕеи: Алитературатә-критикатә статиақәа реизга. Ақәа: Алашара, 1981. Ад. 3–11.
37. Предисловие // Абхазская народная поэзия. Перевел Наум Гребнев / Составление и комментарии А.А. Аншба и С.Л. Зухба; Предисловие А.А. Аншба. Сухуми: Алашара, 1983. С. 3–10.

38. Иахьатәи аґсуа лирика аґагылазаашьазы ажәақәак // «Алашара». 1984. №9. Ад. 77–83.
39. [1920-тәи ашықәсқәа раантәи апроза (хәґакала – В. В. Дарсалиа); Б. Шьынқәба ипоезиа] // Аґсуа литература аґоурых. Актәи ашәкәы. Аґәа: Алашара, 1986. Ад. 87–96, 253–260.
40. Агулшап. Аджныш. Аерг. Афы. Ацаны // Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. 2-е издание. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т.1. С.36, 44, 49, 136, 142.
41. Саунау // Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. 2-е издание. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т.2. С. 418.
42. Жәабжьхәаґык ирепертуар / З.Ць. Цьапуа икьыпхьымґаны // «Алашара». 2005. №2. Ад. 142–145.

Еикәиршәеит З.Ць. Цьапуа

А. А. АНШБА

АЕПОС АЖАНР АИЛКААРАҒЫ АКЫРЗТЦАЗКУА¹

Ақсны икам кәакк, нартаа рхәамтақәа ахырызымдыруа. Адунеи ахьынзаназаазо ақшаара уадауоп ақсуаа рғы еипш ажәйтәзатәи афырхатаратә епос иахьағы ауаа ирылацәаны, ирдыруа иахьыкоу. Нартаа репос ҳақхьақа итызцаараны икоу рзы аинтерес ацоуп ҳәа сгәи иаанагоит, аепос ажәабжьхәауцәеи, ашәахәауцәеи, иара бзазашьас иамоуи рзы алада иаахго аматериалқәа.

Ишдыруеипш, нартаархәамтақәа, рхәашьяааформала, ажәабжьқәоуп, ма ашәақәоуп. Хара ххата иагхьмахацт, иагьанахамтацт, аха ианызцахьоу ишырыуа ала, иупылоит хәамтак ағы ажәабжьи ашәеи еилатаны изхәо ажәабжьхәауцәа. Иахьатәи аепос атагылазаашьала уахәақшны, ажәйтәангы ас иказу икамзу аилкаара уадауоп. Нартаа рхәамтақәа рзы ацарауаа иреиуоу цыоуки ажәйтәан урт ашәақәан рхәоит, даәа цыоуких – урт ашәангы ажәабжьынгы ирхәон хәа азгәартәит. Хара хгәанала, нартаа рхәамтақәа рхы аныцырхуаз хәашьяа формала изеипшрақәаз аилкаара цәгьоуп. Иара убас икоу анцамтақәа рыла иуадауоп ажәабжьхәауцәеи ашәахәауцәеи рказара атцара, убри ақнытә ирацәоуп имоацгәтәу ауснагзатәкәа.

Акы, нартаа рхәамтақәеи егырт ажәйтәзатәи афольклори реизгара аус ырцых-цыхтәуп. Иашоуп, Д.И. Гәлиа ихьз зху Ақснытәи абызшәеи, алитературеи, атоурыхи ринститут есышықәса имоацнагоит аекспедициақәа. Аха урт аекспедициақәа зегь рыла еикәшәам, ирымам амагнитафонқәа, афотоаппаратқәа, атранспорт. Аха зегь рыла ҳаикәшәахаанза хәа унапқәа еикәпсаны узтәом, избанзар, ажәйтәзатәи афольклор здыруа зықәрахь инеихьоу роуп. Урт, цсабарала ишапу еипш, рхыцхьазара есаaira имацхоит. Арахь нартаа рхәамтақәагы зегь анцоуп хәа макьана иузхәом. Сара сыхәтаахь абри агәра снаргеит абас еипш иказ факткгы: 1963 шықәсазы Гәдоутә араион, Хәақ ақытан 38 шықәса иртагылаз Анқәаб Симон Пағ-ица иқнытә ианыстәит Нарт Сасрыкәа изкыз сиужетк, уажәраанза шәкәык ианымлац. Сара иахьынзаздыруа,

¹ Астатиа аагоуп ажурнал «Алашара» (1969, №4, ад. 81–87) акынтә. Акыпхь иазирхиет З.Ць. Цьапуа.

ари еипш асиужет упылазом нартаа рхэамтақәа змоу егырт Кавказ иқэынхо ажәларқәа рғьы. С.П. Анқәаб излеихәо ала, иабду нартаа рхэамтақәа рацәазаны идыруан, ахәычқәа (иаргы убарт днарылацаны) уи изызырора бзиа ирбон. «Саныхәыңыз издырқәоз рацәан, аха уажәы исхаштит, ацарауаа уи шыртаххоз здыруазар исхасырштүамызт» ихәеит С.П. Анқәаб.

Еицырдыруа аурыс былинқәа реизгауы А.Ф. Гильфердинг аурыс былинқәа Аоадатәи Урыстәыла рышьақәырхара ҭ-мзызк роуп иамоу хәа ипхьазон: уака ахратәра уиакара иахьыгәғәамзи ацара змаз ауааа зынза иахьмачзи.

Хәарас иаҭахузеи, ауауы итагылазаашьа зеипшроу еипш ауп ихәыцшыагы шыкоу. Дахьиашоу рацәоуп Гильфердинг. Ақсны, Урыстәылан еипш, ахратәра гәғәамызт. Икалап, жәытәнатә аахыс ақсуаа ирымаз афырхацаратә традиция ганкахьалагы афеодалцәа рахратәра иаҭагылозар? Уи азы акәхап ахратәра Ақсны зынзак аеартыцқьаны акәымкәа, аеыроашьаны ахы зцәырнаго анхацәеи афеодалцәеи реизыказаашьаҭы (ахәпхара, ауаахәра, аазара). Иара убас Ақсны зтагылаз ацарадарагы (баша ирымхәазаап, «абзиеи ацәгәеи рышьхәа еивцоуп» хәа) ажәытә ажәабжьқәа раанхара иазеигьхейт. Иахьа культурала акыр пхьака хцейт. Уажәы, зехьынцъара икоуп арадио, ателевизор, ашьха аназараҭы икоу ақытақәа рғьы ирбоит акино, қытацыпхьза абиблиотекақәеи, аклубқәеи, ашколқәеи ахьыкам ыказам. Изаазарызеи, ари еипш атагылазаашьа иахьатәи аҭар ажәытә ажәабжьқәа разызырора иацәхнакьойт. Аха ицарадаз, чышәрак ззымдыруаз абыргцәа иахьанза иааргеит ҳкультураҭы хәы змазам нартаа рхэамтақәа.

Атагылазаашьақәа злакоу ала, ақсуаа ржәытә епикатә хәамтақәа реизгара еиха ацакы амоуп, еиха иахырцатәым усуп, урт рытцаара ааста. Ари аус иахьа ацарауаа рымацара рзы акәымкәа, хәычык аоышьа, апхьашьа здыруа рзгы иуалцшыа дуны икоуп.

Хәарас иаҭахузеи, ажәытә ажәабжьқәа инарываргыланы ианцалатәуп афольклор инеипынкыланы ажанрқәа зегьы. Арака ацхыраара ду карцар рылшоит ақытаҭәи арцаоцәеи астудентцәеи. Сгәы излаанаго ала, афольклор аизгараан урт иртахоит амоа иқәызцаша аметодикатә цхыраагза. Астудентцәа, анаукаҭы рхала аусура иадыршьцыларц азы акурстә усумтақәа ддыроуейт. Уака астудентцәа еизырго афольклортә материал рхы иадырхәар калоит. Иаххәап, абас еипш икоу адцақәа рыртар: ақсуа фольклор еиуеипшым ажанрқәа рсиақәа рыкацара (каталогизация), ахсаалаҭы афольклортә нцамтақәа рарбара (картография), ажәлар рхаҭа афольклор ишазнеиуа (ихарцо, ихарымцо) ухәа убас ицегьы.

Афольклор аизгара рацѣак зцазымкуа усуп хѣа изыпхъазо ыказар, иргѣаларшѣатѣуп аурыс революциатѣ демократ Н.Г. Чернышевски иажѣакѣа: «... посвящать свою жизнь собиранию народных песен – прекрасный подвиг».

Оба, иахъауажѣраанза еизгоу аматериал азхом иреиғъзоу ашѣахѣа-ѣѣеи ажѣабжъхѣаѣѣеи ирызкны афольклористикатѣ очеркѣа рыѣара-зы, урт рѣазара аарпшразы.

Хѣагы, дахѣахуп иахъа амузыка здыруа афольклорист. Иашоуп, хѣара ихамоуп аѣсуа музыка иазку аусумѣакѣа (К. Ковач, И. Кортуа, И. Ахашба убас егъыртгы), аха урт рѣкны хѣара иаабо ажѣа иадхѣалазамкѣа аѣсуа ашѣакѣа рмелодикатѣ еиѣартѣышьа мацара аилыргароуп. Иара убас аѣсуа ашѣакѣа ртекстѣа афилологиатѣ анализ рызууп (Ш.Д. Инал-иѣа, Б.У. Шынкѣба, Ш.Хъ. Салакаиа ухѣа убас егъыртгы), аха урт рѣкны хыро рыѣам амузыка аганахъала. Макъаназы хѣара ихамам усумѣак, аѣсуа ашѣакѣа ражѣакѣеи рмелодиатѣ еиѣартѣышьеи еидкыланы иѣызцаауа, иаххѣап, Қ. Цхурбаева ауаѣсаа рфырхѣатаратѣ ашѣакѣа рзы илѣыз атѣаамѣа еиѣшу. Ари аус, хымѣада, ирластѣуп ажѣытѣ ашѣакѣа (еиѣхарак, нарѣаа рашѣакѣа) здыруа, урт аѣхъарѣа ианѣаны изхѣо абыргѣаа рыѣхъараа ду ала. Хѣарас иаѣахузеи, ари астатиаѣы аѣсуаа рашѣакѣа ражѣакѣеи рмелодиаѣеи неидкыланы анализ рзура сеазыскып хѣа сгѣы иѣазам.

Сара араѣа хыѣкѣыс исымоу нарѣаа ражѣабжъкѣеи рашѣакѣеи зхѣо абыргѣаа ррепертуар ишазнеуиа азаатгылароуп.

Раѣхъа иргыланы иазгѣатѣуп, Аѣсны аѣасагы ишыѣамыз, уажѣгы ишыѣам ажѣабжъи ашѣеи рхѣара занаатс измаз ауаа. Уи схѣеит хѣа, Кавказ ахъынзаназаазо иахъакѣзаалаѣ аѣарауаа ѣѣара иазгѣа-рымѣатѣ лымкаала ажѣабжъи ашѣеи ахъыддыртѣоз «школѣ», иаххѣап, ажѣытѣан Бырзентѣыла, абжъаратѣи ашѣышыѣѣсаѣа рзы Амраѣашѣа-ратѣи Европѣи, Монголиѣи, Абжъаратѣи Азиѣи рѣкны ишыѣаз еиѣш.

Аѣсынтѣыла ажѣабжъи ашѣеи рхѣара занаатс ирымкыр ада ѣѣыхѣа рымамкѣангы иѣамызт, избанзар аѣсуаа ирымамызт, иаххѣап, уажѣгы акиргизѣа ирхѣо рпоемадузза «Манас» хѣа изышьѣоу еиѣш, ахѣамѣа (уи «Илиадеи», «Одиссеѣи» рааста акырынтѣ еиѣхуп – иааиѣмырѣѣазакѣа шыѣѣыла ианыртѣон). «Манас» еиѣш идуззоу апоемаѣа, хымѣада, лымкаала аѣара рѣахын. Урт ауаѣы игѣникыларѣ азы иаѣахын аамѣа, азыѣатѣара, ѣѣадалатѣи ашѣол. Хѣара хѣкны акѣзар, реиѣхараѣык рзы иажѣабжъхѣаѣѣоуп хѣа ухѣар улшоит. Дыѣам аѣѣыуак (еиѣгъу-еиѣѣоу хѣа хѣаламѣѣшуазар), хѣамѣак аиѣахѣара злымшо. Уимоу, ажѣабжъхѣаѣи ашѣахѣаѣи рѣазара, рѣаѣхатѣра аилкаарагы мариазам. Уи еиѣхарак излеилукаауа, ажѣлар рѣкны ихъз шырхѣо ала ауп. Аха зны-зынла, абри еиѣш ажѣытѣ ажѣабжъѣа, ажѣытѣтѣи «аѣоурых» (Нарѣаа репосгъы

налацаны) здыруа дыказам хәа ззырхәо, «исгәалашәом, ма исаҳахьан, аха исхаштит» хәа уеиҳәоит. Егьи, ажәлар рәы уиакара ирзымдыруа (избанзар ихзыргара уиакара дашьтам, ма дацәыпхашьоит, ма хыро азиуеит, рацәак зцазымкуа акеипш дахәапшуеит), иаацьюшьаша ажәабжь бзиақәа уеиҳәоит.

Икалап, Ацсны ажәабжьхәащәа рырацәара зыхкьо ацсуаа жәытә-натә аахыс цсабарала ирымоу ажәабжьхәара азказара акәзар. Ацсуаа рыбзазашьа бзианы издыруаз, ацсуа нбан шәкәы авторцәа ируазә-кыз К. Д. Мацавариани иоуан: «Иаабахьоу аоратор, ма ицарадоу апо-ет уанизызыроуа, рыуа ицьюшьаша уздырзом – ажәақәеи ахәоукәеи насыпла реифартәышьа акәу, логикала еишьтаргыланы рхәашьа акәу. Зны-зынла ацсуа бызшәафы икоу ажәак, ма бжык атәым бызшәафы 5-6 ажәа анацсахуа калалоит. Аныхәарақәеи агәырғьаратә еизарақәеи раан ацсуа жәлар рпоетцәа мышкы хәлаанза рифмала еиқәыршәаны ашәа рхырхәаауеит еиуеипшым афырхацәа рфырхацарақәа, ма икыл-каау сатирала ихьыздыртәуеит агьангышра моацызгауа ауаа, ма уа-ажәларратә гәыпк. Урт реиҳарафык иоригиналу амузыкатә инструмен-тқәа адырхәоит» [Мачавариани 1910: 8].

Ацсуа жәлар рашәахәащәа руазәк изы рапхьазатәи адырра халтә-ит археолог аграфиниа Уварова XIX ашәышықәса антцәамтәзы: «Адәы агәтаны амца еиқәырцәеит, иаакәыршаны итәеит атауад ифы еизаз иқытауаа. Урт рыбжьара икан тауади-аамстәи иреиуаз азәык-оыцъак. Алашә атауад иашьа, атыпәнтәи х-рахәыцк змаз аинструмент ианца-ны фырхацаратә поемақәак аирхәон, уи ицдырғызуан итәақәаз. Аар-лаҳәа инацәкьарақәа рыхьшьуа, ашьшьыхәа, игәырпшаагаха ашәа ихәон ашәахәащәа рыцҳа. Нас ибжыи еиҳа-еиҳа ишьтыцуа иалагеит, зегьы фыхеит, зегьы оеибаргылеит – аҟацахәа игеит ашәа ажәытәтәи аибашьрақәеи, ииасхьоу ақәыларакәеи, ацасатәи ахьз-ацшеи ирызк-ны. Анапеинкьабжь геит, оыцъа ахьырцарцәа аақәлан икәашеит. Урт рфырпштәы егьыртгы аланагалт, икәашон зегьы – ихацыз аеыуааи, асасцәеи, аҟари, абыргцәеи» [Уварова 1891].

Арака Уварова зызбахә лымоу ашәахәащәа еицырдыруа ацсуа пхьарцархәафы, ашәахәащәа-асатирик Жана Ачбаиоупхәаугәы иаанартә икоуп. Уварова зызбахә лхәо ашәахәащәаи М. Лакрба збиография еиқәыршәаз асатирик Жана Ачбеи еицырзеипшу даара ирацәоуп. Акы, роыцъагы Чандаратәқәоуп; оба, роыцъагы лашәцәоуп; хқа, роыцъагы хылтцшьтрала тауадцәоуп; цшьба, аамтала рыцтәзаарақәа еиқәшәоит; хәбагы, роыцъагы пхьарцархәащәоуп.

Ажәлар рашәақәа рытцәарафы акыр рыцаркуеит Б.У. Шьынқәба иажәақәа: «Даара иуадаоуп, аиашазы, абри аизга («Ацсуа жәлар рпое-зия» – А.А.) иану мацарала ацсуа жәлар рпоезия ахә ашьара. Ашәкәы

ианымтақәа иаанхаз, ма иахзымдырзо ибжъаыыз ахәамтақәа рымаца-
ра ракәым ари ахәшьара зыруадауа.

Лымкаала иазгәахтарыуп, арака хара ихамоу ажәа (атекст)
мацара шакәу, ара ишыкам ашәа (амелодиа), амузыка (апхьарца, ма
ачамгәыр). Иахьа уажәраанзагыи хара хәапыц поезиа абарт аказара
ахәтақәа ирыкәгамкәа ауи ишаабо, уимоу, цыара-цыарагыи арт ахәтақәа
акәашарақәагыи ахьрыцло ыкоуп.

Иаагап Сасыкәа итахара иаххәау ашәа. Ажәақәа ханрыпхьалак
хгәи иахәоит, аха убри апхьарца иантцаны, ашәа ақәхәо ианырхәо уа-
хар – зынза аәакзоуп, усқан еиха амч амоуп, еиха игәытшьаагахоит;
еиғурцшыр алшоит: аопера алибретто уапхьари, иара ахаҭа атеатр
ағи утәаны иуахари еицшхома?!» [Шьынқәба 1959: 4].

Ғырцштәи хасабла автор иааигоит дхәычы аахыс ихамштыз игәыла
Басиат хәа Цыапуак ипхьарцархәашьа. Арт ажәақәа еиха иахдырбоит
ашәақәа риестетикатә мчы анаапшуа ианырхәо аамтазы шакәу. Аха,
рыцхарас икалаз, ашәахәауцәа рказара атцаара зыруадауа, хыхь
ишаххәахьоу еицш, даара ирацәоуп. Акы, зынза имацуп фонетикала
иашаны иану ашәақәа ртекстқәа, џба, ихамазам нартаа рашәақәа
рмузыкәтә анализ, хқа, ихамам хашәахәауцәа ирызку афольклористи-
катә очеркқәа.

Нартаа рхәамтақәа зхәо ажәабжхәауцәа рказара азцаара далацә-
ажәоит апрофессор Ш.Д. Инал-ипа 1963 шықәсазы Акәа иказ нартаа
репос адырыуцәа рконференциағи. Уи ихәон: «Жәабжхәауцәақәак
ахәамтақәа рцакы еитархәоит, даәа цыоукых, уака ианымгылакәа, анс
акәу, арс акәу, алексика инаркны акомпозициатә еиғартәышьанза, ахә-
амтақәа ирымоу асахьаркыратә чыдарақәа аадырцшуеит» [Инал-ипа
1963: 90]. Ари азгәаҭа даара аинтерес ацоуп, аха рыцхарас икалаз, из-
еицшцәоуп, конкреттә материалла ихартәаам, арцабыргра ацәмацуп.
Икоуп ажәабжхәаара иазказоу ауаа, иазказамгыи, аха ари алкаа ма-
цара акгыи хнаҭазом: иахтахуп урт ррепертуар детальла, хәыц-хәыцла
аилыргара.

Ихәатәуп афольклор ажанрқәа руак лымкаала иазказоу ацсуаа ркны
ишыкам, аха лакәк ззымдыруа, шамахамзар, дупылом, нартаа рхәа-
мтақәа ракәзар, урт захахьоу рацәауазаргыи, ахы инаркны еипқаа-
уа ахәара зылшауа мацоуп. Нартаа рхәамтақәа здыруа рахьынтәгыи
апхьарца иантцаны, урт ашәаны изхәо рхыпхьазара еихагыи еицоуп.

Нартаа рашәақәаи ражәабжхәаи аурыс бызшәахь еиҭазгоз рғап-
хьагыи игылоит ажәабжхәаара иацоу аказара атцаара. Убри аганахьала
даара аинтерес ацоуп нартаа рашәақәа аурысшәахь еиҭазгаз С.И.
Липкин хыхь иахарбаз аконференциағи икайцаз ажәахә. Нартаа
рашәақәа ирыцоу «амазақәа» рыцхразы уи дцоит ацсуа қытақәа

рахъ, дрыѣѣажѣоит аѣаѣмадаѣѣа, дырызызроѣеит урт рашѣаѣа, еиликааѣеит урт рмузыкатѣи рритмикатѣи еиѣартѣышъа. Иѣѣылараан уи ихѣеит: «Схаѣы даанхеит ашѣаѣѣа Арстаа Кастѣи – макъаназы зыѣѣра зымѣаѣыз, ахылѣарч лаѣѣ зхаз, аѣазырттра шѣѣакѣаѣа зѣѣы икыдыз, акѣѣымѣѣы иаѣѣа зшѣѣыз. Уи амузыка ианѣаны ихѣон нарѣаа рѣѣамѣаѣа. Раѣѣхъатѣи астопа уи еиѣарак ѣ-ѣырак аман, даараза еитѣихуан, нас еиѣа-еиѣа иритм, итемп ирласуан. Алагамѣа иара иѣы даара акраѣанакуан, аха Сасрыѣѣа иашѣаѣы, сара излазѣѣастаз ала, атемп ирѣѣакуан. Ашѣаѣѣара уи далагон ѣынч, ибѣѣы шъѣымѣѣѣакѣа. Сара абри сѣѣалашѣоит – ибѣѣы даара иаартуп – абри «уаанан» аниѣѣо. Ускан сара схазы игѣастѣит: угѣы иаанакарын уи нарѣаа репос ашъѣаѣа ирхырууааны адунеи зѣѣы идирѣар иѣахуп ѣѣа, убас ибѣѣы аартын. Нас иаразнак ибѣѣы, ихѣашъа ирѣѣакуан.

Егъи ашѣахѣа – Сақаниа Маадан – ибжы даара идуун, иѣацаз
икан, иихѣо зегъы цкъаны иуахауан. Сара аракагы схазы ианыстеит
инапкъа уиакара ицирхыраауам хѣа. Аха зегъакоуп Маадан – есымша
дартиступ, театрк даосует» [Архив АБНИИ, аф.2, №148, ад. 9–10].
Алада, уи излеихѣо ала, ажѣабжхѣаоцѣа ччазом, аччара ахъатахугы
ирындырцшзом ирхѣо ишазыкоу. Диашоуп, иара убас уи нарѣаа репос
аѣы апоезиаѣы акѣым, апрозаѣгы имацуп «асахъаркыратѣ маѣѣахѣа»
хѣа иихѣо азы [Иара уа].

Икалап диашазаргы, иара убас (крызцазкуа акы акөымзаргы) ажэабжьхэащэа рхэашьа аманера хэа иазгэеитэ: «Даара аинтерес ацоуп уи (ашэахэа – **А.А.**) ажэеинраалахь дшиасуа. Уи аскам амаахь иехыршэҥны, минутк акара тынч дтэоуп, цак дуззак змоу акы шыкалауа итэу азыкаитцарц иҥахушэа, нас ашэахэара далагоит. Угэы иаанагоит: иихэо иахьа икалазшэа, ажэытэра иатэымызшэа» [Иара уа: ад. 10].

Зынзаскгы ииашазам хѳа сгѳи иаанагоит, нарѳаа репос чыда кѳазшьас еикарам астопаѳа амоуп хѳа С.И. Липкин иихѳо. Ахьзыртѳаѳа хѳамгозар (урѳ зегь реихѳагы ажѳеинраалатѳ кѳазшьа рymoуп), аѳсуа жѳлар егырт рашѳаѳа рѳы абжыкѳыгѳѳѳара змам ацыраѳа рхыпхъазара ѳагы рымазам дара ашѳаѳа ршѳагеи рритмикеи реилкаараѳы. Ашѳаѳа рѳны аус злоу аѳыгѳѳѳара змоу ацыраѳа роуп. Урт ѳѳахѳак аѳны иахѳыло рхыпхъазаралоуп излеилахѳаауа ашѳаѳа ршѳагеи рритмикатѳ-интонациатѳ еиѳартѳышьеи. Аѳыгѳѳѳара змам ацыраѳа ѳѳахѳак аѳы ираѳаахар рылшоит, даѳа ѳѳахѳак аѳы – еиѳахар. Убри аѳнытѳ аѳсуаа рашѳаѳа ашѳаны иумхѳозар, ишану урыпхъар прозоуп ухѳап. Убри азоуп изырхѳо – аѳсуа жѳлар рашѳаѳа рритмикеи ршѳагеи рѳаразы атѳкти амелодиеи еидкыланы иѳѳаатѳуп хѳа.

Ишдыру еипш, нартаа ражэабжықға зхэо ирызкны очеркк иадамхар-гы ихамазам. Убри аганахьала аинтерес ду ацоуп Гь.Д. Гәлиа истатиа

«Аңсуа Мафусаилцәа» [Гулиа 1966]. Хәарада, ари фольклористикатә статиам. Арака хара иаабом ажәабжьхәао иидыруа афольклортә материал (ирепертуар), уи анихәо изеихәо иара ишизыкоу, иара ихатә иихәауа дшахәапшуа (ихаитцо, ихаймцо), ацара имоу, имаму, абызшәақәа иидыруа, дахьнеихьоу-дахьааихьоу (Аңсны антыц дахьцахьоу) ухәа убас итегьгы. Аха иагьа ус акәзаргьы, ашәкәыоуы ихайтоит ажәабжьхәаоцәа рыцстазаара акнытә биографиатә дырратарақәак.

Гь.Д. Гәлиа даатгыланы дахцәажәоит нартаа ражәабжьқәа ибзиаза-ны издыруа рахьынтә азәы хәа иупхьазаша Сеилахь Бытәба ицстазаара. Уи дынхоит Очамчыра араион, Ацара ақытан. Гь. Д. Гәлиа излеихәо ала, уи, шәы-шықәса дышрейхаугьы, бзиа ибаны ашәа ихәоит, дкәа-шоит, абыргцәа рансамбль далoup. Гыларыла днырхарам, аха ауаоы кәф-кәф замана, ашьеи ахши еилатәо дыкоуп. Абар уи игәамч азы ашәкәыоуы иихәо: «Сеилахь ласы-ласс итаалоит аетнографцәа, ажәытә ашәақәеи ахәамтақәеи шпәахымхәари хәа агәыгра рыманы. Амузыка-дырыу И. Кортуа исеихәон зны Сеилахь иареи икьакьаза иаашаанза, ахәыштаара иадтәалан еицәажәо ишеидхалаз. Урт аоы ржәуан, абырг нартаа рашәақәа ихәон – уахьзаны иузанцозар.

– Сара сшьапы сзыкәымгылауа скарахеит, – ихәеит И. Кортуа, – Сеилахь иакәзар, уи абыржәы ифь ааизәзәазшәа дыкан: длафыхьза, дпышәырччауа [Гулиа 1966: 179].

Хәарада, Сеилахь Бытәба ирейгьзоу ажәабжьхәаоцәа дреиуоуп, аха, Гь. Д. Гәлиа ишазгәеитә еипш, ахәамтақәа зегьы еидызкылауа, еизаку атекст (свод) идыруеит хәа ахәара иара изгы, Аңсны икәынхо ажәабжьхәаоцәа рахьтә даәазә изгы ииашам.

Нартаа рхәамтақәа рытцааоцәа рзы аус злоу ажәабжьхәао хыпхьазарала шака хәамта идыруа акәзам, урт дышрызнеиуа ауп. Уи нартаа ражәабжьқәа икалахьоу акеипш дрызнеиуеит, иихәо агәра игоит. Абри абас шакәу иара Сеилахь иажәақәа иахдырбоит (ианитцеит Ш. Хь. Салакаиа): «Нарт Сасрыкәа иашьцәа датәарбомызт. Дзатәарымбоз уиакәын – нартаа рыжәхьча Нарцхьоу дихылцит. Дылгәапхан даалпхьейт. (Алакә алан истахым сара ахәара. Уи шәык иашьцәа ыкан, иара дшәиазәын. Хәбацәа ишырхәаз ус ауп. Нартәа егырт аб дрыман зхәақәо ыкоуп, аха уи иашам. Ускан хатара ыкамызт. Аңхәыс илгәапхо даалпхьон, убри аңхәыс илыхшоз ракәын аишьцәагы аихәшьцәагы»). Иаагап даәа ғырпштәык: «Нас дара (нартаа – **А.А.**) рхала еибашьын, иаақәибашит. Нартәа рнышәынтрақәа збахьоу, издыруа ауаоы исеихәахьейт – Нхыц Кәбина ауп дара ахьыкоу».

Бытәба Сеилахь Шьааб-ица диит, дагьынхоит Ацара. Ацара имазам, иара ихәашьала, атыркәшәеи агыршәеи хәыч-мыцқәак идыруеит. «Атыркәшәа садхалар саламәасуеит» ихәалоит иара. Нартәа ражә-

абжькәа иаб иџцааит. Сеилах ирепертуар еиднакылауа нартаа ре-
пос афырхацәа хадакәа – Сасрыкәа, Саҭанеи-Гәашьа, Гәында-пшза
– ирызку ахәамтакәа роуп. Сара иахьынзаздыруа ала, уи икынтә иа-
нцазам егырт нартаа дукәа (Цәыцә, Нарцъхьоу, Хәажәарцыс ухәа)
ирызку ахәамтакәа. Насгьы еилкаам нартаа рхәамтакәа рыда егырт
афольклортә жанркәа иидыруа.

Ажәабжьхәаюцәа зегьы нартаа рхәамтакәа еицшны ирыхәацшу-
ам. Урт хазымцо, лакәс изыпхьазо ыкоуп. Дара ихазымцо рахьгьы
акы ацымцакәа рабацәа ркнытә ишрахаз изхәақәоугьы упылоит. Урт
рахь дупхьазар алшоит Очамчыра араион, Кәтол ақытан инхо Л. Цна-
риа. Уи ақытан еицырдыруа ажәабжьхәаюны дрыпхьазазом. Нартаа
ражәабжькәа цкәа ахәара иҭахынгьы дыкам, баша усс ипхьазоит. Ажә-
абжьхәара даланагаларц азы, ицкәын дизапхьейт Акәа 1962 шықәса-
зы иҭыпцыз «Нарт Сасрыкәеи пшынәажәи зеижәык иара иашьцәеи»
хәа хыс измоу ашәкәы. «Урт узыпхьаз цкәа исгәапхом, сара исаҳахьоу,
издыруа уасхәап», ихәан, Л. Цнариа ицкәын ҭ-сиужетк изеиҭеиҳәейт.
Сара излаздыруала, арт асиужеткәа ацсуаа рҭы ианырымцацызт¹, аха
анаука аусзәоцәа ирдыруа иреиуоуп, адыгаа рҭы ианырцахьейт. Урт хаз-
ну ашәышықәса 20-тәи ашықәскәа рзы ианицахьан апрофессор Н.Ф.
Иаковлев. Актәи асиужет Сасрыкәа иҭахара аамта шааигәахаз атәы
уазхәо ауп. Аәбатәи асиужет аҭы ҭ-мотивк еилоуп: ашьоуреи абаа ага-
реи. Аха асиужеткәа ракәым ара зцаарас иахзыкәгылоу, ажәабжьхәаю
урт дышрызнейуа ауп. Л. Цнариа аәбатәи асиужет аниҳәоз, Сиҭ-иҭа
Уахсит абзарбзан дҭацаны Кадла-шәадла абаа дагәыдыртцейт аниҳәа,
ацкәын иаб ус диазцааит иабыкәу абри абаа ахьыкоу хәа. Аб аҭак абас
иҭаитойт: «Аллах идырп, лакәуп ари». Л. Цнариа арт ахәамтакәа лакәс
ишишьогьы, атрадициатә сиужеттә схема иәтагзаны ихәойт, адетал-
ькәа рҭы еиқәымшәозаргьы. Ишдыру еицш, алакә аҭы иаҭахзам ахтыс
ахьымәапысуа аҭып арбара, абаа ахьз ахәара, ажәабжьхәаю традици-
ак инархәойт акәымзар. Икалап уи изырхәо атрадиция шакәугьы, ихәта
еилкааны имамзаргьы.

Ацкәын иаб диазцаауейт Саҭанеи-Гәашьа ахәта длымазма хәа.
Аҭакс аб «уи лхәта Уж ихьзын» ихәойт. Уамашәа иубаша, ари ахьзгьы
ажәабжьхәаю ихы иҭиҳәааз акоюп хәа узхәом. Уи упылоит Азербайҭьан
XIX ашәышықәса антәамтазы ианырцаз хәамтак аҭы. Азербайҭьанааи
ацсуааи еицырзеицшу анарт дахьаанагаз аилкаара мариам. Ари ахьз
Азербайҭьанынтә иааз акоюп хәа ахәарагьы уадаоуп. Л. Цнариа, Аҭсны
антыц инахараны дымныкәацызт, аҭсшәа ада бызшәак издыруам,

¹ Ари агәаанагара зынза ииашоуп узхәом, избан акәзар арт асиужеткәа змоу
ахәамтакәа ацсуа фольклор аҭы имацымкәа икоюп (З.Ць. Цьапуа).

Ажәлар ажәабжьхәарафь ирымоу атрадициа иахнарбоит алакәи на-
ртаа ражәабжькәеи еипшны ишырзымнеиуа. Аха алакәи аепоси реи-
лыхразы макъана даара интырхәцааны, иагәылаланы атцаара ртахуп
ажәлар рәапыцтә хәамтәкәа. Урт, хәаа дуқәак рыбжьамзаргы, ихадоу
рхатә чыдаракәа рымоуп.

- Гулиа 1966:** Гулиа Г.Д. Абхазские Мафусаилы // «Дружба народов». 1966. №2. С. 170–189.
- Инал-ипа 1963:** Инал-ипа Ш.Д. О принципах составления и издания абхазского нартского эпоса // Архив АБНИИ, ф.2, 147.
- Мачавариани 1910:** Мачавариани К.Д. Миссионер-двоеженец (из жизни абхазов). Тифлис, 1910.
- Пропп 1965:** Пропп В.Я. Фольклор и действительность // Русская фольклористика (хрестоматия для вузов) / Составили С.И. Минц, Э.В. Померанцева. М., 1965.
- Уварова 1891:** «Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшетия). Путевые заметки графини Уваровой». Ч. II. 1891.
- Шьынқәба 1959:** Шьынқәба Б.У. Аҟхьажәа // Аҟсуа жәлар рпоезиа / Еикәиршәеит Б.У. Шьынқәба. Аҟәа, 1959. Ад. 3–21.

Р. К. ЧАНБА

В.3. ДАРСАЛИА 70 ШЫҚӘСА ИХЫЦРА ИАЗКНЫ

(Аиубилеитә конференцияағы ақәгыларә)

Владимир Заз-иңа Дарсалиа игәләшәара иазку иахәа ҳаиқәшәара хтыс дууп. Аңсуатцаара институт азы мацара акәым, аңсуа интеллигенция зегы азы. Ари ауао санизхәыцуа Артур Аншба даасгәләшәоит – рәыңагы рлахынцақәа еипшың: Артур 78-тәи ахтысқәа иәхәара аркәәит, атакпхықәра идыз. Артур иахәтәи ҳаицәажәара далахәушәа, зегь иахауашәа сгәы иабоит: В. Дарсалиеи иареи еизааигәан, еснагь еицың, урт рыңсы аңтаз инибәжыңы ңыаргы ицазомызт. Харак рыбжымскәа дәәа дунейк ашкәгы еиццеит: Артур 50 шықәса ихыцаанза, Владимир – аңсуа итәымта дыштагылаз.

В. Дарсалиеи сареи раңхәаза ҳанеибадыр Акәатәи Арцаоратә институт хантала ауп. Ари ауаоы лахәых, ауаоы ңшза, деилыхха иараз-нак астудентцәа дрылукаауан. Жәбака шықәса рышьтахь Аңсуатцааратә институт акны аусеицура дырәегых ҳаиқәнаршәеит. Владимир ңыхәтәи ачкәын дабаказ. Уажәы уи итәшәынтәалаз, аңышәа змаз, заа анаука иалагаз, ақәиарақәагы аазырңшхәаз, Аинститут ағы азәы ҳәа иказ иакәын. Ауаа реидкыларә, рхылаңшра ахәтаху инапы ианыртон. Аус ыргәагәо, исычхар ңәа икылсып, саргы ңыара скылнагап ҳәа ахаангы ңазшьас имамызт. Игәаанагара мхәакәа азәгы дивсзомызт дышиашоу анидыр изеихәо игәампхозаргы, уи дзакаразаалакгы. Имәығны акәымкәа ахәашыагы дақәшәон. Иуеихәаз угәампхаргы ишңасыхы, ишңакалеи ҳәа агәтахәыцра унатон. Ус схаҗа сақәшәахәан. Аиоызара, аицныкәарағы В. Дарсалиа дманшәалан, угәы ңынчын. Угәалакара еипшымшәа ибар, ус иумырдырзакәа, ани ари далацәажәо угәы шытихуан. Лассы-лассы ҳаицныкәон Артур, иара Владимир Агрба, Владимир Аңнариа, ҳаззегы кыраамта «Араион ғыц» акны хыбрак ҳаицыонан. Игәләшәоит, ҳазынтәык ҳаицны ҳалашыюкны акы ҳалацәажәо ҳашнеиуа, Артур иныкәашәа ааиңсахуан, Вова ажәжәахәа иңыба дталон ихазы имаз игәы иаңхраауа хәшәык сыңшаауеит ҳәа, саргы иакәым ак шыкалаз баны санаахәахәлак Владимир: «Артур, ари ухәоума?» ҳәа ахәшә ңыганы иирбон. Анаңалбеит, сцәа зынза ижәпахазаап, абри сара ишңасызгәамтәи ҳәа схы сазгәаауан. Владимир акгы звымсуаз, згәы ңағаз, зцәанырра кәымшәышәыз уаоын.

Анцәа иҕынтә иман иара аҕаҕыц бзиа. Аинститут аҕы аума, аҕа-лаҕ аума, хра злоу акы ианалацәажәо ихы алаирхәуан. Угәы икәҕыҕзомызт, избанзар зны иихәахәуо, мамзарггы ауаа «иркакахәуо» ак цәырганы еитеихәомызт. Владимир еснаҕ дҕыцын. Иара ус уидтәаланы иацәажәараҕгы гәҕыҕра уоузомызт, иара итәы дамыхакәа ура дузызыроуан. Кыр шықәса шыцхәуоггы урт аиҕцәажәарақәа исзынхаз рацәоуп, урт зеггы ара изласхәари?!

Владимир иман ихатә хәыцшыа, ихатә гәаанагара дәәзәы дузидымкыло. Аңсуа литература анаәс инартцауланы идыруан аурыси ахәаанырцәтәи аклассикеи рсахьаркыратә литература, иерудижия тбаан, цсабарала дкәышын. Владимир дарестократын, даамысташәан, дхатәран. Данычкәыназ, данстудентыз инаркны ихцша бзиан. Аңсуа литература атцаараәы уи ицәыртца, илшара феноменк иафызозуп. Иара аурыс школ далгеит, аңсуа бызшәеи алитературеи ахыддмыртцоз атоурыхтә-филологиатә факультет аәы ацара ицон, дааиижытәи Акәа даланахон, уа изхәит, аха аңсуа литература ачыдарақәа убыс инткааны ицеит, аңсуа цстазаара убыскак идыруан, аңсуа литератураттцаараә ипрофессионалтә дырра ҳаракхартә, аңсуа литература иацхраауа аоымтақәа аңитцартә. Хәарада, уи шыаҭас иамаз – ажәытәра иагази, аңсуаа еикәырханы ирымаз аказшыақәеи ибзиазаны издыруаз ашәкәыло Заз Дарсалиа итаацәараәы иахызхаз ауп.

Аибашъра акалара шыкәсқәак шагыз Владислав Григори-ица Арзынбеи Владимир Заз-ица Дарсалиеи аколлектив иргәақханы Ақсуатцааратә институт иахадыргылт. Рәуицаағы рхы иамеигзакәа еидгыланы аусура иалагеит. Иаарласынғы аиқакрақәа қалейт, ағар ацәахеит, апроблема ғыцқәа цәырцит. Хара имгакәа Владислав ажәлар иргәақханы аиқабыхахь диаргеит. Аха иара игәы ззыбылуаз Аинститут изкажьюамызт. Арахь аамта цәгьахеит – 70 шыкәса ахәынтқарра идыргылоз ахыбра ду ағәа ахго аилақара иалагеит. Ари шәартан ақсуаа хазғы. Владислав Дарсалиа дааицхьан Аинститут ахылацшра инапы ианицеит, ишилшо агәра ганы, диқәгәығны. В. Г. Арзынба иполитикатә еидара хьантәхеит. Нас В. Г. Арзынба уеизгы Аинститут зынза иаанимыжъзеит – аамта иоуцыцхьаза ишәыгуи – ишәыбзоуи хәа дааилон, аха үи ласы-лассы акәмызт. В. Дарсалиа

Аинститут аусура иагмырхакәа аныкәгара дафын, аколлектив игәра ргон, иихәо иадгылон, ицхраауан.

Иаалыркьаны иааит аңсуаа хазыңшзамыз хлахьынца иадхәа-лаз ахтыс бааңс – аибашьра. Шевардназе Акәа дцөыңатәаны аңсуаа ргәы сышьтып хәа ажәабжыкәа гәарейтон, арт аоымш-хымшк Аңсны зегьы аагоит, нанхәа 18 рзы аңсуаа еизганы Лыхнашта срацәажәарц сгәы иҫоуп хәа. Иазар Бериа 37 шықәсазы аңсуаа ирейхәаз расхәап хәа дгәыңуан. Лыхнаштеи Аңсуа институти рзы ихатә гәағгы пей-пеиуа иман: Лыхнашта дзымцакьақоз москватәи иеихабыра ишырбо-ишрахауа аңсуа жәлар изныкымкәа акамчы ихыркьахьан өажәак атак ахәара имоуа. Акәаггы аибашьра калаанза иахьааиҫаххалак днеины иааиҫаххалак реиҫәон, аха Аңсуа институт ахь анеира изыгәағьуамызт, уи калашьа амамызт.

Уажәы... Акәа игахьан, Аңсуа институтгы, уи иахагылаз Владимир Дарсалиаггы, згәағ кны дагоз егьырт налацаны – хәоык-фөык Аңсуа институт ағы аус зуаз, Акәа иалахаз инапағы икан. Урт зегьы ихаштны дыказамызт – ихаштзар Аинститут ибылуазу? Акәа дыкан иара убас Аинститут ажьымдыр, агыгшөыгцәа зхаз шықәсырацәала Бериа ИКГБ иаазахьаз Григори Лежава. Ас еиңш иказ ауаоы, Акәа иалахаз аңсуаа рааигәара дахьыказ, алахәа кьыруа ианхалалак бзиара аанагозар иао-ызан. Иаарласны ус иагыкәлеит. Өнак, В. Дарсалиа иғы даакылсит. Ус далагеит: – Икоу умбои Владимир Владимир-иңа, аңсуааи ақырт-цәеи реинраалара хәәуп, Аңсуа милаҫ реиқәырхара («комитет национального спасения» хәа изышьтаз) акомитет замана аус аҫеит, хәц-храароуп, Аңсуа институт аусура иалахаргароуп. Григори Платон-иңа, иухәо бзиоуп, иашоуп, аха ауаа ыкам, хәоык-ңшьоык рыла аинститут калома? – иаҫеикит Вова. – Нас, ус акәзар шакао ыкацәкьоу еилкаа-ны сааҫеит, – хәаны дҫеит. Мышқәак рышьтахь зегьы дрылсны хәоык-фөык радресқәаггы ртелефон аномерқәаггы иманы дааит. – Угәы иаа-нагои? – ихәахт. – Ахыңхьазара маңуп иахьугалак, арт рыла аинститут аиҫкаара ауаны избом, амала кәшак иатәу 4-5 ыказтгы, Аинститут кәшак еиҫахқааит ххәон, арахь урт зегьы хаз-хазы акәшақәа иртәуп – наиаҫеикит Вова. Г. Лежава иехыршәаа игәы шынамзас иныңшуа дҫе-ит. Мышқәак анцы аҫел абжыы геит. – Са соуп изхәо, угәы ишңаанаго Владимир Владимир-иңа, аусура халагар аңсуаа уамак иахдырхагара-ру? – ихәеит уи. – Ауаа маңцәоуп, ишңакахцари хәа иаҫеикит Вова. – Халагар, азә дацлап, өазә дацлап – наңиҫеит уи. – Шьоук аңлозар маңк хәаңшып, нас халагап, – ихәеит Вова.

Лежава аҫел иасуаз дидтәаламзаргы, уеизгы уи игәаанагара идыруан. В. Дарсалиа иҫагылазаашьа бааңсы еиҫагы иаруадаоуан. Уи иаахтны иахәон: Аинститут аусура иалагар ауазаап, аха ңаса

иахагылаз, уажә еиҕызкаарц зыхәтоу дмарахәуеит акәымзар хәа. Икоу ауаа рыла Аинститут аусура шалымшоз дара ақыртқәагы ирзымдыруа иаукахыз, аха урт иртәхыз – знык ыыңа-хыи неир, аполитика алхны иаакәымцзакәа рдаул гәаа асра акәын.

Мышқәак анца атәл дәәазә дасит. Уи ус ихәеит: Аңсуа институт аусура иалахаргоит хәа шыок дөықәуп, абри аеацәгатәуп, ача анааухәа ада аоны удәылымцын.

Аңсуаа ианакәызаалак пату икәырцон абжәагаа, уи дызмам илабашә дазцаауан рхәоит. Уи ус шакәугыи ара атакпхыкәра ду змаз Владимир ихаҭа иакәын. Иаңхәа ишытан аңсреи абзарей зныңшуаз ыи-моакы, урт руак алихыр акәын, ихы даиааины иагәлихит аңсрахыи ихаз амоа. Хазхәыцып егыи апозициа. – Шәааи аусурахь хнеип хәа Владимир Дарсалиа раңхәа дгыланы иҕынеихар – Тамара Платон-иңа дақәшахат-хозу аңсуаа ашьаартәыра ианылагылаз аамтазы?! Ускан, хымпада, атрагедиа камлар алшомызт.

Лежава идыз аус имарианы дакәыцуазма – кырынтә дааит, дцеит. Дцацыңхәаза уажәы уашьтан иаауеит, ашә иасуеит хәа хәңшыи, – ихәеит В. Дарсалиа.

Владимир Заз-иңа Дарсалиа атакпхыкәра ду имаз хыимзгыда дэлцит. Дырмит Гәлиа инаиркны биңарала еимдо Аңсуа институт аҕы иааргоз ахақәитратә бирак шыцкәаз аибашьра хлымзаах иалигеит, уи иацыз ахьанҭара Владимир иәхәарагыи аркәәит.

Аибашьра еилгеит, Аңсуа институт аҕы еиҭах хәикәшәеит. Владимир дшыкац дыкоуп – шәара зкәым, акгыи иннамкыло илахәыху, игәыку уаоны. Аңсуа хәштаарамца акакала афархь сса еидкыло ианеикәыртцо еиңш, Владимир далагеит Аңсуа институт ыыц ашьақәыргылара. Аибашьра иаруашәшәыраз, иарчмазды азәгыи илаңш дыцшәомызт – зегыи дрыцхраауан, ихы дашьтамызт. Арахь аибашьра ихигаз атәы канатон – иңшәаара иаҕын. Уа ихигаз зегыи иламыси, игәымшәареи иаңсуареи ирылазеит, аха ицәеижыи иазымчхакәа дыхәнажәеит. Шықәсқәак роуп аибашьра ашьтахь инициз. Хара иахуалын Владимир Дарсалиа дзакәу абиңара ға лассы-лассы рахәара. Уи аазагоуп, иҕырңшыгоуп. Уи хәгхеит. Аха сара агәра згоит Аңсны хәихабыра хәгха дыриашап хәа. Уа, Владимир Заз-иңа Дарсалиа дарбан хәа ицаауа азәгыи дыказам.

Сгәы иаанагоит, хәихабыра уи аңсуа культура ашьтыхраҕыи идуу иааңсарей, аңсуара ахьчаразы ихамеигзарей хәтырла иазныкәаны, ишихәтоу ала ауаа ирбартә-ирахартә пату икәырцап хәа.

В. 3. ДАРСАЛИА ИХАДАРОУ ИУСУМҘАҚҘА РСИА

Ашәкәкәә:

1. Абхазская советская драматургия (Историко-литературный и критический очерк). Тбилиси: Мецниереба, 1968. 192 с.
2. Владимир Агрба. Творческий портрет. Сухуми: Алашара, 1974. 90 с.
3. Михаил Лакербай. Творческий портрет. Сухуми: Алашара, 1979. 54 с. (А.А. Аншба далахәны).
4. Абхазская проза 20-х-60-х годов. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 174 с.
5. Быть человеком: Литературно-критические статьи. Сухуми: Алашара, 1982. 134 с.
6. Самсон Чанба: Акритика-биографиятә очерк. Ақәа: Алашара, 1985. 120 д. (А. А. Аншба далахәны).
7. В ответе у времени: Литературно-критические статьи и очерк. – Сухуми: Алашара, 1986. 154 с.
8. Дзадз Дарсалиа. Критико-биографический очерк. Сухуми: Алашара, 1988. 88 с.

Астатиақәа

1. Аиааира [Ацсуа советтә драматургия аҟиара аҟнытәи зцаарақәак] // «Алашара». 1966. №9. Ад. 96–98.
2. Зарождение комендийного жанра в абхазской драматургии // Научная сессия Сухгоспединститута им. А.М. Горького. Сухуми, 1967. С. 31–32.
3. Историко-революционная тематика в абхазской драматургии 20-х годов // Сборник научных работ аспирантов. Сухуми: Алашара, 1967. С. 23–40.
4. Историко-революционная тематика в драматургии С.Я. Чанба // Научная сессия Абхазского института, посвященная 80-летию С.Я. Чанба. Сухуми, 1967. С. 11–12.
5. Мечем и лирой // Абхазская литература. Краткий очерк. Сухуми: Алашара, 1968. С. 62–78. (Совместно с Л.Д. Чацба).
6. Ицсхьоу амш // «Алашара». 1969. №7. Ад. 83–89.
7. Д.И.Гәлиа иажәабжь «Атәым жәәан ацақа» // «Алашара». 1973. №5. Ад. 88–91.
8. Драматургия. Рассказ Д.Гулиа «Под чужим небом». 3 повести В. Агрба «Рождение колхоза «Вперед» и С. Чанба «Сейдык». Литература военного периода (Совместно с Л.Д. Чацба) // Очерки

- истории абхазской литературы. Сухуми: Алашара, 1974. С. 55–71, 111–121, 180–187, 296–274, 22–24, 87–99, 122–133.
9. Иалукааша аґсуа шәкәыюы // С.И. Ҷанба. Иалкаау. – Аґәа: Алашара, 1976. Ад. 3–9.
 10. Иґачаґцәкәюума абарт мшәагәраа? // Ажәеи аамґеи. Аґәа: Алашара, 1979. С. 38–55.
 11. Иара уи: «Алашара» 1979. №9. С. 79–104.
 12. Дзыргәазеи Алоу? [Ш. Ҷкадуа ипиесаки ґшь-повестки ирызкны] // «Алашара». 1980. №12. Ад. 97–103.
 13. Иара уи: Ажәеи аамґеи: Алитературатә-критикатә статиаґәа реизга. Аґәа: Алашара, 1981. Ад. 40–51.
 14. Ажанр уадаґәа: [Р. Ҷьопуа идраматургиатә ґымґаґәа рызхәыцра] // «Алашара». 1981. №1. Ад. 78–87.
 15. Дызустада ашьацхәа иаґашәаз // «Алашара». 1982. №4. Ад. 95–98.
 16. Аґсуа драматургиа ашьаґаркәы // «Алашара». 1986. №9. Ад. 98–107.
 17. [Адраматургиа. Аибашьраантәи апоезиа. 1920-тәи ашықәсқәа раантәи апроза (А.А. Аншба далахәны)] // Аґсуа литература аґоурых. Актәи ашәкәы. Аґәа: Алашара, 1986. Ад. 96–124, 179–203, 215–218, 285–291, 204–209, 87–95.

Еиқәиршәеит А.Е. Ашәба

В. В. ДАРСАЛИЯ

НЕ ТОЛЬКО О ЛЮБВИ¹

В произведениях молодых абхазских писателей о современниках повышенный интерес проявляется к проблемам любви, долга, семьи. Особенно показательны, что прозаики увязывают их с проблемой формирования молодого человека как личности, стремятся рассмотреть любовь в узкоэтическом аспекте перевести в широкий социальный план.

Здесь мы остановимся только на некоторых произведениях, написанных в основном в первой половине 60-х гг.

С конца 50-х гг. в абхазской литературе в полный голос заявил о себе Шота Чкадуа (1932), комедия которого «Жуля и Мажуля» (1958) неоднократно передавалась по Центральному телевидению в 1965–1966 гг.

Однако Ш. Чкадуа широко известен и как прозаик. В 1960 году им написана повесть «Женщина легкого поведения».

На перепутье жизненных дорог встретились двое – Мзия и Шамиль – и полюбили друг друга. Как представлялось по первым страницам повести, полюбили одинаково сильно и самозабвенно. И вот, когда казалось, что до полного счастья оставалось сделать всего лишь один шаг, неумолимые противоречия жизни предъявляют молодым людям свои счета, проверяют силу их чувства и вообще степень их жизнестойкости.

Дело в том, что судьба Мзии до встречи с Шамилем складывалась весьма драматически: она дважды выходила замуж и оба раза жизнь жестоко обходилась с ней – первый муж не вернулся с войны, а второго – она сама вычеркнула из памяти как человека недостойного.

Истосковавшееся по человеческой доброте сердце женщины, как к свету, тянется к своей большой и, возможно, последней любви – к Шамилю. Отвергая ползучие мещанские предрассудки и не предчувствуя печального финала, она гордо идет навстречу счастью. Но оно и на этот раз отвернулось от нее.

Стоило родителям Шамиля прослышать, на ком собирается жениться их сын, как тут же бросились «спасать» его от непоправимой беды,

¹ Публикуется с книги: Дарсалия В.В. Абхазская проза 20-х–60-х годов. Тбилиси, 1980. Подготовил к печати А.Е. Ашуба.

— ведь не могли же они допустить, чтобы в их дом вошла женщина с сомнительной репутацией.

Таким образом, юноша оказался перед дилеммой: либо твердо стать на защиту своей любви, но рассориться с родителями, либо склониться перед порядочно уже обветшавшей, но еще цепкой традицией, согласно которой женщина, бывшая замужем, считается чуть ли не гулящей. В этот первый, по-настоящему затруднительный и, пожалуй, решающий момент своей жизни юноша не устоял, дрогнул, смалодушничал и, предав свою любимую, по существу нанес себе невосполнимый нравственный урон.

Критик Ш. Салакая склонен всю ответственность за разрыв между героями переложить на невежество родителей Шамиля. Он пишет: «Однако они (Мзия и Шамиль. — Д. В.) не свободны самостоятельно решать свою судьбу. Здесь свою неблагоприятную роль сыграли пережитки древней традиции, взгляд на вдову или разведенную женщину, как на особу сомнительного поведения. Вследствие грубого, бестактного вторжения родни Шамиля в его отношения с Мзией, пути молодых разошлись» [Салакая 1968: 131].

В справедливости его точки зрения сомневаться вроде бы и не приходится — можно даже предположить, что субъективные намерения автора не выходили за рамки осуждения косных традиций. Но тогда повесть «Женщина легкого поведения» — это как раз тот, нередко встречающийся в литературной практике случай, когда объективное содержание произведения — шире субъективного замысла автора.

Актуальность и ценность данной повести в том и заключается, что в ней не только осуждаются дурные традиции, но поднимается и другой важный вопрос — только ли пережитки древней традиции могли оказаться непреодолимой преградой на пути к счастью для вполне современного, образованного парня-горожанина или он вообще спасовал бы перед любым иным жизненным испытанием.

Из повести ясно видно, что в трагическом финале истории двух влюбленных повинна не только та «не свобода», о которой пишет Ш. Салакая, т. е. сила затхлой традиции, но и «не свобода» самого Шамиля, которую герой почувствовал сразу же после того, как увидел, что «жизнь прожить — не поле перейти». Шамиль не свободен оттого, что ему никогда не приходилось отвечать за свои слова и поступки. Ш. Чкадуа выявляет ту грань свободы, которая связана с мерой ответственности и активности личности, а ведь именно их и не хватало нашему герою. Поэтому он и не может принять на себя ответственность перед родителями за Мзию, несмотря на то, что любит ее, да и она в свою очередь готова до конца бороться за их счастье.

Ш. Чкадуа бескомпромиссно судит Шамиля, да и можно ли было поступить иначе с человеком, который ради соблюдения мещанской благопристойности по существу предаёт любимую женщину, требуя от нее, именно требуя, – освободиться от ребенка – плода их любви. И это после того, как он искренне уверял Мзию в совершеннейшей своей независимости, в непреклонной решимости игнорировать всякие пред-рассудки, включая предполагаемое недовольство своих родителей.

Писатель заставляет героя посмотреть правде в глаза, чтобы тот увидел, как неприглядно сложился его духовный мир. Отвергнутый Мзией и оказавшийся в одиночестве, Шамиль как будто начинает сознавать меру своего падения, но и сейчас он еще старается найти лазейку, чтобы переложить основную вину за свое малодушие на других, в частности, на родителей. Вот его слова из внутреннего монолога: «Отец! Мать! Вот, кто дал мне жизнь. Отец! Мать! Вот, кто отнял ее у меня». Это признание красноречиво и симптоматично, так как ясно показывает, что парню, вовремя не приученному к самостоятельности, не так-то легко дается наука взросления, возмужания, т. е. такое состояние человека, при котором он становится способным бороться с жесткими обстоятельствами, а не ограничиваться лишь указанием и жалобой на них.

Как видно, Ш. Чкадуа удалось подметить одну из характерных отрицательных черт определенного круга нашей молодежи 50-х гг. – ее инфантилизм, который доставлял ей много неприятностей.

К сожалению, не все в повести равно удачно. Нетрудно заметить, что если в первой части ее (до падения Шамиля) писатель больше тяготеет к сдержанному реалистическому рисунку, то во второй – он как бы теряет доверие к его эмоциональным возможностям и стремится воздействовать на чувство читателя дополнительными, «специальными» эпизодами (например, ложный выкидыш Мзией ребенка, эпизод неузнавания Мзией матери Шамиля в городском парке), а иногда срывается даже на явную сентиментальность, если не сказать слащавость (например, сцена посещения Мзией с сыном родителей Шамиля, взаимоотношение стариков-супругов). Все это приводит к тому, что повести (особенно во второй части) не хватает строгости, простоты. Объяснение этому нужно искать в том, что уже в первой части повести писатель с достаточной полнотой и определенностью поставил интересовавшие его проблемы, отчетливо выразил свое отношение к главным героям, а во второй части принялся в основном за разжевывание уже сказанного, для чего и потребовалась ненужная «выразительность» чисто литературного происхождения.

Кстати, этой, второй части повесть вообще не имела в журнальном варианте (она так и называлась – «Маленькая повесть»), а вот в книге

«Белое и черное» она обросла совершенно не обязательными эпизодами и потеряла композиционную стройность, что уже отмечалось критиком М. Ласуриа [Ласуриа 1973: 155].

В журнальном варианте повести Ш. Чкадуа в основном правдиво изображает психологическое состояние своих героев в тех или иных обстоятельствах. Причем, выявляется оно не только с помощью диалогов (хотя преимущественно через них), внутренней речи, но иногда и посредством фотографически точного описания простейших действий героя.

Возьмем, например, такой эпизод из повести. Как-то под вечер Шамиль пришел в дом любимой с подарками. Он весел и нежен, но и непомерно шумлив – выпил с друзьями. Обрадованная Мзия, заботливо укладывает его отдохнуть, а сама принимается за домашние дела.

Наступила ночь, Мзия покончила с делами и вошла в дом.

«Что же мне делать? Разбудить или не разбудить? Конечно, надо разбудить, но подожду часов до одиннадцати: к этому времени он отрезвеет...», – раздумывает она над спящим Шамилем.

И вот здесь автор начинает скрупулезно фиксировать все подробности ее действий. Но почему автор все же настаивает на их дотошном перечислении: накрыла стол, взяла мыло и полотенце, вышла во двор, стала умываться, вернулась, стала причесываться и т. д.? Как будто Мзия старается, чтобы в цепи ее последовательных действий не оставалось ни одной щелки, в которую могли бы проскользнуть какие-то мысли.

И это действительно так. Дело в том, что Мзия в замешательстве: уже глубокая ночь, а их отношения с Шамилем не настолько определены, чтобы она, одинокая женщина, могла позволить себе оставить на ночь в своем доме мужчину, не рискуя быть осужденной соседями. В то же время чувства ее к Шамилю уже настолько сильны, что ей не хочется расставаться с ним. Вот почему Мзия, хоть и на некоторое время, но откладывает принятие какого-либо решения. Она заставляет себя думать только о том, что делает в данную минуту. Это как бы акт ее самосохранения. Этот эпизод в сочетании с следующим за ним раздумьем героини о любимом очень точно и правдиво передает ее психологическое состояние в данных конкретных обстоятельствах.

Но случается, что Ш. Чкадуа поступает психологической достоверностью действий героев. Так, например, в момент наивысшего всплеска чувств у Мзии и Шамиля писатель вдруг «отсылает» последнего отдыхать в Кисловодск... на целых два месяца.

Не очень эффективно используются в повести пейзажные штрихи и зарисовки, которые являются как бы назойливым аккомпанементом настроения героев.

Однако, отмеченные недостатки не могут перекрыть тот полезный потенциал, что заложен в произведении Ш. Чкадуа. Его повесть еще раз заставит читателя поразмыслить над своей жизнью, над ответственностью перед ней и перед близкими, а это уже удача писателя.

В 1961 году написана повесть Ш. Чкадуа «Ну, что ей стоит улыбнуться?!», в которой он выступает против мещанской морали и ее тлетворного влияния на все истинно человеческое, истинно прекрасное.

Жила-была на свете шустрая, смазливая девчушка по имени Нана. Жила беспечно и беззаботно, пока не пришла к ней первая тревожная любовь. Приезжий ленинградский студент Володя – вот кто оказался «принцем», всколыхнувшим душевное спокойствие девушки, да и она в свою очередь приглянулась парню. Прошел год, и вот уже Нана и Володя не представляют жизни друг без друга. Однажды Нана прямо заявила матери, что собирается выйти замуж. Вполне понятно, что такого рода заявления почти всегда приводят родителей в замешательство. В данном случае положение осложнялось еще и возрастом героини – ей пошел всего лишь шестнадцатый год, поэтому решение Наны, конечно же, не представлялось таким уже бесспорным.

Как видно, ситуация действительно требовала родительского участия, но участия тактичного, доброжелательного, а кому, как не матери, нужно было проявить максимум чуткости к своей дочери. Оказалось же, что мать Наны абсолютно не волнует возраст дочери, ей безразличны душевные метания своего ребенка, она обеспокоена и взбешена лишь неразборчивостью девушки: Володя, по ее понятиям, слишком захудалый жених.

Не брезгуя никакими средствами, она втаптывает в грязь светлые чувства двух юных сердец, надолго травмирует душу своей дочери.

И, видно, когда Нана находилась в состоянии глубокой депрессии, когда ею овладела полнейшая апатия к жизни, родители решительно организуют «счастье» своей дочери выдают ее замуж за преуспевающего колхозного кассира Мфилды.

Разумеется, такая перемена мест не могла принести Нане облегчения и радости, вывести ее из оцепенения.

Разбирая повесть «Ну, что ей стоит улыбнуться?!», критик Ш. Салакая, в частности, пишет: «Естественно, возникает вопрос: почему Нана не уходит из дома нелюбимого человека? Что ее удерживает в этом «холодильнике» [Салакая 1968: 132].

Откровенно говоря, нам не совсем ясно, почему у критика возникли такие вопросы, – ведь в повести мы встречаемся с Наной как раз в тот момент ее жизни, когда у нее созрело твердое решение покинуть опостылевший дом мужа. Об этом прямо сказано в дневнике героини: «Я

хочу дожидаться улыбки на лице несчастной женщины (свекрови. – Д. В.), а потом спокойно пойду своей дорогой. Надоело обманывать так называемого мужа, подысканного для меня матерью, отцом и братом. Надоело лгать окружающим! Да, я пойду учиться. Поднакоплю знаний и обязательно стану учительницей. Мое счастье теперь в этом, только в этом... И пускай я буду одна» [Чкадуа 1961: 119].

В связи с этим более правомерными представляются нам вопросы, обращенные не к героине, а к самому писателю, которому следовало бы не только сказать о принципиальном решении Наны, но, главное, более определенно показано, как она пришла к нему.

Правда, в повести весьма красочно обрисована обстановка мещанской разнузданности и самодовольства, царившая в доме Мфилды, и она не могла, конечно, не вызвать у романтической Наны отрицательной реакции. Но нам думается все же, что решающее воздействие оказал на героиню даже малозаметный, на первый взгляд, персонаж – ее свекровь, причем, воздействие не прямое, а косвенное. Эта больная, вконец измотанная жизнью женщина отнюдь не помышляла призывать невестку к непослушанию или протесту, а просто-напросто являла собой живой и нагляднейший пример того, в каком положении может оказаться человек, безропотно отдавшийся во власть мещанской стихии. В судьбе свекрови Нана видимо, и разглядела ожидавшее ее беспросветное будущее. Именно поэтому очень жаль, что Ш. Чкадуа дает лишь силуэт этой женщины, не раскрывая ее характера.

Как видно из дневника Наны, она, может быть, не сразу, но нашла в себе душевные силы, чтобы воспротивиться невежеству и уже готова взять ответственность за свою судьбу, в собственные руки. Писатель не показывает нам взрыва долготерпения Наны, не говорит о ее дальнейшей жизни, но оставляет читателя с твердой надеждой, что героиня его повести не только станет полезным обществу человеком, но и, преодолев свой временный скепсис, обязательно обретет личное счастье.

В повести «Ну, что ей стоит улыбнуться?!» повествование ведется от первого лица, и повествователь является одним из полноправных ее героев.

Именно он выражает авторскую позицию по отношению к другим персонажам. Позиция эта вполне определена – осуждение затхлого мирка таких людей, как родители Наны, как ее брат Партен, как Мфилды и его отец Мыдга, и сочувствие участи Наны.

Естественно, героя-рассказчика нельзя отождествлять с автором, он (рассказчик) – самостоятельный характер в повести. И ему, при всей его проницательности, порядочности, недостает тех же качеств, что и герою-рассказчику из рассказа А. Гогуа «Отчего растет трава», – он ро-

бок, нерешителен, он стушевывается под напором нахала Партена и его дружка и родственника Мфилды.

Данное произведение Ш. Чкадуа строится таким образом, что в повествование от первого лица вводится дневник Наны, из которого читатель, да и сам герой-рассказчик, узнают предысторию ее замужества.

Писатель конечно, волен использовать любой прием – лишь бы он способствовал лучшему выражению его замысла, но речь сейчас не об этом. Смущает другое – способ ввода в повествование дневника Наны.

В одном из своих рассказов – «Незатерянное письмо» – Ш. Чкадуа устами героя вроде бы солидаризируется с элементарной нормой этики – чужие письма вскрывать и читать, мягко говоря, нехорошо, и вместе с тем другому своему герою – из рассматриваемой повести «Ну, что ей стоит улыбнуться?» – он позволяет беспардонно перелистывать дневник малознакомой женщины, в то время как она занята гостями в соседней комнате (кстати, сама ситуация тоже явно надуманная).

В заключение позволим себе маленькое замечание в адрес критика М. Ласуриа. В его умной, обстоятельной статье о повестях Ш. Чкадуа много интересных наблюдений. Вместе с тем одно из них – попытка трактовать образ Мфилды в сопоставлении с гончаровским Обломовым — не может не вызвать возражения.

Конечно, подобную натяжку можно было оставить и без внимания, просто отнеся ее к разряду досадных недоразумений, если б критик не сделал банального вывода, что, мол, Мфилды всегда сопутствовали жизни абхазов, как Обломов русской жизни.

Спрашивается – а разве жизнь других народов была застрахована от засорения своими Мфилды – казнокрадами и невеждами? И при чем здесь Обломов? Приведа известные слова В. И. Ленина, – «Был такой тип русской жизни – Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени. Россия проделала три революции, а те же Обломы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел» [Ленин т.45: 13]. М. Ласуриа заявляет, что в этих словах говорится и об абхазском Мфилды, что Мфилды и Обломова, при всем различии этих типов, роднит неспособность освободиться от своих дурных привычек.

Разумеется, следуя такой логике, можно сопоставлять и сравнивать кого угодно и с кем угодно.

Вся эта путаница с образом Мфилды произошла у М. Ласуриа, видимо, потому, что он слишком увлекся рассуждениями о беспардонности и бесцеремонности данного персонажа, позабыв при этом, что в повести Ш. Чкадуа мы имеем дело не просто с человеком, обремененным дурными привычками, как Обломов, но с дельцом и казнокрадом, которому в отличие от Обломова уже не сможет помочь никакая, даже самая жестокая «обработка».

На последних страницах повести Джумы Ахуба (родился в 1937 г.) «Пролетающая птица» (1961–1962) происходит следующий диалог между Лагустаном – довольно высоким должностным лицом областного масштаба и его шофером:

« – Ну как, закончили читать письмо, что захватили с собой на дорогу?

– Его разве закончить так быстро, – не видишь какое оно?!

– А кто же это столько понаписал?

– Кому больше нечего делать. Кто написал? Женщина, конечно! Вместе учились...

А-а, понятно, понятно. Закончили учебу, жизнь развела в разные стороны, а теперь она вдруг почувствовала, что не может жить без Вас. Знакомая история¹».

К счастью для читателя, запоздалые догадки шофера не выражают сути данной повести, хотя ее содержание действительно заключено в нескольких письмах молодой женщины, адресованных давнему другу–однокурснику по культпросветучилищу.

Оставив на время самого адресата, посмотрим вначале, какие события в жизни Ларисы (так зовут героиню повести) обусловили потребность обратиться с исповедью к близкому другу.

Лариса – горожанка. Детство и юность достались ей трудными. Отца она фактически не помнит: его арестовали, когда она была еще малюткой, а мать, устав от долгого и беспросветного ожидания, вышла замуж за другого. Девочка отказывается войти в новую семью и остается жить в квартире отца. Днем работает, вечером учится.

Встретившись с сельским парнем Даутом, она выходит за него замуж и после окончания училища едет к нему в деревню. Естественно, Ларисе нелегко дается вживание в новую среду. Но она не ропщет, а проявляет максимум терпения и старания, чтобы постигнуть все тонкости сельского быта. Она покладиста и доброжелательна со стариками – родителями Даута, хотя они, в особенности свекровь, истово следят за соблюдением стародавнего этикета.

¹ Здесь и далее цит.кн.: Д. Ахуба. Ливень. Сухуми, 1964 (на абх.яз.).

Но жизнь деревни, как и города, сложна, здесь есть свои неписанные установления и правила, по которым что-то принято, а что-то непринято; здесь больше дают о себе знать разные предрассудки. Сторонний наблюдатель может, конечно, относиться к ним снисходительно, не придавать им никакого значения, но тот, кто сталкивается с ними повседневно не может не ощущать на себе порождаемых ими последствий.

Правда, многие, считая эти установления привычными и даже безусловными, притерлись к ним, приспособились, да и Лариса долгое время искренне старается, ради любви к Дауту и сохранения спокойствия в семье, обходить острые углы. Но все дело в том только, что приспособливаться она органически по натуре не способна.

Все, что Лариса делает, делает по совести, согласно с утвердившимися в ней моральными принципами. Но Ларису очень волнует, что многие ее дела и поступки, казалось бы, такие естественные с точки зрения здравого смысла подпадают вдруг под понятие «непринято».

Пошла работать заведующим клуба – родные мужа обиделись: мол, и года не прошло со дня замужества, люди скажут не смогли прокормить невестку; по-настоящему занялась культурно-просветительской деятельностью, пробудила у деревенской молодежи интерес к музыке, чтению, коллективному отдыху, наладила художественную самодеятельность – опять нашлись недовольные в лице председателя колхоза («Работать надо, а не песни распевать»), тех же родителей мужа и прочих досужих сплетников; золовка вышла замуж по любви, но вопреки воле родителей (зять из плохой семьи) – приписали дурному влиянию Ларисы; тяжело заболел ребенок, отвезла в районную больницу – совершила великий грех: нужно было, оказывается, дожидаться знахарки; поддержала сельского парня в его занятиях живописью – и по селу пошли пересуды, что «городская жена» Даута чуть ли не женщина легкого поведения.

Одним словом, постепенно жизнь Ларисы становится все невыносимее, но она не сдается и продолжает работать с сельской молодежью.

Делая доброе другим людям, утверждая себя в их глазах, Лариса утверждает и в глазах мужа, который чуть было не изменил своего отношения к ней под давлением родителей и влиянием местных сплетников.

Не в пример слюнтяю Шамилю из повести Ш. Чкадуа «Женщина легкого поведения», Даут находит в себе мужество, чтобы ради настоящей любви и справедливости порвать со своими родителями, всерьез вознамерившимися разлучить его с женой. Согласитесь, решиться на подобный шаг в наших абхазских условиях мог только духовно зрелый человек.

К большому и искреннему сожалению молодых людей, они только такой ценой смогли сохранить свою семью. И можно не сомневаться, что она, эта семья, стала уже по-настоящему крепкой и надежной составной частью всего большого здания нашего общества.

Таким образом, как в повести Ш. Чкадуа «Женщина легкого поведения», так и в повести Д. Ахуба «Пролетающая птица», авторы твердо настаивают на своем убеждении, что интимная сфера жизни неразрывно связана со всем целостным миром личности и что решение интимных проблем зависит прежде всего от социально-духовной зрелости героев.

Но нам необходимо еще рассмотреть вопрос – «а судьи кто?» – в повести Д. Ахуба, т. е. что же это за человек, которого Лариса так доверительно и откровенно посвящает во все свои сокровенные думы и переживания. Весь «фокус» писателя заключается в том, что в памяти героини Лагустан остался таким, каким он был в студенческие годы – способным, быть может, даже талантливым, а главное добрым, заботливым и преданным другом, но вот читатель на первых же страницах повести знакомится с совершенно иным человеком – типичным чинушей, ради карьеры предавшим все свои таланты. И в начальных и в финальных сценах произведения автор публицистически заостряет и укрупняет приметы цинизма, позерства, откровенного бездушия у этого персонажа. Приходится лишь сожалеть, что, так мастерски изобразив конечный результат – перерождение Лагустана, вырождение в нем человека, писатель оставил за пределами повести сам процесс этого перерождения.

Есть в повести еще один персонаж, так сказать, со специальными сюжетообразующими функциями – сельский парень, а ныне студент Леонтий, которого Лариса дружески опекает. Это он в течение долгого времени поддерживает иллюзии героини о добропорядочности ее старого друга, и с этой целью однажды даже прислал Ларисе поздравительную телеграмму якобы от имени Лагустана. А ведь Леонтий, вращаясь в городской среде, хорошо знал, что Лагустан давно уже не «тот». Можно, конечно, понять и объяснить благие побуждения юноши, но все равно они не делают ему чести, так как линия его поведения в данных конкретных обстоятельствах выглядит весьма сомнительной с точки зрения морали. Пожалуй, и самому писателю следовало бы найти способ, чтобы выразить свою позицию в отношении Леонтия, – иначе ведь создается впечатление, будто он солидарен с его поступками.

В 1963 году была напечатана повесть Алексея Джения «Цветы топтать нельзя». Что же это за цветы и кто собирался их топтать? «Цветы» в повести А. Джения – это трепетные чувства любви двух молодых людей – Адгура и Хиблы, а растоптать их вознамерился родной брат

девушки Сааид. Причина: Адгур, по меркам Сааида, не соответствовал «стандартам» стоящего жениха, т. е. происходил из бедной семьи. А для Сааида деньги, богатство – это цель и основа жизни.

Как видим, ситуация и конфликт в повести А. Джения – не новые для абхазской прозы тех лет. Несколько ранее такой конфликт уже встречался, например, в повести Ш. Чкадуа «Ну, что ей стоит улыбнуться?!», и это еще раз доказывает его существование в жизни.

Итак, в основу обеих повестей положен одинаковый жизненный конфликт, более того, Сааид – это прямой «родственник» Партена – старшего брата главной героини повести Ш. Чкадуа Наны, но вот что озадачивает: душевную драму Наны принимаешь близко к сердцу, искренне сопереживаешь с ней, а страдания Хиблы, как, впрочем, и Адгура не столько печалят, сколько раздражают, хотя в повести Джения предостаточно «трогательных» сцен.

Объясняется все это довольно-таки просто: у Ш. Чкадуа персонажи действуют согласно логике своего характера, обусловленной их социальной и национальной принадлежностью, тогда как в повести Джения они в основном заняли уготованные им автором места и выполняли заранее предусмотренную нагрузку и сюжетную функцию. В результате повесть Джения лишилась главного – правды человеческих отношений, или, как правильно заметил А. Аншба, в ней почти вовсе отсутствует мотивировка поведения действующих лиц [Аншба 1974: 236].

Обратимся, например, к ключевому эпизоду повести, в котором показан самый «злодейский» поступок Сааида. Он неожиданно узнает, что, несмотря на его категорический запрет, сестра твердо решила выйти замуж за Адгура и что его родственники уже подготовились и назначили день свадьбы. Сааид в ярости. Он обманывает Хиблу и увозит ее в дом Капитона – своего друга и сообщника по торговым махинациям.

Оценивая этот поступок Сааида, А. Аншба пишет: «Во-первых, трудно поверить, чтобы брат мог оставить родную сестру в гостях у совершенно чужих людей, не состоящих с ним ни в каком кровном родстве. Во-вторых, как могла Хибла так легко согласиться с решением брата и даже спокойно спать в чужом доме» [Там же: 237].

И, действительно, трудно поверить во все это, так как Сааид прекрасно знал, что оставить сестру у чужих людей – значит бросить тень на ее честь, дать повод для кривотолков. Не могла не знать этого и сама Хибла, да и отвоз ее брат не куда-нибудь на край света, а всего-навсего в село Абжакву, фактически пригород Сухуми. Прямо скажем, не очень далеко для девушки, которая уже год учится в Ростове-на-Дону.

При всем том возможность поступка Сааида хоть как-то обосновывается в повести: во-первых, он давно знаком с Капитоном и тот даже

гостил однажды у его родных, во-вторых, Сааид находился в состоянии крайнего раздражения и, предпринимая свою авантюру, не способен был задуматься о ее последствиях.

Но чему совершенно не веришь в повести и что совершенно в ней не мотивировано, так это предпринятая Капитоном попытка овладеть Хиблой, причем, в своем доме, в котором в то время находились его родители и сестра. Всякому ясно, что пойти на такое мог только законченный дегенерат, но ведь Капитон изображен в повести всего лишь как элементарный спекулянт – и не более.

Неудивительно поэтому, что последовавшие вслед за этой искусственно созданной в повести критической ситуацией «ужасные» картины – попытка Хиблы покончить с собой, ее мучения в больнице и дома, а также метания Адгура – теряют всякую силу эмоционального воздействия на читателя.

Если к этому добавить, что Адгур – этот здоровый, красивый трудоспособный и трудолюбивый, пользующийся уважением среди жителей родного села юноша, опять-таки искусственно наделен писателем комплексом неполноценности, то станет еще более очевидным, что А. Джения, генный конфликт к сожалению во многом «облегчил» его.

Литература

Аншба 1974: Аншба А.А. Проза // Очерки истории абхазской литературы, Сухуми, 1974, с. 236.

Ласуриа 1973: Ласуриа М.Т. Границы слова. Литературно-критические статьи. Сухуми, 1973 (на абх. яз.).

Ленин: Ленин В. И. Полное собрание сочинении. Т. 45.

Салакая 1968: Салакая Ш.Х. В ногу с жизнью // «Абхазская литература (краткий очерк). Сухуми, 1968.

Чкадуа 1961: Чкадуа Ш. «Белое и черное», Сухуми, 1961 (на абх. яз.).

Утверждено к печати Абхазским институтом гуманитарных
исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии

Научное издание

АБХАЗОВЕДЕНИЕ

Язык. Фольклор. Литература

Выпуск 3

Редактор: **Пачулия Л.С.**

Корректоры: **Клычева Л.З.,**

Аристава Р.К., Барцыц Н.С.

Компьютерный набор **Чамагуа Л.Р.**

Формат 70х100 1/16. Тираж 500. Физ. печ. лист 16,25.

Усл. печ. лист 21,125. Заказ № 271.

ГПП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.

